

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНЫ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ УКРАИНЫ

М.В. Скржинская

**Культурные традиции Эллады
в античных государствах
Северного Причерноморья**

Киев 2010

УДК 373.383=’02«3455»(477.7)

Скржинская М.В.

Культурные традиции Эллады в античных государствах Северного Причерноморья. – К.: Институт истории Украины НАН Украины, 2010. – 324 с. ISBN 978-966-02-5615-6

Книга посвящена исследованию мало изученных аспектов ежедневной, культурной и религиозной жизни населения античных государств Северного Причерноморья. Для освещения этой темы автор впервые привлекает несколько сотен памятников древнегреческого искусства, найденных при раскопках Боспора, Херсонеса, Ольвии и Тиры. В сочетании с известиями античных авторов и местными надписями эти источники дают возможность узнать о религиозных ритуалах, занимавших значительное место в жизни эллинов, об их отношении к женщинам, о фантастических существах, выступавших героями многих мифов и, по легендам, сопровождавших олимпийских богов, а также о другой разнообразной информации, которую привозные памятники монументального и прикладного искусства раскрывали жителям древнегреческих колоний в Северном Причерноморье.

Книга снабжена большим количеством иллюстраций, ее тематика входит в круг занятий историков, археологов, работников музеев, студентов гуманитарных факультетов и всех, кто интересуется прошлым нашей страны.

УТВЕРЖДЕНО К ПЕЧАТИ УЧЕНЫМ СОВЕТОМ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ УКРАИНЫ НАН УКРАИНЫ
(Протокол № 3 от 25 марта 2010 г.)

ISBN 978-966-02-5615-6

© М.В. Скржинская, 2010
© Институт истории Украины
НАН Украины, 2010

Оглавление

Введение	5
I. Религиозные ритуалы в повседневной и праздничной жизни .	7
Каталог изображений религиозных ритуалов	28
II. Женщины гражданки, гетеры, рабыни	30
1. Права и обязанности женщин из семей полноправных граждан	31
2. Рождение и воспитание детей	38
3. Участие в религиозных обрядах	41
4. Боспорские царицы	45
5. Выдающиеся женщины Херсонеса	60
6. Женщины из неполноправного населения	61
7. Внешний вид женщин	64
Заключение	68
Каталог изображений женщин	68
III. Реальные и вымышленные народы в мифологии и изобразительном искусстве	74
1. Скифы	74
2. Персы и фракийцы	78
3. Амазонки и аримаспы	78
4. Пигмеи	87
5. Египтяне и эфиопы	88
Заключение	95
Каталог изображений представителей разных народов	96
IV. Роль животных в культуре и религии	103
1. Домашние животные	103
2. Дикие животные	115
Заключение	139
Каталог изображений домашних животных	142
Каталог изображений диких животных	152

V. Фантастические существа	173
1. Спутники Диониса	173
2. Кентавры и другие мужские миксантропические существа	189
3. Женские миксантропические существа (сирены, сфинксы, горгоны, «прорастающая дева»)	194
4. Морские фантастические существа	206
5. Фантастические звери (грифоны, крылатые кони и др.) . . .	210
Заключение	223
Каталог изображений фантастических существ	227
VI. Изображения растений и их роль на памятниках искусства	250
Каталог изображений растений	261
Послесловие	269
Список литературы к каталогам	271
Список сокращений	281
Иллюстрации	283

Введение

В эпоху Великой греческой колонизации выходцы из Милета, привлекая граждан из других греческих полисов, вывели множество колоний на берега Черного моря; в их числе в конце VII–VI вв. до н. э. появились поселения в низовьях Днестра, Южного Буга и Днепра, а также на Крымском и Таманском полуостровах. Здесь в течение целого тысячелетия существовали античные государства Тира, Ольвия, Боспор и сформировавшийся несколько позже дорийский Херсонес; они ощущали себя частью эллинского мира, и всегда поддерживали тесные связи со своей метрополией и многими другими греческими государствами.

О контактах античных государств Северного Причерноморья с Элладой написано немало исследований, но в них мало уделено внимания памятникам искусства как источнику знаний относительно разных сторон жизни эллинов на северной окраине греческой ойкумены. Однако при весьма ограниченном количестве письменных свидетельств, произведения изобразительного искусства можно использовать как ценнейший исторический источник, раскрывающий мало изученные пласты духовной и повседневной жизни, культурные традиции, фольклор и верования людей античной эпохи. Подобно литературе, античное изобразительное искусство является формой коллективной памяти о разнообразных реальных и мифических событиях. Его можно рассмотреть как своего рода язык и изучать его произведения как тексты, составленные на этом языке.

Стоит напомнить также об одной специфической роли привозных произведений в отдаленных краях греческой ойкумены: для многих эти вещи служили источником знаний о разных сторонах жизни Афин и других крупных центров Эллады. Например, росписи многочисленных ваз и терракотовые статуэтки давали представление о знаменитых скульптурах и картинах, о последних модах одежды, украшений и причесок, об одеяниях и масках актеров трагедии и комедии, выступавших в лучших театрах Греции, и др. Жители северных греческих колоний узнавали, как выглядели известные по устным рассказам и литературе южные растения и животные, а герои мифов и легенд воплощались в определенные зрительные образы.

Предлагаемая книга состоит из шести очерков, раскрывающих мало изученные стороны повседневной, культурной и религиозной жизни в античных городах Северного Причерноморья. Основным источником для этих очерков послужили расписные вазы и фрески, ювелирные изделия

и терракоты, каменные скульптуры и рельефы, найденные на античных городищах, которые российские и украинские археологи раскапывают уже более ста пятидесяти лет. Для их интерпретации использованы сочинения древнегреческих писателей, лапидарные надписи и граффити. Каждый раздел книги снабжен каталогом рассмотренных автором памятников искусства. Конечно, в каталогах учтены не все материалы, находящиеся в разных музеях и фондах археологических институтов, но представительная подборка из нескольких сотен разнообразных произведений изобразительного искусства дает достаточно точное представление относительно каждой затронутой автором темы.

I. Религиозные ритуалы в повседневной и праздничной жизни

Отечественные и зарубежные ученые посвятили немало трудов религии эллинов, населявших северные берега Черного моря с конца VII в. до н. э. и до заката античности¹. Однако в этих работах уделено мало внимания исполнению религиозных ритуалов и их существенной роли в повседневной жизни. Ведь греки совершали культовые обряды в будние и праздничные дни, дома и у алтарей на специально отведенных для них освященных местах в городах и в их сельской округе, и таким образом они выражали свое благочестия. В этом заключается одно из кардинальных отличий человека в античности от наших современников, которые, исповедуя разные религии, обращаются к Богу преимущественно со словесной молитвой².

В античности религия и художественное творчество были неразрывно связаны, так как считалось, что от художественного качества обряда зависит настроение богов, незримо присутствующих на торжествах в их честь. Поэтому Фидий на фризе Парфенона поместил богов, благосклонно смотрящих на многолюдную процессию во время главного праздника, посвященного Афине, а Страбон писал, что музыка, сопровождающая религиозные шествия, вместе с плясками и пением приводит людей в соприкосновение с богами (Strab. X, 3, 9).

В тесно застроенных античных городах значительные пространства отводились для почитания богов. Достаточно напомнить большую площадь афинского Акрополя с его несколькими храмами. Так было и на северной окраине греческой ойкумены. В Ольвии хорошо исследованы фундаменты храмов и остатки алтарей на двух священных участках, называвшихся в древности теменосами³; Центральный занимал более 4000 м², а Западный 3500 м².

Каждый гражданин Тиры, Ольвии, Херсонеса и городов Боспорского царства исполнял множество разнообразных религиозных ритуалов. О них можно узнать, изучая найденные при раскопках надписи и другие археологические памятники, которые следует сопоставить с тем, что известно

¹ См. обширную библиографию в книге *Русяева А.С.* Религия понтийских эллинов античную эпоху. Киев, 2005.

² *Нильссон М.* Греческая народная религия. СПб., 1998. С. 100.

³ Ольвия. Теменос и агора. М., Л., 1964. С. 27-130; Древнейший теменос Ольвии Понтийской. Симферополь, 2006. С. 248, 249.

вообще об этой стороне религии и культуры древних греков. Ведь они считали, что хорошо организованный обряд богослужения является залогом доброго отношения бога к тем, кто совершил ритуал.

При основании нового поселения колонисты, определив его территорию, размежевывали земли для разных нужд и сразу же выделяли священные участки для проведения религиозных ритуалов. Первоначально там стояли только быстро сооруженные алтари, а позже на многих теменосах строили храмы, которые считались домом бога. В отличие от современных церквей, мечетей и синагог, куда люди приходят молиться и справлять религиозные праздники, все обряды в античности проходили не внутри храма, а на открытом воздухе у алтарей. Для почитания божества в ряде случаев сооружали только алтарь на священном участке.

Эллины совершали религиозные обряды в присутствии нескольких человек или на многолюдных торжествах. О последних наряду с надписями свидетельствуют остатки множества храмов и больших алтарей, около которых проводили государственные религиозные праздники, а о домашних ритуалах могут дать некоторое представление небольшие алтари и фигурки разных богов, найденные при раскопках городских и сельских домов во всех государствах Северного Причерноморья⁴.

Одни ритуалы исполняли только мужчины, другие только женщины, но были и такие, в которых принимали участие местные граждане, их жены и дети, приезжие граждане других греческих государств и даже представители свободного неполноправного населения, как это было на Панафинейх в Аттике. Иллюстрации некоторых ритуалов в честь разных божеств украшают скульптуры и вазы, привезенные в Северное Причерноморье, а также изделия местного производства. Сцены на импортных произведениях отражают знания и вкусы тех, кто их приобретал. Вероятно, часть этих вещей была сделана по заказу греков из колоний на северных берегах Понта Евксинского.

На кратере VI в. до н. э., найденном на о. Березань, изображено два вида процессий, сопровождавших религиозные празднества: на верхнем фризе показано шествие мужчин на конях и колесницах, а нижний пояс заполнен фигурами женщин, играющих на кифарах и ведущих хоровод (№ 1⁵; рис. 1). Исключительно женщины исполняли определенные ритуалы на дионисийском празднике Леней, который справляли в милетских

⁴ Зубарь В.М. Религиозное мировоззрение // Херсонес Таврический в третьей четверти VI – середине I вв. до н. э. Киев, 2005. С. 406-414; Русяева А.С. Домашні святилища і культу в античних містах Північного Причорномор'я // Археологія. 2001. № 2. С. 41-51.

⁵ Здесь и далее даны ссылки на номера каталогов, помещенных в конце каждого раздела.

колониях Северного Причерноморья в месяце Ленеоне. Иллюстрация этой части праздника украшает стамнос, вазу редкой формы, найденную в Пантикапее (№ 4); как видно по росписи, стамнос использовали именно для этого ритуала (рис. 2), так что этот аттический сосуд, наверное, специально привезли на Боспор для священнодействия в честь Диониса⁶.

В новой колонии сначала все делалось по образцу метрополии. Поэтому в Тире, Ольвии, Пантикапее и других городах Боспора следовали ионийским обычаям Милета, а в Херсонесе – дорийским обычаям Гераклеи Понтийской. В связи с этим стоит напомнить надпись, найденную на территории милетского храма Аполлона. В декрете, записанном на каменной плите, речь идет об исополитии (равных правах граждан) Милета и Ольвии; отправление религиозных обрядов стоит в ряду важнейших гражданских прав, таких как равные возможности занимать в обоих государствах различные должности, платить налоги или быть освобожденным от них, обращаться в суд и требовать достаточно скорого рассмотрения тяжбы. «Милетянин в городе Ольвии приносит жертвы, как ольвиополит, на тех же самых алтарях и имеет доступ в те же святилища на тех же основаниях, что и ольвиополиты... Он имеет право занимать почетные места, принимать участие в состязаниях, возносить молитвы в поминальные дни на тех же основаниях, как он делает это в Милете» (перевод С.А. Жебелева). Исополития Милета и Ольвии существовала со времени возникновения колонии; недаром Геродот (IV, 79) отметил, что ольвиополиты называли себя милетянами. В последней трети IV в. до н. э., когда был издан упомянутый декрет, это право было подтверждено новым правительством, ставшим во главе государства после окончательного освобождения Милета от власти персов.⁷

В надписи содержится редчайшее для Северного Причерноморья перечисление нескольких религиозных ритуалов: 1) жертвоприношения на алтарях, которыми могут пользоваться только граждане полиса, 2) посещение храмов, доступных только собственным гражданам, 3) возможность участвовать в состязаниях на торжествах, посвященных богам, 4) обычай во время религиозных празднеств предоставлять почетные места заслуженным членам своей общины, 5) возносить богам молитвы об умерших в определенные дни, вероятно, по милетскому обычаю. Примечательно, что большинство ритуалов имели общую основу при исполнении обрядов

⁶ Лосева Н.М. Аттический краснофигурный стамнос из Керчи // Сообщения Гос. Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. № 7. 1984. С. 125-132.

⁷ Жебелев С.А. Милет и Ольвия // Северное Причерноморье. М., Л., 1953. С. 38-47; Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса. М., 1989. С.169- 170.

разных культов, поэтому в рассмотренной надписи не названы определенные божества.

Любые более или менее крупные религиозные празднества начинались с торжественной процессии к алтарю чествуемого бога. Многие античные авторы упоминали о таких шествиях, называвшихся πομπή, а скульпторы и живописцы часто их изображали⁸. Павсаний (II, 35, 5) описал ежегодное шествие к храму Деметры в окрестностях города Гермियोны. Процессию возглавляли жрецы, за ними следовали высокие должностные лица, далее шли мужчины, женщины и дети в венках из цветов, а в конце вели жертвенную корову. Великолепная иллюстрация такого шествия в Афинах сохранилось на фризе Парфенона. Фидий и его помощники украсили западную сторону храма сценами подготовки панафинейской процессии; на северной и южной сторонах храма они показали само шествие, а на восточной представили его заключительный этап. На фризе размещено множество фигур мужчин и женщин, направляющихся на Акрополь в день рождения Афины; они ведут быков и овец для жертвоприношения богине города, девушки несут необходимые для ритуала предметы (разные сосуды, курильницы и др.) и новое роскошное одеяние для статуи богини, молодые люди на конях демонстрируют искусство верховой езды и управления колесницами⁹.

Уникальное свидетельство о подобных шествиях в Ольвии имеется на нескольких свинцовых пластинках с рельефами (рис. 3), которые изготовляли в местных мастерских в III в. до н. э., вероятно, для приношений в храмы (№ 20). Это были массовые изделия не высокого художественного достоинства. К настоящему времени известно десять таких рельефов разной степени сохранности¹⁰. На всех изображен алтарь, к которому подходит мужчина в короткой одежде, ведущий жертвенного быка. Иногда процессию возглавляет другой мужчина, а вслед за вожатым быка следуют женщины в длинных подпоясанных под грудь хитонах. На одной пластине уцелело уникальная для местного искусства фигурка женщины с гидрией (кувшином для воды), которую она придерживает на голове двумя руками (рис. 3, 5). Это известная по произведениям античных авторов гидрофора, участница многих религиозных церемоний, во время которых совершались очищения водой. Таким образом, мы имеем свидетельство об этом обычае в Ольвии и о том, что женщины наряду с мужчинами участвовали в праздничных шествиях. О том же свидетельствует аттическая

⁸ Bömer F. *Pompa* // RE. Hlbband 42. 1952. S. 1913-1974.

⁹ Маринович Л.П., Кошеленко Г.А. Судьба Парфенона. М., 2000. С. 144-154. Рис. 44-50.

¹⁰ Зайцева К.И. Свинцовые изделия 4-2 вв. до н. э. местного производства из Ольвии // Эллинистические штудии в Эрмитаже. СПб., 2004. С. 121- 125.

терракотовая статуэтка гидрофоры их святилища Деметры в Нимфее (№11). К этому надо добавить, что в ольвийских ритуалах, посвященных Артемиде и Кибеле, заметную роль играли женщины жрицы, о которых говорится в нескольких надписях (IOSPE I². 190, 192, 237). Безусловно, боспорские жрицы этих богинь (КБН. ба, 21) также занимали почетное место в торжественных шествиях в Пантикапее и других античных городах на Керченском и Таманском полуостровах.

В VI в. до н. э. из Клазомен в Борисфен (совр. о. Березань) привезли большой великолепно расписанный кратер (№ 1), который использовался, скорее всего, для религиозных церемоний. Ваза была покрыта несколькими поясами различных изображений, уцелевших лишь частично. На одном поясе нарисовано шествие всадников и колесниц, а на другом женщины в нарядных одеяниях идут в хороводе, взявшись за руки, их танцу, вероятно, сопровождавшемуся пением, аккомпанируют кифаристки. (рис. 1). Роспись кратера иллюстрирует два вида религиозных шествий: мужчины на верхнем фризе движутся по прямой линии, а женщины идут хороводом по кругу. Другой хоровод женщин, обходящих по кругу алтарь под аккомпанемент кифары и аулоса, представлен на крышке краснофигурной аттической леканы (№ 5), принадлежавшей жительнице Пантикапея в V в. до н. э. (рис. 4). Рельеф на круглом мраморном алтаре из Пантикапея представляет череду женщин, закутанных в большие плащи (№ 10), они мерно идут вправо в направлении движения солнца (рис. 5). Вероятно, алтарь, сделанный в V в. до н. э. хорошим скульптором, принадлежал святилищу Деметры, и на нем изображено шествие в ее честь¹¹.

Один из религиозных ритуалов состоял в том, что следовало кругом обойти алтарь, храм, статую и другие сакральные объекты. Дома ходили вокруг очага, который греки посвящали богине Гестии; такие сакральные обходы совершали во время свадьбы, празднования рождения ребенка и на других семейных религиозных церемониях. Движение круговой процессии обычно шло по часовой стрелке, согласно ежедневному движению солнца с востока на запад. В таком направлении идут женщины на упомянутых кратере из Борисфена, на крышке леканы и на мраморном алтаре из Пантикапея (рис. 1, 4, 5).

Круговые обходы в обратную сторону двигались при поклонении подземным богам и при других церемониях, связанных с миром мертвых. Например, описанные Гомером скачки на лошадях во время игр у могилы Патрокла происходили против движения солнца (Hom. II. 334-340). Атлетические и конные состязания в античности первоначально входили в сос-

¹¹ Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М., Л., 1949 С. 158.

тав поминальных ритуалов, затем они стали частью многих праздников. Однако направление движения участников соревнований на античных стадионах не изменялось и сохранилось таким вплоть до настоящего времени¹². Значит, так на празднике Гермеса в Гермонассе бегуны преодолевали различные дистанции (КБН. 1137), состязались в беге ольвиополиты и херсонеситы (IOSPE I². 130, 155, 186, 434, 435, 685; НЭПХ. 20), скакали всадники и неслись колесницы на играх в честь Ахилла на Гендровской косе (IOSPE I². 34).

В связи с этим следует напомнить, что у эллинов, как и у многих других индоевропейских народов, весь мир делился на правую мужскую благую и священную часть и на левую женскую зловещую и темную¹³. Об этом говорится в текстах древних авторов, например, в «Метафизике» Аристотеля (I, 986a, 24). Безусловно, греки в Северном Причерноморье имели подобные представления, и они отражались в местных религиозных ритуалах.

В отличие от круговой, линейная процессия, называемая πομπή, могла направляться в любую сторону; поэтому на ольвийских вотивных рельефах шествие с жертвенным быком подходит к алтарю и справа и слева (рис. 3). Вероятно, такие процессии проходили по широкой главной улице, соединявшей Центральный и Западный теменосы Ольвии. О линейных шествиях в Северном Причерноморье известно также из письменных и эпиграфических источников.

В первой трети V в. до н. э. скифский царь Скил принял участие в проходившем по улицам Ольвии шествии поклонников Диониса, приводивших себя в вакхическое исступление (Her. IV, 79). Праздники Диониса справляли во всех греческих государствах, так что подобные процессии можно было наблюдать также в Тире, Херсонесе и городах Боспора. Участники празднеств пили вино, дар Диониса, многие впадали в экстаз и громко восклицали εὐαῖ (Eug. Vasch. 68, 148). О том, что эти возгласы звучали и в Северном Причерноморье, свидетельствуют два граффити на зеркале из Ольвии и на стенке сосуда из Феодосии¹⁴.

Πομπή названа в двух херсонесских надписях, исполненных на каменных стелах во второй половине II в. до н. э. В первом плохо сохранившемся тексте речь шла о празднике Гермеса и об участии в процессии эфэбов,

¹² Подосинов А.В. К вопросу о направлении кругового движения в древнегреческих процессиях // Сборник научных трудов СТЕΦΑΝΟΣ. М., 2005. С. 323-325.

¹³ Там же. С. 321.

¹⁴ Скржинская М.В. Древнегреческие праздники в Элладе и в Северном Причерноморье. Киев, 2009. С.126-139.

молодых граждан, проходивших военную службу¹⁵. В почетном декрете в честь Диофанта, победившего скифов, сказано о награждении полководца золотым венком и решении поставить его статую, а также о провозглашении этого постановления на празднике Партений во время торжественного шествия (IOSPE I². 352). Партении были главным государственным праздником Херсонеса, он посвящался Артемиде Деве (Партенос), возглавлявшей пантеон государства.

В греческих демократических полисах церемония награждения золотым венком лиц, оказавших существенные услуги государству, составляла часть самых многолюдных религиозных праздников. Из надписей Тиры, Ольвии и Херсонеса известно о венчании венком на Дионисиях и других торжествах; на Боспоре такие надписи отсутствуют, потому что при правлении царей подобные церемонии не проводились¹⁶.

Участники религиозных процессий надевали свои лучшие наряды и часто несли в руках священные растения, как это изображено на клазоменской вазе из Пантикапея (№ 2). После прибытия шествия к алтарю там совершалось жертвоприношение и звучали песнопения, прославлявшие бога, в честь которого совершалось празднество. Все культовые песни греки называли гимнами. В древности они имели разные наименования в зависимости от состава хора, который бывал мужским, женским и детским, либо от того, какому божеству было обращено песнопение. Девичьи хоры назывались партениями, гимны Аполлону – пеанами, Дионису – дифирамбами, а песнь, прославляющая победителя на Олимпиаде или других общегреческих играх именовалась эпиникием. Любой гимн состоял из трех частей; сначала призывали бога, затем о нем излагался какой-нибудь миф, а в заключении обращались с просьбой к богу о помощи. Хор пел в унисон, а ритм музыки задавался размером стихов.

Конечно, в Северном Причерноморье греки пели гимны богам на протяжении всей античности, но свидетельства об этом имеются лишь для первых веков нашей эры. В двух надписях сохранилось по несколько строк гимнов, написанных местными поэтами. Первый в честь Гермеса исполняли в Херсонесе (IOSPE I². 436), второй, прославлявший Ахилла, звучал

¹⁵ Соломоник Э.И. Греческие надписи Херсонеса (находки последних лет) // ВДИ. 1996. № 4. С.44; Makarov I.A. From the History of Religious Cults in Tauric Chersonesus // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. An International Journal of Comparative Studies in History and Archaeology. 2002. V. 8. 3-4. P. 189-190.

¹⁶ Скржинская М.В. Указ соч. С. 222-229.

в Борисфене¹⁷. В одной надписи отмечено состязание хоров на музыкальной части праздника в Херсонесе (НЭПХ. 127).

Возможно, для особо торжественных случаев в Северном Причерноморье, как и в других областях Эллады и в ее колониях, греки заказывали написание гимна прославленным поэтам. В архаический и классический периоды античной истории поэты были одновременно и композиторами, они писали партии для голоса и для сопровождавшего пение аккомпанемента на струнных и духовых инструментах. Сейчас нам известны лишь тексты, например, партении Алкмана, стихи разнообразных видов песнопений, сочиненные Пиндаром и Вакхилидом для исполнения в Афинах, Коринфе, Фивах, Сиракузах, Акраганте и других городах.

В отличие от хоровых песнопений, так называемые рапсодические гимны пел один человек. Написанные гексаметром они звучали не только во время религиозных ритуалов; рапсоды участвовали в музыкальных состязаниях, их приглашали на пиры для развлечения гостей. В древности был составлен сборник текстов трех десятков рапсодических гимнов, их авторство приписали Гомеру, хотя, как доказали современные филологи, все эти произведения сочинены позже времени создания «Илиады» и «Одиссеи» и при том в разные века¹⁸.

Наряду с пением в честь богов исполнялись культовые пляски. Художники и скульпторы часто изображали танцы на дионисийских праздниках, которые справляли практически в каждом греческом государстве, в том числе и в городах Северного Причерноморья¹⁹. В ритуальных танцах свиты Диониса участвовали мужчины и женщины, отождествлявшие себя с сатирами и менадами, мифическими спутниками бога (рис. 28). Изучение памятников искусства приводит к выводу, что вакхические пляски сопровождалась прыжками и крутыми поворотами, а резкие движения головой могли вызывать головокружение, способствовавшее вхождению вакхантов в транс; эти движения можно проследить на многих аттических вазах, привезенных на Боспор в IV в. до н. э.²⁰

Среди множества изображений танцев на предметах прикладного искусства из Северного Причерноморья можно выделить две культовых

¹⁷ Шеллов-Коведяев Ф.В. Березанский гимн острову и Ахиллу // ВДИ. 1990. № 3. С. 49-62.

¹⁸ Широко известен русский перевод этих гимнов, сделанный В.В. Вересаевым. См. Эллинские поэты. М., 1963. С. 39-140, а также различные хрестоматии по античной литературе. Новый перевод и обширный комментарий ко всем «гомеровским» гимнам см. в кн. Рабинович Е.Г. Мифотворчество классической древности. СПб., 2007.

¹⁹ Скржинская М.В. Указ соч. С. 126- 139.

²⁰ Вдовиченко И.И. Культовые танцы в изображениях на вазах «керченского стиля» // Боспорские исследования. Вып 2. Симферополь, 2002. С. 20, 21.

пляски окласма и калатиск. Первая сопровождала дионисийские празднества, а вторая посвящалась богиням плодородия Деметре и Артемиде²¹. Калатиск, как видно по его названию, танцевали с корзинами (κάλαθος), наполненными злаками, овощами и фруктами, которые приносили в дар богиням. Возможно, похожие по форме на корзину калафы, высокие головные уборы на головах танцовщиц, символизировали эти традиционные подношения божествам.

Оба танца запечатлены на золотых бляшках последней трети IV в. до н. э. из кургана Большая Близница на Тамани (рис. 6). Исполняя калатиск, девушка в калафе и коротком хитоне двигалась на носках, придерживая руками полы развевающейся одежды, а танцуя окласму, женщина в быстром движении смыкала руки над головой (№ 14). В подобном движении представлены фигурки на перстне из Павловского кургана близ Пантикапея (№ 15). Однако, чаще всего невозможно определить, какому божеству посвящен танец, изображенный на вазах и терракотах

Начиная с V в. до н. э. танцовщицы стали излюбленными персонажами греческой коропластики. В Северном Причерноморье найдено немало подобных привозных и местных терракот²². Большинство танцовщиц в длинных одеждах, а покрывало порой закрывает даже голову и руки, иногда играющая на лице улыбка отражает радость танца. Терракотовые статуэтки передают то плавно скользящие движения, то быстрые повороты, от которых широко развевается одежда. Как и на вазах, некоторые танцоры представлены около алтарей, что указывает на культовый характер пляски; такова одна фанагорийская терракота, изготовленная из местной глины (№ 8).

Связь богов с людьми в представлении многих древних народов осуществлялась через жертву и приношение даров. Основные моменты важнейшего для эллинов обряда жертвоприношения, совершавшегося на алтаре, почти не изменялись на протяжении всей античности²³. Принимая дары и жертвы, боги, по верованиям греков и римлян, простирали покровительство на своих поклонников и зачастую исполняли их просьбы. Частные жертвоприношения совершались по случаю домашних праздников, например, рождения ребенка или свадьбы, а также для того, чтобы очиститься от какого-либо греха, чтобы умиловить либо поблагодарить то или иное

²¹ *Шауб Ю.И.* Культурные танцы на Боспоре // Тезисы докладов Крымской научной конференции «Проблемы античной культуры». Симферополь, 1988. С.225, 226; *Вдовиченко И.И.* Культурные танцы в изображениях на вазах «керченского стиля» // Боспорские исследования. Вып. 2. Симферополь, 2002. С. 21, 22.

²² *Кобылина М.М.* Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М., 1961. С.69.

²³ *Burkert W.* Greek Religion Archaic and Classical. Oxford, 1985. P. 55-57.

божество. После жертвоприношения устраивали праздничный обед для родственников или для друзей (Хер. Мем. II, 3, 11). Общественные жертвоприношения сопровождали государственные праздники и обращения к богам о благе государства.

Археологи открыли множество алтарей, немых свидетелей обрядов жертвоприношения; самый знаменитый из них огромный мраморный алтарь найден на месте античного малоазийского города Пергама; он сооружен в начале II в. до н. э. для праздника в честь Афины Никефории (приносящей победу) и украшен сценами борьбы богов и гигантов. В греческих городах на северных берегах Понта Евксинского алтари появились в VI в. до н. э., то есть вскоре после основания колоний, и по своему виду они не отличались от подобных сооружений в Элладе²⁴.

На больших главных алтарях в каждом греческом городе совершались жертвоприношения во время государственных праздников²⁵. К настоящему времени в Северном Причерноморье лучше всего сохранились два подобных алтаря в Херсонесе и в Ольвии. Херсонеситы приносили жертвы главной богине города Артемиде с эпиклезой Дева на облицованном мрамором алтаре, сооруженном в IV в. до н. э. (рис. 7)²⁶. Алтарь на Центральном теменосе Ольвии появился уже в VI в. до н. э., в следующем столетии там поставили каменный алтарь несколько больших размеров, а цоколь прежнего использовали в качестве площадки, на которой стоял жрец во время жертвоприношения²⁷. Сложенный из прекрасно обработанных известняковых плит этот алтарь почти полностью сохранился до наших дней (рис. 8), так как в III в. до н. э. его засыпали слоем земли, на котором возвели новый, отделанный мрамором. Вероятно, он был самым красивым сооружением такого рода за всю историю Ольвии, но от него уцелели лишь мелкие мраморные обломки с резным, тонко выполненным орнаментом²⁸. На Западном теменосе открыты разнообразные алтари меньших размеров²⁹.

²⁴ Масленников А.Н. Традиционные алтари с памятников хоры европейского Боспора // Древности Боспора. М., 2002. Вып. 5. С. 171.

²⁵ К. Явис, рассмотревший все типы греческих алтарей, назвал подобные алтари церемониальными. *Yavis C.G. Greek Altars. Origins and Typology. Saint Louis, Missouri, 1949. P. 55, 96.*

²⁶ Пичикян И.Р. Культовая античная архитектура европейского и азиатского Боспора // Античная культура Северного Причерноморья. Киев, 1984. С. 93; Русяева А.С. Исследования Западного теменоса Ольвии // ВДИ. 1991. С. 131-132.

²⁷ Карасев А.Н. Монументальные памятники теменоса // Ольвия. Теменос и агора. М., Л., 1964. С. 73-112.

²⁸ Леви Е.И. Ольвия. Город эпохи эллинизма. Л., 1985. С.81.

²⁹ Русяева А.С. Исследования Западного теменоса Ольвии // ВДИ. 1991. № 4. С.132.

Хорошее представление о декоре ольвийских алтарей можно составить по их изображениям на рельефных свинцовых пластинках (рис. 3). Эти прямоугольные алтари на двухступенчатой основе имеют прямые аналогии с известняковыми алтарями, обнаруженными на Западном теменосе, но украшений на них не уцелело. На одном рельефе алтарь увенчан акротериями, а стенки всех алтарей украшены гирляндами из листьев. Такие гирлянды делали из живых растений или изображали рельефом на мраморе или известняке (рис. 7, 10). Похожие алтари эллинистического времени найдены в Херсонесе³⁰.

У подобных алтарей в Ольвии совершали жертвоприношения в III в. до н. э., о чем свидетельствует рельеф на стеле ситонов (№ 17). Коллегия ситонов обеспечивала граждан хлебом в неурожайный год. Успешно выполнив свои обязанности, ольвийские ситоны, как было принято, поблагодарили своего божественного покровителя, посвятив ему небольшой мраморный рельеф с надписью: «Бывшие ситонами Феокл, сын Фрасидама, Деметрий, сын Фокрита, Афней, сын Конона, Навтим, сын Героксена, при секретаре Афенодоре (это) изображение Герою Внемлющему (посвятили)». Все они изображены стоящими у алтаря, украшенного розеткой и гирляндой, а рядом с ними представлены пирующий на ложе Бог и сидящая Богиня. Перед алтарем изображен мужчина в короткой одежде; он готовится принести в жертву барана (рис. 9). По этому сюжету можно заключить, что ситоны не только посвятили стелу Герою Внемлющему, но и совершили ему благодарственное жертвоприношение.

Среди археологических материалов встречаются миниатюрные алтарики, называемые в научной литературе арулами³¹. По образцам крупных алтарей арулы делали из глины, известняка и мрамора; места их находок показывают, что такие алтарики ставили в ниши стен частных домов, а также посвящали в святилища богов, о чем свидетельствуют их наличие среди находок на Центральном теменосе Ольвии. Подобные приношения наряду с местными жителями делали и приезжие. Надпись IV в. до н. э. на небольшом каменном алтарике из Гермонассы гласит, что гражданин Гераклеи принес его в дар Афродите³².

Лучшие образцы арул из Северного Причерноморья украшены рельефами; таковы, привозной мраморный алтарик (№ 21; рис. 10) и местные терракотовые из Ольвии и Мирмекия³³, сходные находки известны

³⁰ Античная скульптура Херсонеса. Киев, 1976. № 532- 534.

³¹ *Yavis C.G.* Op. cit. P. 171.

³² *Финогорова С.И.* Исследования Гермонассы // АО 2000 г. М., 2001. С. 143.

³³ *Леви Е.И.* Терракоты Ольвии // ТС. 1970. С. 46. № 39; *Денисова В.И.* Коропластика Боспора.Л., 1981. С. 58.

в Херсонесе и на Боспоре³⁴. В эллинистический период получили широкое распространение терракотовые арулы по форме, близкие к кубу с рельефами на четырех стенках. Например на алтарике из Мирмекия на одной стороне изображен Посейдон с трезубцем и Амимона, на другой – девушка, увенчивающая трофеей, на третьей Дионис, Ариадна и сатир, на четвертой Лето и сидящий на скале ее сын Аполлон, играющий на лире. Эти и иные мифологические сцены украшают арулы из Северного Причерноморья, Афин, Делоса и других регионов античного мира³⁵. Человек, приобретающий такую арулу для домашних ритуалов или для посвящения в храм, выбирал сюжет на рельефах в соответствии с тем, какое божество он желал почтить.

О ритуале воскурения на таких арулах в Северном Причерноморье свидетельствуют следы горения на двух терракотовых алтариках, найденных на азиатской части Боспора³⁶. На арулу клали несколько горящих угольков и немного ароматической смолы или иного благовония; кроме того приношением на такой алтарик могли быть крупы соли, зерна злаков, капли вина, молока или оливкового масла.

Эллины совершали приношения богам двух видов. Жертвы, предназначенные для временного наслаждения божества, состояли из разных напитков, мяса, плодов, специально приготовленных блюд и печений. Вклады же, остававшиеся в святилище в качестве его собственности, служили для надобностей культа (например, сосуды для возлияний) и для украшения храма. К последним относились статуи, рельефы, треножки, венки, парадное оружие и др.

Мы располагаем некоторыми сведениями о том, что греки Северного Причерноморья приносили в дар богам для украшения храмов и для ритуальных церемоний. Остатки этих предметов найдены на обоих теменосах Ольвии; больше всего там было терракотовых статуэток и керамических сосудов, на многих начертано граффито с посвящением богу (рис. 11, 12), а иногда также имя дарителя. Самые ранние подобные надписи относятся к архаическому периоду. Например, на чернофигурном кратере, расписанном в середине VI в. до н. э. известным афинским мастером Лидосом, сохранились прочерченные острем слова посвящения Матери богов от Артемиды, дочери Гипасия, а на украшенном изображениями животных

³⁴ ОАК 1908. С. 75. Рис. 49-53; Белов Г.Д. Терракоты Херсонеса // ТС.1970. С.74-75. Бабинов Ю.А. Эллинистические домашние алтари // Херсонес Таврический. Ремесло и культура. Киев, 1974. С.19-25; Сокольский Н.И. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М., 1976. С. 94. Рис. 57, 8-9.

³⁵ Денисова В.И. Указ соч. С. 57-58, прим. 15, 16.

³⁶ Сокольский Н.И. Указ. соч. С. 94.

чернофигурном килике можно прочесть посвящение Аполлону Дельфинию от Тихона³⁷. В конце VI в. до н. э. ольвиополиты подносили Зевсу и Афине мраморные блюда и краснофигурные килики, расписанные лучшими афинскими мастерами. Эти килики, вероятно, специально приобрели для пожертвования в храм, поскольку в то время посуда с недавно появившейся краснофигурной росписью еще не использовалась в повседневной жизни³⁸. Среди приношений встречались и очень скромные, например, чернолаковая солонка с надписью «Зевсу»³⁹. Образцы сосудов с посвятельными граффити известны по раскопкам многих других городов и поселений Северного Причерноморья⁴⁰.

На праздничных церемониях употреблялись подаренные божеству сосуды, среди них выделялись очень дорогие из золота, серебра и бронзы. О таких сосудах на праздниках в Северном Причерноморье известно из декрета Протогена: ольвиополиты отдали их в заклад, когда во второй половине III в. до н. э. государство испытывало серьезные финансовые трудности; Протоген выкупил дорогие священные сосуды за 100 золотых и, вероятно, спас их от переплавки, потому что ростовщик уже собирался отдать их ювелиру (IOSPE I². 32).

По греческому обычаю, храмы в Северном Причерноморье украшали венками и гирляндами из живых цветов и ветвей, а также из драгоценных металлов. В надписи III в. до н. э. говорится о таком венке ценой 5 золотых в ольвийском храме Афродиты (НО. 68). Было принято посвящать лавровые венки Аполлону, Зевсу – дубовые, Дионису – плющевые и виноградные, Афине – оливковые, Деметре – венки из злаков. Не все эти растения имелись в Северном Причерноморье. Здесь греки сумели акклиматизировать виноград, но их усилия выращивать лавр и мирт, хотя бы в небольшом количестве для религиозных церемоний на праздниках, не увенчались успехом (Theophr. Hist. Plant. IV, 5, 3). Вероятно, на главные праздники в период судоходства привозили необходимые растения из более южных государств; к этой мысли склоняет рисунок на одной боспорской фреске с изображением пальмовых ветвей в руках двух человек, стоящих у алтаря⁴¹.

³⁷ *Леви Е.И.* Указ. соч. С.68. Рис.49.3; *Русяева А.С., Диатроптов П.Д.* Новый кратер Лідоса з Ольвії // *Археологія.* 1994. № 2. С.143-144.

³⁸ *Горбунова К.С.* Краснофигурные килики из раскопок Ольвийского теменоса // *Ольвия. Теменос и агора.* М.; Л., 1964. С.175-187.

³⁹ *Толстой И.И.* Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.;Л., 1953. № 21.

⁴⁰ Там же. № 18-58, 76-79, 84-94, 110-141, 163-237, 251-254.

⁴¹ *Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914. Табл. 55, 2.

Воскурение и принесение в жертву животных, разнообразной еды и питья отвечало представлениям греков о том, что боги питаются ароматом сжигаемого мяса, испарениями жидкостей, которыми совершаются возлияния, и вдыхают запах курений из мирра, ладана и других ароматических веществ. Возлияние могло быть самостоятельным актом, но обычно оно сопровождало жертвоприношение. Возлияния чаще всего делали чистым вином, не смешанным с водой, кроме того в определенных случаях использовали молоко, воду, мед и различные их смеси. На ольвийской стеле римского времени прочерчена фигура молодого человека около алтаря (№ 25), в одной руке он держит ветвь (по-видимому, пальмовую), а в другой – сосуд для возлияний (рис. 13).

Воскурения всевозможными ароматическими веществами, по мнению греков, доставляли удовольствие и богам, и людям, в то же время благовонный дым заглушал неприятные запахи от горения шерсти и костей жертвенных животных. Для этого ритуала использовали душистые травы, листья и шишки, а при более дорогих обрядах, особенно на главных праздниках, употребляли смолы и камеди, привезенные из Южной Аравии, Северной Африки и даже из Индии. Античные авторы упоминают о курении преимущественно ладаном, а также нардом, корицей, миррой, шафраном и некоторыми другими веществами. Об использовании привозных благовоний в Северном Причерноморье свидетельствует надпись из Фанагории, в которой говорится о воскурении ладана перед жертвоприношением (КБН. 1005). Как и прочие ароматические вещества, ладан нагревали на тлеющих углях или раскаленных камешках, положенных на треножник или на алтарь, либо в курильницы-фимиатерии, сделанные из металла или керамики.

В Северном Причерноморье найдено немало местных и привозных курильниц; их употребляли во время домашних и общественных жертвоприношений, о чем свидетельствуют места их находок⁴². Среди наиболее древних экземпляров назовем обнаруженные на Центральном теменосе Ольвии расписную и серолощеную курильницы третьей четверти VI в. до н. э.⁴³ Ольвийские эллинистические курильницы местного производства распи-

⁴² Зайцева К.И. Местная керамика Ольвии эллинистического времени (курильницы и амфоры) // ТГЭ. 1962. №3. С. 184-190; Марченко И.Д. Новые данные об античном святилище близ Фанагории // Сборник статей «50 лет ГМИИ им. А.С. Пушкина». М., 1962. С. 22-28; Сокольский Н.И. Указ. соч. С. 94. Рис. 56, 57; Рубан В.В. Раннеэллинистические фимиатерии из Нижнего Побужья // Новые археологические исследования на Одессщине. Киев, 1984. С. 108-110.

⁴³ Леви Е.И. Архаическая керамика из раскопок ольвийской агоры // КСИА. 1972. №130. С. 47; Она же. Раскопки ольвийской агоры и теменоса // КСИА. 1978. № 156. С. 42-43.

сывали разноцветными орнаментами и гирляндами из ветвей и листьев⁴⁴. Один их лучших образцов подобных изделий боспорского производства принадлежит мастеру I в. до н. э. Он сделал из глины курильницу в виде головы жертвенного быка (№ 23), украшенного гирляндами, а между рогами поместил конусовидный сосуд для воскурения благовоний (рис. 14).

С аналогичными целями греки использовали также чаши на высокой ножке; их много найдено в Северном Причерноморье⁴⁵. В таких чашах и курильницах также жгли серу, дым от нее сопровождал обряд очищения. Кусочки серы, часто встречающиеся в слоях античных поселений, указывают на совершение подобного ритуала.

Акт смешения вина с водой или с медом составлял часть церемонии жертвоприношения (Plato. Phileb. 61b). Часто после молитвы богам жрецы и другие участники жертвоприношения пили вино или смеси с ним. Две боспорских надписи косвенно подтверждают этот обычай. Моряки, прибывшие в Нимфей из Египта в III в. до н. э., оставили граффито с упоминанием о подарке в святилище Афродиты вина и масла⁴⁶. В надписи римского времени из Фанагории говорится о том, сколько требуется смеси вина с медом и количества масла для светильников при совершении обрядов в честь богини, имя которой не уцелело на сохранившемся фрагменте мраморной плиты (КБН. 1005).

Среди бескровных жертв особенно распространенными были приношения первых созревших злаков и плодов, а также всевозможных печений. Павсаний (V, 15, 10) описал один вид такого жертвоприношения, существовавшего, по его словам, с давних пор: на алтаре сжигали смесь пшеницы, меда и ладана.

Жертвенными животными чаще всего становились быки и коровы, овцы и бараны, козлы и козы, свиньи и петухи Их кости во множестве находят при раскопках священных участков в античных городах Северного Причерноморья; там же в незначительных количествах обнаружены и кости диких животных, волков, оленей зайцев, кабанов и лисиц⁴⁷. Иллюстрации обряда жертвоприношения животных имеются на памятниках искусства из Северного Причерноморья. Быки у алтаря изображены на вазах, найденных на Боспоре (рис. 15, 16), и на ольвийских вотивных свинцовых пластинках (рис. 3). Две терракоты из Ольвии представляют приготовлен-

⁴⁴ Зайцева К.И. Указ. соч. С. 186, 192.

⁴⁵ Зайцева К.И. Культовые чаши V–I вв. до н. э. из Северного Причерноморья // Труды Гос. Эрмитажа. № 28. 1997. С. 38–53.

⁴⁶ Яйленко В.П. Женщины, Афродита и жрица Спартокидов в новых боспорских надписях // Женщина в античном мире. М., 1995. С. 267.

⁴⁷ Древнейший теменос ... С. 233.

ных для жертвоприношения овцу и петуха со связанными ногами (№ 9, 19), а жертвенный баран стоит у алтаря на рельефе стелы ситонов (№ 17; рис. 9). Жертвоприношение кабана представлено на мраморном рельефе из Ольвии (№ 18).

Для приношения небесным богам брали животных со светлой шерстью, а для подземных богов с темной, обязательно здоровых, без телесных недостатков. Самцов обычно жертвовали мужским, а самок – женским божествам⁴⁸. Часть мяса и внутренностей животного обертывали жиром и сжигали на жертвеннике, поливая его маслом и воскуря благовония. Оставшиеся части туши разделялись между жрецами и участниками жертвоприношения. В надписи из Фанагории говорится, что жрец получает язык и шкуру (КБН. 1005). Деметре обычно приносили в жертву свинью, Дионису – козла, Посейдону – лошадь, Асклепию – петуха. Самой же богатой жертвой было заклание одного или нескольких быков; такая жертва считалась угодной большинству богов (Ном. II. I, 315; VI, 115). Античные авторы неоднократно упоминают гекатомбу, то есть пожертвование сотни животных. Такое число жертв бывало чрезвычайно редко и только на очень крупных празднествах, а гекатомбой называли большое торжественное жертвоприношение нескольких животных.

Совместная трапеза участников религиозного праздника входила в обязательный ритуал, во время которого ели пищу, приготовленную из туш жертвенных животных. Считалось, что боги незримо присутствуют на таком застолье. Их призывали молитвой придти на трапезу, а их долей на пиру были сожженные на алтаре части животных и совершенные в их честь возлияния вином, водой или молоком. Бедные граждане ели мясную пищу лишь во время таких трапез на государственных праздниках

Следы подобных пиров обнаружены при раскопках в Северном Причерноморье. На Западном теменосе Ольвии найдены многочисленные керамические сковороды, на которых для таких застолий готовили еду; находившиеся там же кости крупного и мелкого домашнего скота и птиц показывают, из какого мяса состояло угощение⁴⁹. В раскопе около одного святилища в небольшом боспорском городке Китее найдены горшки, кастрюли и вместе с ними кости без следов горения, поэтому можно заключить, что это остатки праздничной еды, а не сожженных на алтаре жертв. Светильники, лежавшие вместе с названными предметами, по-

⁴⁸ Латышев В.В. Очерк греческих древностей. Богослужебные и сценические древности. СПб., 1997. С.84-87.

⁴⁹ Древнейший теменос... С. 234.

видимому, указывают на то, что пиры длились и после наступления сумерек, а обломки амфор напоминают об обильном питье вина⁵⁰.

Во время главных государственных праздников совершались общественные жертвоприношения с большим количеством убиваемых животных. В Афинах на ежегодном празднике в память победы при Марафоне приносили в жертву 500 коз, а на Делосе в IV в. до н. э. для панэллинского праздника в честь Аполлона закупили 109 быков⁵¹. Жертвенные животные приобретались либо за счет государства, либо на деньги местных и приезжих благотворителей. В III в. до н. э. Гелланик, уроженец острова Родоса, оплатил ольвийское общественное жертвоприношение (IOSPE I². 30), а на рубеже II- I вв. до н. э. гражданин Гераклеи Фрасимед украсил какое-то празднество в Херсонесе „пышнейшими жертвами“ (IOSPE I². 357).

Перед началом жертвоприношения наступало благоговейное молчание, затем раздавалась музыка, заглушавшая стоны животных, которых закалывали у алтаря. На вазе из Пантикапея (рис. 16) нарисована женщина, несущая лиру, она идет перед жертвенным быком и будет играть во время жертвоприношения (№ 12). На упомянутых выше свинцовых пластинках с рельефами можно рассмотреть, как в Ольвии по обычаю, известному во многих греческих городах, украшали жертвенных животных. На одном быке рога обвиты нарядной повязкой, а на другом на рога надет веночек; украшенные венками жертвы изображены также на привозных расписных вазах (№ 6, 7). Среди найденных на Центральном теменосе терракот, изображавших жертвенных животных, есть изготовленные из местной глины фигурки быка с позолоченными рогами (№ 22), а среди находок на Западном теменосе были козьи рога с остатками позолоты и окрашенные охрой рога других животных⁵².

Животные перед закланием стояли, привязанные к кольцу, находившемуся в боку алтаря. Иллюстрацию этого можно видеть на рельефе из Фанагории (№ 24). На пелике со сценой жертвоприношения Геракла нимфе острова Хриса изображен увенчанный венком юноша в нарядной одежде (№ 6), он подводит к алтарю быка с венком, надетым на рога, в то время как другой служитель культа совершает возлияние на центр алтаря со сложными на нем дровами для сжигания жертвы (рис. 15).

При приближении животного к алтарю его заставляли кивнуть головой как бы в знак согласия стать жертвой. Жрецы следили, чтобы предназначенные для жертвоприношения животные были обязательно здоровыми,

⁵⁰ Молева Н.В. Очерки сакральной жизни Боспора. Нижний Новгород, 2002. С. 71-72.

⁵¹ Латышев В.В. Указ. соч. С.87.

⁵² Леви Е.И. Терракоты из Ольвии. САИ. 1970. С. 33, 40, 48-49; Древнейший теменос Ольвии Понтийской. Симферополь, 2006. С. 234.

красивыми и чистыми. Иногда храмы содержали стада таких элитных животных и продавали их, получая доход для нужд святилища. В одной ольвийской надписи последней четверти III в. до н. э. сохранился перечень цен на разные виды жертвенного скота: за быка платили 1200, а за овцу или козу по 300 медных ольвийских монет (IOSPE I². 76). Некоторые исследователи считают такие цены чрезвычайно высокими и полагают, что в них включен скрытый налог в пользу храма или государства.⁵³ В.П. Яйленко, сравнив ольвийские цены с подобными на острове Косе, пришел к выводу, что они не слишком завышены и не сильно отличались от подобных расценок в других греческих городах.⁵⁴

Из черепов некоторых жертвенных животных изготавливали букрании, особые украшения для храмов. Черепа специально обрабатывали, иногда оставляя на лбу часть шкуры, затем вешали на них гирлянды из листьев и цветов или виноградные гроздья и в таком виде помещали на стену храма. На Центральном теменосе Ольвии найдены семь таких бычьих черепов, у которых задняя сторона плоско срезана, а на лбу и на рогах просверлены отверстия для укрепления гирлянд⁵⁵. Изображения букраниев часто украшали рельефы алтарей и других посвященных богам сооружений. Например, фриз из букраниев с гирляндами опоясывал алтари в Афинах и Херсонесе (рис. 7). При раскопках Ольвии найдено много свинцовых моделей букраниев (рис. 17), использовавшихся для каких-то религиозных ритуалов (№ 16).

У греков и римлян не существовало особой религиозной касты жрецов. Их функции могли исполнять полноправные граждане, не запятанные никакими неблагоприятными проступками. Их изображения сохранились на нескольких вазах, найденных на Боспоре (№ 3, 7, 13). Жрецы и жрицы следили за правильным исполнением религиозных ритуалов. Древнейшее свидетельство о наличии жрецов в греческих колониях Северного Причерноморья относится к третьей четверти VI в. до н. э. Это прочерченное на стенке керамического сосуда письмо жреца Метрофана, в котором он сообщал о разрушении святилищ в окрестностях Ольвии⁵⁶. Из этого письма следует, что вскоре после появления ольвийского поселения его жители исполняли религиозные обряды не только в городе, но и за его пределами.

⁵³ Латышев В.В. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887. С.101; Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса. М., 1989. С. 206-207.

⁵⁴ Яйленко В.П. Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // Эллинизм. Экономика, политика, культура. М., 1990. С. 278.

⁵⁵ Леви Е.И. Указ. соч. С.83., Рис.77.

⁵⁶ Русяева А.С. Религия и культы античной Ольвии. Киев, 1992. С.204.

Надписи на мраморных и известняковых плитах и граффити, прочерченные острым предметом на керамике, штукатурке и свинцовых пластинках, сохранили несколько десятков упоминаний о жрецах мужчинах (IOSPE I². 32, 42, 104, 139-144, 155, 189, 191, 192, 194, 201, 202, 357-361, 384, 386, 410, 414, 415, 698, 699, 700; КБН. 6, 25, 974, 1044; НО. 26, 29, 68, 70 и др.) и гораздо меньше о жрицах, что отражает реальное соотношение роли мужчин и женщин в отправлении религиозных ритуалов. Первые могли служить мужским и женским божествам, а вторые, судя по надписям, только женским. В Северном Причерноморье известны жрицы Деметры, Афродиты, Артемиды и Кибелы (IOSPE I². 190, 192, 237; КБН. 6а, 14, 21, 1040). Исключение составляет лишь одно боспорское граффито на стене святилища в Нимфее. Судя по этой надписи, в III в. до н. э. жрицы участвовали в отправлении культа обожествленных боспорских царей; возможно, они принадлежали к правившей тогда династии Спартокидов⁵⁷.

В зависимости от традиций того или иного культа жрецами становились лица либо выбранные на определенный срок, подобно другим магистратам, в ряде случаев должность передавалась по наследству, а иногда даже покупалась. В разное время один и тот же человек мог служить жрецом разных богов. В III в. до н. э. ольвиополит Агрот, сын Дионисия, был жрецом Аполлона Дельфиния, Афродиты, Плутона и Кору (IOSPE I². 189; НО. 68, 70).

Анализ местных надписей позволяет с уверенностью заключить, что в Ольвии и Херсонесе ежегодно избирался жрец верховного божества полиса; как и в некоторых других греческих государствах, именем такого жреца называли текущий год. Вероятно, боспорские цари исполняли роль жрецов Деметры и Кору в таинствах, совершавшихся по образцу Элевсинских⁵⁸. По-видимому, наследственной была должность жреца Зевса в Ольвии, ведь по надписям известно, что ее в течение нескольких веков занимали представители местного аристократического рода Еврисибиадов⁵⁹.

Со своими обязанностями жрец знакомился перед вступлением в должность, получая необходимые знания от предшественников, а также из документов святилища. В надписи римского времени из Фанагории сохранился частично сохранившийся устав о порядке жертвоприношений на одном из местных праздников; там говорилось, как именно должен действовать жрец, но, к сожалению, эта часть текста сильно повреждена (КБН. 1005).

⁵⁷ Яйленко В.П. Женщина, Афродита и жрица Спартокидов в новых боспорских надписях // Женщина в античном мире. М., 1995. С. 231, 235, 236.

⁵⁸ Скржинская М.В. Древнегреческие праздники... С. 86, 87.

⁵⁹ Русяева А.С. Религия и культы античной Ольвии. Киев, 1992. С. 206.

Во время религиозных празднеств жрецы облачались в особые одеяния, преимущественно белого цвета, считавшегося наиболее приятным богам (Plat. Leg. XII, 956a), а на голову надевали нарядную повязку, либо венок из листьев или ветвей растения, посвященного чествуемому богу. Роспись пелики из Павловского кургана дает возможность представить облачение элевсинского жреца (№ 13). Он одет в нарядный хитон и сапожки, украшенные узорами. На голове у него венок, в обеих руках по горящему факелу (рис. 18). Богатые погребения близ Пантикапея и на Тамани позволяют узнать о множестве золотых украшений, входивших в убор двух боспорских жриц, о которых речь пойдет в следующей главе.

В IV в. до н. э. в Элладе появилась должность устроителей государственных религиозных праздников, называемых агонотетами. Их избирали сроком на один год (Athen. VII, 93), обычно из числа богатых граждан, потому что кроме отпущенных общественных средств, агонотеты, как правило, тратили также свои деньги на красочное проведение религиозных празднеств, и таким образом завоевывали признательность своих соотечественников. Агонотет совершал некоторые жертвоприношения и следил за соблюдением намеченной программы праздника; в его обязанности входила забота об организации музыкальных и спортивных агонов, надзор за порядком присуждения призов и внесении имен победителей в специальные списки, которые выставляли на всеобщее обозрение, а также он наблюдал за доставкой определенных вещей, необходимых для разных ритуалов⁶⁰. По окончании срока полномочий агонотет представлял отчет о тратах (IG II². 93, 657, 780, 834) и часто приносил посвятельный дар богу, в честь которого он устраивал торжество.

Демосфен в речи «О венке» (XVIII, 118) с гордостью напомнил афинянам, что, будучи агонотетом, он внес на нужды жертвоприношений 100 мин. Во время праздника агонотет принимал много гостей. Плутарх в «Застольных беседах» (VIII, 4, 1) рассказал, как агонотет Соспид на Истмийских играх «проводил праздничные приемы, угощая многих иногородних и едва ли не всех граждан», кроме того он позвал домой близких друзей на пир в узком кругу.

О деятельности агонотетов в Северном Причерноморье свидетельствуют три надписи эллинистического времени. Исполнив свои обязанности, Местор, сын Гиппосфена, поставил в Гермонассе мраморное изваяние в честь Аполлона (КБН. 1039), а Теопротид, сын Мегакла, финансиро-

⁶⁰ Бондарь Л.Д. Афинские литургии. СПб., 2009. С 61-63; Jones A.H. Greek City from Alexander to Justinian. Oxford, 1940. P. 234-235.

вал строительство парадного входа в святилище Диониса в Нимфее⁶¹. В третьей частично уцелевшей надписи из Тиры говорилось об обязанности агонотетов следить за объявлениями о наградах во время праздника⁶². Вероятно, имя агонотета упоминалось в частично уцелевшем каталоге победителей на каком-то празднестве римского времени в Херсонесе (НЭПХ. 127).

Итак, разнообразные археологические находки, эпиграфические и письменные источники предоставляют надежные свидетельства о некоторых религиозных ритуалах в античных государствах Северного Причерноморья. К ним относятся торжественные шествия, исполнение гимнов богам, приношения разных даров в храмы, разнообразные жертвоприношения, исполнение культовых танцев, состязания и объявления о наградах во время религиозных праздников. Из надписей известно немало имен жрецов, жриц и агонотетов. Поэтому у нас есть представления о конкретных людях, которые сами исполняли религиозные ритуалы и следили за правильным порядком различных церемоний, посвященным тому или иному богу; они заботились о наборе хоров, певших гимны, и об устройстве музыкальных, атлетических и конных состязаний. В этом перечне видно, насколько в античности религия и культура были неразрывно связаны. В античном обществе многие сферы деятельности были недоступны женщинам и несовершеннолетним юношам. Однако это не касалось исполнения большинства религиозных ритуалов, знакомство с которыми начиналось с детских лет. Надписи и граффити сохранили упоминания об ольвийских и боспорских жрицах, а также немало имен женщин, делавших пожертвования в храмы.

Рассмотренные письменные памятники и произведения изобразительного искусства показывают, что в Северном Причерноморье на протяжении всего античного периода жизнь греков постоянно сопровождали религиозные ритуалы, аналогичные существовавшим во всем греческом мире.

⁶¹ Соколова О.Ю. Новая надпись из Нимфея // Древности Боспора. М., 2001. Вып. 4. С. 368-371.

⁶² Карышковский П.О. Материалы к собранию древних надписей Сарматии и Тавриды // ВДИ. 1959. №4. С. 112.

Каталог изображений религиозных ритуалов⁶³

1. Праздничные шествия. Клазоменский кратер. 560 гг. до н. э. Березань. Корпусова 1987. С. 50. Рис. 20.
2. Шествие женщин с ветвями и жезлами в руках. Фрагмент клазоменской вазы. Третья четверть VI в. до н. э. Пантикапей. Сидорова 1968. С. 112.
3. Жрица перед алтарем. Белофонный лекиф. 470 гг. до н. э. Нимфей. Грач 1999. С. 47.
4. Ритуал на празднике Ленеи. Краснофигурный стамнос. Середина V в. до н. э. Пантикапей. Лосева 1984. С. 125-132; АРК. № 46.
5. Хоровод женщин вокруг алтаря. Крышка краснофигурной леканы. 440-430 гг. до н. э. Пантикапей. Музы и маски. 2005. № 27.
6. Жертвоприношение Геракла нимфе острова Хриса. Краснофигурная пелика. 410 гг. до н. э. Курган Бакса близ Пантикапея. МГВ. С. 108. Рис. 52; Передольская 1971. С. 45-55; LIMC. Bd. 3. S. 280. № 4.
7. Жрица, надевающая венки на рога жертвенного козла. Краснофигурный кратер. Конец V в. до н. э. Никоний. Секерская 1989. С. 78. Рис. 57.
8. Женщина, танцующая у алтаря. Терракота. Конец V в. до н. э. Фанагория. Кобылина 1961. С. 67-69.
9. Петух со связанными ногами. Терракота. V в. до н. э. Ольвия. Русяева 1982. С. 141.
10. Праздничное шествие женщин. Мраморный алтарь. V в. до н. э. Пантикапей. АП. № 18.
11. Женщина, несущая на голове гидрию. Терракота. V в. до н. э. Нимфей. АГСП 1984. Табл. 122, 3.
12. Шествие с жертвенным быком. Краснофигурная ойнохоя. 360 гг. до н. э. ДБК. Табл. 61; UKV. № 305.
13. Жрец среди участников Элевсинских мистерий. Краснофигурная пелика. Середина IV в. до н. э. Павловский курган близ Пантикапея. Скржинская 2002. С. 179-180; LIMC. Bd. 4. S. 44.
14. Женщины, исполняющие культовые танцы. Золотые нашивные бляшки. IV в. до н. э. Курган Большая Близница на Тамани. ГЗ. № 206-208.
15. Женщины, исполняющие танец окласма. Золотой перстень. Середина IV в. до н. э. Павловский курган близ Пантикапея. ГЗ. № 108.
16. Черепа жертвенных быков и бранов. Свинцовые букрании. IV-II вв. до н. э. Ольвия. Зайцева 1971. С. 84-106.

⁶³ В каталогах указаны место находки вещи и сокращенно основные ее публикации, даты изготовления даны по этим публикациям. Все чернофигурные и краснофигурные сосуды сделаны в Афинах и оттуда привезены в Северное Причерноморье.

17. Жертвоприношение барана. Рельеф на стеле ситонов. III в. до н. э. Ольвия. НО. № 72.

18. Жертвоприношение кабана. Мраморный рельеф. III в. до н. э. Ольвия. Русяева 1979. С. 43. Рис. 23.

19. Овца со связанными ногами. Терракота. III в. до н. э. Ольвия. ТС. 1970. Табл. 28, 7.

20. Шествие к алтарю с жертвенным быком. Свинцовые рельефы. III в. до н. э. Ольвия. Зайцева 2004. С. 121- 125.

21. Мраморный алтарь с рельефами. Эллинистический период. Ольвия. Круглов 2000. С. 284.

22. Жертвенный бычок с позолоченными рогами. Глиняная лепная статуэтка. Эллинистический период. Ольвия. ТС. 1970. С. 40. Табл. 26, 2.

23. Голова быка, украшенная гирляндами. Полихромная глиняная курильница. I в. до н. э. Тамань. На краю ойкумены 2002. С. 73. № 270.

24. Жертвенный бык, привязанный к металлическому кольцу. Рельеф на постаменте статуи. Конец II в. до н. э. Кузнецов 2006. С. 162.

25. Возлияние у алтаря. Рисунок на стеле с декретом римского времени. Ольвия. IOSPE I². № 101.

II. Женщины гражданки, гетеры и рабыни

О женщинах в античном мире мы знаем сейчас гораздо меньше, чем о мужчинах. Ведь письменные и эпиграфические источники в большинстве случаев освещают деяния мужчин, полноправных граждан, которые все в той или иной мере участвовали в политической, экономической, общественной либо религиозной жизни своего государства и представляли его за рубежом. Произведения искусства и некоторые предметы материальной культуры дают нам подчас более обширные знания о женщинах, чем письменные памятники. Обращаясь к исследованию о женщинах в античных городах Северного Причерноморья, следует по крупицам собирать сведения из всех перечисленных источников, а также сопоставить их с известиями о жизни гречанок в других античных полисах.

В многочисленных и разнообразных трудах по истории древнегреческих полисов на северных берегах Черного моря женщинам уделено весьма скромное место, причем ученые в основном касались судьбы тех, кто сыграл заметную роль во властных структурах государства и изредка в его религиозной жизни¹. Между тем эпиграфические изобразительные и материальные памятники могут немало поведать о жизни женщин разных социальных слоев.

Греки, как и многие другие народы древности, соблюдали суровые правила патриархального домостроя и отводили женщинам соответствующую роль в жизни общества. Они считали женщин неполноценными существами, которые должны находиться под властью и опекой того или иного мужчины. Закон обязывал главу семьи заботиться о своих женщинах, содержать престарелых родителей и выдавать девушек замуж. Если в семье умирал отец, то эти заботы переходили на старшего в семье мужчину, а в случае его отсутствия назначался опекун.

Для главы семьи женщины составляли своего рода часть имущества, и жена имела для мужа экономическую ценность, потому что выполняла

¹ Ростовцев М.И. Бронзовый бюст боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа // Древности. Труды Московского археологического общества. Т. 25. М., 1916; Сапрыкин С.Ю. Женщины — правительницы Понтийского и Боспорского царств (Динамия, Пифодорида, Антония Тифена) // Женщина в античном мире. М., 1995. С. 181-203; Яйленко В.П. Женщины, Афродита и жрица Афродиты в новых боспорских надписях // Женщина в античном мире. М., 1995. С. 204-272; Русяева А.С. Камасария и Динамия // Русяева А.С., Супруненко А.Б. Исторические личности Эллина-скифской эпохи. Киев, 2003. С. 245-268.

определенный объем работ, необходимых в домашнем хозяйстве. Дочерей же рассматривали как лишний рот в семье и потому стремились поскорее выдать замуж. В разных греческих полисах женщинам предоставлялась не одинаковая мера прав и свобод; наибольшей свободой в ежедневной жизни пользовались спартанки, а традиции ионийцев отличались другой крайностью². Обращаясь к изучению интересующей нас темы, надо помнить, что большинство колоний в Северном Причерноморье были ионийскими, и поэтому традиции в отношении к женщинам здесь продолжали соблюдаться, как в метрополии.

В греческих полисах женщины по социальному положению разделялись на три группы: гражданки данного государства, являвшиеся женами или дочерьми полноправных граждан, свободные женщины из неполноправного населения и рабыни. Обо всех них в той или иной мере известно из произведений античных авторов, но они очень редко интересовались судьбой женщин, живших на северной окраине греческой ойкумены. Поэтому для нашей темы особенно важны памятники изобразительного искусства и местные надписи.

1. Права и обязанности женщин из семей полноправных граждан

Наибольшее количество сведений сохранилось о первой группе женщин. В основном это надгробия с именем покойной вместе с именем мужа или отца. Например, исполненная на рубеже нашей эры эпитафия из Пантикапея: «Гликாரия, жена Эрота, прощай» (КБН. 305; рис. 19) или надгробная стела IV в. до н. э. из Нимфея со словами «Акротима, дочь Андромеда» (КБН. 917). Нередко памятник украшали идеализированным рельефным изображением погребенной, а в римское время на таких рельефах появляются портретные черты (рис. 20, 21). В эпитафиях указывалось родство умершей по мужской линии; ведь женщина-гражданка всегда зависела от старшего в семье мужчины, а в случае смерти всех мужчин семьи ей назначался опекун. В эпоху эллинизма гражданки полиса получили право в отдельных случаях выступать как самостоятельное лицо; однако это касалось только некоторых семейных отношений, имущества и распоряжения финансами³. Из нескольких надписей римского времени можно узнать о праве гражданок Боспора и Херсонеса давать вольную своим

² Андреев Ю.В. Спартанская гинекократия // Женщина в античном мире. М., 1995. С. 44-62.

³ Cantarella E. Pandora's Daughters. The Role and Status of Women in Greek and Roman Antiquity. Baltimore – London, 1989. P. 91.

рабам (КБН. 69, 70, 73, 1021; НЭПХ. 23). Женщины из состоятельных семей имели возможность тратить значительные суммы на постановку от своего имени посвященных рельефов, статуй и алтарей, на дорогие подношения богам и немало стоившие надгробные памятники для своих родственников (КБН. 6а, 8, 14, 18, 21, 972, 1040, 1041, 1043; НЭПХ. 125).

Жены и дочери полноправных граждан пользовались наибольшим почетом и уважением, но одновременно они были стеснены наибольшим количеством запретов. Лучше всего их жизнь описана в «Экономике» Ксенофонта (VII, 20), где четко выделены главные обязанности женщины: руководство домашним хозяйством, приготовление ежедневной пищи для семьи, прядение шерсти и изготовление тканей для нужд домочадцев, а для жены – еще рождение детей и уход за ними. Вся эта деятельность проходила в нескольких комнатах и закрытом дворике дома. Он делился на мужскую и женскую половины; последняя называлась гинекеем, и оттуда женщинам не следовало выходить, когда к мужу приходили гости или посторонние мужчины по каким-нибудь делам. В зажиточных семьях хозяйка руководила работой помогавших ей служанок, а у бедняков она справлялась со своим хозяйством одна или с помощью дочерей.

Со второй половины V в. до н. э. жизнь в гинекее стала частой темой росписей аттических ваз; их охотно покупали жители Северного Причерноморья, чаще всего боспоряне. Вазописцев интересовали в основном молодые женщины, примеряющие нарядные одежды и украшения (№ 12, 36, 37, 39, 44), а также обряды, сопровождавшие подготовку невесты к свадьбе (рис. 23- 25; № 21- 25; 27, 30, 38, 41, 42, 46, 47).

Мужчины рассматривали брак как сугубо деловое предприятие; его цель состояла в том, чтобы иметь законных наследников и хозяйку в доме (Aristot. Eth. Nic. VIII, 14, p. 1162; Dem. LIX, 122). При этом большое значение имели имущественные соображения, из-за чего браки нередко заключались между родственниками, чтобы сохранить собственность в рамках своего рода⁴. Как правило, никто не спрашивал согласия невесты. Муж имел право в любое время развестись с женой и отослать обратно в семью ее отца; единственное необходимое условие при этом состояло в возвращении приданого. Теоретически подобным правом обладали также женщины, но на практике им редко удавалось его осуществить.

Молчание не раз называлось в античной литературе главной добродетелью женщины. Ксенофонт в «Экономике» (III, 12) заметил, что муж поручает важные дела своей жене больше, чем кому-либо другому, но почти ни с кем не разговаривает меньше, чем с ней. В записанной Фукиди-

⁴ Lasey W. K. The Family in Classical Greece. New- York, 1981. P. 159.

дом речи Перикла (II, 45, 2) оратор называет лучшей женщиной ту, о которой в мужском обществе меньше всего говорят не только в дурном, но и в хорошем смысле. В надгробной надписи супруги херсонесита Дионисия отмечены честность и скромность как лучшие качества женщины (НЭПХ. 186).

Все сказанное не означает, что в греческих семьях не встречались любящие супруги, а сыновья и дочери не были душевно привязаны к своим матерям. О таких чувствах иногда писали античные авторы. Классический пример Перикл и его жена Аспасия. В «Пире» Ксенофонта (VII, 3) рассказано о пылкой любви Никерата, сына знаменитого полководца Никия, и его жены. Их счастливый брак длился не менее 18 лет; жена не захотела жить после казни мужа и покончила жизнь самоубийством в 404 г. до н. э. Плутарх в биографии Кимона (гл. 4) написал о его горячей любви к своей жене Исодике и о глубоком горе после ее смерти.

О любви и горечи потери жен и дочерей свидетельствуют многочисленные боспорские известняковые стелы, украшенные рельефами с изображениями покойных и надписями, выражающими скорбь (КБН. 128, 139, 141, 158, 184, 190, 219, 224 и др.). Например, в одной эпитафии сказано, что муж «вечно оплакивает» свою жену, дочь и двух сыновей (КБН. 128). Состоятельные ольвиополиты тратили немалые средства на установку надгробий на могилах своих родственниц. Таковы, например, частично сохранившиеся две великолепные аттические мраморные стелы V–IV вв. до н. э. с идеализированными изображениями женщин в красивой одежде⁵. Подобные памятники стоили больших денег, затраченных на их заказ и перевозку из Афин в Ольвию. Печаль о безвременно умершей дочери отражена в картине на амфоре III в. до н. э., выполненной по индивидуальному заказу ольвийским мастером, который изобразил проводы девочки к лодке Харона и скорбящую мать (№ 54). О тех же чувствах говорит идеализированная статуя девочки, стоявшая на ольвийском некрополе, она была заказана ионийскому мастеру в начале эллинистического периода (№ 51). В Херсонесе надгробные стелы IV–III вв. до н. э. на могилах женщин не уступали по стоимости и красоте памятников на могилах мужчин (НЭПХ. 139, 142, 145, 147, 156, 158, 168, 176), а стихотворные эпитафии римского времени повествуют о горе отца, потерявшего юную дочь красавицу Ойнанту, и о скорби Диогена, утратившего милую и любимую жену (IOSPE I². 519; НЭПХ. 186)

⁵ *Лесницкая М.М.* Аттическая стела из Ольвийского археологического музея // КСИА. 1976. № 45. С. 23-27; *Соколов Г.И.* Античное Причерноморье. Л., 1973. № 21.

У многих древних народов долгое время держалось представление, что переход от одного периода жизни в другой является смертью одного человека и возрождением его в другом качестве. Так невеста, вступая в брак, умирала как девушка и возрождалась в новом статусе замужней женщины и будущей матери, принадлежащей к иному семейству. Настоящая смерть также воспринималась как переход души в иное состояние при перемещении ее в загробный мир. Поэтому в эллинских свадебных и похоронных обрядах имелось определенное сходство, что неоднократно отмечали современные исследователи⁶.

В древнегреческой поэзии смерть девушки нередко называли похищением, совершенным богом подземного царства, умершую именовали его невестой или супругой, а могилу – спальней новобрачных. Такие образные представления встречаются в трагедиях «Антигона» Софокла (стихи 814–816, 891) и «Ифигения в Авлиде» Еврипида (стихи 460–491). На рубеже нашей эры боспорский поэт выразил эту мысль в эпитафии Феофилы, дочери Гекатея. На ее надгробном памятнике из некрополя Пантикапея написано, что Плутон «зажег брачные свечки и принял ее в свой свадебный чертог возлюбленной супругой» (КБН. 130)⁷. Эта эпитафия, а также находки ваз со свадебными сюжетами в погребениях, открытых на Боспоре, показывают, что здесь грекам тоже были свойственны подобные представления о смерти.

Среди росписей ваз, найденных в некрополях Боспора, есть замечательные и даже уникальные рисунки, иллюстрирующие свадебные торжества, и дающие зрительные образы того, что трудно представить по письменным источникам. Подобные сосуды, сделанные и расписанные афинскими мастерами, целенаправленно приобретали для свадебных торжеств. В основном это были калпиды, называемые также свадебными лебетами (№ 21, 25, 35, 47), и леканы (№ 23, 27, 37, 38, 41, 42, 46). Первые изготовляли для свадебных церемоний, а также помещали в могилы девушек, не успевших выйти замуж; эти сосуды редкой формы имели либо высокую конусообразную подставку (рис. 22), либо низкий кольцевой поддон (рис. 23). Леканы часто дарили невестам для хранения разных туалетных принадлежностей и также ставили в женские могилы.

⁶ Фрайденберг О.М. Миф и литература в древности. М., 1978. С. 94, 97, 98, 141, 159; Кинжалов Р.В. К реконструкции древнегреческого свадебного обряда // Астарта. Вып. 1. СПб., 1999. С. 71; Barringer J.M. Europa and Nereids Wedding or Funeral? // AJA. 1999. № 95. P. 662-663.

⁷ Подробный анализ надписи см. в статье: Доватур А.И. Проводы Феофилы // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992. С. 1-27.

При однообразной затворнической жизни женщин в гинекее свадьба была особо выдающимся событием не только для невесты, но и для ее родственниц и подруг, принимавших участие в тожествах. Свадебный обряд делился на три этапа. В состоятельных семьях праздник длился три дня, а в бедных все ритуалы совершались за один день. Это был единственный домашний праздник с приглашением гостей, где женщина играла первенствующую роль. К иллюстрациям первого этапа подготовки к свадьбе, по-видимому, можно отнести сцену омовения девушки около лутерия и женские фигуры, из которых одна обнаженная моет волосы, а другая льет ей воду⁸. Невеста и ее подружки невесты, готовящие девушку к свадебным торжествам, нарисованы на крышке леканы из Пантикапея (№ 23; рис. 24). Мы видим, как сначала невеста моет волосы, потом подружки ее причесывают и одевают в длинное одеяние, частично закрывающее даже лицо (в таком виде она сначала появится перед женихом и гостями), и наконец ее раздевают перед брачной ночью.

Несколько ваз из Пантикапея и Горгиппии имеют замечательные изображения второго и третьего дней свадьбы. Репродукции кальпиды с рисунками мастера Марсия (№ 25) включены во многие отечественные и зарубежные книги о греческом искусстве⁹. На одной стороне этой вазы нарисовано подношение подарков в заключительный день свадьбы, а на другой представлены новобрачная и ее подружки в предыдущий день, когда невесту выводили к гостям в покрывале, закрывавшем лицо и голову так, что оставалось лишь небольшое открытое пространство для глаз, как это делают восточные женщины, надевая чадру (рис. 23).

Одно из самых информативных изображений свадебного поезда, движущегося из дома невесты к дому жениха, сохранилось на фрагменте кальпиды из Горгиппии (№ 35). Жених и невеста едут на колеснице, с ними девочка, держащая ритуальный свадебный сосуд лутрофор. Остатки краски показывают, что наряд невесты был расшит золотом по зеленоватому фону. Один юноша ведет под уздцы впряженную в колесницу пару лошадей, другой освещает факелом дорогу. Кorteж сопровождают пение и танцы. Закинутая назад голова женщины с лирой показывает, что она поет под струнный аккомпанемент; другая женщина играет на аулосе, и под его звуки танцуют юноша и девушка. Вместе с ними идет молодая женщина, несущая на голове особого вида треножник, игравший какую-то заметную роль в свадебном обряде. Такой треножник изображен и на

⁸ Кинжалов Р.В. Указ. соч. С. 82.

⁹ КПКЖ. С. 19-24; UKV. № 286; ARV. № 1475,1 и др.

упомянутой вазе мастера Марсия (рис. 23) и на крышке леканы Элевсинского мастера (№ 27; рис. 25).

Аттические вазописцы классического периода, обращаясь к сценам свадьбы, чаще всего рисовали невесту принимающую подарки в заключительный день торжеств. Лучшие образцы таких рисунков украшают две вазы из Пантикапея, один из которых принадлежит уже упомянутому мастеру Марсия, другой – прекрасному художнику Мидию (№ 15). В центре таких картин находится сидящая в кресле невеста. Ее голова увенчана венком или диадемой, в уши вдеты серьги, шея обвита ожерельем, руки украшены кольцами и браслетами, платье расшито узорами, а накинутый на него плащ оторочен цветной каймой. Молодые женщины, подносящие подарки, тоже в праздничных нарядах и украшениях. Мастер Марсия изобразил разнообразные подарки: расшитые повязки-тении, шкатулки и ткани; маленькая девочка протягивает невесте лекану, одна из девушек дарит пиксиду, а две другие держат предметы, необходимые для свадебных церемоний: расписной лебет на высокой подставке и особого вида треножник (рис. 23, 24).

Сходные сцены представлены еще на нескольких хорошо сохранившихся вазах и на многочисленных фрагментах кальпид и крышек лекан (№ 21, 22, 30, 41, 42, 46, 47). Здесь нарисованы свадебные подарки, упоминаемые в античной литературе: ящички и шкатулки с украшениями, арибаллы, наполненные душистыми маслами и благовониями, леканы с разными туалетными принадлежностями. Эпитафия Феофилы и росписи специально купленных дорогих ваз позволяют заключить, что празднование свадьбы на Боспоре в основных чертах повторяло ритуалы, характерные для всех эллинов. Местные же особенности существовали повсюду, но о них почти ничего не известно.

После свадьбы новобрачная сразу принималась за ведение домашнего хозяйства. Одно из ее главных занятий – изготовление шерсти и ткачество – обычно было ей знакомо с малых лет. В бытовых сценах вазописцы нередко изображали женщин у ткацкого станка (№ 48) или с веретеном и прялкой в руках и стоящей рядом корзиной для шерсти (№ 2, 8). Обнаруженные при раскопках многочисленные веретена и надевавшиеся на них керамические или металлические пряслица, а также ткацкие грузила напоминают о важнейшем занятии гречанок¹⁰. В женские могилы нередко клали веретена, как атрибут постоянных занятий покойной. Большинство

¹⁰ Блаватский В.Д. Материалы по истории Пантикапея // МИА. № 19. 1951. С. 47; Гайдукевич В.Ф. К вопросу о ткацком ремесле на боспорских поселениях // МИА. 1952. № 25. С.395-414 ; Петерс Б.Г. Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1986. С. 59.

античных веретен представляли простые деревянные палочки с утолщением посередине и с заостренными концами. В боспорских погребениях встречаются также дорогие искусно сделанные веретена: одно из них привозное из пальмового дерева, другое деревянное позолоченное, есть серебряные, иногда плакированные золотом¹¹. При раскопках античных поселений в Северном Причерноморье больше прочих находят костяные веретена¹². Прялка и веретено с набором разных пряслиц могли служить хорошим подарком. Феокрит в одной из своих идиллий пишет, как он собирается подарить жене своего друга резную прялку из слоновой кости (Theocr. Buc. XXVIII, 8–9).

Продававшиеся на рынках пряжа, ткани и одежда удовлетворяли в любом греческом государстве небольшую часть потребности населения, а большая часть одежды, покрывал, наволочек, ковров и других тканых изделий изготавливалась дома¹³. Пряли и ткали женщины всех сословий, начиная от рабынь и кончая женами и дочерьми богатых и знатных граждан. Считалось, что даже богини занимались этим ремеслом. В мифе об искусной ткачихе Арахне, вызвавшей на состязание Афину, рассказывалось о том, как богиня выткала изображения двенадцати олимпийских богов и победила своим мастерством смертную женщину (Ovid. Met. VI, 5–145). Судя по картине на крышке леканы из Пантикапея, где Афродита представлена с веретеном, эта богиня занималась изготовлением пряжи (№ 20). Самые искусные дочери афинских граждан ткали одеяние для статуи Афины в храме на Акрополе. Сходные обычаи существовали и в других греческих полисах; там также устраивали соревнования лучших мастериц¹⁴.

Орудия для прядения были простыми и легкими: прялка в виде небольшой палочки, на которую помещали кудель для изготовления нити, веретено длиной не более 50 см., плетеные корзины для необработанной шерсти (кудели) и для клубков ниток, а также намотки для ниток из дерева, керамики и кости. Поэтому прядением можно было заниматься в любой комнате дома или во внутреннем дворике. Тяжелый же ткацкий станок стоял на одном месте в женской половине дома.

¹¹ ДБК. Табл. 30, 8; *Сокольский Н.И.* Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1971. С. 219. Рис. 67; *Яковенко Е.В.* «Скіпетр цариці» з Куль-Оби // *Археологія.* 1973. № 11. С. 39–43; *Максимова М. И.* Артюховский курган. Л., 1979. С. 88.

¹² *Петерс Б.Г.* Указ соч. С. 57.

¹³ *Geddes A.G.* Rages and Riches. The Costume of Athenian Men in Fifth Century // *Classical Quarterly.* Т. 37. 1987. № 2. P. 310–311.

¹⁴ *Milne M.J.* Prize of Woolworking // *AJA.* 1945. V. 59. № 4. P. 528–533.

Все части станка были деревянными, лишь грузила для вертикально висящих нитей делали из глины или металла. Они имели разный вес и подбирались в зависимости от назначения изделия. В.Ф. Гайдукевич, собрав множество таких грузил, найденных на Боспоре, показал, что их вес колебался от 6 до 460 г.¹⁵ Очень легкие грузила свидетельствуют о производстве тончайших тканей, а тяжелые указывают на изготовление грубых материй.

2. Рождение и воспитание детей

Рождение и воспитание детей полностью контролировалось главой семьи. Жене следовало производить на свет потомство, но оставить ли новорожденного в семье, решал отец, руководствуясь соображениями, скольких детей и какого пола он хочет иметь. Греки и римляне сразу же избавлялись от младенцев с физическими недостатками. Например, Сенека (*De ira* I, 15, 2) спокойно писал, что обычно топят детей, «если они родились хилыми или уродами». С самого рождения к девочке относились как к существу второго сорта. Во фрагменте комедии Менандра «Двоюродные братья» (fr.35) говорится, что в доме приятно растить умного сына, а дочь доставляет отцу одни хлопоты.

Поэтому рождение девочек не было желанным, и от них избавлялись чаще, чем от мальчиков, не принимая в расчет чувства матерей. Новорожденного клали в глиняную кастрюлю и ставили ее у дороги в надежде, что кто-нибудь возьмет ребенка¹⁶. Зачастую таких детей подбирали, иногда усыновляли, но обычно растили для пополнения количества рабов. Не случайно эллинистическая комедия часто строится на мотиве узнавания некогда выброшенного ребенка.

Такое отношение к новорожденным разрешалось законом и воспринималось общественным сознанием как должное. Сохранились частные письма на папирусе, адресованные жене находящимся в отъезде мужем. В них отец велит выбросить ребенка в случае рождения девочки, а сына оставить¹⁷. Во фрагменте комедии Посидиппа, жившего в III–II вв. до н. э., говорится, что бедняк выбрасывает сына, а от дочери избавляется даже богатый человек. Это объяснялось экономическими соображениями: чтобы вырастить девочку, а затем выдать ее замуж, семья тратила средства, которые затем не возвращались. Показательны в этом плане расчеты, сделан-

¹⁵ Гайдукевич В.Ф. К вопросу... С. 407.

¹⁶ Cantarella E. Op. cit. P.43.

¹⁷ Ibid. P.91.

ные современными учеными на основании эпитафических памятников IV в. до н. э.; в шестидесяти одной афинской семье было 87 сыновей и 44 дочери, а в семидесяти девяти семьях, переселившихся в Милет из Малой Азии в 228–220 гг. до н. э. и получивших там права гражданства, зарегистрировано 118 сыновей и 28 дочерей¹⁸.

По достижении половой зрелости в 13–14 лет девочку стремились поскорее выдать замуж. Замужество и рождение детей в раннем возрасте нередко кончалось смертью при родах. На это обратили внимание философы и рекомендовали выдавать девушек замуж в 18 лет (Aristot. Pol. VII, 35) или между 16 и 20 годами (Plat. Nom. VII, 772 d-e). Однако на практике это не соблюдалось, и семейство спешило пораньше избавиться от девочки. Не случайно образцовый хозяин Исхомах в «Экономике» Ксенофонта женился на 14-летней девочке (VII, 5).

Письменные и эпитафические источники не касаются жизни детей в античных государствах Северного Причерноморья. Только изображения на местных памятниках искусства в какой-то мере затрагивают эту тему. Фигура матери или нянюшки с маленьким ребенком на руках иногда встречается на надгробных рельефах и терракотах (№ 31, 43, 53). Древнейший местный памятник такого рода – известняковая стела IV в. до н. э. с полихромной росписью из некрополя Пантикапея. Художник изобразил во весь рост боспорянку Апфу, жену Афиня, одетую в длинный хитон и плащ с розовой каймой, накинутый на голову (КБН. 164)¹⁹. Она держит обеими руками маленького ребенка, протягивающего к ней руки (№ 43). На голове младенца красная шапочка, а сам он одет в белую рубашку с длинными рукавами (рис. 26). Картина дает представление об одежде женщин и детей на Боспоре. Рядом с Апфой художник нарисовал надгробие с бюстом ребенка. Возможно, мать умерла, оставив новорожденного младенца, а до этого скончался ее старший ребенок, о котором напоминает надгробие. При этом следует напомнить, что в античности, как и в более поздние времена, детская смертность была очень высокой, а женщины часто умирали при родах.

На известняковом рельефе, украшающем пантикапейскую надгробную стелу I в. н. э., представлены Диодор и Психея, прощающиеся со своей матерью, которая с улыбкой подает руку мальчику, а девочка стоит поодаль. Женщина, как и Апфа, изображена в длинном хитоне и плаще, накинутом на голову, так же одета девочка, у мальчика же короткий хитон и плащ (КБН 389)²⁰.

¹⁸ Винничук Л. Люди, нравы, обычаи древней Греции и Рима. М., 1988. С.156-157.

¹⁹ Иванова А.П. Скульптура и живопись Боспора. Киев, 1961. С. 106-108. Рис. 51.

²⁰ Там же С. 124. Рис. 63.

К тому же времени относится памятник из Кеп с изображением всадника Гокона, прижимающего к груди маленьких мальчика и девочку (КБН. 1012). Исполненный позже рельеф на другой стороне стелы представляет сидящую в кресле женщину и двух детей. Девочка немного выше мальчика, так что можно думать, что она была старше брата. Одежания у них те же, что и на стеле Диодора и Психеи. Скорее всего дети умерли раньше родителей, так как Гокон держит двух младенцев на руках, отправляясь на коне в потусторонний мир, а около матери они изображены, как статуи на постаменте²¹. Видимо, совсем маленькой умерла дочь Хриса Геликониада, так как в надписи употреблено уменьшительная форма от слова дочь (КБН. 425). В античности многих детей настигала ранняя смерть, и города Северного Причерноморья не были исключением.

Первые годы жизни мальчики и девочки воспитывались вместе и жили с матерью в женской половине дома. В семь лет мальчика отдавали в школу, он также начинал заниматься физическими упражнениями на палестре, а затем в гимнасии. Это занимало практически весь день, так что участие матери в его воспитании становилось минимальным. Девочки же продолжали жить в гинекее и учились там всем необходимым женским занятиям по дому.

Судя по находкам в погребениях, девочки с раннего возраста начинали носить украшения и интересоваться нарядами. Некоторые обучались музыке, и она служила развлечением в однообразной повседневной жизни (№ 5, 11, 55). Другим распространенным развлечением женщин и детей были игры с домашними любимцами. На лекане со сценой жизни женщин в гинекее нарисованы собака, гусь и птица в клетке. (№ 27; рис. 25). Это показывает, что животные могли находиться не только во дворе, но и входили в дом.

Маленькие дети попали в поле зрения художников и скульпторов в IV в. до н. э. В эллинистический период появилось множество терракот, изображающих детей с собаками (№ 32, 34, 49), гусями (№ 33, петухами (№ 57, 64) и козлятами (№ 60). Стоит отметить, что среди терракот с подобным сюжетом наряду с привозными встречаются статуэтки местного производства (№ 57).

²¹ Там же. С. 129. Рис. 72, 73; Шляев Б.А. Стела Гокона // ВДИ. 1955. № 2. С. 175-180.

3. Участие женщин в религиозных обрядах

В древнегреческих государствах женщины мало выходили из дома в отличие от мужчин, постоянно занятых делами или развлечениями вне круга своей семьи. В редчайших случаях женщинам доводилось сыграть какую-либо заметную роль в общественной жизни полиса. Исключение из этого правила составляли религиозные праздники и некоторые ритуалы, часть из которых справлялась только женщинами; в главных городских праздниках они участвовали вместе с мужчинами, хотя и занимали там достаточно скромное место.

Сохранилось немало вазовых росписей и скульптур, изображающих праздничные процессии и жертвоприношения с участием женщин. В литературных и эпиграфических источниках упоминаются канефоры, которые несли на голове корзины с принадлежностями для жертвоприношений, гидрофоры и фиалофоры, шедшие к алтарям с гидриями и другими сосудами для возлияний и прочих церемоний (Plat. Hipparch. 229 с; Aristoph. Acharn. 242; Theocr. Вис. II, 65- 66; Polyb. XII, 5; IG II². 896, 9; CIG. 3462). Средства для красивых нарядов таких женщин на главных праздниках в ряде случаев предоставлялись из государственной казны (Paus. I, 29, 16). Греки считали большой честью исполнять определенные функции во время главных государственных религиозных праздников. Известно, например, что Гармодий, прославившийся в античной истории как борец с тиранией, был оскорблен, когда его сестру исключили из числа канефор на празднике Панафиней (Thuc. VI, 56, 1).

Рельеф на мраморном алтаре из Пантикапея (№ 18; рис. 5) и терракотовые статуэтки гидрофор из святилища Деметры в Нимфее (№ 14), привезенные на Боспор в V в. до н. э., косвенно свидетельствуют об участии боспорских женщин в торжественных процессиях на празднествах. О том же говорят находки в Ольвии свинцовых рельефов местного производства (рис. 3) и мраморного фриза храма с изображением праздничного шествия женщин и мужчин (№ 19), а также надпись римского времени с упоминанием женщины, носившей культовую утварь²². Присутствие женщин у алтаря во время жертвоприношения запечатлено на мраморном рельефе эллинистического времени их Ольвии (№ 59). Женщины нередко исполняли музыку, звучавшую во время религиозных шествий и жертвоприношений, Об этом говорят росписи ваз: на клазоменском кратере из Борисфена нарисованы кифаристки, сопровождающие хоровод (рис. 1), а женщины,

²² *Виноградов Ю.Г.* Ольвийская элита императорской эпохи // Гиперборей. 1996 Т. 2. С. 132.

играющие на аулосе и лире изображены у алтарей на вазах из Пантикапея и Нимфея (26, 45; рис. 4, 16).

Наиболее значительная роль женщин в сакральной жизни полиса принадлежала жрицам. В ольвийских и боспорских надписях классического и раннеэллинистического времени названы жрицы Артемиды, Афродиты и Кибелы, они исполняли положенные ритуалы в Ольвии Пантикапее, Нимфее, Кепях и Гермонассе (IOSPE I². 190, 192; КБН 6а, 8, 14, 1040). По наблюдениям В.П. Яйленко, на Боспоре в эпоху эллинизма мужчины из царского рода регулярно становились жрецами Аполлона, а их дочери и жены были жрицами Афродиты, таким образом члены правящей династии служили самым почитавшимся в то время божествам²³.

Раскопки некрополей позволяют представить богатые наряды женщин во время празднеств и жертвоприношений. Инвентарь одного погребения в Павловском кургане близ Пантикапея указывает на то, что там покоилась жрица Деметры²⁴. Ее голову украшала золотая стленгида (начельник), имитирующая пряди волос, и серьги с фигурками летящей Ники. Золотое ожерелье тончайшей работы обвивало шею, а на пальцы были надеты три перстня²⁵, один из них с изображением двух женщин в коротких хитонах, исполняющих культовый танец окласма. Находившаяся в погребальной камере замечательная пелика с картинами, иллюстрирующими сцены из мифов, связанных с Элевсинскими мистериями (рис. 18), указывает на то, что усопшая была посвящена в таинства Деметры²⁶.

Еще более роскошный убор носила жрица, похороненная в кургане Большая Близница в окрестностях Фанагории. Ее голову венчал калаф, украшенный золотыми пластинками со сценами битвы амазонок с грифонами, а из-под него была видна стленгида. К калафу крепилась пара замечательных височных подвесок с рельефным изображением едущей на гиппокампе Фетиды, держащей в руках доспехи для Ахилла (рис. 27); на одной подвеске в ее руках находятся поножи, а на другой – панцырь. Следы ремонта на оборотной стороне подвесок показывают, что их неоднократно надевали. На руках женщины красовались золотые браслеты с фигурками львиц, а на пальцах - четыре золотых перстня с изображением Артемиды, Афродиты и Эроса. Одежда и покрывало были расшиты множеством золотых бляшек с рельефами разных богов, героев, танцовщиц,

²³ Яйленко В.П. Женщины, Афродита.... С. 234- 235.

²⁴ ОАК 1862. С. 32-118; Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М., Л., 1949. С. 255.

²⁵ ГЗ. № 106-108.

²⁶ Скржинская М.В. Посвящения боспорян в Элевсинские таинства // Северное Причерноморье в античное время. Киев, 2002. С. 178- 180.

животных и фантастических существ²⁷. Металлические украшения вместе с одеждой из дорогой ткани составляли немалый вес, так что жрица могла двигаться только размеренно и торжественно, привлекая всеобщее внимание не только своим высоким положением и выдающейся ролью в праздничных ритуалах, но также роскошным нарядом, сияющим золотом.

Инвентарь погребения позволяет думать, что покойная была жрицей Деметры или Афродиты, а может быть и Артемиды, как предполагают разные исследователи²⁸. Вероятно, не стоит однозначно выбирать, какой именно богине служила усопшая; ведь в древности не возбранялось исполнять жреческие должности разным богам. Например, в III в. до н. э. ольвиополит Агрот в разные годы служил жрецом Аполлона Дельфиния, Афродиты, Плутона и Коры (IOSPE I². 189; NO. 68, 70).

Иногда женщины занимали заметное положение не только в ритуалах в честь женских божеств. Начиная с правления Александра Македонского, в ряде греческих государств устанавливались культы обожествленных правителей. Это явление наблюдается на Боспоре уже в IV в. до н. э., там, по словам Страбона (VII, 4, 4), царя Перисада I почитали богом, и его культ по-видимому сохранялся вплоть до III в. н. э. (КБН. 36 б). О служении жриц в культе боспорских царей известно из одного граффито, прочерченного в святилище Нимфея в конце III в. до н. э.²⁹

Женщины принимали участие в дионисийских праздниках, где, как было принято у всех греков, они изображали вакханок (№ 4; рис. 28). Боспорская жрица, исполнявшая ритуалы в честь Диониса, была похоронена в одном из погребений кургана Большая Близница³⁰. Особо важная роль принадлежала женщинам на празднике Леней. Милетские колонисты перенесли этот праздник из своей метрополии и справляли его в месяце Ленеоне, приходившемся на современные декабрь-январь. Название этого месяца в Ольвии и Тире не изменялось на протяжении всей античности, а на Боспоре сохранялось до реформы календаря при Митридате Евпаторе³¹. Древнейшее свидетельство об участии женщин в ритуалах Ленеиских празднеств в Северном Причерноморье относится к рубежу VI-V вв. до н. э. Тогда в Ольвии дионисийские обряды исполняла Демона-

²⁷ ГЗ. № 119- 129; 206- 208.

²⁸ Библиографию по этой теме см. в статье: *Емец И.А.* Греко-варварские взаимодействия на Боспоре Киммерийском. М., 2002. С. 94- 95.

²⁹ *Яйленко В.П.* Женщины, Афродита ... С.231, 235-236.

³⁰ *Емец И.А.* Указ соч. С.100-101.

³¹ *Скржинская М.В.* Счисление времени в античных городах Северного Причерноморья // *Норна у источника Судьбы.* Сб. статей в честь Е.А. Мельниковой. М., 2001. С. 364-366.

сса, о чем свидетельствует надпись, прочерченная на бронзовом зеркале, помещенном в погребение³².

Часть ленийских ритуалов выполнялась исключительно женщинами, изображения которых сохранились на аттических краснофигурных стамносах, специальных сосудах, употреблявшихся именно во время этих празднеств. Один из таких стамносов обнаружен в Пантикапее (рис. 2; № 10). Там представлена женщина с канфаром, наполненным вином из стамноса, стоящего рядом на низком столике; церемония сопровождается игрой флейтистки в плющевом венке и ритуальной пляской танцовщицы, одетой в костюм вакханки: ее хитон охватывает шкура пантеры, священного животного Диониса. На противоположной стороне вазы нарисованы еще три служительницы Диониса. Одна идет с тирсом, и ее закинута назад голова, наверное, выражает вакхический экстаз, другая держит факел, возможно, указывающий на то, что действие происходит ночью, а у третьей на голове венки из плюща, священного растения бога.

Танцы вакханок с тимпанами и кроталами в руках украшают многие вазы, привезенные из Афин на Боспор в Херсонес и Ольвию. Изображения на вазах и терракотах вызвали воспоминания о подобных плясках на местных праздниках в честь разных богов. Таковы, например, найденный в ольвийском святилище Афродиты раскрашенный глиняный рельеф с изображением танцовщицы с кроталами (№ 7), крышка краснофигурной леканы из Пантикапея, на которой нарисован хоровод девушек, танцующих вокруг алтаря под аккомпанемент кифары и аулоса (№ 13), и находившийся в святилище Нимфея замечательный терракотовый рельеф, изображающий полуобнаженную танцовщицу (№16). В выборе этих предметов сказываются вкусы местного населения. О ритуальных танцах на местных праздниках более определенно можно судить по ювелирным изделиям. Пляски окласма и калатиск запечатлены на перстне из Павловского кургана и золотых бляшках из кургана Большая Близница (рис. 6; № 40). Женщины исполняли окласму на дионисийских праздниках, а калатиск посвящали богиням плодородия Деметре и Артемиде, танцуя его с корзинами, наполненными злаками, овощами и фруктами³³.

Посвятительные надписи свидетельствуют еще об одном виде участия женщин в сакральной жизни. Дары в виде статуй и алтарей снабжались

³² Розанова Н.П. Бронзовое зеркало с надписью из Ольвии // *Античная история и культура Северного Причерноморья*. М., 1968. С. 248-251.

³³ Шауб Ю.И. Культурные танцы на Боспоре // *Тезисы докладов Крымской научной конференции «Проблемы античной культуры»*. Симферополь, 1988. С. 225-226; *Вдовиченко И.И.* Культурные танцы в изображениях на вазах «керченского стиля» // *Боспорские исследования*. Вып. 2. Симферополь, 2002. С. 20-21.

надписями с именами поклонниц или жриц разных божеств. Таковы, например, мраморный алтарь III в. до н. э., который гражданка Херсонеса Аркесо посвятила верховной богине города (НЭПХ. 125), или статуи IV в. до н. э., поставленные боспорянками в Пантикапее в честь Деметры и Кибелы (КБН. 14, 18, 21), а в Фанагории в честь Афродиты Урании (КБН. 972) и др. (КБН. 6а, 8, 1040, 1041, 1043).

Постановка даже небольшой каменной статуи или алтаря и вырезание на них надписи требовали значительных затрат. Поэтому подобные находки свидетельствуют об участии гречанок из состоятельных семей в сакральной жизни государства. Массовые же приношения от большинства женщин, например, терракоты с изображением разных божеств, не имеют надписей, и потому невозможно определить в каждом конкретном случае, являлась ли статуэтка даром мужчины или женщины. Посвятительные же граффити на сосудах, если и снабжены именами дарителей, то в подавляющем большинстве случаев сделаны мужчинами, что не удивительно, так как даже начальное школьное образование получали лишь мальчики, а женщины по большей части не владели грамотой. К редчайшим находкам принадлежат два граффити на чернолаковых киликах из Нимфея и Ольвии. На первом указано имя Кинны, посвятившей этот сосуд в дар Деметре, а надпись на втором говорит о посвящении Метро Афродите Сирийской³⁴. Трудно решить, прочертили ли эти надписи сами Кинна и Метро, или кто-то из мужчин по их просьбе.

Использованные в этом разделе археологические находки в основном относятся к V–III вв. до н. э. Именно этот период в настоящее время оказался лучше всего освещенным памятниками, свидетельствующими об участии женщин в сакральной жизни античных государств Северного Причерноморья.

4. Боспорские царицы

Выдающееся положение женщин в статусе жен правителей и заметная роль некоторых из них в управлении государством наблюдается в Северном Причерноморье только на Боспоре. Исследуя это явление, ученые преимущественно разбирали династические и родственные связи и реже характер власти этих женщин³⁵. До сих пор еще не было работ с полным перечнем источников обо всех этих исторических персонажах. Мы поста-

³⁴ Толстой И.И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М., Л., 1953. С. 81. № 25 и 125.

³⁵ См. прим 1 и указанную в перечисленных работах библиографию.

раемса учесть все сведения о них в надписях, найденных на Боспоре и за его пределами, в скупых упоминаниях древних авторов, в нумизматических и изобразительных материалах.

В древнегреческих демократических полисах все должности были выборными, и их могли занимать только мужчины, обладавшие полными гражданскими правами. Женщинам, никогда в древности не имевшим равных прав с мужчинами, не разрешалось претендовать ни на какую должность во властных структурах государства. Однако, после завоеваний Александра Македонского и образования эллинистических монархий со смешанными греческими и восточными традициями власть в ряде случаев передавалась по наследству, и тогда женщины иногда оказывались во главе государства. Это случалось, когда они исполняли роль регента при малолетнем наследнике престола, и совсем редко женщины становились единовластными царицами. В ряду таких правительниц боспорская царица Динамия занимает одно из первых мест, как по продолжительности своего правления, так и по успешности разрешения труднейших политических, экономических и военных ситуаций, складывавшихся в течение ее достаточно долгой жизни.

Официальный титул цариц у жен боспорских правителей появился в эллинистическую эпоху при Спартокидах. В этой династии сложилась традиция заключать браки с представительницами собственной большой семьи, о чем свидетельствует родословная двух цариц IV и II вв. до н. э. (КБН. 75, 1015). Во второй половине IV в. до н. э. Перисад I, правнук основателя династии Спартокидов, женился на своей двоюродной сестре Комосарии. Ее отец Горгипп был младшим братом Перисада, и при жизни их отца Левкона старший был соправителем на европейской, а младший на азиатской части Боспора. Женившись на Комосарии, Перисад, видимо, мог претендовать на наследственную власть Горгиппа на Тамани, и, судя по его титулатуре в ряде надписей, он реализовал свои намерения после кончины брата³⁶.

Наши сведения о Комосарии основываются на двух посвячительных надписях, найденных в Нимфее и на азиатской стороне Боспора. На первой надписи ее имя восстанавливается с большой долей вероятности, а на второй читается вполне определенно. На постаменте небольшой статуи из Нимфея от имени уцелело лишь окончание женского рода и патронимик – дочь Горгиппа, которая посвящает статую богине, имя которой не сохранилось³⁷.

³⁶ Яйленко В.П. Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990. С. 290.

³⁷ Древний город Нимфей. Каталог выставки. СПб., 1999. С. 90. № 216.

Из другой надписи (КБН. 1015) можно узнать о родственных связях Коморсарии (дочь Горгиппа, жена Перисада) и о том, что она поклонялась восточным богам Санергу и Астаре; их имена больше ни разу не встретились в сохранившейся боспорской эпитафике, да и вообще сейчас лишь предположительно отождествляются с некоторыми древними малоазийскими божествами³⁸. Приношение Комосарии состояло из двух статуй упомянутых божеств, из которых уцелела лишь скульптура Астары, стоявшая на известняковом постаменте с посвятельной надписью. Хотя боги имели восточное происхождение, их облик был уже эллинизирован, так как богиня имеет греческое одеяние³⁹. Святилище, в котором находились статуи, стояло на высоком берегу Ахтанизовского лимана.

Рассмотренные памятники позволяют заключить, что Комосария посещала храмы не только в Пантикапее, где находилась главная резиденция ее мужа, но также отправлялась поклоняться богам в Нимфей и на азиатскую часть Боспора. Можно думать, что она принимала активное участие в сакральной жизни государства, и не только по собственному желанию, но к этому обязывало положение жены царя. Недаром значительное количество сведений о боспорских царицах, как будет показано ниже, относится к сфере религии.

По надписям (КБН. 1, 2, 5, 1041) и сообщению Диодора Сицилийского (XX, 22-26) известно, что Перисад I имел дочь Акию и троих сыновей: Сатира, Евмела и Притана, вступивших в борьбу за власть после смерти отца. Мы не знаем, все ли они были детьми Комосарии. Акию выдали замуж за Демофонта, сына Эргина (КБН. 1037). Его имя указывает на принадлежность к боспорской аристократии, а негреческий патронимик, возможно, говорит о связи со знатью синдского или меотского происхождения⁴⁰. По обычаю своего царского рода, Акия поклонялась Афродите и посвятила ей статую, от которой уцелел мраморный постамент с надписью (КБН. 1041), а Демофонт за свою жену сделал посвящение Аполлону Врачу (КБН. 1037). Места находок двух надписей с именем Акии показывают, что она жила в Гермонассе.

Следующая из известных нам жен боспорских царей названа в поэме Овидия «Ибис» (ст. 309–310) и в объяснениях к этим стихам античных комментаторов. «Ибис» написан в первые годы пребывания ссыльного поэта в Томах, так что он, находясь в Причерноморье, естественно мог

³⁸ Русяева А.С., Супруненко А.Б. Указ. соч. С. 251-252.

³⁹ Иванова А.П. Скульптура и живопись Боспора. Киев, 1961. С. 66-70; Античная скульптура. Из собрания Керченского Государственного историко-культурного заповедника. Киев, 2004. С. 41. № 3.

⁴⁰ Яйленко В.П. Ольвия и Боспор... С. 295.

вспомнить мрачную боспорскую легенду, сюжет которой уже вошел в эллинистическую поэзию. Овидий высказал своему недругу жестокое пожелание, видимо намекая на какие-то неблагоприятные обстоятельства его биографии: «Пусть будет названа благочестивой прелюбодейка, которая убьет тебя, подобно тому как была названа благочестивой та, которая из мести убила Левкона». Один из схолиастов, древних комментаторов поэмы, приводит две строки из сочинения не известного сейчас поэта Ариона: «Левкон убил брата за супругу, а та его, и оба были причиной убийства». В схолиях названо также имя преступницы Алкифоя⁴¹.

Ученые относят этот рассказ к Левкону II, так как первый Левкон умер своей смертью в 351 г. до н. э. после сорока лет успешного правления своим царством (Diod. Sic. XVI, 31). Драматическая история на почве страсти к чужой жене произошла на Боспоре в первой половине III в. до н. э., то есть за два столетия до написания «Ибиса». Схолиасты по-разному разъясняли ход событий, превратившихся в легенду: одни писали, что Левкон убил брата из-за страсти к его жене, другие полагали, что брат соблазнил жену Левкона, но все сходились на том, что в ходе ссоры Алкифоя стала убийцей. В версии Овидия жена Левкона совершила прелюбодеяние, а потом убила мужа за расправу с любовником. Вероятно, Овидий назвал ее благочестивой, потому что с именем этой царицы связывался некий эпитет, наверное, отражавший ее усердие в поклонении богам⁴².

В упомянутой выше посвяtitельной надписи Комосарии при ее имени названы только имена отца и мужа, и нет никакого титула в отличие от ее супруга Перисада, именуемого архонтом Боспора и Феодосии и царем синдов, всех маоитов и фатеев. Позже жены боспорских царей официально получали титул цариц, о чем сейчас известно с середины II в. до н. э. Тогда тезка Комосарии, Камасария, дочь Спартока VI и жена Перисада IV⁴³, (в написании ее имени отличаются лишь первая и вторая гласные что объясняется неупорядоченностью древней орфографии) именовалась царицей, и ее титул писали в официальных документах как на самом Боспоре, так и за его пределами. Источники наших сведений о Камасарии

⁴¹ Подосинов А.В. Овидий и Причерноморье: опыт источниковедческого анализа поэтического текста // Древнейшие государства на территории СССР. 1983. М., 1984. С. 165,166.

⁴² Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Пг., 1925. С. 139.

⁴³ Я придерживаюсь хронологии боспорских царей, предложенной В.П. Яйленко (Ольвия ... с. 307), а в комментарии КБН. 75 Камасария названа дочерью Спартока V и женой Перисада III.

заключены в трех надписях, найденных на Боспоре, в Милете и Дельфах (КБН. 75; МИС. 15, 38).

Спартокиды, подобно многим другим царям, часто носили традиционные для их рода имена; мы знаем несколько царей Спартоков, Сатиров, Перисадов и Левконов (КБН. С. 832). Следует обратить внимание, что такие имена не засвидетельствованы в семьях остальных граждан Боспора. По мнению некоторых исследователей, царские имена запрещалось носить рядовым гражданам⁴⁴. Более основательной представляется аргументация И.Е. Сурикова, который показал, что в каждой греческой аристократической семье придерживались своего определенного круга имен, которые указывали на принадлежность к той или иной семье или роду. Поэтому можно полагать, что у Спартокидов издавна были особые имена, не встречавшиеся в других боспорских семьях⁴⁵. И.Е. Суриков привлек для своего исследования только мужские имена. Наличие же двух цариц Камасарий, кровно связанных с родом Спартокидов, указывает, что правила выбора имен в этой семье относились и к женщинам и что их имена, как и мужские, не давали прочим боспорянкам.

Царица Камасария вместе со своим мужем Перисадом почитала Аполлона не только в качестве верховного бога боспорского пантеона. Она принесла ему золотой дар в знаменитое святилище Бранхиды близ Милета и поклонялась Аполлону в Дельфах (МИС. 15, 39). Вместе с Перисадом царица оказывала гостеприимство и поддержку дельфийцам на Боспоре, за что они даровали царской чете проксению; этот почетный декрет с перечислением разных льгот к сожалению уцелел не полностью: «постановлено полисом дельфийцев на полномочном собрании с законным голосованием. Поскольку царь Перисад и царица Камасария (дочь или дети) Спартока, остаются и сами, и предки их почитающими (дельфийское) божество, а также человеколюбиво обходятся с обращающимися к ним гражданами Дельф, постановлено полисом...»⁴⁶. Милетская и дельфийская надписи дают веское основание считать, что Камасария ездила в Элладу на знаменитые общегреческие праздники Аполлона.

В проксении после имен Перисада и Камасарии имя отца указано лишь у последней, что весьма необычно для надписей с именами гречес-

⁴⁴ Завойкин А.А. Об институте династических имен Спартакидов // Древности Боспора. Симферополь, 2006. № 10. С. 223-225.

⁴⁵ Суриков И.Е. Власть и имя в государстве Спартокидов // Восточная Европа в древности и средневековье. 19-е чтения памяти чл.- корр. АН СССР В.Т. Пашуто. М., 2007. С. 253-257.

⁴⁶ Перевод В.П. Яйленко по исправленному тексту в статье Яйленко В.П. Оливия и Боспор... С. 306.

ких граждан. Поэтому возникло достаточно обоснованное, но не всеми исследователями принятое предположение, что отчество Спарток относится к ним обоим, и они оба были детьми Спартока, возможно, от разных матерей⁴⁷. Кровнородственные браки, обусловленные сохранением власти внутри царствующей династии, а также желанием не допускать чужаков в правящую элиту, были достаточно широко распространены в эллинистических державах. Всем известно о таких браках в Египте. Но более близкий пример для Боспора имелся среди царей Понта, многие из которых были ближайшими родственниками боспорян, а Митридат Евпатор, Фарнак и Пифодорида в разное время правили обоими государствами. Современник Перисада и Камасарии понтийский царь Митридат IV женился на своей сестре Лаодике⁴⁸. Таким образом Камасария, как и ранее жившая ее тетка, была не только женой царя, но и его близкой родственницей.

У себя на родине Камасария, как было принято в среде женщин царского рода⁴⁹, особо чтила Афродиту Апатуру. Недаром Феокрит, глава фиаса (религиозного сообщества), отправлявшего культ Афродиты в Пантикапее, вместе с другими членами фиаса посвятил богине памятник с ее изображением и надписью «за архонта и царя Перисада, сына царя Перисада, Матерелюбивого, и за царицу Камасарию, дочь Спартока, Чадолюбивую, и за Аргота, сына Исанфа, мужа царицы Камасарии» (КБН. 75). Здесь, как и в дельфийской проксении, Камасария названа дочерью Спартока; кроме того упомянут второй муж Камасарии Аргот без царского титула. Значит царь Перисад ко времени появления этого памятника умер, и ему наследовал власть его сын, названный Матерелюбивым, а второй муж царицы не стал царем.

Стела с этой надписью имеет фронто́н, украшенный рельефным изображением Афродиты, летящей на лебедь, и фигурками Эрота и двух Ник. Ниже там помещены три венка под именами Перисада, Камасарии и Аргота, стоящими вне текста посвящения (рис. 29). Так представлены их награды, а одним из поводов для постановки памятника было увенчание этих персон почетными венками; это происходило во время общественных праздников при большом стечении народа. Боспорские цари неоднократно получали почетные золотые венки в Афинах на праздниках Великих

⁴⁷ Латышев В.В. ПОНТИКА. СПб., 1909. С. 300-302; Виноградов Ю.Г. Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н. э. // ВДИ. 1987. № 1. С. 63, 64; Русяева А.С. Указ. соч. С. 252-253.

⁴⁸ Максимова М. И. Античные города юго-восточного Причерноморья. М., Л., 1956. С. 247.

⁴⁹ Яйленко В.П. Женщина, Афродита... С. 230.

Панафией и Дионисий (МИС. 3, 4), и видимо, такие же награды царям вручали на родине. Местной особенностью надо признать награждение венком женщины, что объясняется ее выдающимся положением в обществе; это уникальное свидетельство для Северного Причерноморья эллинистического времени. Церемония награждения скорее всего проходила в Пантикапее; ведь не случайно там найдена упомянутая стела.

Сын Камасарии и Перисада, вероятно, был ребенком, когда умер его отец, так что мать в течение примерно десяти лет исполняла обязанность его регента и правила Боспором до того времени, когда сын, носивший такое же имя, как отец, вырос и около 170 г. до н. э. стал царем. Включение в их титулы слов Филометер и Филотекна (любящий мать и любящая ребенка) по все вероятности, указывает на глубокую привязанность матери и сына. Подобные эпитеты в своей титулатуре принимали правители и других государств, в частности в то же время в Понтийском царстве у власти были Митридат IV и его жена Лаодика Филадельфы (любящий брата или сестру). Филадельфами назывались Птолемей II в Египте, Аттал II в Пергаме, там же мы знаем царей с подобными именами, но с прозвищами Филометер.

Сейчас нет никаких определенных свидетельств о том, насколько активно Камасария принимала участие в управлении государством; была ли она властной правительницей, или за ее фигурой скрывались истинные творцы боспорской истории. Если ее брак с Перисадом был заключен, как было принято, по решению старшего в семье мужчины, то став вдовой, она более свободно могла распоряжаться своей судьбой. Поэтому Камасария выходила замуж за Аргота по собственной воле, но, конечно, нам не дано знать, был ли этот брак по взаимному чувству или по взаимной выгоде.

Среди сведений о боспорских царицах Динамия занимает первое место не только по количеству упоминаний о ней, но и по разнообразию источников: в их числе сочинения античных авторов, лапидарные надписи, причем не только боспорские, монеты с ее именем и изображением (рис. 30), наконец, редчайший портретный бронзовый бюст (рис. 31).

Отчасти это объясняется ее выдающейся ролью в истории Боспора, а также тем, что она была внучкой знаменитого царя Митридата VI Евпатора, которому последний боспорский царь из рода Спартокидов передал свою власть. Многие древние авторы подробно писали о жизни Митридата и его окружения, поэтому у нас есть уникальная возможность представить нравы и обычаи семьи нашей героини, о чем нельзя узнать относительно подавляющего большинства известных нам боспорян.

Дед Динамии с юных лет боролся за свои царские права. Его мать Лаодика, будучи регентом, не желала отдавать бразды правления повзрослевшему Митридату и потому строила ему всяческие козни, так что

законному наследнику престола пришлось бежать в Армению. С помощью приютившего юношу царя Антипатра двадцатилетний Митридат вернулся на родину в 113 г. до н. э., взял власть в свои руки, а мать заключил в тюрьму, где она скончалась.

Митридат Евпатор (132- 63 г. до н. э.), прозванный также Дионисом, вошел в историю как грозный противник римлян, едва не сломивший их власть в Малой Азии и Причерноморье. Его долгие и временами весьма успешные войны с римскими полководцами Лукуллом и Помпеем окончились поражением, а после предательства любимого сына Фарнака, он, оказавшись перед перспективой стать пленником римлян, попросил своего приближенного убить его мечом (App. Mithr. 111). Это произошло в Пантикапее на акрополе, располагавшемся на горе, господствовавшей над городом, и в Керчи до сих пор память о царе жива в названии этой горы Митридат.

Митридат был выдающимся полководцем и человеком, хорошо знакомым с эллинской культурой. Он мог объясняться на множестве языков, покровительствовал ученым и поэтам, коллекционировал предметы искусства, интересовался медициной. В то же время царь отличался крайней жестокостью и коварством, что было характерно для азиатских деспотов, от которых он вел свою родословную. Едва заподозрив покушение на свою власть, он убивал подозреваемого, даже если это был его брат или сын (App. Mithr. 64, 107; Plut. Pomp. 37).

Эти черты восточного владыки отразились и на его отношении к женщинам. Он имел множество жен и наложниц. В период увлечения той или иной своей избранницей осыпал ее драгоценностями и всевозможными подарками и без сожаления убивал любую, если подозревал измену или не хотел, чтобы она досталась победителям (Plut. Pomp. 36; Luc. 18). Удел этих женщин хорошо иллюстрирует сообщение Плутарха о судьбе Монимы, уроженки Милета. «Когда в свое время царь добивался благосклонности Монимы и послал ей 15000 золотых, она на все отвечала отказом, пока он не подписал с ней брачный договор и не провозгласил царицей, прислав диадему. Она проводила свои дни в скорби и кляла свою красоту, которая дала ей господина вместо супруга и варварскую темницу вместо замужества и домашнего очага, заставила жить вдали от Греции, только во сне видя то счастье, на которое она понадеялась» (Plut. Luc. 18. перевод Г.А. Стратановского). Уверившись в неотвратимости наступление войск Помпея к находившемуся на южном берегу Черного моря городу Фарнакии, Митридат не хотел, чтобы в руки римлян попали жившие там его сестры и жены. Поэтому он решил их убить и с этим поручением отправил своего евнуха Бакхида. Тот заколол мечом несчастную Мониму и заставил других женщин покончить жизнь самоубийством.

Судьба одной из последних наложниц престарелого Митридата связана с Боспором, о чем стало недавно известно из надписи, найденной при раскопках Фанагории, главного города той части Боспорского царства, которая располагалась на Таманском полуострове. Там был обнаружен камень с вырезанной на нем эпитафией: «Гипсикрат, жена царя Митридата Евпатора Диониса, прощай»⁵⁰. Удивительная форма мужского имени по отношению к жене царя получает объяснение в сопоставлении с записью Плутарха в биографии Помпея (глава 32).

Рассказывая о разгроме митридатовского войска в битве с римлянами в 66 г. до н. э., Плутарх пишет, что Митридату удалось бежать всего с тремя спутниками. «Среди них находилась его наложница Гипсикратия, всегда проявлявшая мужество и смелость, так что царь называл ее Гипсикратом. Наложница была одета в мужскую персидскую одежду и ехала верхом; она не чувствовала утомления от долгого пути и не уставала ухаживать за царем и его конем, пока, наконец, они не прибыли в крепость Синору» (перевод Г. А. Стратоновского). Таким образом, найдено объяснение, почему жена Митридата названа в эпитафии мужским именем. Вероятно, за мужество и отвагу царь повысил ее статус, переведя из наложниц в жены. Теперь мы знаем, что она последовала за своим повелителем на Боспор, последнее пристанище царя на северной окраине его владений. Но и здесь было неспокойно. Жители Фанагории подняли восстание, и там нашла свою смерть Гипсикратия, наверное, во время пожара акрополя, где находились дочь и четыре сына Митридата. Из них только Артаферн был взрослым (App. Mithr. 108), и возможно, среди них были и дети Гипсикратии. Упомянутое надгробие, увенчанное статуей (от нее остался след крепления на постаменте с надписью), вероятно установили по распоряжению царя, и он сам составил текст надписи, назвав свою последнюю жену принятым в их общении именем.

Приблизительно в это время, то есть в 60-е годы I в. до н. э., родилась Динамия, дочь Фарнака, любимого сына Митридата. Трудно сказать, провела ли она детство на Боспоре или на южных берегах Черного моря в Понтийском царстве, родине ее отца и деда. В этой семье, как было принято в царских династиях, девушек выдавали замуж, руководствуясь исключительно политическими соображениями. Ее дед обручил двух дочерей с египетским и критским царями (Appian. Mithr. 111), а когда ему оказалось выгодным решил выдать замуж других дочек за скифских вождей, прося их прислать на помощь свои войска. Перспектива жить среди

⁵⁰ Кузнецов В.Д. Фанагория: история исследования и новые находки // Российская археология. 2007. № 2. С. 13.

диких варваров показала греческим царевнам столь ужасной, что, наверное, не без их помощи воины из конвоя, охранявшего посольство Митридата, перебили евнухов, сопровождавших девушек, и отправили их к Помпею (Appian. Mithr. 101). Правда и там их ждала незавидная участь пленниц, которые, благодаря знатности своего происхождения, вместе с братьями шли среди пленников в триумфе Помпея. Дочери Митридата и тетки Динамии Орсаварида и Евпатра упомянуты Аппианом среди детей побежденных царей, прошедших перед триумфальной колесницей полководца (Appian. Mithr. 117).

Другие близкие родственницы Динамии проявили незаурядную твердость характера и могли служить ей примером мужественного поведения. Две дочери Митридата, находившиеся вместе с ним в Пантикапее, в критический момент, когда отец решил уйти из жизни, добровольно приняли яд и умерли, не сдавшись осаждающим войскам в отличие от нескольких своих братьев, ранее оказавшихся в подобных обстоятельствах в Фанагории. Тогда же их сестра Клеопатра сумела убедить свое окружение долго не сдаваться восставшим жителям Фанагории и дождалась кораблей, посланных ей на помощь отцом (Appian. Mithr. 108).

Как и других царских дочерей, Динамию собирались выдать замуж по политическим соображениям. Вероятно, о ней шла речь в неудачных переговорах послов Фарнака с Цезарем в 47 г до н. э. Написавший об этом Аппиан не назвал имени дочери Фарнака (App. BC. II, 91), но ученые полагают, что имелась в виду Динамия, так как о ее сестрах нигде не упоминается⁵¹. Царевна хотела сама распоряжаться своей судьбой и средством для этого выбрала вступление по собственной воле в нужные с ее точки зрения браки. За свою жизнь она заключила несколько таких союзов, каждый раз руководствуясь политической целесообразностью и желанием удержаться у власти.

После гибели Фарнака Динамия одна не в силах была унаследовать его власть на Боспоре и потому вышла замуж за Асандра, боспорского наместника, изменившего ее отцу и ставшему его убийцей. Этот брак был нужен и Асандру; став супругом дочери предыдущего царя, он получал видимость законности своих притязаний на боспорский престол. С моральной точки зрения поступок Динамии не уступал поведению ее отца Фарнака. Ведь тот был любимым сыном Митридата, объявившего его своим наследником, что не помешало Фарнаку предать царя и довести его до смерти. Замужество Динамии органично вписывается в образ дейст-

⁵¹ Сапрыкин С.Ю. Уникальный статер боспорской царицы Динамии // СА. 1990. № 3. С. 208.

вий членов ее семьи, боровшихся за власть любыми методами, да и в нравы других царских династий эллинистического времени.

О детях царской четы сейчас ничего не известно. Возможно, их сыном был боспорянин, женившийся на Гикии, дочери знатного херсонесита. Воплощая в жизнь желание родителей подчинить Херсонес Боспору, он погиб при неудавшейся попытке захвата власти во втором десятилетии до нашей эры (Const. Porphr. De adm. imp. 53)⁵².

Брак Асандра и Динамии длился около тридцати лет вплоть до смерти царя в глубокой старости в 17 г. до н. э. К этому промежутку времени относится надпись на постаменте статуй Посейдона и Афродиты, установленных в Пантикапее навархом Панталеонтом «в царствование царя царей великого Асандра, друга римлян, спасителя, и царицы Динамии» (КБН. 30). Включение в титул эпитета друга римлян (φιλόρωμαιος) свидетельствует о некоей политической зависимости боспорян от Рима. В более поздних надписях титул Динамии снабжен тем же эпитетом (КБН. 38, 46). При ее жизни, а, может быть, и по ее инициативе, города Пантикапей и Фанагория переименовали в Кесарию и Агриппею в честь императора Августа и его тестя Агриппы. Поэтому статуя царицы в Фанагории имела надпись «от народа агриппейцев» (КБН. 979), а выпущенные при ее правлении городские медные монеты Пантикапея несут наименование города Кесарий⁵³. Однако, как показывают лапидарные и монетные надписи, новые наименования надолго не прижились, и главные города европейской и азиатской сторон Боспора вскоре вернули свои исконные названия.

В отличие от большинства боспорских цариц Динамия активно участвовала в управлении государством⁵⁴. В последние годы жизни Асандра, когда ему было более 80 лет (Ps. Luc. Macr. 17), царь, по словам Диона Кассия (LIV, 24), передал власть Динамии. Именно она, а не Асандр в 20-е годы до н. э. пользовалась поддержкой императора Августа, который дважды дал право выпустить золотые боспорские статеры с ее портретом на аверсе и надписью царица Динамия⁵⁵. На реверсе этих монет чеканили звезду и полумесяц, династические знаки понтийских царей, ведших свой род от Ахеменидов (рис. 30; № 66). Эти знаки напоминали не только отдаленных предков царицы, но также ее отца и деда, бывших боспорскими царями.

⁵² Зубарь В.М. Основные этапы развития Херсонеса в середине I в. до н. э. – первой половине II в. н. э. // Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. – VI в. н.э. Харьков, 2004. С. 39-40. Там же библиография по этой теме.

⁵³ Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.-Л., 1949. С.317, 586. № 57, 58.

⁵⁴ Сапрыкин С.Ю. Женщины правительницы.... С. 186-187.

⁵⁵ Сапрыкин С.Ю. Уникальный статер... С. 207.

Из боспорских надписей с именем Динамии наряду с ее титулами и именами отца, деда и первого мужа (КБН. 30, 31, 979) можно узнать, что ей при жизни, как и другим правителям Боспора, устанавливали статуи (КБН. 979). Наверное, они имели те портретные черты, которые скульптор передал на бронзовом бюсте царицы, найденном на Тамани (№ 67; рис. 31). Она представлена немолодой женщиной, может быть слегка идеализированной, но с характерными чертами: у нее широкое лицо со сжатыми губами, округлый подбородок и большой прямой нос. Прическа с локонами сделана по моде, известной на римских портретах. На голове у Динамии остроконечная фригийская шапка, украшенная инкрустированными серебряными звездами, эмблемой царей династии рода Митридата⁵⁶. Такая звезда вместе с полумесяцем отчеканена также на упомянутых золотых статерах с профилем царицы. Некоторые искусствоведы ставят под сомнение принадлежность этого портрета Динамии, так как считают, что изображенная прическа появилась у римлянок после смерти царицы. Однако ни одна из более поздних боспорских цариц не имела родословной, позволяющей использовать эмблемы, изображенные на этом бронзовом бюсте; они также не могли быть у женщины, не принадлежавшей к царской династии.

По нескольким эпиграфическим памятникам можно судить о политической деятельности Динамии. Сохранившиеся постаменты с надписями свидетельствуют о постановке от имени царицы скульптурных изображений Августа и его жены Ливии в Пантикапее, Фанагории и Гермонассе (КБН. 38, 978, 1046); это был один из способов выражения признания авторитета Римской империи и ее правителей. Херсонесская проксения боспорянину Амению указывает, что Динамия от своего имени направляла послов в другие государства (IOSPE I². 354). Сравнительно недавно опубликованный надгробный памятник Матиана, вероятно, свидетельствует о наличии телохранителей, сопровождавших царицу⁵⁷.

Это надгробие, стоявшее на каком-то таманском некрополе и хранящееся теперь в Темрюкском музее, заслуживает более подробного описания, так как в его надписи запечатлен уникальный для Боспора случай постановки такого памятника, заказанного членом царской семьи не своему родственнику. На известняковой стеле вырезан рельеф всадника в воинском доспехе; он вооружен копьем, луком и колчаном со стрелами, у ног лошади находится собака, как и ее хозяин, наверное, охранявшая царицу. Надпись под рельефом гласит: «Царица Динамия (поставила

⁵⁶ Ростовцев М.И. Бронзовый бюст... С. 1-10.

⁵⁷ Яйленко В.П. Женщины, Афродита... С. 220-222. Рис. 11, 12.

изображение) Матиана, (сына) Заидара, памяти ради». В.П. Яйленко полагает, что вооружение всадника указывает на его гибель во время военной службы у Динамии, удалившейся на азиатскую сторону Боспора после разрыва с ее последним мужем Полемоном. Исследователь думает, что Матиан, имя и отчество которого говорят об его иранском происхождении, был предводителем войска аспургиан во время их противостояния Полемону⁵⁸. Однако, если согласиться с достаточно сейчас обоснованным мнением, что Динамия умерла около 12 г. до н. э.⁵⁹, то эта гипотеза оказывается несостоятельной. Поэтому кажется предпочтительней предположение А.С. Русяевой о том, что царица поставила надгробие начальнику своего отряда телохранителей, не раз приходившему ей на помощь в ее зачастую опасных поездках по Боспору⁶⁰.

В заключение обзора надписей с именем Динамии отметим, что в эпитафии Матиана и ряде прочих официальных надписей она зачастую называла себя просто царицей и не указывала имени отца или мужа, как было положено при женских именах боспорских гражданок. Эта черта свидетельствует о независимости и самостоятельности царицы в ее действиях.

На закате жизни Асандра на Боспоре появился некто Скрибоний, выдававший себя за внука Митридата. Вместе со своими сторонниками он желал свергнуть уже слабого и старого царя, утверждая, что Август назначил его правителем царства. Видя успехи узурпатора в его продвижении к боспорскому престолу, Динамия после смерти Асандра в 17 г. до н. э., решила сохранить свое положение, став женой Скрибония. Вскоре Скрибоний погиб в борьбе со своими противниками (Dio. Cass. LIV, 24), которые не соглашались с его намерением полностью признавать римскую гегемонию и воплотить в жизнь желание императора образовать вассальное Понтийско-Боспорское царство.

После смерти Скрибония Август и Агриппа продолжали свою политику относительно статуса Боспора. Для этого они решили сделать боспорским правителем понтийского царя Полемона. Несмотря на противодействие боспорян, Полемону удалось воцариться в Пантикапее, и тогда Динамия, по благословению Августа, в 14 г. до н. э. стала женой очередного царя. Она еще два года находилась у власти во время беспрерывных волнений и войн, которые приходилось вести Полемону.

⁵⁸ Там же. С. 224.

⁵⁹ Фролова Н.А. О времени правления Динамии // СА. 1978. № 2. С. 51-60. Сапрыкин С.Ю. Женщины – правительницы ... С. 193.

⁶⁰ Русяева А.С., Супруненко А.Б. Указ. соч. С. 268.

По мнению ряда ученых, основывающихся на косвенных эпиграфических и нумизматических свидетельствах, Динамия скончалась около 12 г. до н. э.⁶¹ Однако, не все отказываются от высказанного еще в начале XX в. предположения, что Динамия порвала с Полемоном и отправилась на азиатскую сторону Боспора, где пользовалась симпатией местного населения. Затем после смерти Полемона она снова ненадолго стала царицей и умерла в пожилом возрасте во время царствования своего пасынка Аспурга⁶².

В 12 или 11 г. до н. э. бывший супруг Динамии Полемон, по желанию Августа, женился на Пифодориде, дочери римлянки Антонии и знатного грека Пифадора из малоазийского города Тралы, в результате чего эта иностранка стала боспорской царицей. В течение непродолжительного царствования своего мужа она родила двух сыновей Полемона и Зенона и дочь Антонию Тифену. После гибели царя в 8/7 г. до н. э. на азиатской стороне Боспора Пифодорида стала правительницей государства, о чем свидетельствует надпись из Гермонассы⁶³. Но у нее появился сильный соперник в лице сына Асандра Аспурга, которому сочувствовало местное население. Поэтому Августу пришлось признать верховенство Аспурга. Пифодорида же, «будучи женщиной разумной и умеющей править делами» (Strab. XII, 3, 29), удалилась в другие владения, доставшиеся ей от Полемона. Там судьба ее сложилась удачно; в 3 г. до н. э. она вступила в брак с царем Каппадокии Архелаем, и Август утвердил за ней титул царицы Понта (Strab. XII, 3, 29; МИС. 42)⁶⁴. Таким образом, несколько лет пребывания Пифодориды на Боспоре были лишь небольшим и не самым лучшим отрезком ее жизни, окончившейся в 22/23 г. н. э.

Следующее боспорской царицей стала Гипеирия, жена Аспурга. Он, наверное, был пасынком Динамии. Ведь в надписи на постаменте статуи Аспурга, стоявшей в Пантикапее, он назван сыном царя Асандроха (КБН. 40), чье имя весьма похоже на имя царя Асандра, царь же Асандрох нигде не упоминается. Тот факт, что Аспург не сразу стал царем после кончины Асандра, скорее всего указывает, что он родился раньше, чем отец занял царский престол и узаконил свое положение браком с Динамией. Уже не молодой к тому времени Асандр раньше имел жену Гликарию, которой он поставил близ Нимфея памятник со стихотворной надписью (КБН. 913). Поэтому Аспург, вероятно, сын Гликарии, не был кровно связан с цар-

⁶¹ Ср. прим. 59.

⁶² Ростовцев М.И. Бронзовый бюст... С. 18; Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство... С. 316-317; Яйленко В.П. Женщины, Афродита... С. 224.

⁶³ Болтунова А.И. Надпись Пифодориды из Гермонассы // ВДИ. 1989. № 1. С. 86-91.

⁶⁴ Сапрыкин С.Ю. Женщины – правительницы... С. 197-198.

ским родом и не мог сразу претендовать на наследственную власть, когда умер его отец.

Брак царя Аспурга с Гипепирией, как обычно, был заключен по политическим соображениям. Невесту взяли из фракийского царского рода, и благодаря этому родству Аспург присоединил себе второе фракийское имя Рескупорид⁶⁵. Когда он умер в 37/ 38 г. н. э., царица некоторое время правила государством до того, как передала власть своему сыну Митридату, названному в память о знаменитом царе Митридате Евпаторе. Факт краткого правления этой женщины свидетельствует монета с ее профилем и надписью «царица Гипепирия»⁶⁶.

Позже известны еще две боспорские царицы, но о них нет никаких сведений кроме имен и времени правления их мужей. Имя Евники восстановлено В.В. Латышевым в двух плохо сохранившихся надписях из Гермонассы и Горгиппии (КБН. 1047, 1118). Если эта реконструкция правильна, то получается, что Евника была женой Котиса I и матерью их сына Рескупорида II, а время ее жизни приходится на вторую половину I в. н. э.

Другая царица Элия жила на два столетия позже Евники. Она была женой Тейрана, правившего с 275/6 по 279/ 80 гг. В Пантикапее в честь какой-то победы был поставлен памятник с изображением богов Зевса и Геры; в надписи на мраморной базе написано время его сооружения в царствование Тейрана и высказано пожелание долголетия царю и царице Элии (КБН. 36).

Итак, сейчас можно определенно назвать только восемь боспорских цариц, хотя их было гораздо больше. Начиная с V в. до н. э. вплоть до заката античности Боспором правили не менее 50 царей, и у каждого была жена. Знатная родословная цариц, записанная в надписях и в произведениях древних авторов, показывает принципы выбора жен в боспорский царский дом: женитьба должна была либо сохранить все нити влияния внутри правящей династии, либо дать царю полезные связи за рубежом. А от невест ждали рождения наследников и, конечно, покорности. Наверное, большинство цариц обладали этим качеством, и потому не оставили следа в боспорской истории. По количеству современных сведений о боспорских царицах Динамия занимает первое место не случайно. Она явно обладала выдающимся волевым характером и политическим чутьем. Ее единственную из всех известных боспорских цариц можно назвать настоящей власт-

⁶⁵ Ростовцев М.И. Бронзовый бюст ... С. 20; Сапрыкин С.Ю. Женщины – правительницы... С. 200.

⁶⁶ Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство... С. 558. Табл. 4, 67.

ной правительницей, которая сыграла во многом положительную роль в государственной жизни Боспора.

5. Выдающиеся женщины в Херсонесе

В истории Херсонеса римского времени известны две женщины, оказавшие большие услуги государству и удостоенные за это высшей награды – установления статуи на средства и от имени гражданской общины. Старшая из них Гикия стала героиней исторического предания, записанного в какой-то херсонесской исторической хронике, откуда Константин Багрянородный сделал выписки для своего сочинения «Об управлении империей» (гл. 53)⁶⁷. Из этого предания, обросшего легендарными мотивами, ученые выделяют канву исторических событий, относящихся ко второй половине I в. до н. э.⁶⁸

Богатый херсонесит Ламах, занимавший высокие государственные должности, отдал свою единственную дочь Гикию в жены сыну боспорского царя Аспурга. Последний хотел вернуть Херсонес в состав Боспорского царства, как это было в первой половине I в. до н. э. С этой целью муж Гикии составил заговор для захвата власти, и центром сбора заговорщиков стал обширный херсонесский дом супругов. Случайно узнав о намерениях боспорян, Гикия решила сорвать их замысел. Призвав на помощь верных людей, она устроила пожар в своем большом доме, заперла все выходы и расставила надежных помощников препятствовать пытающимся спастись. Так был сорван план захвата боспорянами власти в Херсонесе. При этом Гикия сознательно пошла на утрату значительной части собственного имущества. В благодарность за ее подвиг во имя родины херсонеситы поставили в городе две бронзовые статуи своей спасительницы и на пьедесталах высекли надписи, рассказывающие об ее деянии. Сама же Гикия пожелала увековечить себя экстраординарными почестями, а именно завещала похоронить ее в черте города, а не на территории некрополя. Когда Гикия путем хитрости поняла, что ее пожелание не будет исполнено, она добилась того, что ей еще при жизни в указанном ей самой месте соорудили гробницу и поставили рядом позолоченную статую героини. Этот рассказ характеризует Гикию как истинную патриотку, но не бескорыстную, а весьма честолюбивую женщину.

⁶⁷ Константин Багрянородный Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М., 1989. С.255-273.

⁶⁸ Сапрыкин С.Ю. Асандр и Херсонес (к достоверности легенды о Гикии) // СА. 1987. № 1. С. 48-57; Русяева А.С., Супруненко. Указ соч. С. 269-278.

О другой женщине, удостоенной статуи от имени народного собрания херсонеситов, известно совсем немного. Все сведения можно почерпнуть из частично сохранившейся надписи на уцелевшем фрагменте постамента ее статуи (IOSPE I². 431). Лаодика жила в первой половине II в. н. э., она происходила из рода Зетов, занимавших высшие должности в государстве, и была женой знатного херсонесита Тита Флавия Партенокла, имевшего римское гражданство⁶⁹. Отсутствие иных источников не позволяет нам узнать, за какие деяния Лаодику почтили такой высокой наградой, как установление ее статуи. Однако, рассмотренные два примера награждения женщин позволяют думать, что по крайней мере в первые века нашей эры деятельные женщины из знатных семей херсонеситов могли оказывать существенные услуги своему государству.

6. Женщины из неполноправного населения

Среди женщин из неполноправного населения были свободные и рабыни. В число первых включались члены семей мужчин, не имевших гражданских прав, а также гетеры.

Граждане одного государства, приезжая в другое государство, входили в разряд его свободного, но неполноправного населения. Зачастую такие иностранцы жили со своими семьями, так что их жены и дочери также не принадлежали к гражданской общине. О таких женщинах в античных государствах Северного Причерноморья сейчас известно по надписям на их надгробиях. В IV в. до н. э. в Горгиппию вместе со своим мужем приехала Микка из Гераклеи (КБН. 1193), а в I в. до н. э. в Пантикапее жили уроженка Синопы Феофила и гражданка Амиса Клеопатра (КБН. № 124, 130) и др. В первые века нашей эры, когда в Херсонесе и Ольвии находились римские легионеры, они жили со своими семьями, о чем можно узнать по надписям с упоминанием их матерей, жен и дочерей ((IOSPE I². 236, 547)⁷⁰. Об их национальности ничего не известно, однако они носили римские имена, а надписи с их упоминанием написаны по-латыни, на языке, которым владели члены их семей, служившие в римских войсках.

Даже идеальные с точки зрения мужчин жены не отвечали всем их запросам, и они, как правило, общались еще с женщинами из неполноправного населения. Их положение в обществе было ниже, чем у законных жен, но им разрешалась большая вольность в поведении. Роль женщин

⁶⁹ Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. – VI в. н. э. Харьков, 2004. С. 445.

⁷⁰ Соломоник Э.И. Латинские надписи Херсонеса Таврического. М., 1983. № 20, 24.

разного социального положения ясно выражена в одной речи Демосфена (LIX, 122): «Гетер мы имеем ради удовольствия, наложниц для повседневного плотского удовлетворения, а жен для рождения законных детей и для верной охраны домашнего имущества».

Наложниц обычно брали из рабынь. О существовании рабынь в античных государствах Северного Причерноморья имеется считанное количество свидетельств, хотя можно с уверенностью сказать, что они, как и в других греческих государствах, использовались в значительном числе в домашнем хозяйстве всех более или менее зажиточных граждан. По дому им поручали наиболее тяжелые работы, например, приготовление муки из зерен. Они ухаживали за детьми, пряли и ткали вместе с хозяйкой, готовили ежедневную пищу. В боспорских надписях римского времени имеется несколько документов о даровании рабыне свободы (КБН. 74, 1123-1125, 1127). Рабы у эллинов, как правило, были иной национальности. Такая практика существовала и в Северном Причерноморье, что подтверждается надписью из Горгиппии о даровании свободы рабам мужу и жене иудеям (КБН. 1124).

Изображения служанок, которые обычно были рабынями, часто помещали на рельефы, украшавшие стелы на многих греческих некрополях. Подобные изображения можно увидеть на многих надгробиях римского времени из некрополей Боспора и Херсонеса⁷¹. Служанки находятся рядом со своей госпожой, но их фигуры представлены в гораздо более мелком масштабе. Почти всегда они держат в руках ларцы, сосуды или другие принадлежности хозяйки (№ 70, 73; рис. 32, 33).

В андроне на мужской половине дома мужчины принимали гостей. Жены и дочери там не присутствовали, но туда для развлечения приглашали женщин из неполноправного населения, которые могли быть и рабынями, и свободными. Один из персонажей «Характеров» Феофраста (гл. 20) говорит гостям, что, если им хочется, он пошлет раба к своднику за флейтисткой, чтобы «она нам сыграла и повеселила нас». Богатые пиры зачастую сопровождали выступления танцовщиц и музыкантов, игравших на разных инструментах. В ряде греческих городов, в частности в Милете, метрополии колоний многих колоний Северного Причерноморья, имелись специальные школы для гетер, где девушек обучали поэзии и музыке, чтобы быть приятными собеседницами на симпозионе и уметь развлечь гостей музыкой и пением.

⁷¹ *Иванова А.П.* Скульптура и живопись Боспора. Киев, 1961. № 53, 59, 60, 69, 73, 75, 83, 86; АП. № 128, 129; АМ. № 141, 142; АСХ. № 309, 326, 344, 345, 347, 376-378; АП. № 156; АМ. № 144.

Об этих женщинах немало написано в сочинениях Платона (Protag. 347 c-d; Symp. 212 d-e) и Ксенофонта (Symp. II, 1), а увидеть их можно на росписях многочисленных аттических ваз. Жители Северного Причерноморья покупали сосуды разных форм с такими картинками. Например, на краснофигурной вазе из Херсонеса нарисована флейтистка, играющая перед возлежащим на ложе юношей (№ 17); гетера на пиршественном ложе вместе с юношей изображена на чернофигурном лекифе, найденном на Березани (№ 6), а на килике из Ольвии представлена гетера с кроталами, ритмичный стук которых сопровождал ее танцы (№ 3). Эпитафия флейтистки Пасафиликаты, жившей в Мирмекии в IV в. до н. э., и дарственная надпись гетере на чернолаковом килике из Нимфея свидетельствуют о наличии таких женщин на Боспоре (КБН. 875)⁷².

Женам и дочерям граждан не полагалось пить вино, но это правило не распространялось на гетер, о чем, в частности, можно заключить по поднесению в дар упомянутого выше килика из Нимфея, так как этот сосуд, предназначался для питья вина. О том же говорит надпись на кратере из Ольвии. В V в. до н. э. его подарили гетере Анагоре и высказали пожелание пить из него вино⁷³. О существовании «древнейшей профессии» в Ольвии известно также из упоминания философа Биона Борисфенита о своей матери; он сообщил, что его отец вольноотпущенник женился на женщине из публичного дома (Diog. Laert. IV, 46).

Среди гетер встречались не только местные уроженки, но и приезжие. Две стелы IV- III вв. до н. э. из пантикапейского некрополя косвенно указывают на присутствие таких женщин на Боспоре. Надписи на их надгробных памятниках лаконичны: «Атенаида хиянка» и «Мирсина гераклеянка» (КБН. 155, 246); здесь отсутствуют имена отца или мужа. В надписях же на могилах жен и дочерей из семей приезжих граждан других государств указаны мужчины, ближайшие родственники, например, «Микка, жена Кокка, дочь Токона, гераклеянка» (КБН. 1193; см. там же № 124, 130 и 249).

Письмо на стенке амфоры IV в. до н. э. из Херсонеса указывает, что там пользовались услугами продажных женщин⁷⁴. Надпись II в. н. э. свидетельствует о наличии публичного дома в Херсонесе и о разрешении такого рода девицам селиться в определенном квартале города (IOSPE I². 705). Взимание налогов с публичных домов и, вероятно, с отдельных проституток составляло заметную статью дохода городского бюджета и частично покрывало расходы на содержание римского гарнизона (IOSPE I².

⁷² Толстой И.И. Указ соч. С. 73. № 107.

⁷³ Там же. С. 15. № 13.

⁷⁴ Соломоник Э.И. Два античных письма из Крыма. // ВДИ. 1987. № 3. С. 126.

404)⁷⁵. Это показывает, что в Херсонесе проживало значительное количество подобных женщин. Часть из них со временем становились содержательницами публичных домов. Из античной литературы известно, что туда попадали рабыни и девочки, отданные родителями, которые оказались в крайней нужде.

7. Внешний вид женщин

Внешний вид женщин из семей граждан городов Северного Причерноморья можно представить в основном по скульптурам римского времени. Хорошие женские портретные статуи (рис. 34; № 69) и рельефы найдены на Боспоре и в Ольвии, а из Херсонеса происходит один из лучших мраморных надгробных памятников с фигурами супругов Феагена и Макарии (рис. 35; № 72).

Мужские и женские имена граждан античных государств Северного Причерноморья говорят о том, что в гражданскую общину сначала понемногу, а в римское время в значительных количествах включались мужчины и женщины из местных племен, частично живших на территории государства, частично у его границ. Все это отражалось на этническом типе лиц женщин, и заметнее всего это было на Боспоре. Портретные изображения на известняковых в основном надгробных стелах местной работы передают распространившийся здесь тип женского лица с широкими скулами, тяжелым подбородком и круглыми широко поставленными глазами (рис. 20, 21; № 68, 71). Скульпторы в своих работах либо отражали идеальный облик человека, либо передавали также индивидуальные черты лиц своих современников.⁷⁶ К первому типу изображений относится стела со стихотворной эпитафией Хресты, дочери Александра, а ко второму – лицо и фигура полной женщины на надгробии Хрисиис, дочери Деметрия (рис. 20; № 71).

Одежда и украшения местных женщин мало отличались от убора прочих гречанок; об этом можно судить по работам местных скульпторов и по инвентарю погребений. Мода на одежду менялась медленно, и два ее основных компонента оставались неизменными как в мужском, так и в женском костюме: хитон, род нижней рубашки, и надевавшиеся поверх него разного вида плащи (рис. 26, 32-35). Женские хитоны доходили до пола, а в коротких появлялись, по-видимому, лишь танцовщицы (рис. 6).

⁷⁵ Ростовцев М.И. Бронзовый бюст... С. 63-69.

⁷⁶ Иванова А.П. Указ соч. С. 127. Рис. 27, 29, 32, 34, 35, 37-40.

Дома женщины носили только хитон из толстой или тонкой ткани в зависимости от погоды; эта одежда могла быть безрукавной или иметь длинные или короткие рукава. Плащи накидывали при выходе на улицу, причем часто накрывали голову краем плаща (рис. 34, 35). В таких одеяниях мы видим женщин на многих терракотах местного производства и на рельефах надгробий. Стиль ежедневной греческой одежды был весьма демократическим и скромным и не зависел от принадлежности к той или иной социальной группе, так что любимая рабыня богатого хозяина могла быть одета не хуже его жены и лучше, чем жены и дочери бедных граждан⁷⁷. Неудивительно поэтому, что служанок изображали в таких же хитонах, как господ.

В большинстве своем античные ткани были шерстяными, и лишь изредка лен и шелк использовался для дорогих женских одежд, о чем свидетельствуют их редчайшие находки на Боспоре⁷⁸. Шерсть для тканей либо оставляли в ее естественном цвете, либо окрашивали в разные цвета, так что хитон и плащ нередко бывали различной окраски. Судя по остаткам краски на терракотах, особенно распространенным было сочетание розового или красного с синим или голубым. Ежедневная одежда была одноцветной или по краю отделанная каймой; ткань для нее, как правило, изготавливали на домашнем ткацком станке, а для праздничных одеяний покупали искусно сделанные местные и привозные парадные хитоны и плащи. Их украшали золотые нити, тканые и вышитые узоры, а так же нашивные металлические бляшки и бисер. Великолепный образец частично уцелевшей шерстяной женской одежды происходит из погребения IV в. до н. э. в Павловском кургане близ Пантикапея. Скачущие амазонки вышиты желтыми, зелеными и черными нитями на фиолетовом фоне, а край одежды обрамлял растительный узор из пальметок, цветов и плодов, соединенных вьющимися побегами лозы⁷⁹.

В отличие от современной скроенной одежды, шитье у греков играло минимальную роль. Одеяние состояло обычно из одного куска ткани, или из двух сшитых полотнищ, которые надо было застегивать или завязывать на плечах и закреплять поясом. Даже недлинный рукав можно было создать из напуска ткани. Красота одежды в значительной мере определялась умением изящно расположить складки, закрепив их застежками

⁷⁷ *Bieber M.* Griechische Kleidung. Berlin- Leipzig, 1928. P. 34; *Geddes A.G.* Rages and Riches. The Costume of Athenian Men in Fifth Century // *Classical Quaterly* T. 37. 1987. № 2. P. 326.

⁷⁸ *Герцигер Д.С.* Античные ткани из собрания Эрмитажа // *Памятники античного прикладного искусства.* Л., 1973. С.

⁷⁹ Там же. С.81.

и поясом так, чтобы они хорошо держались и не теряли формы при движении.

В V–IV вв. до н. э. аттические расписные вазы могли служить для жительниц Северного Причерноморья своеобразным журналом мод. Выдающиеся вазописцы детально рисовали различные виды хитонов и плащей с украшавшими их орнаментами. Великолепные примеры такого рода можно видеть на вазах, найденных в Пантикапее, где представлены женщины, занимающиеся своим туалетом в гинекее, или невеста в окружении подруг (рис. 22–25). Ту же роль играли и некоторые привозные терракоты с изображениями женщин в разноцветных одеждах, ниспадающих красивыми складками. Таковы найденные в Пантикапее и в Феодосии прославившиеся во всем греческом мире танагрские статуэтки конца IV–III вв. до н. э. (№ 52) Они изображают молодых женщин в красиво задрапированных хитонах и гиматиях, их волнистые длинные волосы уложены в пышные прически, в уши вдеты круглые серьги, а ноги обуты в изящные тонкие башмачки (рис. 36).

Произведения искусства могли также знакомить женщин с модой на прически. О том, что и в этом боспорянки не отставали от своих современниц свидетельствуют портретные изображения цариц Динамии, Пифодориды и Гипепирии, причесанных так же, как знатные римлянки⁸⁰.

Женщины дополняли свой костюм разнообразными украшениями: вдевали серьги в уши, носили на шее ожерелья, на пальцах – кольца, а на руках браслеты; в особо торжественных случаях голову увенчивали диадемой или надевали золотую стлениду, имитирующую расчесанные на пробор волосы. Дешевые бронзовые и свинцовые украшения массового местного производства были доступны большинству женщин. Об их широком распространении в Ольвии, Херсонесе и на Боспоре свидетельствуют находки литейных форм для незатейливых серег, браслетов, булавок бус и подвесок, а также бронзового штампа для изготовления бляшек⁸¹.

Убор богатых женщин включал разнообразные золотые украшения в основном, привезенные из Эллады или сделанные на месте приезжими ювелирами⁸². Сравнение этих украшений с найденными в других греческих городах показывает, что местные женщины были осведомлены о новейших модных веяниях и быстро их перенимали. Примером тому могут служить золотые серьги так называемого роскошного стиля, изготовляв-

⁸⁰ Ростовцев М.И. Бронзовый бюст ...С. 4.

⁸¹ Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство...С. 118–119; АГСП 1984. С. 164. Табл. 60; Фурманська А.І. Ливарні форми з розкопок Ольвії // Археологічні пам'ятки УРСР. 1958. Т. 7. С. 40–60

⁸² ГЗ. № 87–96; 99–103; 106–110; 115–132 и др.

шиеся ювелирами высокого класса в середине и второй половине IV до н. э. Из 14 известных сейчас таких дорогих украшений половина происходит из раскопок Херсонеса и Боспора; среди них хранящаяся в Эрмитаже пара серег из Феодосии сделана наиболее искусно и имеет всемирную славу⁸³. Эти исполненные в микротехнике серьги – единственные, имеющие сюжетную композицию, которая включает Нику, управляющую квадригой, и воина апобата в момент, когда он намеревается спрыгнуть с колесницы⁸⁴. Возможно, роскошные серьги, найденные в Северном Причерноморье, делал приезжий мастер, учитывавший вкусы местных заказчиков⁸⁵.

То же явление можно проследить на серии находок металлических кольцеобразных серег с головой рычащего льва. Они вошли в моду во второй половине IV до н. э. и пользовались популярностью во всем греческом мире в течение двух столетий, исполняя наряду с декоративной ролью функцию апотропея⁸⁶. Уже в конце IV в. до н. э. женщины на Боспоре и в Ольвии стали носить такие серьги, а в III до н. э. многие состоятельные гречанки во всех государствах на северных берегах Понта следовали этой моде. К середине XIX в. только на Боспоре было найдено более 20 экземпляров таких серег, и с тех пор эта коллекция постоянно увеличивается⁸⁷. Для менее состоятельных слоев населения местные мастера отливали подобные серьги из бронзы и свинца, а также их низкопробного серебра, о чем свидетельствуют ольвийские литейные формы⁸⁸.

⁸³ *Саверкина И.И.* Роскошные серьги в Эрмитаже и в других музеях // Античное Причерноморье. СПб., 2000. С.9, 15-16.

⁸⁴ ГЗ. № 200; о сюжете изображения на серьгах см. *Скржинская М.В.* Изображение апобата на серьгах из феодосийского некрополя и сюжеты с апобатами на вазах их Северного Причерноморья // Боспорский феномен. Материалы международной конференции. СПб., 2002. С. 129-133.

⁸⁵ *Рогов Е.Я.* О месте производства феодосийских и херсонесских серег роскошного стиля // Боспорский феномен. Материалы международной конференции. СПб., 2001. С. 68-72.

⁸⁶ ГЗ. С. 34; *Deppert – Lippitz B.* Griechischer Goldschmuck. Mainz am Rhein, 1985. S. 223.

⁸⁷ ДБК. С. 48. Табл. 7, 1; *Силантьева Л.Ф.* Некрополь Нимфея // МИА. № 69. 1959. С. 91. Рис. 50,2.

⁸⁸ ОАК 1909-10. С. 100; *Фурманьска А.И.* Указ. соч С. 49-51; На краю ойкумены... С. 343.

Заключение

Письменные и археологические источники дали возможность представить, какое место занимали женщины в семейной и общественной жизни Боспора, Херсонеса и Ольвии. Сохранившиеся сведения в подавляющем большинстве относятся к женам и дочерям полноправных граждан. Их положение в обществе в основном было тем же, что в большинстве других греческих полисах. Основная часть жизни проходила в пределах дома и внутреннего дворика.

Участие женщин в общественной жизни полиса могло реализоваться главным образом в возможности служить жрицами или исполнять некоторые ритуалы во время праздников. В римское время некоторые женщины могли играть в жизни государства большую роль, чем прежде, о чем свидетельствуют сведения о гражданках Херсонеса Гикий и Лаодике. Следует особо выделить высокое положение цариц на Боспоре, их заметную роль в сакральной жизни и возможность в некоторых случаях управлять государством. В Ольвии и Херсонесе с их выборной демократической формой правления, жены первых лиц государства по своему статусу ничем не отличались от прочих гражданок, и они никогда, подобно боспорским царицам, не могли оказаться во главе правительства.

Немногочисленные данные о женщинах иного социального положения свидетельствуют о существовании во всех античных государствах Северного Причерноморья свободных женщин из семей неполноправного населения, гетер и рабынь. Их место в обществе можно определить лишь по аналогиям с тем, что сейчас известно о таких женщинах в других древнегреческих государствах. Памятники изобразительного искусства и разнообразные материальные находки позволяют представить внешний облик местных женщин: их одежду, украшения, прически и даже этнический тип.

Каталог изображений женщин и детей

1. Женщины, играющие на кифарах и хоровод во время праздника. Клазоменский кратер. 575–550 гг. до н. э. Березань. Корпусова 1987. С. 50.
2. Две женщины с веретеном и прялкой. Чернофигурная ольпа. 530 гг. до н. э. Ольвия. АНО. С. 113. № 170.
3. Гетера с кроталами. Краснофигурный килик мастера Олтоса. 520 гг. до н. э. Ольвия. Леви 1972. С. 56. Рис. 16.
4. Две женщины, танцующие на фоне виноградных лоз. Чернофигурная ойнохоя. Начало V в. до н. э. Ольвия. АНО. С. 37. № 6

5. Женщина, играющая на аулосе. Терракота местного производства. Пантикапей. Начало V в. до н. э. Кобылина 1974. С. 49. № 2. Табл. 57, 2.
6. Гетера и юноша. Чернофигурный лекиф. Начало V в. до н. э. Борисфен. Борисфен – Березань 2005. № 157.
7. Танцовщица с кроталами. Терракотовый рельеф из святилища Афродиты. Первая четверть V в. до н. э. Ольвия. Античные памятники Северо-западного Причерноморья. Киев, 2001. С. 5.
8. Женщина с корзиной для шерсти. Чернофигурный алабастр. 470 гг. до н. э. Пантикапей. ОАК 1912. С. 38; Горбунова 1979. С. 44. Рис. 10.
9. Девушка с зеркалом и юноша. Чернофигурный алабастр. 460 гг. до н. э. Пантикапей. ИАК № 30. С. 29. Рис. 17; Горбунова 1979. С. 46. Рис. 11.
10. Женщины на празднике Леней. Краснофигурный стамнос. Середина V в. до н. э. Пантикапей. Лосева 1974. С. 125-132.
11. Женщина с барбитоном и две служанки в гинекее. Краснофигурная гидрия. 440–430 гг. до н. э. Нимфей. Силантьева 1959. С. 8. Рис. 4; ДГН. № 59.
12. Женщины в гинекее. Краснофигурная гидрия. 440–430 гг. до н. э. Нимфей. ДГН. № 60.
13. Танец девушек у алтаря под аккомпанемент лиры и аулоса. Крышка краснофигурной леканы. 440–430 гг. до н. э. Пантикапей. ОАК 1869. Табл. 4, 14; Музы и маски. 2005. № 27.
14. Женщина с гидрией на голове. Терракота. V в. до н. э. Нимфей. АГСП 1984. Табл. 122, 3.
15. Невеста и ее подруги в гинекее. Краснофигурный свадебный лебет мастера Мидия. 410 гг. до н. э. Пантикапей. ДБК. Табл. 49; МГВ. С. 104. Рис. 50.
16. Танцующая девушка. Терракотовый рельеф. Нимфей. Конец V в. до н. э. БЦ. С. 176. Рис. 32.
17. Флейтистка, играющая перед возлежащим на ложе юношей. Фрагмент краснофигурного сосуда. V в. до н. э. Херсонес. ИАК 1903. С. 78. Рис. 29.
18. Праздничное шествие женщин. Рельеф на мраморном алтаре. Конец V – начало IV в. до н. э. Пантикапей. АП. № 18; АГСП 1984. Табл. 100, 3.
19. Женщины и мужчины в праздничном шествии. Фрагмент мраморного фриза храма. Ольвия. IV в. до н. э. АГСП 1955. С. 199. Рис. 14; АГСП 1984. Табл. 91, 4-5.

20. Афродита с веретеном и корзиной для пряжи. Крышка краснофигурной леканы. 380–360 гг. до н. э. Пантикапей. ОАК 1863. С. 15. Табл. 1; UKV. № 316.

21. Невеста и ее подруги в гинекее. Краснофигурный свадебный лебет. Первая половина IV в. до н. э. Пантикапей. ДБК. Табл. 52; КПКЖ. С. 140. № 1.

22. Невеста и ее подруги в гинекее. Крышка краснофигурной леканы. 370–360 гг. до н. э. Пантикапей. ОАК 1881. Табл. 3; UKV. № 11.

23. Невеста и ее подруги в гинекее. Крышка краснофигурной леканы мастера Марсия. 370–360 гг. до н. э. Пантикапей. ОАК 1861. Табл. 1; UKV. № 14; ARV. P. 1475.7; LIMC. Bd. 2. S. 102. № 993.

24. Женщины в гинекее. Краснофигурная пелика мастера Марсия. 360 гг. до н. э. Пантикапей. ДБК. Табл. 57; ГЗ. С. 164; UKV. № 370; ARV. P. 1475. 3.

25. Невеста и ее подруги в гинекее. Краснофигурный свадебный лебет мастера Марсия. 360 гг. до н. э. Пантикапей. КПКЖ. С. 19-24. Табл. 1-4; UKV № 286; ARV. P. 1475. 1; GRA. № 66.

26. Женщина, несущая лиру для игры во время жертвоприношения быка. Краснофигурная ойнохоя. 360 гг. до н. э. Пантикапей. ДБК. Табл. 61; UKV. № 305.

27. Невеста и ее подруги в гинекее. Крышка краснофигурной леканы Элевсинского мастера. 360–350 гг. до н. э. Пантикапей. ОАК 1860. Табл. 1; РД. С. 71. Рис. 106; UKV. № 10; ARV. P. 1476. 3; LIMC. Bd. 2. S. 33. № 212.

28. Праздничное шествие с участием флейтистки. Краснофигурный кратер. 360–350 гг. до н. э. Пантикапей. Музы и маски. 2005. № 33.

29. Женщины у лутерия. Краснофигурная пелика. 360–350 гг. до н. э. Пантикапей. ОАК 1906. Рис. 81; UKV. № 494.

30. Женщина, моющая волосы. Краснофигурная пелика. 360–350 гг. до н. э. Пантикапей. ДБК. Табл. 61, 1; КПКЖ. С. 51-52. Табл. 6, 3-4.

31. Старуха с ребенком на руках. Аттическая терракотовая статуэтка. Середина IV в. до н. э. Пантикапей. На краю ойкумены 2002. № 261.

32. Девочка с собакой. Краснофигурная ойнохоя. Середина IV в. до н. э. Пантикапей. UKV. № 318.

33. Мальчик и девочка с гусем. Краснофигурная ойнохоя. Середина IV в. до н. э. Пантикапей. ОАК. 1904. С. 76. Рис. 118. UKV. № 317.

34. Мальчик с собакой. Краснофигурная ойнохоя. 340 гг. до н. э. Пантикапей. UKV. № 315.

35. Свадебное шествие в сопровождении женщин, играющих на лире и аулосе. Краснофигурный свадебный лебет. 340–330 гг. до н. э. Горгиппия. КПКЖ. С.25, 141; UKV. № 284.

36. Женщины в гинекее. Краснофигурный лекиф с рельефными фигурами. Третья четверть IV в. до н. э. Пантикапей. APR. P. 29. № 42.

37. Женщины в гинекее. Крышка краснофигурной леканы. Третья четверть IV в. до н. э. Пантикапей. ОАК 1861. Табл. 1; UKV. № 120; ARV. P. 1482, 7; APR. P.43. № 106.

38. Невеста и ее подруги в гинекее. Крышка краснофигурной леканы. Последняя треть IV в. до н. э. Пантикапей. UKV. № 21.

39. Женщины в гинекее. Крышка краснофигурной леканы. Третья четверть IV в. до н. э. Ольвия. ОАК 1906. С. 48. Рис. 56; UKV. № 30.

40. Девушки, исполняющие культовые танцы. Золотые бляшки. Последняя треть IV в. до н. э. Курган Большая Близница (Тамань). ГЗ. № 206-208.

41. Невеста и ее подруги в гинекее. Крышка краснофигурной леканы. Конец IV в. до н. э. Пантикапей. КПКЖ. С. 104. № 4. Табл. 10, 2; UKV. № 28.

42. Невеста и ее подруги в гинекее. Крышка краснофигурной леканы. Конец IV в. до н. э. Пантикапей. ОАК. 1882. С. 20; КПКЖ. С. 106. Табл. 10, 4.

43. Боспорянка Апфа с ребенком на руках. Известняковая стела с полихромной росписью. Конец IV в. до н. э. Пантикапей. Блаватский 1964. С. 82-83. Рис. 24; АГСП 1984. Табл. 108, 1.

44. Женщины в гинекее. Краснофигурная пелика. Тамань. IV в. до н. э. ОАК 1865. С. 12. Табл. 4, 3.

45. Флейтистка в сцене жертвоприношения. Фрагмент краснофигурного сосуда. IV в. до н. э. Нимфей. ОАК 1877. С. 255.

46. Невеста и ее подруги в гинекее. Три крышки краснофигурных лекан. IV в. до н. э. Пантикапей. ОАК 1913 / 15. С. 86, 94. Рис. 154 а-с; UKV. № 31-33.

47. Невеста и ее подруги в гинекее. Фрагменты двух краснофигурных свадебных лебетов. IV в. до н. э. Пантикапей. КПКЖ С. 141; UKV. № 281, 282.

48. Женщина, ткущая на ручном станке. Краснофигурный лекиф. IV в. до н. э. Ольвия. Scythian Gold. 1992. № 4.

49. Мальчик и шпиц. Краснофигурный лекиф. IV в. до н. э. Пантикапей. ОАК 1874. С. 52.

50. Женщина, моющая волосы в лутерии. Этрусская печать-скарабей. Конец IV–III вв. до н. э. Пантикапей. Неверов 1983. С. 65.

51. Девочка. Мраморная надгробная статуя. Конец IV–III вв. до н. э. Ольвия. Воцинина 1958. С. 28. С. 117-122.

52. Молодая женщина в хитоне и гиматии. Две танагрских терракотовых статуэтки. Начало III в. до н. э. Феодосия. На краю ойкумены 2002. № 257, 258.

53. Женщина, кормящая грудью ребенка. Терракотовая статуэтка боспорского производства. Первая половина III в. до н. э. Пантикапей. На краю ойкумены 2002. № 260.

54. Проводы умершей девочки и скорбящая мать. Картина на погребальной амфоре местного производства. III в. до н. э. Ольвия. Зайцева 1976. С. 98-100.

55. Женщина с тригоном. Терракотовые статуэтки III–II вв. до н. э. Боспор. Кобылина 1961. С. 94; Блаватский 1964. Рис. 42.

56. Две обнаженные женщины у лутерия. Мозаика из цветной гальки. II в. до н. э. Херсонес. АП. № 141.

57. Мальчик с петухом. 4 терракотовых статуэтки местного производства. II–I вв. до н. э. Мирмекий, Кепы. Денисова 1981. С. 69; На краю ойкумены 2002. № 263.

58. Мальчик с собакой. Терракотовая статуэтка. II–I вв. до н. э. Пантикапей. Финогенова 1992. С. 244. Рис. 15.

59. Женщины в сцене жертвоприношения кабана. Мраморный рельеф эллинистического времени. Хора Ольвии. Русяева 1979. С. 42. Рис. 23.

60. Мальчик, тащащий упирающегося козлика. Терракотовая статуэтка эллинистического времени. Пантикапей. ДБК. Табл. 73,7.

61. Мальчик с гусем. 6 терракотовых статуэток эллинистического времени. Пантикапей и Мирмекий. Силантьева 1974. Табл. 38, 1; Денисова 1981. С. 68, 69, 72. Прим. 45.

62. Женщины, танцующие у алтаря. Пергамская ваза эллинистического времени. Ольвия. ОАМ. С. 173. № 97.

63. Танцующие женщины. Терракотовые статуэтки эллинистического времени. Боспор. Денисова 1981. С. 61.

64. Мальчик с гусем и петухом. Терракотовая статуэтка местного производства. I до н. э. – I в. н. э. Пантикапей. На краю ойкумены 2002. № 264.

65. Боспорянка Гликария. Известняковая надгробная стела. Вторая половина I до н. э. – начало I в. н. э. Пантикапей. КБН. № 305; АП № 90.

66. Боспорская царица Динамия. Изображение на золотых боспорских статерах 17/16 гг. до н. э. БЦ. С. 315. Табл. 4, 59.

67. Боспорская царица Динамия. Бронзовый бюст. Конец I до н. э. – начало I в. н. э. Тамань. АП. № 120; АГСП 1984. Табл. 106, 4.

68. Боспорянка Эратия. Известняковое надгробие. Рубеж I до н. э. – I в. н. э. Пантикапей. АП. № 126.

69. Женщина в парадной одежде. Мраморная статуя. I в. н. э. Пантикапей. АП. № 132.

70. Боспорянка Каллисфения и ее служанка. Рельеф на известняковой надгробной стеле. I в. н. э. Пантикапей. КБН. № 437.

71. Боспорянка Хрисия. Известняковое надгробие. I в. н. э. Пантикапей. КБН. № 553.

72. Супруги Феоген и Макария. Мраморный рельеф на надгробной стеле. Херсонес. I–II вв. н. э. АП. № 176.

73. Боспорянка Мирина и ее служанка. Известняковое надгробие. II в. н. э. АП. № 128. КБН. № 696.

III. Реальные и вымышленные народы в мифологии и изобразительном искусстве

Представители реальных и мифических народов постоянно привлекали внимание древнегреческих художников. Они чаще всего изображали эллинов или фольклорных героев, имеющих тот же облик. Гораздо реже объектами изображений становились иноземцы с их особыми чертами внешности и костюма, но именно о них пойдет речь в этом разделе.

1. Скифы

Среди интересующих нас персонажей на аттических вазах VI–IV вв. до н. э. есть люди, одетые в восточные костюмы и вооруженные луком и стрелами. Они появляются на росписях ваз, привезенных в Северное Причерноморье в конце VI – первой трети V вв. до н. э. (№ 1-7). Традиционно этих воинов называют скифами, но в последнее время некоторые исследователи опровергают такое отождествление¹. По мнению А.И. Иванчика, ни сами вазописцы, ни зрители их рисунков не считали этих персонажей скифами и вообще не соотносили с каким-либо определенным этносом². Сторонники этой точки зрения не отвечают на вопрос, почему между 520 и 480 гг. до н. э. аттические художники детально рисовали костюм и вооружение этих воинов, а позже многие реальные наблюдения были утрачены. В то же время М. Вос, рассмотрев более 600 расписных ваз, показала, что художники писали с натуры людей в восточных костюмах, так как в названный промежуток времени скифские лучники служили наемниками в афинском войске и чаще всего имели дело с конями. Когда же афиняне перестали привлекать скифов на военную службу, воины и амазонки в восточных костюмах утратили многие этнографические точные детали, а их одежда превратилась в некое обобщенного вида восточное одеяние³.

¹ Яценко С.А. Костюм Скифии в архаическое и классическое время: к вопросу об этнических изменениях // Античная цивилизация и варварский мир. Материалы 7-го археологического семинара. Краснодар. 2000. С. 25; Иванчик А.И. Кем были «скифские лучники» на аттических вазах эпохи архаики // ВДИ. 2002. № 3. С. 33-55; № 4. С. 23-42. Здесь же приведена обширная научная литература.

² Иванчик А.И. Указ. соч. ВДИ. № 4. С. 41.

³ Vos M.F. Scythian Archers in Archaic Vase- Painting. Groningen, 1963. P. 40-50; 80-81.

В задачи настоящего исследования не входит более детальное обсуждение вопроса, кто служил вазописцам реальным прототипом «скифских лучников». Я полагаю, что такие изображения у греков Северного Причерноморья ассоциировались с их соседями скифами, так как других народов в подобных костюмах почти никто из местных эллинов не видел. На вазах со «скифскими лучниками» иллюстрировались события давно минувшего времени, поэтому греки на северной окраине ойкумены узнавали на рисунках не своих современников, с которыми приходилось сталкиваться в реальной жизни, а героев эпических поэм и фольклорных преданий, и не имело значения, если на росписях ваз были какие-то небольшие несоответствия с костюмом и вооружением соседей северных эллинских колоний.

В античной литературе уцелело лишь одно краткое упоминание о скифах в греческом эпосе. Страбон (XII, 3. 22), сославшись на утраченные теперь сочинения, упомянул предание об участии в Троянской войне кочевников, прибывших из-за Борисфена, и назвал это выдумкой позднейших времен. Действительно, скифы появились в Малой Азии спустя несколько столетий после знаменитой войны. Геродот (I, 104- 106) написал об их военных походах в VII в. до н. э. и господстве в Азии в течение 28 лет. Знакомство со скифами сначала в греческих малоазийских городах, а затем в колониях на берегах Понта дало возможность грекам узнать о воинственности этих племен и об их коннице. Наверное, практика привлечения скифов во вспомогательное войско своеобразно отразилась в одной из поэм Троянского цикла, о содержании которой можно судить лишь по вазовым рисункам. Скифы выступали там союзниками троянцев. На амфоре последней трети VI в. до н. э. нарисовано сражение Диомеда и Гектора над телом поверженного Скифа. Около всех трех фигур написаны их имена. Убитый воин одет в греческий хитон, но на голове у него восточная шапка, а у пояса горит. Это указывает, что Скиф не просто имя, но и национальность этого персонажа. Но в большинстве случаев скифы выделяются только своим костюмом и вооружением. Особенно выразителен рисунок на одной чернофигурной гидрии: на стенах Трои стоят несколько гоплитов и воин в восточном одеянии, а из ворот города выезжает боевая колесница и выходит гоплит вместе со скифским лучником⁴.

Иллюстрации греческого эпического сказания об участии скифов в сражениях далекого прошлого нечасто встречаются на вазах из Северного Причерноморья. Такова роспись чернофигурной ойнохой из Пантикапея (№ 5). Два воина в шлемах с опущенным забралом поражают копьями

⁴ Ibidem. P. 34-39.

скифа в характерной остроконечной шапке и с горитом у пояса (рис. 37). Вышедшие к тому времени из употребления беотийские щиты гоплитов указывают зрителю, что это сцена из эпоса. Еще на двух чернофигурных вазах имеются подобные иллюстрации (№ 2, 7): на одной показано единоборство защищающегося беотийским щитом гоплита со стрелком в скифском костюме с горитом у пояса (рис. 38), на другой нарисован скиф в характерной одежде рядом с греческим воином, прощающимся с женой. Труднее определить смысл рисунка на чернофигурном лекифе, где скиф представлен между двумя лошадьми (№ 3). К этой серии сюжетов относятся и обломки сосудов с частично уцелевшими фигурами в скифских шапках (№ 1, 4).

Когда в VI в. до н. э. родилась легенда об объединении скифов с амазонками в один народ, вазописцы стали изображать воинственных женщин в скифском костюме и вооружении. На краснофигурных сосудах зачастую трудно отличить амазонок от молодых безбородых скифов. Мастера же чернофигурного стиля выделяли у женщин, в том числе и у амазонок, белым цветом лицо и незакрытые части рук и ног. Это позволяет считать ошибочным определение сюжета картины на чернофигурном лекифе в двух изданиях ваз Одесского музея (№ 6), где сказано, что там нарисованы два греческих всадника и пленная амазонка. Однако лица греков и «пленницы» одного цвета, поэтому это не амазонка, а молодой скиф, и он не пленник, а помощник воинов.

Аттические вазописцы тщательно рисовали вооружение скифов, в частности не употреблявшиеся эллинами составной лук и горит, представлявший футляр с двумя отделениями для лука и стрел. У греков же в колчане хранились только стрелы, и они пользовались этим оружием в основном на охоте, а не на войне. Горит имел характерное очертание, его украшали различными орнаментами, а к крышке прикрепляли хвост какого-нибудь пушистого зверя. Скифы носили горит обычно слева на перевязи, охватывающей шею и плечо, и дополнительно закрепляли его на поясе, греки же перебрасывали ремень колчана только через плечо⁵. Это детально нарисовано на алабастре (рис. 39), хранящемся в Одесском музее (№ 15), на других же вазах из Северного Причерноморья горит изображен силуэтно, а на одном лекифе он обозначен у правого бока воина (№ 3).

В отличие от греческого скифский лук был составным и имел выступ посередине⁶. Он был на вооружении и у других восточных народов, но эллины с архаического периода называли такой лук скифским, о чем

⁵ Ibidem. P. 50.

⁶ Черненко Е.В. Скифские лучники. Киев, 1981. С. 19-21.

известно из ссылки Аммиана Марцелина (XXII, 8, 10) на Гекатея Милетского, сравнившего очертание Черного моря со скифским луком. На лекифе со сценой охоты из Пантикапея (№ 9) изображены оба вида луков: греческий у охотника с эллинским именем Клитий и скифский у охотника в восточном костюме (рис. 40). Вазовые рисунки показывают разные моменты стрельбы из лука. Готовясь к бою, стрелок проверял прямизну стрелы (рис. 39), во время сражения скиф стрелял, сидя на коне, либо стоя или опустившись на колени. Даже стреляя, скиф умел держать в руке наготове несколько стрел, чтобы не тратить время на вынимание их из горита (рис. 38).

Костюм скифа состоял из облегающих шаровар и рубашки или куртки. Они запахивались крест накрест, образуя у шеи острый вырез. Их низ либо заправлялся в шаровары (№ 15), либо оставался поверх них (№ 3, 5). Дорогую одежду расшивали различными орнаментами, которые с особой тщательностью переданы в костюме амазонки на рисунке Псиакса (рис. 39). В VI – начале V в. до н. э. изображались два вида жестких скифских шапок. Одни, которые не встречаются на более поздних памятниках искусства, имели стоячий острый выступ над макушкой (рис. 37), у других верх был округлый (рис. 39). Более редкая остроконечная шапка показана на двух вазах их Порфмия и Пантикапея (№ 3, 5), а на остальных рисунках уборы второго типа. Скифские шапки, сшитые из плотной ткани или кожи, имели уши, опускавшиеся на затылок и плечи. Такие шапки согревали в холодную погоду, а также защищали голову и шею от ударов легкого оружия.

Наверное, в классический период становятся не популярными эпические поэмы и легенды с участием скифов, их иллюстрации уходят из репертуара художников. В IV в. до н. э. греческие ювелиры исполняли великолепные золотые и серебряные вазы и нашивные бляшки с реалистическими фигурами скифов. Они найдены в скифских курганах, но не обнаружены на греческих городищах и некрополях. Таким образом, можно думать, что эллинов Северного Причерноморья совсем не интересовали сюжеты с изображениями их соседей, которых они хорошо знали в реальной жизни. Итак, на памятниках искусства из античных государств Северного Причерноморья скифы встречаются на произведениях архаического периода. Исключение, возможно, составляет известняковый рельеф эллинистического времени, найденный на Тамани. Представленную на нем сцену сражения одни исследователи интерпретируют как сражение между скифами,

а другие как амазономахию. Но все согласны, что на рельефе реалистично изображен скифский костюм⁷.

2. Персы и фракийцы

На аттических вазах из Северного Причерноморья эпизодически встречаются персы и фракийцы. Эллинам хорошо знали их реальный облик, но не часто обращались к их изображениям. На лекифе афинского мастера Ксенофанта представлена охота с участием персов, греков и персонажей в восточных костюмах. Персов и греков определенно можно узнать по написанным рядом с ними именам: Аброком, Дарий, Кир, Артамис, Клитий и Эвриал (рис. 40). Не случайно у Клития в руках лук греческого типа, а у варвара – скифский. Характерный фракийский плащ нарисован на всаднике, изображенном на чернофигурном лекифе из Ольвии (№ 8). Единичные находки подобных изображений показывают, что они не играли сколько-нибудь заметной познавательной роли относительно персов и фракийцев.

3. Амазонки и аримаспы

У греков издавна существовали предания об амазонках, воинственных женщинах, живущих на краю ойкумены. В фольклорных и литературных произведениях рассказывалось, что они ненавидят мужчин, используют их в своем обществе лишь в роли рабов, либо вообще обходятся без них, встречаясь изредка с представителями противоположного пола для продолжения своего рода. После рождения детей амазонки оставляют в живых исключительно девочек и воспитывают их по своему подобию. В сочинениях античных авторов неоднократно упоминается о нападениях амазонок на греческие города и о сражениях с ними прославленных героев. Эти события относили к далекой древности. Тогда в битвах с амазонками побеждали Тесей и Геракл, а войско воинственных женщин, пришедшее на помощь троянцам, потерпело поражение, и Ахилл убил их царицу Пентесилею.

Эллины полагали, что одноглазые аримаспы, подобно амазонкам, обитали также на краю ойкумены; где-то в далекой стране они воевали со

⁷ Боспорский рельеф со сценой сражения (амазономахия?). Ред. Е.А Савостина. М., СПб. 2001.

сказочными грифонами, сторожащими золото. Это описывалось в поэме Аристея Проконесского «Аримаспея», от которой уцелели к настоящему времени незначительные фрагменты. Возможно, в этом сочинении отразились полученные конце VII–VI вв. до н. э. сведения о каком-то конкретном азиатском народе за Уралом, но уже в V в до н. э. рассказы об одноглазых людях воспринимались как мифологические (Her. III, 116).

Предания об амазонках и аримасах имели одну общую черту, существенную для понимания их роли в сознании греков: они населяли крайние пределы известного мира, за которым простиралось потустороннее царство. Туда уходили души умерших, а на границе двух миров, казались возможными всякие чудеса, в том числе существование полуфантастических людей и чудовищ (в данном случае грифонов), не встречающихся в реальной жизни. Первоначально в греческих мифах область около реки Термодонт в Малой Азии называлась родиной амазонок, но после освоения южного побережья Понта и знакомства с его населением, где не было воинственных женщин, сложился новый миф об их переселении в малоизвестные степи Северного Причерноморья. Кроме того, эллины увидели там скифских и сарматских всадниц, владевших оружием, что согласовывалось с рассказами об амазонках.

Сейчас лучше всего известно предание, подробно записанное Геродотом (IV, 110-116). В нем рассказывалось, как эллины, одержав победу над амазонками на их родине, посадили пленниц на три корабля, направлявшиеся в Элладу. После того как амазонкам удалось перебить всю команду судов, они, не умея править кораблями, были вынуждены отдаться воле ветров и пристали в гавани Кремны на северном берегу Меотиды (Азовского моря). Здесь амазонки продолжали привычный им образ жизни: похитили у скифов табун лошадей и стали совершать вооруженные нападения на соседей. Скифы не сразу признали женщин в своих новых противниках; обнаружив это, они решили не сражаться, а вступить с ними в связь, чтобы иметь воинственных детей. В результате военные лагеря амазонок и скифов объединились, но женщины заявили, что не желают жить вместе со скифянками, не умеющими скакать на конях, стрелять из лука, охотиться и воевать. Поэтому они предложили своим мужьям поселиться на новых землях за Танаисом. Так, по мнению греков, появился народ савроматов, которые говорят на «испорченном» скифском языке, а их женщины вместе с мужчинами участвуют в охоте и военных походах.

В V в. до н. э. существовали и другие рассказы об амазонках в Северном Причерноморье. Плутарх (Thes. 26) со ссылкой на Гелланика сообщил, что воинственные женщины отправились в поход на Афины из-за Боспора Киммерийского, а Геракл у Еврипида (Her. 408-419) добыл «златокоронный пояс» царицы амазонок на берегах Меотиды.

Благодаря рисункам на вазах архаического времени с надписями имен изображенных персонажей можно заключить, что уже в VI в. до н. э. существовали литературные произведения, в которых родиной амазонок считалось Северное Причерноморье. Из таких надписей известно более 70 имен амазонок⁸; это указывает на их литературное происхождение, потому что устные предания обходятся считанными именами главных героев. Большинство записанных на вазах имен греческие, среди них Токсис, Токсофила и другие произведены от слова стрела (τόξα), они указывают на характерное скифское, а не греческое вооружение амазонок, так как эллины использовали лук и стрелы преимущественно на охоте. Некоторые имена воинственных женщин заимствованы у скифов, например, Скилея на вазе Клития, напоминает известное по рассказу Геродота (IV, 76) имя скифского царя Скила.

В фольклорных и письменных источниках мало говорилось о внешнем виде героев, так что художникам, иллюстрировавшим эти произведения, приходилось многое добавлять по собственному воображению. Наиболее ранние изображения амазонок лучше всего сохранились на аттических вазах, во множестве вывозившихся во все греческие города Северного Причерноморья. Здесь древнейший килик с амазомахией обнаружен в Пантикапее, он расписан в 570–560 гг. до н. э. (№ 10). Более поздние вазы с изображениями амазонок найдены при раскопках большинства крупных античных на Понте Евксинском. Сначала вазописцы изображали амазонок в греческой одежде и вооружении (№ 10–13). Лишь белая краска на лице и других открытых частях тела указывала, что это женщины, сражающиеся с эллинами в таких же высоких шлемах, коротких хитонах, с копьями и щитами в руках. Такая традиция изображать амазонок в греческом костюме навсегда укрепилась в монументальной скульптуре. Достаточно напомнить римские копии статуй раненых амазонок знаменитых греческих скульпторов Поликлета, Фидия и Кресилая⁹. То же самое наблюдается и в Северном Причерноморье. Скульптуры амазонок в греческих хитонах украшали фронтоны пантикапейского храма и рельеф из херсонесского театра эллинистического времени (№ 34, 35).

Аттические вазописцы живо откликнулись на новые рассказы об амазонках в Северном Причерноморье, начав рисовать их в скифских костюмах. Великолепный образец подобного рисунка представлен на сосуде для благовонного масла из Одесского музея (№ 15). Псиакс, один из лучших вазописцев конца VI в. до н. э., изобразил подготовку к едино-

⁸ *Bothmer D.* Amazones in Greek Art. Oxford, 1957. P. 234.

⁹ *Bunsep Б.Р.* Искусство древней Греции. М., 1972. Рис.199, 210, 211.

борству грека и амазонки. Обнаженный греческий юноша имеет шлем, щит, поножи, то есть все атрибуты воина, готового вступить в сражение. Шлем находится в поднятом, а не в боевом положении; жест правой руки указывает на тренировку в движении при бросании копья. Амазонка проверяет прямизну стрелы, от чего зависит точность ее полета. Лук скифского типа висит на согнутой руке амазонки, а через плечо на перевязи прикреплен горит, футляр для лука и стрел, характерный именно для скифского боевого снаряжения. Одежда, расшитая разнообразными узорами, и шапка, украшенная цветком, указывают, что перед нами царица, а не рядовая амазонка (рис. 39). Поэтому в ее противнике надо видеть Ахилла или Тесея (но не Геракла, всегда выделявшегося характерными атрибутами), которые, согласно широко распространенным мифам, вступали в единоборство с царицами амазонок.

В VI–V вв. до н. э. сцены с амазонками по большей части украшали употреблявшиеся в повседневной жизни килики, скифосы, ойнохои, ольпы, амфоры и алабастры. В изображениях битв и поединков с амазонками эллины видели иллюстрации к своей древней истории; недаром, ораторы называли поражение амазонок в Аттике в числе реальных исторических побед афинян (Isocr. IV, 42; VII, 75, XII; 193; Dem. XI, 8), а составители «Паросской хроники» включили нападение амазонок на Афины в ряд достоверных исторических событий.

Поэтому есть все основания полагать, что греки в Северном Причерноморье считали достоверным фактом прибытие амазонок на берега Меотиды и их браки со скифами, в результате чего появилось новое племя савроматов. Кроме этого предания здесь были известны и классические мифы об амазонках. Их знали из эпических поэм, а иллюстрации к ним украшали привозные аттические вазы. От них в основном уцелели лишь мелкие фрагменты, по которым затруднительно определить, сюжет какого именно мифа изображен художником (№ 10-16, 20-33). Определенно можно говорить лишь об иллюстрациях битвы Геракла с воинственными женщинами (№ 17- 19). Если на картинах не было подписей или характерных атрибутов героев, то в зависимости от своих знаний мифологии зрители могли отождествить рисунки с тем или иным сказанием об амазонках.

В первые десятилетия V в. до н. э. в городах Северного Причерноморья исчезает интерес к вазам с амазономахией, хотя афинские художники не отказываются от этого сюжета; однако теперь у них нет перед глазами живых моделей в виде скифов, и костюм амазонок становится все более схематичным. В IV в. до н. э. вазы с амазонками в большом количестве вновь стали пользоваться большим спросом на северных берегах Понта, особенно на Боспоре. Сосуды с подобными сюжетами в незначительном числе найдены также в Элладе, Малой Азии и Южной Италии. Статистика нахо-

док дает основание сделать вывод, что такие вазы расписывались в аттических мастерских в основном для вывоза в Боспорское царство с учетом вкусов местного населения¹⁰. Находки последних лет и публикации археологических материалов из фондов музеев, показывают, что вазы с интересующими нас сюжетами встречаются в Тире, Ольвии и Херсонесе не эпизодически, как считалось прежде, а в достаточно заметном количестве (№ 21, 25, 28, 32, 37, 41, 43, 47, 48, 52, 60, 61)¹¹.

Тогда же появляются и изображения аримаспов. Аристей, а вслед за ним Геродот (IV, 13) считали аримаспов нескифским племенем, живущим в Азии по соседству с исседонами, и называли аримаспов самым отдаленным народом, о котором имелись какие-то достоверные сведения. Рассказывали, что они воюют с грифонами, охраняющими золото, и что у этих почти сказочных людей всего один глаз. Для большинства эллинов северными народами, живущими на грани реального и потустороннего мира, были скифы и савроматы, поэтому аримаспов причислили к скифским племенам (Diod. Sic. II, 43, 5). Этим объясняется, почему вазописцы рисовали аримаспов в скифском костюме.

В IV в. до н. э. функции сосудов с подобными рисунками становятся иными, чем прежде; их находят почти исключительно в некрополях, и тематика их росписей связывается с погребальным ритуалом. В большинстве случаев это пелики, но есть также амфоры, гидрии, лекифы, кратеры и леканы (№ 28, 30, 31, 39, 40, 47, 51, 52, 54, 55). В III в. до н. э. боспорские вазописцы воспроизводили на так называемых акварельных пеликах сюжеты битв амазонок с греками, заимствуя композиции с более ранних аттических vaz (№ 33).

Амазонки и аримаспы стали не просто врагами, а представителями грозного потустороннего мира. Вероятно, борьба с ними воспринималась не как противостояние сильному противнику, как было в классических мифах, а как сражение с существами, несущими смерть¹². Аримаспов всегда изображали в скифском костюме (№ 62-73), а амазонок иногда в греческих хитонах (№ 25; рис. 41). Вероятно, это можно объяснить тем,

¹⁰ Schefold K. Untersuchungen zu den Kertschen Vasen // Archäologische Mitteilungen aus russischen Sammlungen. Berlin-Leipzig. 1934. Bd.4.S.1; Кобылина М.М. Поздние боспорские пелики // Материалы и исследования по археологии СССР. № 19. 1951. С.169.

¹¹ Большие перечни vaz с такими росписями приведены в трудах И.В. Шталь и И.И. Вдовиченко (см. список литературы к каталогу vaz в конце работы)

¹² Schefold K. Op. cit. S. 150, 194. Шталь И.В. Свод мифо-эпических сюжетов античной вазовой росписи по музеям Российской Федерации и стран СНГ. (Пелики IV в. до н.э. Керченский стиль). М., 2000.

что в монументальном искусстве амазонки не меняли свой костюм на скифский, а вазописцы зачастую копировали картины и скульптуры.

Конные и пешие амазонки на таких вазовых рисунках представлены в различные моменты схваток с пешими воинами греками. Одни изображены в процессе боя, другие лежат поверженные. О.В. Тугушева детально проанализировала композиции подобных росписей IV в до н. э. и пришла к выводу, что амазонкам, как правило, отводится центральное место на картине, они чаще, чем их противники, выступают в роли нападающей и атакующей стороны, и по изображениям можно заключить, что они побеждают (рис. 42)¹³. Это резко отличается от картин на вазах VI–V вв. до н. э. и от изображений, выполненных скульпторами и ювелирами, работавшими одновременно с вазописцами IV в. до н. э. Например, на фаларах из кургана Большая Близица (рис. 43) безусловно прославляются победы греческих героев (№ 29).

Среди подобных ваз самая насыщенная фигурами композиция украшает большую пелику из Ялтинского музея (№ 24). Она, по всей вероятности, найдена при раскопках Боспора и относится к произведениям последней четверти IV в. до н. э. На лицевой стороне сосуда в центре нарисована амазонка на коне, вставшем на дыбы; всадница пригнулась к шее лошади и, обернувшись назад, угрожает копьем противнику, находящемуся за ее спиной, а он пытается поразить амазонку своим копьем, одновременно прикрываясь щитом от ее удара. Справа сражается амазонка с боевым топориком и греческий гоплит. У ног ведущих бой находятся четверо раненых: слева амазонка и грек, бьющиеся, стоя на коленях, справа две силящиеся подняться амазонки, одна из которых пытается поразить мечом отступающего грека. На оборотной стороне пелики представлена всадница, сражающаяся с греком, пешая амазонка, отражающая удар противника, и лежащая поверженная амазонка.

Наряду с традиционным сражением амазонок с греками художники IV в. до н. э. ввели в свой репертуар новый сюжет, не известный сейчас в сохранившихся произведениях античных авторов: амазонки, подобно аримаспам, вступают в бой с грифонами (№ 36-46). Их рисуют крылатыми существами с телом льва и орлиной головой на длинной шее с гребнем, реже с головой рогатого льва (рис. 40; № 44-46); иногда позолоченные шарики рядом с этими чудовищами напоминают предание о том, что они сторожили золото (Her. IV, 13); таков, например, рисунок на лекифе из

¹³ Тугушева О.В. Сцены амазономахии на боспорских пеликах // Боспорский рельеф со сценой сражения. М., 2001. С. 227.

Пантикапея (№ 39). В этом сюжете преимущество чаще на стороне грифонов.

Часто трудно решить, изображена ли на вазе битва грифонов с конными и пешими аримаспами или с амазонками, так как мастера краснофигурной вазописи в отличие от своих предшественников, рисовавших в чернофигурном стиле, редко пользовались белой краской для выделения открытых частей тела женщин, а выпуклость груди у амазонок вазописцы не рисовали. Например, одна пелика из Пантикапея украшена рисунком с редкой композицией: два грифона сражаются с возницей, управляющим боевой колесницей. К. Шефолд называет его аримаспом, а М.М. Кобылина амазонкой (№ 44). Мне кажется предпочтительным последнее толкование, ведь на вазах IV в. до н. э. в битвах с греками амазонки иногда выступают на боевых колесницах (№ 27), а убедительных параллелей для подобного изображения аримаспов найти не удастся.

С уверенностью можно определить амазонок, когда они их лица, руки и ноги окрашены белым цветом, например, на лекифе из Пантикапея лицо и рука противника грифона выделены белой краской, что позволяет признать здесь амазонку, а не аримаспа, как сказано в одной публикации этой вазы (№ 39). Аримаспы безусловно определяются когда у них на голове нет шапки и видна короткая мужская прическа (рис. 45), как на пеликах из Нимфея и Пантикапея (№ 62, 66). В прочих случаях, возможно, амазонку от аримаспа отличали выбивающиеся из-под шапки пряди волос (рис. 42)¹⁴.

Рассказы о сражениях с грифонами пользовались столь большой популярностью на Боспоре, что их иллюстрации заказывали не только вазописцам. Золотой калаф жрицы, погребенной в конце IV в. до н. э. в кургане Большая Близница, украшен подобным сюжетом (№ 45). На рельефе этого головного убора противники грифонов определяются в научной литературе то, как аримаспы, то как амазонки. На мой взгляд, это несомненно амазонки, так как одна фигура изображена в фас и имеет оба глаза (рис. 46), а отличительной чертой аримаспов было наличие одного глаза. На рельефном украшении бронзового таза, найденного в одном погребении на Тамани, изображен грифон, терзающий поверженную амазонку (№ 46). У нее длинные волосы, а хитон не закрывает женскую грудь, поэтому нет сомнений, что это не аримасп. В обеих композициях заметно, что преимущество на стороне грифонов.

Отсутствие в уцелевших письменных источниках сюжета о борьбе амазонок с грифонами до сих пор продолжает оказывать влияние на инте-

¹⁴ Кобылина М.М. Указ соч. С. 142; 143. Рис. 4; С. 153. Рис. 10, 4.

рпретацию смысла некоторых произведений искусства. Например, на мраморном трофее с острова Родос представлена хорошо известная по вазопи- си группа: амазонка в греческом хитоне между двумя грифонами; однако в описании памятника сказано, что это аримасп¹⁵, хотя лицо изображено в фас и имеет два глаза.

В мифах об аримаспах говорилось не только об их нападениях на гри- фонов, но и о том, что чудовище можно приручить, если поймать его дете- нышем (Ael. De nat. Anim. IV, 27). Вероятно, это предание было знакомо художнику, расписавшему пелику из Пантикапея с изображением аримас- па верхом на грифоне (№ 72).

В некрополях Боспора, Ольвии и Херсонеса нередко встречаются пе- лики и леканы, украшенные головами коня или грифона рядом с женской головой в греческом чепце, либо в скифской шапке (№ 47-61). Скорее все- го, это амазонки, так как тип изображения голов сходен с рисунками ама- зонок на других вазах, а кони и грифоны присутствуют в сценах амазоно- махии (рис. 47)¹⁶. Изредка голова амазонки изображена рядом с ее ору- жием секирой (№ 47). Обычно же рядом с ней либо одна голова коня (№ 48-50) или грифона (№ 53), есть росписи, где показаны сразу амазонки, грифоны и кони (№ 56-60), или композицию из трех голов представляет амазонка в центре между грифонами (№ 61), а на крышках лекан рядом с головой амазонки бывает помещен лежащий грифон (№ 52).

В период эллинизма в Северном Причерноморье не забывали и тради- ционные мифы о сражениях амазонок с греками. Это подтверждается ря- дом археологических находок, не относящихся исключительно к погреб- альному обряду. Например, одна пелика с подобным сюжетом обнаруже- на при раскопках ольвийского святилища (№ 25), а на Боспоре такие изображения украшали ткань одежды (№ 23) и фалары на конской узде (№ 29). Последние отличаются тонкой работой мастеров, работавших по-видимому в Южной Италии¹⁷, и входят в число предметов роскоши, привозившихся на Боспор. Ювелиры детально воспроизвели сложные композиции, поместившиеся на небольшом круглом поле изделия (рис. 43). На одной группе фаларов обнаженный грек стаскивает амазонку с коня, а у его ног лежат поверженные греческий воин и амазонка, на дру- гой серии пеший воин в мускульной кирасе атакует амазонку мечом, а вторая раненая лежит у его ног, третья серия фаларов близка ко второй,

¹⁵ Ridgway B.S. Hellenistic Sculpture III. The Styles of 100-31 B.C. London, 2002. P. 80. Tabl. 30 a.

¹⁶ Schefold K. Op. cit. S. 147-148.

¹⁷ Трейтстеп М.Ю. Тема амазономахии в торевтике поздней классики //Боспорский рельеф со сценой сражения. М., 2001. С. 252.

но воин обнажен и его щит и меч повернуты иначе¹⁸. Такие издавна известные сцены амазономахии украшали предметы, использовавшиеся на войне: панцири, кирасы, узду коней¹⁹; сюжет напоминал о давних победах эллинов и призывал повторить их подвиги.

Итак, в литературе и искусстве отразились два комплекса мифов об амазонках в Северном Причерноморье. Один из них возник на рубеже VII–VI вв. до н. э. в период освоения греками северных берегов Понта, куда переместилась родина воинственных женщин. Их фантастические образы переплелись с реальными наблюдениями быта кочевых племен, у которых в отличие от греков женщины владели оружием и искусством верховой езды. Неслучайно археологи постоянно находят в скифских погребениях наконечники стрел, а иногда мечи, копья и боевые пояса²⁰. Изображения амазонок в скифском костюме на аттических чернофигурных и краснофигурных вазах напоминало обладателям ваз во всех частях греческой ойкумены о том, что где-то в степях за Танаисом обитают воинственные героини мифов и легенд.

Второй круг мифов имел более позднее происхождение и пользовался особенной популярностью на Боспоре. В IV в. до н. э. художники обратились к изображению аримаспов, ранее упоминавшихся в немногих литературных произведениях. Аримаспы и амазонки стали знаменовать грозные потусторонние силы, с которыми встречается душа человека при переходе в загробный мир. Вазы с такими сюжетами в основном использовались при погребальных обрядах. Часто видно, что рисунки на них выполнены быстро и довольно обобщенно и небрежно.

Включение амазонок в образы, связанные со смертью, было свойственно эллинам не только в Северном Причерноморье; достаточно напомнить сцены амазономахии на знаменитом галикарнасском мавзолее. В середине IV в. до н. э. прославленные скульпторы Скопас, Бриксиад, Леохар и Тимофей изваяли на четырех сторонах погребального памятника правителя Карии Мавсола рельефы со сценами битвы эллинов и амазонок²¹; женщины одеты в греческие хитоны, и лишь восточные шапки напоминают об их происхождении из полумифической страны. Упомянутый выше мраморный трофей, служивший надгробным памятником на острове Родосе, показывает, что и в эпоху позднего эллинизма сохранялось воспоминание о мифе, повествовавшем о сражении амазонок с грифонами на границе с потусторонним миром.

¹⁸ Там же. С. 244. Рис. 1-3.

¹⁹ Там же. С. 253-258.

²⁰ Черненко Е.В. Скифские лучники. Киев, 1981. С. 125.

²¹ Винпер Б.Р. Указ. соч. С. 244-245. Рис. 263-266.

4. Пигмеи

Из устных легенд и эпических поэм колонисты в Северном Причерноморье с древнейших времен имели сведения о двух африканских народах эфиопах и пигмеях. Действие популярного в среде боспорян мифа о сражениях пигмеев с журавлями разворачивалось в почти не известных южных областях Ливии. Многие античные авторы локализовали низкорослое племя пигмеев на южной окраине ойкумены где-то у истоков Нила, куда на зиму прилетают журавли (Her. II, 22, Aristot. Hist. anim. VIII, 12, 597). Согласно греческим преданиям, журавли ежегодно опустошали хлебные пашни пигмеев, а те уничтожали яйца журавлей и вступали с ними в битвы. Подробного изложения мифа не сохранилось, хотя ему была посвящена даже целая поэма «Гераномахия». Гомер в «Илиаде» (II, 2-7) сравнил возгласы наступающих троянцев с криками журавлей, нападающих на пигмеев. Это свидетельствует о популярности мифа, так как в сравнениях использовались хорошо знакомые образы. Поэтому у нас есть основания думать, что греки в Северном Причерноморье, как и прочие эллины детально знавшие гомеровские поэмы, издавна имели представление о том, что где-то на юге Ливии обитают пигмеи. Их бои с журавлями уже в VI в. до н. э. стали сюжетами картин на вазах. Древнейший образец такой росписи в Северном Причерноморье найден в Пантикапее и относится ко второй четверти V в. до н. э. (№74) Большинство более поздних ваз с этим сюжетом также обнаружены в некрополях Пантикапея (№ 75-77) и других городов Боспора (№ 78, 79), но редко за его пределами, например, на рельефе мегарской чашки из Ольвии (№ 80).

Для жителей Северного Причерноморья сюжет мифа обладал особой притягательностью, потому что сюда и в соседнюю Скифию журавли прилетали на лето из страны пигмеев. Аристотель в «Истории животных» (VIII, 12, 597 a, b) писал о перелетах журавлей из скифских равнин в Египет к неизведанным верховьям Нила. Как и всякому эллину, ему при этом припомнилось знаменитое сказание, о чем он вскользь упомянул: «Там, как говорят, журавли сражаются с пигмеями». Аристотель также выделил важную для понимания мифа уверенность греков, что из всех птиц именно журавли перелетают от одного края ойкумены к другому, а путь остальных перелетных птиц более короткий. Таким образом, журавли имели возможность заглянуть за пределы реального мира на его северных и южных границах.

Этот миф на Боспоре уже в IV в. до н. э. ассоциировался с представлением о пути души умершего в загробный мир. На пути покойного у границ с потусторонним царством происходят бои полумифических существ амазонок с грифонами и пигмеев с журавлями. Такие образы существовали

в среде боспорян не одно столетие, что подтверждается картиной сражения пигмеев с журавлями на исполненной местным художником фреске в пантикапейском склепе II–I вв. до н. э. (№ 81; рис. 50).

Вазы IV в. до н. э. с картинами битв пигмеев с журавлями обнаружены исключительно в некрополях. Это пелики, расписанные аттическими мастерами специально для вывоза на Боспор (№ 75-79). Самая сложная композиция из числа подобных рисунков включает трех журавлей и четырех пигмеев (№ 75). Двое из них имеют негритянские черты лица, что намекает на действие мифа на юге Ливии. Венки на головах пигмеев указывают на их превосходство в сражении (рис. 48). На прочих вазах обычно три фигуры: два пигмея и один журавль или два журавля и пигмей (рис. 49).

Пигмеев рисовали одного размера с птицами, а иногда и уступающими им в росте. Так, по всей вероятности, отразились какие-то сведения о низкорослых племенах, действительно обитавших в Африке; их упоминали в своих сочинениях Геродот (IV, 43), Аристотель (Hist. Anim. VIII, 12, 2), Страбон (VII, 2, 1) и др. В мотиве сражения журавлей с пигмеями отразилось представление греков о воинственном характере этих птиц (Aristot. Hist. Anim. 13, 3). Недаром поэты часто сравнивали крики наступающих воинов с журавлиными (Hom. II, II, 459, III, 1- 7, Nonn. Dion. XIV, 331, Verg. Aen. X, 264, Val. Flac. Argon. III, 359).

5. Египтяне и эфиопы

О далекой Ливии, и в первую очередь о живших там египтянах, колонисты с давних пор имели некоторые известия. Трудно сказать, были ли в Северном Причерноморье в VI–V вв. до н. э. образованные люди, читавшие сочинения Гекатея и Геродота, подробно описавших Египет и все, что тогда было известно о Ливии. Но несомненно выходцы из Милета имели сведения о Навкратисе, милетской колонии, основанной в устье Нила еще до освоения земель на северных берегах Понта Евксинского. В архаический период милетские купцы привозили в Ольвию и на Боспор изделия из алебаstra и стекловидной массы, называемой египетским фаянсом, изготовленные египтянами, а также греками по египетским образцам в мастерских Навкратиса. Это были разнообразнейшие небольшие сосуды для парфюмерии, бусы, подвески и амулеты²².

²² Фармаковский Б.В. Архаический период в России // Материалы по археологии России. № 34. 1914. С. 18; Пиотровский Б.Б. Древнеегипетские предметы, найденные на территории Советского Союза // СА. 1958. № 1. С. 23-26; Алексеева Е.М. Предметы из египетского фаянса VI- IV вв. до н. э. в Северном Причерноморье // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. 1972. № 130. С. 20.

Среди последних особо стоит выделить жуков- скарабеев. Греки заимствовали у египтян веру в магическую силу скарабеев, олицетворявших, по древним верованиям, бессмертие. Одна сторона амулета была выпуклой и воспроизводила спинку жука, а на другой плоской и гладкой вырезали фигурки людей и животных или иероглифические надписи, так что эту сторону владелец мог использовать в качестве печати. После завоевания Египта персами в 525 г. до н. э. импорт из Навкратиса прекратился, но находки в некрополях показывают, что предметами из северной Африки в пользовались еще в начале V в. до н. э.²³

Купцы из Милета и некоторых других ионийских городов постоянно посещали греческие колонии как на юге, так и на севере освоенных эллинами земель. По их рассказам жители Северного Причерноморья в архаический период знали о жизни своих соотечественников в Навкратисе и о нравах и обычаях их соседей египтян. Иероглифы на скарабеех давали представление о непривычном для греков виде письма. Те же купцы могли не только сообщить о чернокожем населении Африки, но иногда иллюстрировать свои рассказы на предметах изобразительного искусства. К таким образцам относится голова негра на печати VI в. до н. э., найденной на Березани (№ 82).

В античности чернокожих людей называли эфиопами (Hom. Od. IV, 84). Древнейшие упоминания о них содержались в эпических поэмах. Гомер представлял эфиопов счастливым племенем, живущим на краю земли, куда время от времени отправляются сами боги (Hom. II. I, 423, Od. I, 23). Войска эфиопов во главе с их царем Мемноном, сыном богини Эос, помогали троянцам. Об этом повествовала поэма «Эфиопида», посвященная описанию заключительного этапа Троянской войны. Эллины в Северном Причерноморье знали эпические поэмы, так как Гомера учили в школах всех греческих государств, а «Эфиопида» была сочинением Арктина, уроженца Милета. Иллюстрируя эпизоды из эпоса, аттические вазописцы не раз изображали негров из войска Мемнона, но самого царя рисовали таким же, как прочих героев Троянской войны. Хороший пример этого дают две чернофигурные вазы, расписанные выдающимся художником Эксекием в третьей четверти VI в. до н. э. На одной амфоре мы видим негра, сопровождающего Мемнона, который убивает Антилоха²⁴, друга

²³ *Большаков А.О., Ильина Ю.И.* Египетские скарабеи с острова Березань // ВДИ. 1988. № 3. С. 65-67.

²⁴ *Boardman J.* Athenian black-figure vases. London, 1985. № 99.

Ахилла, а на второй нарисован Менелай, наносящий смертельный удар негру из войска Мемнона²⁵.

В начале V в. до н. э. в Ольвию и на Боспор стали привозить терракотовые статуэтки (№ 88) и аттические вазы с изображением эфиопов. В их числе были сосуды в виде фигур или голов негров и негритянок, исполненные на рубеже архаической и классической эпохи (№ 84, 85), позже в городах Северного Причерноморья подобные сосуды встречаются уже в римское время (№ 93, 94). Картины с участием эфиопов украшают два алабастра и канфар из Пантикапея (№ 86, 87). Перечисленные сосуды предназначались для разных целей: фигурными пользовались при исполнении ритуалов в различных религиозных и особенно в заупокойных церемониях, алабастры служили вместилищем душистых масел, которыми натирали тело, а канфары были кубками для питья и для возлияний богам.

На чернофигурных алабастрах негры с характерными для них чертами лица нарисованы воинами, а стоящая рядом с одним из них пальма указывает на их происхождение из южных стран (рис. 51). Вазописцы не знали национальной одежды и вооружения своих героев, поэтому изображали негров в известных грекам варварских костюмах и снабжали соответствующим оружием. На алабастрах из Северного Причерноморья негры представлены в скифском вооружении с топориком, луком и колчаном, а на канфаре эфиопа одели во фракийский костюм с особым плащом и мягкой шапкой с ушами. Вооруженные негры на расписных вазах архаического периода скорее всего представляют воинов из войска Мемнона или из какого-то неизвестного нам сказания; ведь тогда мифы служили главным источником сюжетов росписей ваз. Такое толкование подтверждается иллюстрациями и надписями на двух упомянутых амфорах мастера Эксекия.

На произведениях прикладного искусства из Северного Причерноморья эллинистического времени негры появляются на золотых подвесках и ожерельях из Пантикапея (№ 89, 90), на рельефах, украшающих кубок и на фигурном сосуде из Ольвии (№ 91, 92). В основном это декоративные головы негров, а сосуд из Ольвии изображает заснувшего слугу, ожидающего хозяина после ночной пирушки (№ 88).

В эллинистический период сведения о населении северной Ливии становятся гораздо более обширными и определенными благодаря прямым контактам жителей Северного Причерноморья с Египтом. Там после распада державы Александра Македонского образовалось Египетское царство, которым сначала правил полководец Александра Птолемей Лаг (305–

²⁵ Frank K.M., Snowden J. Ancient views of Nubians // Expedition. V. 35. 2. 1993. P. 45. Fig. 7.

283 г. до н. э.), прозванный Сотером (спасителем), а затем его наследники, носившие те же имена, но иные эпитеты. Расцвет могущества этого царства приходится на III в. до н. э., и именно к этому времени относится большинство наших источников о связях государств Северного Причерноморья с Египтом.

Во время правления династии Птолемеев официальным языком был греческий. Поэтому приезжие из Египта могли свободно общаться с жителями Тиры, Ольвии, Херсонеса и Боспора и рассказывать о своей родине. Доказательством таких контактов являются найденные в этих городах несколько надписей и граффити, а также перстни «птолемеевского типа». Многие из них украшены изображениями обожествленных египетских царей и цариц: среди них Птолемей II Филадельф (285–246 гг. до н. э.) и его жена Арсиноя, Птолемей III Эвергет (246–221 гг. до н. э.) и его жена Береника, а так же Арсиноя, жена Птолемея IV Филопатора (221–203 гг. до н. э.). Все эти перстни бронзовые (№ 95-101; 104-106), за исключением одного костяного, найденного в Ольвии (№ 102). По весьма вероятному предположению О.Я. Неверова, эти перстни принадлежали мореплавателям²⁶. Видимо, не случайно большинство упомянутых перстней украшены портретами двух Арсиной, потому что обожествленные царицы считались покровительницами мореплавания. Вот как писал об этом Посидипп, поэт III в. до н. э.

В храм Филадельфовой славной жены Арсиной – Киприды
Морем и сушей нести жертвы спешите свои.
Эту святыню, царящую здесь, на высоком побережье
Зефирейды, воздвиг первый наварх Калликрат.
Добрый молящимся путь посылает богиня, и море
Делает тихим для них даже в середине зимы.

Перевод Л. Блуменау

Возможно, некоторые боспоряне, часто отправлявшиеся в морские поездки, восприняли веру в покровительство обожествленных египетских цариц, так как в боспорских некрополях найдено наибольшее в Северном Причерноморье количество перстней с их изображениями. Кроме того, есть предположение, что такие перстни принадлежали местным жителям, служившим наемниками в египетском войске²⁷.

²⁶ *Неверов О.Я.* Группа эллинистических бронзовых перстней из собрания Эрмитажа // ВДИ. 1974. № 1. С. 114.

²⁷ *Литвиненко Ю.Н.* Птолемеевский Египет и Северное Причерноморье в III в. до н. э. // ВДИ. 1991. № 1. С. 23.

Приезжие из Египта привезли в Северное Причерноморье самые ранние для этого региона изображения Сераписа и Исиды. К числу древнейших памятников такого рода принадлежит найденная в Пантикапее голова статуи из черного базальта, исполненная в середине III в. до н. э. (№ 103). Она представляет Арсиною, жену Птолемея Филадельфа в образе богини Исиды; возможно статуя была подарком египетского царя²⁸.

Во многих греческих городах Серапис (в надписях из Северного Причерноморья его имя пишется Сарапис) стал одним из весьма популярных богов эллинистического времени. Его культ появился в Египте в результате деятельности Птолемеев, стремившихся сблизить веру местного населения и прибывших сюда греков. Серапис имел общие черты с несколькими греческими богами, и в первую очередь с Зевсом, а также с египетским Осирисом, поэтому почитание Сераписа сочеталось с культом Исиды, жены и сестры Осириса. Она считалась покровительницей мореплавания и морской торговли, богиней плодородия и владычицей душ умерших. В ее образе греки видели общие черты с Деметрой (Her. II, 59, 156) и с Афродитой в ипостаси покровительницы мореплавания, хорошо известной в античных городах Северного Причерноморья²⁹.

Под влиянием связей с Египтом и распространившейся в эллинистический период общегреческой тенденции включать в свой пантеон восточных богов³⁰ жители Северного Причерноморья начали поклоняться египетским богам. Сначала их почитали частные лица, а затем эти боги вошли число государственных культов. Об этом свидетельствуют найденные в Херсонесе посвятельные граффити эллинистического времени³¹ и мраморная плита середины III в. до н. э., по-видимому, принадлежавшая алтарю, поставленному херсонеситом. Надпись гласит: «Хармипп, сын Притана (посвятил) по велению божьему Сарапису, Исиде, Анубису»³². О том же говорят находки из Тиры: терракота местной работы, изображающая Сераписа³³ и две надписи II–I вв. до н. э. о благодарственном приношении Серапису, Исиде и чтимым вместе с ними богам, то есть Гарпок-

²⁸ *Виноградов Ю.Г., Золотарев М.И.* Божественная египетская триада в Херсонесе Таврическом. // Сиссития. Сборник статей памяти Ю. В. Андреева. СПб., 2000. С. 286.

²⁹ *Русяева А.С.* Религия понтийских эллинов в античную эпоху. Киев, 2005. С. 308.

³⁰ *Иванчик А.И., Самойлова Т.Л.* Синкретические культы греко-египетских богов в Тире // Боспорский феномен. СПб., 2007. Ч. 2. С. 150. Там же ссылки на научную литературу о культах этих богов в Афинах, на о. Делосе и в соседней с Тирой Истрии.

³¹ *Соломоник Э.И.* Некоторые группы граффити из античного Херсонеса // ВДИ. 1976. № 3. С. 136. Рис. 13.

³² *Виноградов Ю.Г., Золотарев М.И.* Указ. соч. С. 284.

³³ *Клейман И.Б.* Статуэтки из Тиры // Терракоты Северного Причерноморья. М., 1970. С. 26 Табл. 2, 2

рату и Анубису (IOSPE I² № 5)³⁴. Найденная в Ольвии серебряная статуэтка Сераписа, исполненная в III в. до н. э.³⁵, является древнейшим памятником, указывающим на знакомство ольвиополитов с египетскими культами.

Свидетельства об общении боспорян с жителями Египта по количеству и разнообразию занимают первое место среди государств Северного Причерноморья. Только о боспорянах можно с уверенностью сказать, что они посещали Египет, о чем известно по письменным источникам III в. до н. э. В надписи из Фаюма, относящейся ко времени правления Птолемея I, в числе греческих военных наемников названы два боспорянина Филоних и Мольпагор. По мнению Ю.Г. Виноградова, они были противниками царя Евмела и после его победы стали политическими беженцами, отправившимися служить в Египет³⁶. В папирусе из архива Зенона, датированном 21 сентября 254 г. до н. э., содержится запись о послах, прибывших от царя Перисада II к Птолемею Филадельфу³⁷.

В письме Аполлония своему помощнику Зенону говорится о том, чтобы он позаботился о предоставлении транспорта для поездки боспорских и аргосских послов к храму Арсенои. Возможно, там проходил большой праздник, который хотели показать этим послам. Таким образом, боспоряне видели в Египте не только Александрию, но и достаточно удаленные от нее места, так как для поездки потребовались наряду с экипажами вьючные мулы. Цель посольства в документе не названа; одни ученые определяют задачу переговоров как стремление разграничить сферы влияния в хлебной торговле³⁸, другие полагают, что в это время Боспор уже не мог экспортировать много зерна, и послы договаривались о наемниках. В.П. Яйленко считает, что египетский корабль «Исида», изображенный на стене нимфейского святилища, привез опытных наемников для боспорского войска, нуждавшегося в помощи в борьбе с варварами³⁹. Есть мнение, что наоборот наемников для египетского войска вербовали на Боспоре для пополнения очень большой армии Птолемея⁴⁰.

³⁴ *Иванчик А.И., Самойлова Т.Л.* Указ. соч. С.152-153.

³⁵ *Алексеев В.П.* Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Одесса, 2007. С. 45. № 10.

³⁶ *Виноградов Ю.Г., Золотарев М.И.* Указ соч. С.286.

³⁷ *Skeat T. C. Zenon Archive.* № 1973 // *Greek Papyri in British Museum.* Т.7. London, 1974.

³⁸ *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.-Л., 1949. С. 77; *Шургая И.Г.* Вопрос боспоро-египетской конкуренции в хлебной торговле Восточного Средиземноморья раннеэллинистической эпохи // *КСИА.* 1974. № 138. С. 51.

³⁹ *Яйленко В.П.* Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // *Эллинизм. Экономика, политика, культура.* М., 1990. С. 303.

⁴⁰ *Литвиненко Ю.Н.* Указ. соч. С. 25.

Каковы бы ни были цели визитов послов от Перисада в Египет и корабля «Исида» в Северное Причерноморье, можно с уверенностью говорить, что некоторые боспоряне могли рассказать о населении Египта по собственным впечатлениям, а многие жители Боспора общались с приезжими из Ливии. Последние по своему этническому происхождению могли быть эллинами, македонцами и египтянами, а может быть, на наиболее тяжелых работах на кораблях использовали негров. Однако все они говорили по-гречески, так как этот язык был официальным и объединяющим все группы населения в птолемеевском Египте. Таким образом, между приезжими и местным населением не существовало языкового барьера.

Гавани античных городов Северного Причерноморья заполняли сравнительно небольшие торговые и военные суда. Их вид можно представить по рисункам на стене упомянутого нимфейского святилища и по другим изображениям в античных городах Северного Причерноморья⁴¹. Прибытие на Боспор огромного корабля из Египта было экстраординарным событием, которое безусловно обсуждали все местные жители. Греки всегда отличались повышенным интересом ко всему необычайному. Аристотель (fr. 83 Rose) высмеивал множество зевак, которые, узнав о появлении в гавани корабля из дальних стран, сбегались в порт послушать рассказы мореходов. Конечно, боспоряне стремились рассмотреть редкостное судно и пообщаться с его командой. Об этом сейчас стало известно из раскопок нимфейского святилища богов, покровительствовавших мореплаванию. Здание и рисунки на его стене синхронны времени правления Перисада II, отправившего своих послов в Египет; имя этого царя есть среди граффити на стене святилища.

Уцелевшая часть штукатурки имеет множество надписей и рисунков, прочерченных посетителями святилища. Среди рисунков больше всего изображений кораблей: более 30 небольших парусных судов и огромный корабль с написанным на его борту наименованием ΙΣΙΣ (Исида). Рисунок египетского корабля сделан явно с натуры, и его автор хорошо знал морское дело, хотя и не обладал выдающимися художественными способностями. Он детально изобразил военную триеру, названную именем самой почитаемой богини птолемеевского Египта. Триера была снабжена двумя таранами, имела длину не менее шестидесяти метров и могла идти под парусом и на веслах. Гребцы располагались на каждой стороне в три яруса, и в каждом сидело по 27 человек⁴². Это дает представление

⁴¹ Петерс Б.Г. Морское дело в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1982. С. 133-146.

⁴² Грач Н.Л. Открытие нового исторического источника в Нимфее // ВДИ. 1984. № 1. С. 81-88.

о необычайной величине судна и о его многочисленной команде. Последнее указывает на то, что многие боспоряне имели возможность пообщаться с приезжими из Египта.

Заключение

Анализ памятников искусства дает возможность придти к следующим выводам. Художники зримо воплощали облик персонажей, не известных из окружающей действительности. Рассмотренные изображения показывают, как жители северной окраины греческой ойкумены представляли внешний вид реальных и мифических народов, о которых знали по рассказам приезжих из разных концов ойкумены и по известным с детства устным преданиям и эпическим поэмам. Иноземцы в основном включены в сцены, иллюстрирующие литературные и фольклорные произведения. Там они были персонажами, некогда воевавшими с эллинами, либо их современниками, обитавшими на краю земли. К первым относились скифы, эфиопы и амазонки, ко вторым – аримаспы, амазонки и пигмеи. В сознании жителей античных государств Северного Причерноморья реально существовавшие, но не встречавшиеся им представители народов, например, негры, находились в одном ряду с вымышленными амазонками или пигмеями, имевшими немного общего с низкорослыми африканскими племенами. Художники мало обращались к изображениям хорошо известных варваров, таковы редкие фигуры персов и фракийцев. В этот ряд надо поставить и скифов, которых изображали преимущественно в архаический период, когда было популярно сказание об их участии в Троянской войне. Но и тогда вазы с такими сюжетами не имели широкого распространения в Северном Причерноморье. Позже греческие мастера стали реалистически представлять скифов на ювелирных изделиях. Они предназначались для отправки в Скифию, а в античных государствах предметы с такой тематикой не пользовались спросом.

В особую группу следует выделить памятники с изображением жителей Ливии. Они, действительно, играли познавательную роль, являясь для большей части населения Северного Причерноморья одним из немногих источников знаний об Африке. Изображения негров давали представление о внешнем виде эфиопов из известных с детства эпических поэм и из рассказов приезжих купцов, а привозные печати-скарабеи знакомили с особой письменностью египтян. Рисунок на стене в святилище Нимфея напоминал о визите египетского корабля «Исида» и его многочисленной команде. Изображения египетских царей и цариц давали представление о конкретных людях из далекой Ливии. В результате непосредственных

контактов появились сведения относительно египетского флота и войска, а также о ряде египетских богов, культы которых стали распространяться и на северной окраине греческой ойкумены. В римский период связи с Ливией прерываются, и знания о ее населении становятся весьма ограниченными.

Каталог изображений представителей разных народов

Скифы

1. Скиф. Медальон чернофигурного килика. 520 гг. до н. э. Ольвия. Горбунова 1970. С. 573-574.
2. Скиф в сцене прощания воина. Чернофигурная ольпа. 510–500 гг до н. э. Ольвия. АНО. С. 102. № 151, 2.
3. Скиф с лошадьми. Чернофигурный лекиф. 510–500 гг до н. э. Порфмий. Вахтина 2007. С. 55- 67. Рис. 1-3.
4. Голова всадника в скифской шапке. Обломок чернофигурного сосуда. Конец VI в. до н. э. Ольвия. Леви 1964. С. 160. Рис. 28, 1.
5. Два воина, поражающие скифа копьями. Чернофигурная ойнохоя. Рубеж VI–V вв. до н. э. Пантикапей. АМ. № 21.
6. Скиф и два греческих всадника. Чернофигурный лекиф. Рубеж VI–V вв. до н. э. Ольвия. ОАМ. № 65. GCA. № 28.
7. Единоборство гоплита и скифа. Чернофигурный алабастр. 470 гг. до н. э. Северное Причерноморье. Горбунова 1979. С. 37. Рис. 1; ARV. P. 268. 1641.

Фракийцы и персы

8. Всадник в фракийском плаще. Обломок чернофигурного сосуда. VI в. до н. э. Хора Ольвии. Рабичкин 1951. С. 123. Рис. 28, 1.
9. Персы в сцене охоты. Лекиф с рельефными фигурами мастера Ксенофанта. 380 гг. до н. э. Пантикапей. ДБК. Табл. 45; Передольская 1945. С. 47-67; Скржинская 1999. С. 121-130.

Амазонки

Сражения с греками

10. Поверженная амазонка. Обломок стенки чернофигурного килика. 570–560 гг. до н. э. Пантикапей. Сидорова 1992. С. 218. Рис. 10 а.
11. Вооруженные амазонки рядом с конями. Фрагмент чернофигурного килика. Вторая половина VI в. до н. э. Ольвия. Леви 1964. С. 159. Рис. 27.

12. Сражение амазонки и греческого воина. Фрагмент чернофигурного килика. Последняя четверть VI в. до н. э. Ольвия. Шауб 1979. С. 64. Рис. 2, 5.

13. Амазонка в полном греческом вооружении. Чернофигурная ольпа. Последняя четверть VI в. до н. э. Ольвия. GCA. № 21.

14. Сражение амазонок с греками. Краснофигурный кратер. Кошарское городище. Середина IV в. до н. э. Левина 1990. С. 130-134; GCA. № 45.

15. Подготовка к бою амазонки с греческим героем. Краснофигурный алабастр Псиакса и Гилена. Конец VI в. до н. э. АП. № 5-6.

16. Сражающиеся амазонки. Фрагменты чернофигурных сосудов. Конец VI- начало V вв. до н. э. Пантикапей. Сидорова 1992. С. 198, 209, 220. Рис. 15 а, 16, 5, 42.

17. Битва Геракла с амазонками. Чернофигурный мастоид. Конец VI в. до н. э. Березань. ОАМ. № 48; GCA. № 27.

18. Геракл, убивающий амазонку. Чернофигурная амфора. VI в. до н. э. Березань. Vogel 1908. № 59.

19. Битва Геракла с амазонками. Чернофигурный лекиф. Первая четверть V в. до н. э. Нимфей. ДГН. № 42.

20. Конная амазонка. Фрагмент краснофигурного килика. 460 гг. Фанагория. Кобылина 1969. С. 101.

21. Сражение двух конных амазонок и грека. Фрагмент краснофигурного кратера. Первая половина IV в. до н. э. Керкинитида. Кутайсов 1992. С. 128.

22. Сражение амазонок с греками. Краснофигурная пелика. 360–350 гг. до н. э. Нимфей. UKV. № 374.

23. Сражающаяся амазонка. Кусок ткани женского одеяния. Середина IV в. до н. э. Павловский курган близ Пантикапея. Герцигер 1973. С. 80. Рис. 10.

24. Сражение греков с амазонками. Краснофигурная пелика. Последняя четверть IV в. до н. э. Боспор. Тугушева 2001. С. 222.

25. Битва амазонки с двумя греками и поверженные амазонка и грек. Две аналогичные краснофигурные пелики. Конец IV в. до н. э. Ольвия. АМ. № 52; Козуб 2001. С. 32.

26. Сражение амазонок с греками. Восемь краснофигурных пелик. Середина IV в. до н. э. Пантикапей. ДБК. Табл. 59; ПБП. Рис. 3, 10, 14; UKV. № 372, 373, 375, 376, 377, 378, 449; Тугушева 2001. Рис. 2-6; На краю ойкумены 2002. № 39.

27. Амазонка на биге, сражающаяся с пешим греком. Краснофигурная пелика. Середина IV в. до н. э. Пантикапей. ОАК, 1906. С. 88.

28. Сражение амазонок с греками. Краснофигурный кратер. Кошарское городище. Середина IV в. до н. э. Левина 1990. С. 130-134; GCA. № 45.

29. Сражение пеших амазонок и греков. Рельефы на двадцати бронзовых фаларах. Вторая половина IV в. до н. э. Курган Большая Близница (Тамань). Трейстер 2001. С. 241-263.

30. Сражение амазонок с греками. Краснофигурная амфора. 335-330 гг. до н. э. Зеленский курган (Тамань). ИАК. № 60. С. 23. Рис. 5; UKV. № 1.

31. Сражение амазонок с греками. Краснофигурная гидрия. Пантикапей. IV в. до н. э. ДБК. Табл. 51.

32. Обороняющаяся пешая амазонка. Обломок краснофигурного сосуда. IV в. до н. э. Тира. Буравчук, Самойлова 1983. С. 156. Рис. 3, 3.

33. Бой грека и амазонки. Полихромная пелика местного производства. Конец IV–III вв. до н. э. Фанагория. Кобылина 1956. С. 51. Рис. 16; АП. № 98.

34. Сражение амазонок с греками. Фрагмент известнякового рельефа. III в. до н. э. Херсонес. Домбровский 1997. С. 35-42.

35. Поверженная амазонка. Мраморная статуя, украшавшая фронтоны здания. III–II вв. до н. э. Пантикапей. Античная скульптура, 2004. № 70.

Сражения амазонок с грифонами

36. Поединок амазонки и грифона. Фрагмент краснофигурного кратера. Начало IV в. до н. э. Горгиппия. Кругликова 1971. С. 95. Рис. 4; Цветаева 1986. С. 85. Рис. 7.

37. Амазонки, сражающиеся с грифонами. Краснофигурная пелика. Середина IV в. до н. э. Тира. Вдовиченко 2003. С. 490. № 1000.

38. Поединок амазонки и грифона. Три краснофигурных пелики. Вторая половина IV в. до н. э. Северное Причерноморье. Кобылина, 1947. С. 141. Рис. 3, 1; С. 153. Рис. 10, 4.

39. Поединок амазонки и грифона, сторожащего золото. Краснофигурный лекиф. Вторая четверть IV в. до н. э. Пантикапей. ГЗ. С. 159. Рис. 49.

40. Поединок конной амазонки и грифона. Фрагмент краснофигурного кратера. Третья четверть IV в. до н. э. Пантикапей. Лосева 1962. С. 178. Рис. 6; Вдовиченко 2003. С. 452. № 199.

41. Конная амазонка, сражающаяся с грифоном. Фрагмент краснофигурной пелики. 330–320 гг. до н. э. Херсонес. Вдовиченко 2003. С. 468. № 550.

42. Сражение двух амазонок с грифоном. Три краснофигурных пелики. Вторая половина IV в. до н. э. Пантикапей. ПБП. С. 157. Рис. 11,1; 12, 2; На краю ойкумены 2002. С. 29. № 40.

43. Пешая амазонка, сражающаяся с грифоном. Фрагменты двух краснофигурных пелик. Конец IV в. до н. э. Херсонес. Вдовиченко 2003. С. 468. № 566, 571.

44. Сражение амазонки на биге с двумя грифонами. Краснофигурная пелика. Конец IV в. до н. э. Пантикапей. ПБП. С. 144; UKV. № 453.

45. Сражение амазонок с грифонами. Золотой калаф. 330–300 гг. до н. э. Курган Большая Близница на Тамани. ГЗ. № 203.

46. Грифон и поверженная амазонка. Рельефное украшение бронзового таза. Тамань. Эллинистический период. Анфимов 1966. С. 19.

Протомы амазонок, коней и грифонов

47. Голова амазонки и секира. Краснофигурный лекиф. IV в. до н. э. Ольвия. ИАК № 8. С. 28; Козуб 1974. С. 98.

48. Головы амазонки и коня. Краснофигурная пелика. IV в. до н. э. Ольвия. Харалдина, Новичихина 1994. С. 301.

49. Головы амазонки и коня. Краснофигурная пелика. 330–320 гг. до н. э. Пантикапей. Вдовиченко 2003. С. 446. № 56; Шталь 2000. С. 78. № 142.

50. Головы амазонки и коня. Краснофигурная пелика. Конец IV в. до н. э. Горгиппия. Цветаева 1980. С. 86. Рис. 8.

51. Голова амазонки и грифон. Две крышки краснофигурных лекан. Середина IV в. до н. э. Тиритака. Шталь 2004. № 64, 67.

52. Голова амазонки и лежащий грифон. Крышка краснофигурной леканы. Вторая четверть IV в. до н. э. Херсонес. Шталь 2004. № 66.

53. Головы амазонки и грифона. Три краснофигурных пелики. Вторая половина IV в. до н. э. Пантикапей. ПБП. С. 153. Рис. 10, 3, 5; С. 144. Рис. 6, 1.

54. Две головы амазонок и две головы грифонов. Крышка краснофигурной леканы. IV в. до н. э. Пантикапей. АМ. № 51.

55. Головы амазонки и грифона. Обломок крышки краснофигурной леканы. IV в. до н. э. Поселение на м. Зюк (Боспор). Масленников, Розов, 1990. С. 70. Рис. 3, 11; Шталь 2004. № 63.

56. Головы амазонок, грифона и коня. 16 краснофигурных пелик. Середина IV в. до н. э. Пантикапей. ПБП. С. 139. Рис. 2, 2; С. 158. Рис. 11. АРК. № 52; Вдовиченко 2003. С. 445–448. № 31–40, 78, 81, 87, 91.

57. Головы амазонки, грифона и коня. Краснофигурная пелика 350–325. Нимфей. Силантьева 1959. С. 47. Рис. 22; ДГН. № 72; UKV. № 464.

58. Головы амазонки, грифона и коня. Краснофигурная пелика. 330–320 гг. до н. э. Мирмекий. Вдовиченко 2003. С. 446. № 63.

59. Головы амазонки, грифона и коня. Краснофигурная пелика. 330–320 гг. до н. э. Феодосия. Вдовиченко 2003. С. 487. № 960.

60. Головы амазонки, грифона и коня. Краснофигурная пелика. 330–320 гг. до н. э. Ольвия. Вдовиченко 2003. С. 492. № 1030.

61. Голова амазонки между обращенных к ней в профиль грифонов. Краснофигурная пелика. 330–320 гг. до н. э. Херсонес. Шталь 2000. С. 67. № 106.

Аримаспы

62. Грифон, нападающий на конного аримаспа. Краснофигурная пелика. 360–350 гг. до н. э. Нимфей. ДГН. № 75.

63. Конный аримасп, сражающийся с грифоном. Одиннадцать краснофигурных пелик. Третья четверть IV в. до н. э. Пантикапей. ПБП. С. 143. Рис. 4; АРК. № 51; UKV. № 411, 456, 545; Вдовиченко 2003. С. 445. № 15-22, 101.

64. Пеший аримасп, сражающийся с грифоном. Четыре краснофигурных пелики. Вторая половина IV в. до н. э. Пантикапей. ПБП. С. 144. Рис. 6, 4. UKV. № 420–423.

65. Три аримаспа, сражающиеся с грифоном. Краснофигурная пелика. 350–330 гг. до н. э. Тира. Вдовиченко 2003. С. 490. № 1002.

66. Пеший аримасп без шапки, сражающийся с грифоном. Фрагмент краснофигурной пелики. 330–320 гг. до н. э. Тира. Вдовиченко 2003. С. 490. № 1001.

67. Конный аримасп, сражающийся с грифоном. Краснофигурная пелика. 330–320 гг. до н. э. Феодосия. Вдовиченко 2003. С. 488. № 965.

68. Два грифона, нападающие на конного аримаспа. Три краснофигурные пелики. 330–320 гг. до н. э. Пантикапей. Вдовиченко 2003. С. 444. № 8-10.

69. Грифон, обороняющийся от нападения двух пеших аримаспов. Три краснофигурные пелики. Вторая половина IV в. до н. э. Пантикапей. UKV. № 408, 539; Вдовиченко 2003. С. 445. № 25.

70. Грифон, обороняющийся от нападения двух аримаспов. Краснофигурная пелика. Вторая половина IV в. до н. э. Горгиппия. UKV. № 455.

71. Два аримаспа, убегающие от львиноголового грифона. Две краснофигурные пелики. Вторая половина IV в. до н. э. Пантикапей. UKV. № 360, 381; Шталь 1989. С. 145.

72. Аримасп верхом на грифоне. Краснофигурная пелика. Вторая половина IV в. до н. э. Пантикапей. Ашик 1849. Т. 3. № 18; ОАК 1861. Табл. 2.

73. Аримасп, сражающийся с грифоном. Обломок краснофигурной пелики. Вторая половина IV в. до н. э. Тира. Буравчук, Самойлова 1983. С. 156. Рис. 3, 1.

Пигмеи

74. Пигмей, упавший на спину. Фрагмент краснофигурного ритона. 460 гг. до н. э. Пантикапей. Лосева, 1962. С. 172. Рис. 3, 3; CVA Russia, 2001. P. 41. Tab. 37, 4.

75. Битва четырех пигмеев с тремя журавлями. Краснофигурная пелика. 380–370 гг. до н. э. Пантикапей. ДБК. Табл. 55; UKV. № 383; Шталь 1989. С. 87.

76. Два пигмея, сражающиеся с журавлем. Краснофигурная пелика. 370–360 гг. до н. э. Пантикапей. Шталь 2000. № 98.

77. Пигмей, сражающийся с двумя журавлями. Краснофигурная пелика. 360–350 гг. до н. э. Пантикапей. UKV. № 450.

78. Пигмей, сражающийся с двумя журавлями. Краснофигурная пелика. 330–320 гг. до н. э. Мирмекий. Шталь 2000. № 101.

79. Пигмей, сражающийся с двумя журавлями. Краснофигурная пелика. 320 гг. до н. э. Феодосия. Шталь 2000. № 100; Вдовиченко 2003. С. 488. № 972.

80. Журавль, сражающийся с пигмеем. Мегарская чашка. Эллинистический период. Ольвия. Zahn 1908. S. 74-76.

81. Битва пигмеев с журавлями. Фреска в склепе некрополя Пантикапея. II–I вв. до н. э. АДЖ. № 145.

Негры

82. Голова негра. Египетская печать-скарабеоид. VI в. до н. э. Березань. Борисфен-Березань 2005. № 205.

83. Сидящий негр. Два фигурных сосуда. Начало V в. до н. э. Ольвия. Худяк 1940. С. 95. Рис. 76.

84. Голова негра Фигурный сосуд. Начало V в. до н. э. Ольвия. Хора Ольвии. Крыжицкий, Буйских и др. 1989. С. 134.

85. Голова негрятки. Фигурная ойнохоя. Начало V в. до н. э. Нимфей. Горбунова 1962. С. 39.

86. Сражающийся негр в фракийском костюме. Краснофигурный канфар. Начало V в. до н. э. Пантикапей. CVA Russia, 2001. P. 42-43. Tab. 37.5.

87. Негры со скифским оружием. Два чернофигурных алабастра. Первая четверть V в. до н. э. Пантикапей. Горбунова 1979. С. 37-39. Рис. 1 и 3.

88. Спящий негр. Терракота. Первая половина V в. до н. э. Ольвия. GSA. № 66.

89. Голова негра. Золотые подвески к ожерелью, исполненные боспорским мастером. Середина IV до н. э. Копейкина 1986. С. 61.

90. Голова негра. Подвеска к золотому ожерелью, сделанная из граната. IV–III вв до н. э. Пантикапей. На краю ойкумены 2002. С. 55. № 173.

91. Рельефные головки негров на ручках керамического кубка. III в. до н. э. Ольвия. ИАК №. 8. С. 38. Рис. 30.

92. Слуга негр, сидящий около амфоры. Фигурный сероглиняный сосуд. II–I вв. до н. э. Ольвия. Круглов 2004. С. 104-108. Рис. 1.

93. Голова мальчика негра. Четыре фигурных сосуда. I в. н. э. Ольвия. Пантикапей. Герцигер 1976. С. 86. Рис. 1, 1-4.

94. Голова негра. Два фигурных сосуда. II–III вв. н. э. Ольвия. Герцигер 1976. С. 91. Рис. 2, 3-4.

Портреты египетских царей и цариц III в. до н. э.

95. Птолемей II Филадельф. Бронзовый перстень. Пантикапей. Неверов 1974. С. 108.

96. Птолемей II Филадельф. Бронзовый перстень. Фанагория. Неверов 1974. С. 108.

97. Птолемей II Филадельф. Бронзовый перстень. Херсонес. Неверов 1974. С. 108.

98. Птолемей III Эвергет. Бронзовый перстень. Горгиппия. Неверов 1974. С. 109.

99. Арсиноя II, жена Птолемея II Филадельфа. Бронзовый перстень. Горгиппия. Неверов, 1974. С. 109.

100. Арсиноя II, жена Птолемея II Филадельфа. Бронзовый перстень. Ольвия. Неверов 1974. С. 109.

101. Арсиноя II, жена Птолемея II Филадельфа. Бронзовый перстень. Херсонес. Неверов 1974. С. 110.

102. Арсиноя II, жена Птолемея II Филадельфа. Костяной перстень. Ольвия. Неверов 1974. С. 109.

103. Арсиноя II, жена Птолемея II Филадельфа в образе Иисиды. Голова статуи из черного базальта. Середина III в. до н. э. Пантикапей. Виноградов, Золотарев 2000. С. 286.

104. Береника, жена Птолемея III Эвергета. Бронзовый перстень. Пантикапей. Неверов 1974. С. 110.

105. Арсиноя III, жена Птолемея IV Филопатера. Семь бронзовых перстней. Пантикапей. Неверов 1974. С. 111.

106. Арсиноя III, жена Птолемея IV Филопатера. Бронзовый перстень. Нимфей. Неверов 1974. С. 111.

IV. Роль животных в культуре и религии

1. Домашние животные

Домашние животные всегда играли важнейшую роль в жизни греков и в частности тех, которые населяли северные берега Черного моря. Обращаясь к этой теме, исследователи изучали в основном животноводство, доставлявшие населению античных государств Северного Причерноморья пищу, кожу, мех и шерсть для одежды и других необходимых предметов. Гораздо слабее в научной литературе отражено значение домашних животных в повседневной жизни, культуре и религии, а обобщающие работы по этой тематике, касающиеся Северного Причерноморья, вообще отсутствуют. Наиболее информативными для рассматриваемой темы оказываются сейчас памятники изобразительного искусства. Для их интерпретации в ряде случаев будут привлечены сообщения древних авторов, писавших о других греческих государствах.

Греческие художники не случайно чаще прочих домашних животных изображали лошадей и собак. Они служили эллинам не только для утилитарных надобностей, но чаще прочих животных были любимцами своих хозяев. Вот как об этом в VI в. до н. э. писал Феогнид (ст. 1255–1256):

Полно и радостно тот не живет, кто душой не способен
Мальчиков юных любить, резвых коней и собак.

Перевод В.В. Вересаева

Упоминания о выдающихся лошадях с глубокой древности вошли в греческий фольклор, а в литературе появились уже на заре ее существования. Гомер назвал по именам замечательных коней Ахилла, Агамемнона и Менелая; их запоминали все греки, обязательно заучивая в школе большие куски из «Илиады». Писатели чаще всего прославляли лошадей, служивших верными спутниками и помощниками в военных походах, например Букефала, коня Александра Македонского (Plut. Alex. 6, 44; Plin. NH. VIII, 64, 154), а также победителей в различных конных соревнованиях. Из стихов Пиндара и Вакхилида известно о прекрасном скакуне Ференике (Победоносце), принадлежавшему сиракузскому тирану Гиерону. В первой четверти V в. до н. э. этот конь приходил первым на Олимпийских (Pind. Ol.1) и Пифийских играх (Bach. Ol. V, 42; Fr. 20 c). На покупку хороших лошадей в античности тратились немалые суммы (Plin. NH VIII, 64, 156).

Античные авторы передавали легенды о привязанности лошадей к своим хозяевам; в одной из них рассказывалось, как конь царя Никомеда после его смерти отказался от пищи и умер. Любовь хозяев также бывала очень сильной, они постоянно заботились о своих любимцах при жизни, оплакивали их смерть, устраивая им пышные похороны, и ставили памятники со стихотворными эпитафиями на их могилах (Plin. NH VIII, 64, 155, 156). Одна из таких эпитафий, сочиненная поэтессой Анитой в III в. до н. э., сохранилась в антологии античных эпиграмм (AP. VII, 2002).

Памятник этот поставил Дамид своему боевому
Павшему в битве коню. В грудь его ранил Арей;
Темной струей потекла его кровь по могучему телу
И оросила собой землю на месте борьбы.

Перевод Л. Блуменау

Любимые собаки, особенно охотничьи, а иногда даже боевые петухи также удостаивались надгробных памятников (Ael. Var. Hist. VIII, 4). В упомянутую антологию включена эпиграмма Симонида, знаменитого поэта эпохи поздней архаики (AP. II, 6); в стихотворении перечислены места, где собака Ликада охотилась со своим хозяином.

Думаю я, и по смерти твоей, и в могиле, Ликада,
Белые кости твои все еще зверя страшат.
Памятна доблесть твоя Пелиону высокому, Оссе
И Киферонским холмам, пастбищам тихих овец.

Перевод Л. Блуменау

На импортных и местных произведениях прикладного искусства и надгробных стелах из Северного Причерноморья имеется множество коней. В архаический и классический период их больше всего на расписных вазах, а позже – на каменных стелах. Эти животные участвуют в сценах из реальной жизни и в иллюстрациях мифов о богах и героях. Один конь встречается не часто (№ 6, 10, 13, 26), обычно он вместе с человеком, и его присутствие зачастую подчеркивает высокий статус изображенных людей.

У греков конный памятник был высочайшей наградой за военные и гражданские доблести. По уцелевшим надписям известно, что в последней четверти IV в. до н. э. такой чести удостоился ольвиополит, освободивший от пиратов священный остров Левку (IOSPE I². № 325), и его младший современник Агасикл, успешно исполнявший в Херсонесе различные государственные должности и поручения (IOSPE I². № 418), а во II в. до н. э. ольвиополиты почтили конным памятником Никерта, доблес-

тно погибшего в схватке с варварами (IOSPE I². № 34). Эти бронзовые скульптуры не сохранились, но от первых двух уцелели постаменты со следами ног лошади¹. О монументальных изображениях всадников и колесниц, запряженных лошадьми, можно получить представление по известняковой стеле IV в. до н. э. из Нимфея (№ 32), относящейся к наиболее ранним работам местных мастеров, изображавших лошадей; там всадник и богиня в повозке – мифологические персонажи. Начиная с эпохи позднего эллинизма (КБН. № 267) и особенно часто в римское время, местные скульпторы помещали изображения всадников на надгробных стелах (КБН. Альбом, 2004); иногда такой всадник представлен на постаменте в виде конного памятника (КБН. Альбом, 2004. № 383).

Изображения коней сопровождали колонистов с первых лет их жизни на новой родине. Фрагмент хиосского кубка из раскопок Березани относится к древнейшим образцам расписной керамики из Северного Причерноморья; во второй половине VII в. до н. э. вазописец нарисовал на нем всадника с копьем, сражающегося с пешим воином (№ 1). С тех пор кони в качестве участников боевых сцен из эпических поэм, мифов, а так же из реальной жизни постоянно появляются на расписной керамике в античных городах Северного Причерноморья. Кроме того боги нередко изображались едущими на колесницах, запряженных конями (№ 18, 20, 23, 27). Вазы с такими сюжетами привозили сначала из Восточного Средиземноморья, а затем из Афин. В сценах реальной жизни конь сопровождал исключительно мужчинам, а в мифологических сюжетах встречались и женщины: богини, правящие колесницами (№ 18, 23, 32, 33) и отважные всадницы- амазонки (№ 7, 22, 31, 36-38; рис. 42). Наряду с вазописцами к этим образам обращались ювелиры и резчики штемпелей местных монет. К выразительным примерам такого рода относятся найденные в Феодосии и в Херсонесе золотые серьги «роскошного стиля» с фигуркой Ники, управляющей квадригой (№ 33, 34), и херсонесские монеты с верховной богиней города Девой на колеснице (№ 39).

Греки Северного Причерноморья, как и другие эллины, видели в военных сценах с участием боевых колесниц, запряженных парой (бига) или четверкой коней (квадрига), иллюстрации мифов или эпических сказаний (№ 3, 8, 20, 21). Ведь даже в самый ранний период заселения берегов Понта греки уже отказались от использования колесниц на войне. В реальной жизни колесницы включали в торжественные шествия и состязания на больших праздниках, а во время свадьбы в состоятельных семьях жених

¹ *Трейстер М.Ю.* Материалы к корпусу постаментов бронзовых статуй Северного Причерноморья // Херсонесский сборник. Вып. 10. Севастополь, 1999. С. 131. № 1; С. 139. № 22.

и невеста ехали в открытой повозке, запряженной конями. Роспись фрагмента кальпиды из Горгиппии представляет одно из лучших изображений свадебного кортежа, там молодой человек ведет под уздцы лошадей, везущих новобрачных (№ 30). Великолепный образец праздничного шествия с участием всадников и колесниц сохранился на фрагменте фриза клазоменского кратера, найденного на Березани (№ 2; рис. 1); там же обнаружен осколок чернофигурного оноса с динамичным рисунком состязающихся колесниц (№ 12): возница мчащейся биги обернулся, чтобы оценить насколько он оторвался от соперника (рис. 52).

Иногда художники, чтобы показать, что сюжет связан с конными состязаниями, изображали мету – столб, стоявший в конце овальной арены стадиона. Мету следовало объехать с ее внешней стороны, и колесничие, стремясь выиграть время, держались как можно ближе к этому столбу. Поэтому они часто там разбивались, а порой и погибали. Это выразительно описано в трагедии Софокла «Электра» (ст. 709–722). Драматург подробно рассказал, как Орест несколько раз удачно огибал мету, но затем задел ее колесом; он упал, запутавшись в поводьях, а кони продолжали гонку и тащили его по земле, когда же они остановились, герой умер, истекая кровью.

Мета перед бегущей колесницей изображена на чернофигурной амфоре из Ольвии (№ 40), а конь без всадника, бегущий к мете, вырезан на яшмовой гемме из Пантикапея (№ 26). Резчик иллюстрировал рассказы о том, как некоторые кони на ипподроме после падения всадника продолжали бежать к финишу и даже выигрывали забеги.

Глядя на подобные изображения греки Северного Причерноморья вспоминали местные конные состязания и соревнования, которые они видели в других городах, например на Панафинеях.² Конные состязания были разнообразными, на них выступали всадники, возничие на бигах и квадригах, а иногда апобаты. Последние прыгали с движущейся колесницы, бежали рядом с ней и снова на нее вскакивали. На двух вазах из Борисфена и Ольвии (рис. 53) нарисованы бегущие апобаты (№ 2, 25), а на серьгах из Феодосии Геракл готовится спрыгнуть с колесницы (№ 33)³. О местных конных агонах, которые ольвиополиты устраивали на Ахилловом Дроме, известно из декрета Никерата (IOSPE I². № 34). Наши знания об этом можно дополнить анализом росписи трех найденных в Ольвии амфор раннеэллинистического времени.

² *Скржинская М.В.* Ольвиополиты и боспоряне в Афинах. // ВДИ. 2002 № 2. С. 135.

³ Интерпретацию изображения на серьгах см. *Скржинская М.В.* Изображение апобата на серьгах из феодосийского некрополя и сюжеты с апобатами на вазах из Северного Причерноморья // Боспорский феномен. СПб., 2002. С. 131-132.

Призовые панафинейские амфоры во множестве производились в VI–IV вв. до н. э., а затем их стали вытеснять другие виды наград⁴. Редкая призовая амфора III в. до н. э. с изображением возницы на колеснице была положена в одно погребение как напоминание о победе усопшего ольвиополита на Панафинейях (№ 42). Две другие близкие по времени изготовления также редко встречающиеся чернофигурные вазы, скорее всего служили местными призами на конных состязаниях и, наверное, были специально для этого заказаны в Афинах (№ 40, 41). Там награжденные панафинейские амфоры традиционно расписывали в чернофигурном стиле около двух столетий после того, как он окончательно вышел из моды к середине V в. до н. э.⁵ Упомянутые эллинистические амфоры из Ольвии украшены рисунками колесниц и всадников, а также лавровыми гирляндами, символизирующими победу (рис. 54). Содержание и стиль этих росписей указывает на сходную роль с панафинейскими призами. В Северном Причерноморье известны и другие случаи заказа в афинских мастерских расписной керамики с определенными сюжетами, например, рыбные блюда с изображением похищения Европы, которые найдены только на Боспоре⁶, или вазы так называемого керченского стиля.

Известно, что наряду с конями в скачках участвовали мулы (помесь лошади и осла). Пятая и шестая Олимпийские оды Пиндара посвящены победителям таких состязаний. Судя по костным остаткам, в Северном Причерноморье ослов удалось акклиматизировать лишь к эллинистическому времени⁷, а до того эти попытки оказывались безуспешными, о чем упоминали Геродот (IV, 28) и Аристотель (Hist. Anim. VIII, 25, 28). Греки редко занимались разведением мулов на северных берегах Понта⁸, и здесь их больше знали по изобразительному искусству. Ведь Диониса, а чаще его спутников изображали едущими на мулах (№ 43-48); иногда мулы встречались среди животных, фигурами которых украшали мебель (№ 49).

Изображения собак, как и лошадей, появляются в Северном Причерноморье на самых ранних образцах расписной керамики (№ 50-56). Там нарисованы крупные псы, помогавшие пасти стада и охотиться на дичь. Вазописцы VII–VI вв. до н. э., как правило, рисовали собак, преследующих диких животных, не изображая охотников (рис. 55). Среди редких исклю-

⁴ Boardman J. Athenian Black-Figure Vases. London, 1985. P.167-170.

⁵ Boardman J. Op. cit. P. 167-170.

⁶ Циммерман К. Фрагменты аттических рыбных блюд в Эрмитаже // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху. Л. 1979. С 91-92.

⁷ Цалкин В.И. Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа. М., 1960. С. 49-50.

⁸ Там же. С. 51.

чений назовем фриз знаменитой вазы Франсуа, расписанной Клитием около 570 г. до н. э. В сцене Калидонской охоты он изобразил героев и их собак и показал, как некоторые собаки погибали в схватке со зверем⁹. Но такие примеры отсутствуют среди ваз архаического времени из Северного Причерноморья.

В VII–VI вв. до н. э. фигуры собак, преследующих диких животных, чаще всего горных козлов (№ 51, 56; рис. 55), вызывали у греков ассоциации не столько с реальной охотой, сколько с представлением о смерти и культе хтонических богов, в котором собака играла заметную роль. Недаром вазы с подобными рисунками помещали в погребения¹⁰. Кроме того псы воспринимались посредниками между мирами живых и мертвых и олицетворяли связь человеческой культуры и дикой природы¹¹.

С конца эпохи архаики в античное искусство все больше проникают жизненные реалии и сюжеты из повседневного быта. Собаки утрачивают свою прежнюю космогоническую роль и выступают верными спутниками и помощниками человека. Например, на пантикапейской надгробной стеле II–I вв. до н. э. собака сопровождает всадника (№ 85), а пес рядом с Парисом на пелике из Пантикапея (№ 68), напоминает о том, что юный герой был пастухом, ведь пастушьи псы помогали пасти стада. Известно, что греки иногда использовали собак в схватках с врагами (Plin. NH VIII, 61). Иллюстрация этого имеется на одной чернофигурной чаше из раскопок Березани; там собаки нарисованы рядом с гоплитами (№ 59; рис. 56). Кроме того собак обычно включали в изображения охоты.

Эллины рассматривали охоту как захватывающее увлечение и считали ее важным занятием для подготовки мужчины к его деятельности воина¹²; об этом писали Платон в «Законах» (VII, 823 с), Ксенофонт в «Киропедии» (I, 2, 10) и Аристотель в «Политике» (I, 3, 8; 1256 b). Охоту приравнивали также к гимнастическим упражнениям, потому что в обоих случаях требовалось проявлять ловкость и смекалку¹³. Охота как промысел для добычи пищи и шкур животных никогда не играла у греков заметной роли. Это подтверждается незначительным процентом костей диких животных среди остеологических остатков, найденных при раскопках античных госу-

⁹ Simon E., Hirmer M. Die griechischen Vasen. München, 1981. S. 72. № 53, 54.

¹⁰ Stähler K. Tierbilder // Griechische Vasen aus Westfälischen Sammlungen. Münster, 1984. S. 232.

¹¹ Молева Н.В. Статус собаки в сакральном мировоззрении древних греков // Из истории античного общества. Нижний Новгород, 2001. С. 182–185.

¹² Barringer J. The Hunt in Ancient Greece. Baltimore, 2001.

¹³ Sansone D. Greek Athletics and the Genesis of Sport. Berkley, 1918. P. 107–115.

дарств Северного Причерноморья¹⁴. Здесь греки охотились на зайцев, кабанов, оленей и некоторых других животных, изображения которых встречаются в основном на привозных памятниках искусства.

Охотой занимались в основном достаточно состоятельные люди, потому что они располагали досугом и возможностью держать охотничьих собак, которые тогда были необходимой принадлежностью охотника. Недавно греческие существительное *κυνῆρος* (охотник) и глагол *κυνῆτεόν* (охотиться) образованы от слова собака – *κύων*. И не случайно две собаки участвуют в самой развернутой сцене охоты из сохранившихся на памятниках искусства из Северного Причерноморья (№ 29).

Афинский мастер Ксенофант, возможно по заказу боспорянина, сделал в 80-е годы IV в. до н. э. дорогой лекиф с рельефными фигурами, которые были раскрашены и в некоторых местах позолочены. Многофигурная композиция представляет охоту на лань, кабана и двух грифонов (рис. 40). По-видимому, это иллюстрация к утраченному литературному произведению о сказочной охоте на мифических зверей, в которой приняли участие восточные и греческие герои (об их национальной принадлежности свидетельствуют написанные на вазе имена)¹⁵. Однако, образцом для художника служила реальная охота: в центре картины Абраком, стоя на колеснице со скачущей парой коней поражает кабана копьем, и всадник Дарий убивает лань; слева охотник удерживает на поводке рвущуюся к добыче собаку, а справа собака вспрыгнула на спину кабана и вгрызается ему в шею. Античные авторы писали, что именно так с колесниц или верхом на лошадях охотились персы (Хен. *Anab.* I, 2, 7). Изготавливая лекиф меньших размеров, Ксенофант взял три формы из фигур, использованных на большом лекифе, и среди них охотника с собакой. Эта ваза также была отправлена в Пантикапей, и ее декор без фантастических существ мог рассматриваться как изображение реальной охоты.

Сюжет охоты собаки на зайца известен в Северном Причерноморье с VI в. до н. э. (№ 58); он встречается на расписных вазах (№ 62, 64), мегарских чашках (№ 77, 83) и терракотовых статуэтках (№ 86). Возможно в этих сценах заложен также символический смысл: заяц воплощает земную жизнь человека, а собака его смерть¹⁶. В то же время охотничьи сюжеты были близки жителям Северного Причерноморья и вызывали ассоциации как с реальной охотой, так и с ее литературными описаниями. Они

¹⁴ Цалкин В.И. Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в античную эпоху // МИА. № 53. 1960. С. 7-109; Журавльов О.П. Кісткові решітки ссавців в Ольвії та на Березані // Археологія 1982. № 42. С. 80-85.

¹⁵ Скржинская М.В. Афинский мастер Ксенофант // ВДИ. 1999. № 3. С. 121-130.

¹⁶ Молева Н.А. Указ. соч. С. 188.

могли напомнить, например, стихи из «Илиады», знакомой со школьных лет каждому эллину. Там Гомер, рассказывая, как Одиссей и Диомед пустились в погоню за троянцем Долоном, сравнил их с острозубыми псами, упорно преследующими серну или зайца (II, X, 359-364).

Собаки нередко сопровождали изображения Артемиды в образе богини-охотницы. На фрагменте мраморного рельефа эллинистического времени из Херсонеса сохранилась собака, преследующая лань, и бегущая за ней Артемида (№ 82). Иногда собака даже служила символом этой богини, например, на рубеже нашей эры на лицевой стороне одного выпуска пантикапейских монет чеканили голову Артемиды, а на обратной собаку (№ 87). В греческой мифологии собака также появлялась около Гермеса; как божество перекрестков его сопровождали бездомные собаки, а Гермеса Психопомпа, ведущего души умерших в подземное царство, встречал охранявший вход Кербер. В роли спутника Гермеса собака изображена на чернофигурной пелике из Пантикапея (№ 57). Во II–I вв. до н. э. в Ольвии фигурные сосуды в виде собаки служили для ритуальных целей в честь Артемиды, Гермеса и других богов (№ 80, 81).

Определенное, но теперь не совсем ясное значение имели изображения собак на перстнях из Ольвии (№ 66), Пантикапея и Нимфея (№ 73, 76). Их владельцы могли видеть в фигурах этих собак символ Артемиды или Гермеса, также, может быть, нечто связанное с хтоническими культурами, либо олицетворение своего увлечения охотой, а возможно все вместе взятое. С V в. до н. э. художники начинают изображать не только крупных, но и мелких комнатных собак, которых держали не для практических целей, а для удовольствия. Они либо просто присутствуют при хозяевах, либо играют с ними. На крышке леканы из Пантикапея вазописец нарисовал собаку вместе с другим домашними любимцами гусем и птицей в клетке, находящимися в гинекее во время приготовления невесты к свадьбе (№ 67; рис 25). В Северном Причерноморье найдено немало ваз, резных инталий и терракот с изображениями детей и молодых людей вместе с домашними любимцами – собачками, петухами и гусями (№ 63, 69, 70, 72, 74, 75, 78, 79, 84, 168-173).

Петух, особенно в архаической вазописи, занимал выдающееся место среди домашних животных. Греки ценили петухов за их неукротимый бойцовский дух. Они обожали петушьи бои, выращивали и воспитывали боевых птиц, и хозяева ими очень гордились. Вероятно поэтому петух считался хорошим подарком возлюбленному. Афиняне устраивали петушьи бои даже в театре, видя в них важное воспитательное значение, потому что сражение петухов считалось наглядным выражением стремления к победе, не щадя своей жизни (Ael. Var. Hist. II, 28).

На протяжении всего VI в. до н. э. греческие вазописцы постоянно рисовали петухов¹⁷. Это отразилось и в находках расписной керамики в Северном Причерноморье, куда сосуды с петухами привозили из Клазомен (№ 139, 142, 151), Хиоса (№ 143, 150) и особенно много из Афин (№ 140, 144-149, 152, 153). В отличие от петухов, имевших символическое значение храбрости и мужества, кур рисовали редко (№ 146). Наверное, в городах на северных берегах Понта, как и в метрополии, устраивались петушинные бои, и петух в изобразительном искусстве вызывал те же ассоциации, какие были у других эллинов. Недаром один из боспорских поклонников петушинных боев имел печать со сражающимися петухами (№ 165).

Символическое значение петуха как бойца, всеми силами стремящегося к победе, вкладывалось в росписи призовых панафинейских амфор VI–V вв. до н. э.; там петухи стоят на высоких колоннах по бокам фигуры Афины, которой посвящались панафинейские агоны (рис. 57). Несколько таких амфор найдено на Боспоре (№ 154, 160, 161). Одни из них принадлежали боспорянам, завоевавшим победу в Афинах, другие были приобретены у победителей, получавших по несколько десятков таких призов¹⁸. Сцены с боевыми петухами, которые готовятся к схватке или уже дерутся, встречаются не только на вазах, но также на геммах и гравированных костяных пластинах из раскопок Ольвии и боспорских городов (№ 142, 165, 166), а о наличии там петухов свидетельствуют находки их костей¹⁹.

Определенным символическим смыслом обладали бляшки в виде петухов, нашивавшиеся на ткань одежды или покрывала (№ 163), и многочисленные терракоты в виде фигурок петухов (№ 155-159, 167). Среди них были и местные; например, во второй половине V – начале IV в. до н. э. херсонесские короoplastы изготавливали терракотовые рельефы с изображением петуха, о чем свидетельствует форма для их производства²⁰. Терракоты могли служить приношениями божеству, а иногда заменяли живую жертву. Чаще всего петухов жертвовали божественному врачу Асклепию в благодарность за выздоровление. По словам Платона (Phaed. 118), Сократ перед кончиной просил не забыть пожертвовать за него петуха Асклепию, считая, что после смерти его душа выздоровеет и освободится от земных невзгод.

¹⁷ Stäler K. Op. cit. S. 243.

¹⁸ Скржинская М.В. Сведения греков Северного Причерноморья о Панафинейских празднествах VI–IV вв. до н. э. // Записки Историко-филологического товарищества Андрія Білецького. Київ, 1998. Вип. 2 С.100-101.

¹⁹ Войцтовський М.А. Орнітофауна Ольвії // АП УССР. 1958. Т. 7. С. 156-158.

²⁰ Шевченко А.В. Культурные терракоты раннего Херсонеса // ВДИ. 1998. № 3. С. 66.

На одной терракоте из Ольвии жертвенный петух представлен со связанными ногами (№ 162). Подобные изображения, вылепленные из глины или из теста, приносили бедняки, не имевшие средств приобрести животное для жертвоприношения, о чем упоминают Геродот (II, 47) и Плутарх (Luc.10). Выразительный пример такого рода – найденная в Ольвии терракотовая фигурка жертвенной овцы со связанными ногами, как и у упомянутого петуха (№ 124).

Все известные по надписям и изображениям жертвенные животные в античных городах Северного Причерноморья были домашними; это быки, овцы, бараны, козлы, свиньи и петухи. Исключение, возможно, составляет лишь боров с гривой на голове, изображенный около алтаря на рельефе эллинистического времени из Ольвии²¹. Возможно, здесь воспроизведен сюжет мифа, в котором говорилось о диком кабане и принесении его в жертву какому-то богу, а может быть, в древности была порода домашних свиней с гривой.

Для принесения жертвы выбирали животных всегда здоровых, без телесных недостатков и отвечавших требованиям установленного ритуала, например, брали животных определенной окраски и пола. Поэтому их часто выращивали специально для этих целей. Например, Плутарх (Luc. 10) рассказал о том, что в Кизике откармливали черную корову для жертвы на празднике в честь Персефоны. В ольвийской надписи III в. до н. э. сохранилась запись об установлении цен на таких животных: бык стоил 1200, а овца и коза по 300 медных местных монет (IOSPE I². 76). Быки служили для самых дорогих и торжественных жертвоприношений, и, вероятно, поэтому именно их художники изображали чаще прочих животных в сценах жертвоприношений. Такие жертвы совершались в Северном Причерноморье с самого начала его заселения греками. Одно из ярких свидетельств об этом – граффито VI в. до н. э. из Борисфена с сообщением о жертве Аполлону семидесяти быков²². Безусловно, речь шла о государственном празднике, в котором принимали участие множество граждан, возможно не только борисфениты, но и их соседи из ближайших греческих поселений. Мясо жертвенных животных либо распределялось среди жрецов и устроителей праздника, либо шло для общественного пира. Граффити на чернолаковых киликах последней четверти VI – начала

²¹ Русяева А.С. Земледельческие культы Ольвии догетского периода. Киев, 1979. С. 43. Рис. 23.

²² Русяева А.С. Милет — Дидимы — Борисфен — Ольвия. Проблемы колонизации Нижнего Побужья // ВДИ. 1986. № 2. С. 26.

V вв. до н. э., по мнению Ю.Г. Виноградова, указывают на проведение в Ольвии общественных угощений²³.

Перед жертвоприношением быков и других животных украшали лентами, нарядными повязками, цветочными венками и гирляндами и в таком виде вели к алтарю (рис. 15). Эти украшения видны на росписях ваз (№ 92, 96), на ювелирных изделиях (№ 97), херсонесских монетах (№ 98) и ольвийских свинцовых букраниях (рис. 17), служивших для культовых целей (№ 106). В особо торжественных случаях жертвенным животным золотили рога (Ном. Од. III, 384), и об этом обычае в Северном Причерноморье свидетельствует ольвийская лепная посвяtitельная статуэтка быка с остатками позолоты на рогах (№ 109).

Быков жертвовали разным богам и даже нимфам (№ 92), но особую культовую связь эти животные имели с Дионисом, которого иногда даже представляли в виде быка (Eug. Vach. 920-922). Недаром на трех золотых подвесках из Пантикапея голова быка увенчана плющом, священным растением Диониса (№ 97). Часто сцены жертвоприношения затруднительно связать с определенным божеством. Таковы, к примеру, ольвийские свинцовые рельефы с изображением человека, подводящего быка к алтарю (рис. 3) или терракотовая статуэтка мужчины, ведущего огромного быка (№ 102, 104). Возможно, такие предметы служили вотивными приношениями тому божеству, которое выбирал сам покупатель.

Мелкий рогатый скот у греков широко использовался в качестве жертвоприношений. Колонисты на северных берегах Понта продолжали эту традицию. Древнейшее свидетельство об этом записано в письме жреца середины VI в. до н. э.; там речь идет о доставке барана и меда для жертвоприношения в святилище, находившемся в окрестностях Ольвии²⁴. Показательно, что среди свинцовых рельефных букраниев, изготовлявшихся ольвиополитами с сакральными целями, наряду с быками есть головы баранов (№ 127; рис. 17). На краснофигурном кратере из Никония нарисован козел, которому жрица надевает венок перед жертвоприношением Дионису (№ 132), а на алтаре, изображенном на ольвийской стеле ситонов, представлено жертвоприношение барана (№ 123).

Быки и бараны часто включались в ювелирные украшения, и в такие изображения вкладывался либо символический, либо сакральный смысл, о котором сейчас имеется множество порой противоречивых догадок. По-видимому, таких смыслов существовало несколько, и каждый обладатель украшения видел в нем какое-то характерное для определенного

²³ Виноградов Ю. Г. Политическая история Ольвийского полиса. М., 1989. С. 62.

²⁴ Там же. С. 65.

случая содержание. Таковы находившиеся во втором Семибратнем кургане золотые нашивные бляшки в виде голов быков и баранов (№ 91, 117), подвески из Ольвии (№ 88, 122), браслеты и золотое ожерелье из Нимфея (№ 119, 120). В архаический период изображения голов баранов имели значение амулетов- оберегов, их носили отдельно (№ 112), а также включали в декор серег и ожерелий (№ 111, 115). Вероятно, не только декоративную функцию исполняли ритоны с рельефными изображениями голов быков и баранов, неоднократно встречавшиеся при раскопках Боспора (№ 107, 116, 118).

В мифы о богах и героях эллины включали приметы своей повседневной жизни, и поэтому в устных рассказах, а также в их литературных записях и иллюстрациях к ним встречаются домашние животные. Ведущее место среди них занимают кони. Они постоянно присутствуют в сценах из эпических поэм, где, как уже говорилось, появляются боевые колесницы и всадники с оружием; на конях часто изображали амазонок (№ 7, 22, 31, 36-38). Собаки встречаются в иллюстрациях охоты Артемиды (№ 82), а баран в сцене бегства Одиссея из пещеры Полифема (№ 113, 114). Дионис и его спутники изображаются едущими на мулах (№ 43- 48), менады и Афродита Пандемос – на козле (№ 130, 134).

Бодающий бык, которого неоднократно чеканили на монетах Херсонеса, скорее всего символизирует один из подвигов Геракла, особо любимого херсонеситами героя, одолевшего чудовищного Критского быка (№ 110). В таком случае перед нами дикое, а не домашнее животное. Однако художники в своих произведениях их не различали, а натурой им служили домашние животные. Да и в мифах не всегда понятно такое различие. Например, не ясно, в какого быка превратился Зевс, очаровав Европу (№ 100; рис. 58). Европа, едущая на быке неоднократно встречается на рисунках аттических ваз и рыбных блюд из Ольвии и городов Боспора (№ 89, 93-95).

Упомянутые изображения баранов на ювелирных изделиях также невозможно точно отнести к диким или домашним животным. Более определенно можно сказать, что на окончаниях ручек зеркал с головами баранов подразумевались дикие, так как остальные животные (пантера и олень) в этой серии архаических зеркал из Ольвии и Березани принадлежали к дикой фауне²⁵.

Итак, на памятниках изобразительного искусства из античных государств Северного Причерноморья представлены все домашние животные,

²⁵ *Скржинская М.В.* Зеркала архаического периода из Ольвии и Березани // Античная культура Северного Причерноморья. Киев, 1984. С. 116-118.

известные в греческом мире. Всех их, за исключением кажется только мулов, разводили местные жители, так что рассмотренные изображения вызывали ассоциации с окружающей реальностью. Перечисленные памятники монументального и прикладного искусства дают возможность узнать о роли домашних животных в ежедневной, праздничной и религиозной жизни греков, населявших северные берега Понта.

Ведущую роль среди этих животных занимали кони, верные спутники мужчин в мирное и военное время. Только они становились участниками праздничных шествий и наиболее престижных состязаний, остальным же домашним животным в этой ситуации отводилась лишь роль жертв богам.

Домашние животные часто сопровождали досуг эллинов. В доме держали комнатных собак и птиц, эти домашние любимцы развлекали членов семьи, особенно женщин и детей. Состоятельные мужчины могли занять свой досуг охотой с собаками, а азарт при созерцании петушиных боев был доступен всем.

Греки не представляли существование своих богов и героев без привычных им домашних животных. Поэтому из Северного Причерноморья происходит множество изображений богов и героев, едущих на колесницах, запряженных конями; мы видим также легендарных всадниц амазонок, Диониса и его спутников верхом на мулах и Артемиду, охотящуюся с собаками.

Эллины выделяли у домашних животных особые, не всегда нам ясные качества и свойства; руководствуясь этим, они выбирали из них жертвы богам. Изображения домашних животных на предметах прикладного искусства находились почти в каждом доме; в ряде случаев их использовали как амулеты и обереги, а иногда и символы. Из числа последних сейчас наиболее ясна нам роль петуха как олицетворение бескомпромиссной борьбы и мужества.

2. Дикие животные

С глубокой древности люди чувствовали себя частью окружающей природы то понятной и благосклонной, то загадочной и разрушительной; таковыми были и населяющие ее животные, внушавшие любовь и восхищение наряду со страхом и опасением. Одни звери могли быть друзьями и слугами, другие грозными противниками, к третьим относились индифферентно. Эллины, как и другие народы, наделяли животных чертами человеческого характера и включали в качестве персонажей в разные жанры фольклора и литературы. Там звери, как правило, постоянно сохраняли издавна приписанные им качества и характеристики. Это отражалось пре-

где всего в метафорах, вошедших во многие литературные произведения, начиная с Гомера, а также в баснях.

Различные представители фауны воплощали положительные и отрицательные черты характеров, присущие людям. Об этом выразительно написал Аристотель в «Истории животных» (I, 18). Следуя установившейся традиции, он назвал льва свободным, храбрым и благородным, волка – коварным, лисицу – лукавой и злокозненной, гуся – стыдливым и осторожным, павлина – завистливым и любящим покрасоваться. Кроме того, в фольклорных и в литературных произведениях дикие животные выступали спутниками богов и героев или грозными противниками последних. Все это нашло отражение во множестве произведений античного искусства, а порой получало там самостоятельное развитие, иногда более яркое, чем в литературе.

Роль дикой фауны в культуре античных государств Северного Причерноморья мало отразилась в древней литературе и эпиграфике, основной же источник наших знаний об этом заключен в найденных в этом регионе памятниках прикладного и отчасти монументального искусства.

Обращаясь к изображениям хищников, греки в подавляющем большинстве случаев избирали льва и пантеру; другие же широко распространенные во всем греческом мире хищники, например, постоянно упоминавшиеся в литературе волк и лиса, почти не привлекали внимания художников. В современных исследованиях античного искусства пантеру называют также барсом и леопардом, а то и просто кошачьим хищником, потому что зачастую трудно определить, какой вид из кошачьих имел в виду древний мастер. Не случайно то же самое можно сказать и о писателях; они употребляли слово пантера (πάνθηρ) для обозначения разных кошачьих хищников с пятнистой окраской (Her. IV, 192; Xen. Сyn. XI, 1; Strab. XVI, 4, 6; Ael. De nat. anim. XV, 14). Иногда из них выделяли леопарда (πάρδαλις Hom. II. XIII, 103; Od. IV, 457; Aristoph. Nub. 347) и рысь (λύγξ Hom. Hymn. XIX, 24; Eur. Alc. 579; Theophrast. Fr. 175). Последнюю различают на рисунках аттических ваз, поставлявшихся в Северное Причерноморье в IV в. до н. э. (№ 113, 114), а также на некоторых ювелирных изделиях эллинистического периода (№ 115- 117).

Греческие вазописцы нередко рисовали львов и пантер стоящими или сидящими в ряду других зверей (№ 1, 4- 6, 8, 9, 19, 21, 24, 43, 51, 93, 110) и птиц (№ 23, 84, 88, 92, 99, 103), а также вместе с фантастическими грифонами (№ 45, 47), сиренами (№ 86) и сфинксами (№ 10, 11).

Сцена нападения льва на травоядных животных занимала видное место на расписных вазах архаического времени, а в классический период она вошла в число сюжетов, изображавшихся на монетах, ювелирных украшениях, на металлических сосудах и в декоре парадного оружия. На подо-

бных предметах, найденных в Северном Причерноморье, лев чаще всего охотится на быков (№ 2, 3, 20, 39, 50, 52, 62), его жертвами бывают также горные козлы (№ 7, 13, 14, 22), лани (№ 12, 29), зайцы (№ 59) и кабаны (№ 38). В той же роли хищника, но реже, выступает пантера (№ 47, 87, 94, 109, 213); иногда в подобную композицию включали обоих животных (№ 47).

В основе таких сцен отразились реальные наблюдения. Лев, охотящийся на быка или пожирающий его, неоднократно упоминается в греческой литературе, начиная с Гомера (Od. VI, 130-134), встречается в баснях Эзопа (242, 318) и Бабрия (I, 44, 91), в эпиграмме эллинистического времени Симонида Магнессийского (AP VI, 217) и др. Однако современные исследователи почти не обращают внимания на реальную сторону подобных сцен в античном изобразительном искусстве; они видят там в первую очередь символический смысл, который вкладывали в свои произведения древние художники, и его хорошо понимали те, кто приобретал вещи с такими композициями.

В сознании большинства эллинов, как и многих древних народов, в частности скифов, жизнь и смерть не противопоставлялись друг другу, а находились в единстве и рассматривались как необходимые элементы бытия. Смерть в роли условия постоянного обновления и омоложения включалась в жизнь и определяла ее вечное движение²⁶. Таким образом мотив терзания хищниками разных животных обладал метафорическим обозначением смерти и возрождения. Объясняя смысл подобных сцен в изобразительном искусстве, Д.М. Раевский писал: «Терзаемое существо как бы погибает заживо, до последнего мгновения оставаясь живой плотью, а поедающий его зверь – это живая могила. Именно такой вид смерти, когда умирающее существо в то же время как бы и не умирает, а остается жить в проглотившем его животном, наиболее соответствует идее смерти во имя сохранения жизни»²⁷.

Сюжеты терзания травоядных животных львами и пантерами на памятниках искусства из античных государств Северного Причерноморья встречаются в основном на привозных вазах и ювелирных изделиях. Однако монеты Керкинитиды и Херсонеса (№ 50, 52) показывают, что местные греки также вкладывали символический смысл в мотив терзания. То же самое можно сказать о жителях Боспора IV в. до н. э.; они безусловно понимали аллегория, заключенную в сценах, украшавших их перстни с изображением льва, терзающего быка (№ 62), или пантеры, нападающей

²⁶ Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М. 1990. С. 59.

²⁷ Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры. М., 1985. С. 226. Прим. 29.

на оленя (№ 94). Теперь трудно с уверенностью оценить, насколько близко толкования современных исследователей соответствует представлениям древних народов.

Лев появляется практически во всех видах древнегреческого искусства и среди диких животных занимает первое место по количеству изображений. Так было и в Северном Причерноморье, где он часто присутствует в скульптуре и вазописи, на терракотах, ювелирных изделиях и монетах. В зависимости от обстоятельств эллины вкладывали в образ льва разнообразные смыслы; частично они перешли в европейскую культуру, но некоторые сейчас оказались забытыми и зачастую нам не достаточно понятны.

Греки и римляне считали льва царем зверей; в литературе это ярче всего отразилось в баснях (Aesop. 242, 246; Phaedr. IV, 14), сюжеты которых опирались на фольклор. Кроме того в массовом сознании лев символизировал власть и могущество, поэтому с ним издавна сравнивали отважных героев и воинов (Hom. II, V, 782; XVIII, 161).

В глубокой древности греки знали о львах не понаслышке, так как они наряду с другими хищниками нападали на домашних животных. Это выразительно описано у Гомера в рассказе том, как Одиссей вышел навстречу царевне Навсикае и ее подругам; здесь поэт сравнил своего героя с горным львом (Hom. Od. VI, 130- 134):

Так на горах обитающий силою гордый
В ветер и дождь на добычу выходит, сверкая глазами,
Лев. На быков и овец он бросается в поле, хватает
Диких оленей в лесу и нередко, тревожимый гладом,
Мелкий скот похищать подбегает к пастушьим заградам.

Перевод В.В. Вересаева

Однако, начиная с классического периода, лев не был реально известным зверем для населения большинства греческих государств, включая колонии Северного Причерноморья, и там его внешний вид представляли по изображениям в монументальном и прикладном искусстве. Согласно сведениям Геродота (IV, 125, 126), в V в. до н. э. на Балканах львы водились только в их северных областях – Македонии, Акарнании и Этолии. Небольшие львы изредка появлялись в окрестностях колоний на северных берегах Черного моря, о чем свидетельствуют немногочисленные находки их костей²⁸. В VII–V вв. до н. э. греческие художники изображали львов не

²⁸ Журавльов О.П. Кісткові решітки ссавців в Ольвії та на Березані // Археологія. 1983. № 42. С. 84; Каспаров А.К. Новые результаты исследований фаунистических мате-

с натуры, а по воспринятой с Востока изобразительной традиции, а также формировали их фигуры из наблюдений строения тела крупных собак и известных им кошачьих хищников²⁹. Только в период эллинизма, после активного включения в жизнь греческой ойкумены некоторых стран Азии и Африки, некоторые мастера смогли воспользоваться собственными наблюдениями этих животных, но в Северном Причерноморье для местных произведений по-прежнему использовали образцы из метрополии.

Отсутствие реальных знаний отражено на некоторых произведениях греческого искусства. Например, ювелиры, представляя львицу, изображали льва с набухшими сосцами, потому что не знали, что у львиц нет гривы. Это хорошо видно на браслетах из кургана Большая Близница на Тамани (рис. 59; № 58) и на золотых обкладках горитов со сценами из жизни Ахилла, найденных в скифских курганах³⁰. Греческий мастер, изготавливавший матрицу для обкладки горитов, хотел обозначить женский пол двух не известных ему в натуре животных и потому снабдил большими сосцами одного из львов и одного из грифонов. На этом примере ясно, что лев для большинства греков стоял в одном ряду с фантастическим грифоном и, подобно ему, обитал скорее в мифическом, чем в реальном мире. Поэтому на вазах и ювелирных изделиях львов нередко помещали в одном ряду с другими фантастическими существами (сфинксами и грифонами); иллюстрации подобных представлений попадали в Борисфен и Боспор (№ 10, 11, 45, 47).

Еще в архаический период греки стали устанавливать львов на могилах выдающихся воинов. Эти животные напоминали о храбрости погибших и символизировали их силу и мощь. Хрестоматийные примеры памятников такого рода – скульптуры львов над погребениями героев сражений при Фермопилах и Херонее. В 480 г до н. э. спартанский царь Леонид вместе с небольшим отрядом воинов погиб в бою у Фермопильского ущелья, но они задержали персов и дали возможность греческому войску отступить и собрать новые силы для борьбы с врагом. Сохранилась эпитафия Симонида Кеосского «Лев на могиле Леонида» (AP VII, 344), в которой обыгрывается значение имени царя «потомок льва»:

Между животными я, а между людьми всех сильнее
Тот, кого я теперь, лежа на камне храню.
Если бы Львом именуясь, он не был мне равен и духом,

риалов о. Березань // Боспор и Северное Причерноморье в античную эпоху. СПб., 2008. С. 67, 68.

²⁹ Vermuele C. Greek Funerary Animals // AJA. 1972. V. 71. P. 51.

³⁰ АП. № 35; Черненко Е.В. Скифские лучники. Киев, 1981. С. 76-92.

Я над могилой его лап не простер бы своих.

Перевод Л. Блуменау

В стихах Симонида отразилось также представление о львах как стражах могил на некрополях. Заимствованная из метрополии традиция ставить львов на некрополях сохранялась в Северном Причерноморье вплоть до римского времени. Здесь, как и в других греческих государствах, стиль изображений львов менялся в соответствии с изменениями вкусов и достижений античных художников, но смысловая значимость оставалась прежней. Древнейшие статуи такого рода, исполненные милетскими скульпторами в VI–V вв. до н. э., обнаружены в Ольвии (№ 37), а более поздние импортные и местного производства – в Пантикапее (№ 83)³¹. Они служили памятниками на могилах состоятельных граждан или стражами отдельных участков некрополя³².

Греки считали, что изображения львов могут защитить отечество от всевозможных несчастий, и поэтому помещали их на воротах городов. Такое уходящее в глубокую древность представление (напомним знаменитые «львиные ворота» в Микенах) существовало в Милете, где скульптуры двух огромных львов фланкировали ворота в порт. Эта традиция сохранялась и в колониях. На статуях двух сидящих мраморных львов IV в. до н. э., найденных близ Фанагории (№ 54), видно, что их прикрепляли к стене³³.

Близкое по смыслу значение имели изображения львов на сосудах и украшениях. Там наряду с декоративной ролью они исполняли функцию оберегов, предохраняющих от разных бед владельцев этих предметов³⁴. Головами или целыми фигурами львов украшали мужские перстни и печати, женские серьги, ожерелья, подвески, браслеты, кольца, диадемы, а также сосуды разных форм, предназначенные в основном для воды и вина. В изделиях архаического времени охранительные функции изображений рычащего льва имели более важное значение, чем декоративные, позже эти роли уравниваются, а в эллинистический период порой даже меняются местами.

³¹ Кучеревская А.С., Федосеев Н.Ф. Лев в искусстве древнего Боспора Киммерийского // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2003. С. 162.

³² Русяева А.С. Надгробные памятники // Культура населения Ольвии и ее округа в архаическое время. Киев, 1987. С. 159-160; Vermuele С. Op. cit. P. 49-59.

³³ Савостина Е.А. Эллада и Боспор. Историко-культурные связи и греческий импульс в развитии пластики Северного Причерноморья. Диссертация на соискание уч. степ. доктора искусствоведения. М. 2004. С. 312.

³⁴ Фармаковский Б.В. Архаический период в России // МАР. 1914. № 34. С. 25-26.

В Северном Причерноморье лев с оскаленной пастью появляется на привозных сосудах и украшениях с первых лет освоения колонистами этих земель. Мы видим этого хищника на хиосских кубках и пиксидах, на ионийских кратерах и ойнохоях (рис. 60) первой половины и середины VI в. до н. э. (№ 4, 6, 10, 11). Они найдены на Березани, а древнейшие образцы украшений такого рода, датирующиеся второй половиной того же века, обнаружены в некрополе Ольвии (№ 17): таковы различающиеся лишь в деталях пять пар золотых серег-наушниц с головами рычащих львов, помещенных в центре круглых щитков украшения. Ювелир, сделавший самый искусно выполненный экземпляр (рис. 61), выделил голубой эмалью глаза и уши животного, заботясь не о достоверности, а о красоте изображения оберега. Эмаль тогда только начали применять в декоре дорогих ювелирных украшений, и такой вид инкрустации на золоте стал распространенным в V–IV вв. до н. э.³⁵ Некоторые золотые подвески архаического периода также имели форму головы льва с оскаленной пастью (рис. 62); в Ольвии и на Боспоре их носили либо отдельно на ленточке, продетой в припаянную петельку (№ 25), или включали в состав ожерелья (№ 26, 79).

Охранительное значение изображений льва хорошо различается на двух серебряных перстнях начала V в. до н. э. из Ольвии (№ 32). В ромбовидный щиток, украшенный фигуркой готовящегося к прыжку животного, по углам вбиты маленькие гвоздики из электра; они, по древним поверьям, как и львы, защищали владельца от всяких бед³⁶. То же значение имел лев на печати VI в. до н. э., принадлежавшей боспорянину (№ 27), и на прони-зи из египетского фаянса из Ольвии (№ 26).

В классический и эллинистический период изображения львов на расписных сосудах сокращается, но зато они постоянно встречаются на разных ювелирных изделиях, принадлежавших жителям Северного Причерноморья. Украшения со львами сначала были сплошь привозными, но затем их освоили и местные мастера. Это лучше всего видно в серии многочисленных находок металлических кольцеобразных серег с головой рычащего льва. Они вошли в моду во второй половине IV до н. э. и пользовались популярностью во всем греческом мире в течение двух столетий, исполняя наряду с декоративной ролью функцию апотропея³⁷. Уже в конце

³⁵ Скржинская М.В. Греческие серьги и ожерелья архаического периода // Ольвия и ее округа. Киев, 1986. С. 118.

³⁶ Максимова М.И. Резные камни // Античные города Северного Причерноморья. Л., 1955. С. 438-439.

³⁷ ГЗ. С. 34; Deppert – Lippitz B. Griechischer Goldschmuck. Mainz am Rhein, 1985. S. 223.

IV в. до н. э. женщины на Боспоре и в Ольвии стали носить такие серьги, а в III до н. э. многие состоятельные гречанки во всех государствах на северных берегах Понта следовали этой моде (№ 63, 64, 68, 69, 73)³⁸. Иногда в подобные серьги кроме металла включали иные материалы, например корпус одной серьги из Ольвии сделан из стекла, а львиная головка из серебра (№ 65). Для менее состоятельных слоев населения местные мастера делали подобные серьги из бронзы и свинца (№ 66), а также их низкопробного серебра, о чем свидетельствуют ольвийские литейные формы (№ 67).

Головы и целые фигуры львов встречаются в Северном Причерноморье также на других видах украшений классического и эллинистического периода: на перстнях (№ 42, 62), печатях (№ 57, 60), браслетах (№ 41, 44, 53, 55), нашивных бляшках (№ 46, 48) и ожерельях. В составе полевых они бывали подвесками (№ 79), или затворами (№ 56, 78), либо поддерживали центральную часть украшения (№ 74). Здесь, как и на вазах эллинистического времени (№ 77), на первый план выдвигается декоративная роль львов. Однако их значение оберега не забывалось. Выразительный пример такого рода – золотой перстень из Пантикапея с редчайшим изображением сразу четырех фигурок львов (№ 49).

Особо следует остановиться на изображениях львов как постоянных спутников или символов определенных богов и героев, в первую очередь Аполлона, Кибелы и Геракла.

Почитание Аполлона в Милете и на ионийских островах тесно связано со львом как его символом. Много скульптур львов найдено при раскопках некогда знаменитых во всей Элладе святилищ Аполлона в Дидимах близ Милета и на острове Делосе³⁹. Лев в древности имел значение солярного знака, а одним из распространенных эпитетов Аполлона был Феб (Φοῖβος - Лучезарный), встречающийся в античной литературе уже в эпоху архаики (Hom. II, I, 43; XX, 68; Hes. Fr. 194; Alc. 61), а в более поздние времена этого бога прямо уподобляли солнцу (Macr. Sat. I, 117). Феб Аполлон упоминается в двух боспорских надписях IV в. до н. э., в херсонесской надписи позднеэллинистического времени и в ольвийской надписи римского периода⁴⁰. На милетских монетах эпохи Великой греческой колонизации лев символизировал Аполлона, верховного бога города⁴¹. Такое

³⁸ Напомним, что к середине XIX в. на Боспоре было найдено более 20 экземпляров подобных серег (ДБК. С. 48), и с тех пор их количество постоянно увеличивается.

³⁹ *Кобылина М.М.* Милет. М., 1965. С. 142-144; *Cahn H.* Die Löwen des Apollo // *Museum Helveticum.* 1950. V. 7. S. 185.

⁴⁰ *ИРЕ I².* 175, 578; КБН. 113; *Блаватская Т.В.* Посвящение Левкона // *ВДИ.* 1993. № 2. С. 35-36.

⁴¹ *Зограф А.Н.* Античные монеты. М., Л., 1951. С. 62. Табл. I, 7 и 9.

же значение имеют изображения львов на монетах милетской колонии Пантикапея (№ 30) и других боспорских городов, где Аполлон возглавлял пантеон местных богов⁴².

Издавна лев в сознании эллинов представлялся постоянным спутником и священным животным Матери богов, называвшейся также Кибелой, о чем упоминается уже в литературе архаического времени, например, в гомеровском гимне, воспевавшем богиню (XIV, 4). Ее имя в Северном Причерноморье встречается на посвячительных надписях, начиная с VI в. до н. э.⁴³, а древнейшее изображение ее символа льва относится к началу IV в. до н. э. Местный житель схематически прочертил фигуру льва с поднятым хвостом вместе с монограммой богини на обломке краснофигурного кратера из Херсонеса⁴⁴. В Ольвии, Херсонесе и на Боспоре изображения Кибелы в основном скульптурные; среди них больше всего терракот, есть мраморные и известняковые статуэтки и рельефы (№ 70-72, 75, 76, 81, 82). Редкий образец изображения Кибелы на бронзовом перстне происходит из Горгииппии; во II в. до н. э. боспорский мастер представил богиню между двумя львами (№ 80). Чаще лев лежит на коленях сидящей на троне Кибелы или находится у ее ног. По-видимому, это вольные копии упомянутой Павсанием (I, 3, 5) статуи Кибелы, исполненной Фидием для ее храма в Афинах, или скульптуры его ученика Агоракрита (*Argian. Regipl.* 11). Такие статуэтки впервые появились в Северном Причерноморье во второй половине IV в. до н. э. (ср. № 70). Редкое изображение Кибелы, сидящей на льве, представлено на одной терракоте позднеэллинистического времени из Херсонеса; местный мастер, вероятно имея перед собой какой-то импортный образец, с большой точностью воспроизвел сцену с Кибелой на фризе Пергамского алтаря⁴⁵.

В античном изобразительном искусстве лев часто появлялся вместе с Гераклом. Уже в архаическое время ольвиополиты и боспоряне приобретали аттические вазы с иллюстрациями единоборства Геракла со львом (№ 15, 28, 33-35). Греки рассказывали, как герой победил двух страшных львов: убил дубиной из дикой оливы Киферонского и задушил Немейского, избавив местных жителей от страшных хищников, которые опустошали окрестности и наводили ужас на людей (*Theocr. Vuc.* XXV, 211-282;

⁴² Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора. М., 1956. С. 17, 18; Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986. № 1-12, 14-24, 85, 99, 108.

⁴³ Русяева А.С. Религия и культы античной Ольвии. Киев, 1992. С. 144. Рис. 46.

⁴⁴ Соломоник Э.И. Некоторые группы граффити из античного Херсонеса // ВДИ. 1976. № 3. С. 129. Рис. 8; Граффити античного Херсонеса. Киев, 1978. № 1177.

⁴⁵ Шевченко А.В. Херсонесские терракоты и их художественная значимость // Древности. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков, 2004. С. 154-159.

Apollod. Bibl. II, 4, 9-10; 5, 1). Непробиваемую шкуру чудовищного киферонского льва он сделал своим защитным доспехом, а голову зверя – шлемом (Apollod. Bibl. II, 4, 10), поэтому героя часто изображали с львиной шкурой, а иногда с накинутым на голову скальпом льва. Например, фигура Геракла с львиной шкурой отчеканена на кизикинах конца V в. до н. э., и семь подобных экземпляров входили в состав клада, найденного в Мирмекии⁴⁶.

В IV в. до н. э. по образцу монет Кизика боспорские мастера стали делать нашивные золотые бляшки, изображающие Геракла, сжимающего шею льва (№ 46). Способ расправы героя с противником указывает на борьбу с Немейским львом, то есть на первый подвиг Геракла. В III в. до н. э. изображения юного Геракла в львиной шкуре появляются на монетах Ольвии и Тиры, а на монетах Херсонеса и Керкинитиды эллинистического времени чеканили профиль Геракла с львиным скальпом⁴⁷.

Как и лев, пантера считалась священным животным и атрибутом одного из олимпийских богов – Диониса. Иногда только по ее присутствию можно определить, что художник изобразил этого бога. Например, на гидрии из Пантикапея (№ 106) представлено несколько божеств; Дионис нарисован без тирса и плюща, своих обычных атрибутов, и только пантера у ног юноши, находящегося рядом с Афиной, позволяет признать в нем определенного бога (рис. 63). Таким же образом боспоряне узнавали Диониса в мраморной статуе, поставленной в Пантикапее на рубеже V–IV вв. до н. э. (№ 98), на фигурных сосудах (№ 111) и на монетах, чеканившихся в I в. до н. э. в Пантикапее, Фанагории и Горгиппии (№ 112). Иногда Диониса изображали едущим на спине пантеры (№ 95, 108). В той же роли пантеры выступали вместе со спутниками бога – Силеном, сатирами и менадами: животные либо их просто сопровождали, либо везли на спине или в упряжке повозки (№ 90, 102, 104, 107).

В греческом искусстве постоянно встречаются изображения оленей, ланей, диких козлов, кабанов и зайцев, на которых эллины охотились как в метрополии, так и в колониях. Поэтому не случайно в изобразительном искусстве многие сцены с названными животными связаны с охотой людей и хищников. Последних, как уже говорилось представляли либо в момент терзания жертвы, либо рядом с животным, на которое они охотились. Например, на нескольких чернофигурных киликах, найденных на Береза-

⁴⁶ Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Куликов А.В., Смекалова Т.Н., Иванина О.А. Клады античных монет из собрания Керченского государственного историко-культурного заповедника. Киев, 2006. С. 27.

⁴⁷ Зограф А.Н. Указ. соч. Табл. 35, 19-22; 38,19; Карышковский П.О. Монетное дело и денежное обращение Ольвии. Одесса, 2003. С. 103.

ни, пантеры нарисованы стоящими рядом с ланями (рис. 64; № 93). Все перечисленные животные водились в Северном Причерноморье в античную эпоху; здесь хорошо знали их внешний вид и повадки, что подтверждается находками костей на городищах⁴⁸.

Наиболее подробно охота с собаками на кабанов и ланей представлена на двух найденных в Пантикапее лекифах афинского мастера Ксенофанта (рис. 40; № 124, 141). Несколько терракот, представляющих всадника, охотящегося с собакой на зайца, найдено на Боспоре (№ 167). Изображение юноши с зайцем на терракоте из Херсонеса скорее можно истолковать не как показывающего трофей своей охоты, а как держащего любовный подарок (№ 166); ведь заяц у греков наряду с петухом служил традиционным даром возлюбленному⁴⁹.

Вазы архаического времени часто украшены сценами преследования охотничьими собаками горных козлов и зайцев (№ 125, 127, 160, 161), а в эллинистический период погоня собаки за зайцем стала темой рельефов «мегарских» чаш (№ 168). Считается, что в этих композициях, как и в упомянутых выше сценах терзания хищниками травоядных животных, заложен в первую очередь символический смысл. Однако, такие изображения безусловно вызывали также у одних воспоминания о реальной охоте, у других служили иллюстрациями рассказов об охотничьих подвигах или напоминали некоторые предания о богах и героях. Восходящий к Эзопу сюжет басни Бабрия «Собака и заяц» или басня Федра «Собака, кабан и охотник» могут служить подтверждением того, погоня собаки за дичью имела не только символический, но и реальный смысл.

По нашему мнению, есть достаточные основания полагать, что изображения крупных диких вепрей могли вызывать ассоциации с популярными мифами о Калидонской охоте (Apollod. Bibl. I, 8, 2; Ovid. Met. VIII, 299; Hygin. Fab. 173), о смерти Адониса (Apollod. Bibl. III, 14, 4; Ovid. Met. X, 708-716), и о том варианте мифа о гибели Атгиса, который записан у Павсания (VII, 17, 9-10). Сейчас имеются лишь косвенные свидетельства о знакомстве местного населения с этими мифами в Северном Причерноморье. Приведем для примера два следующих наблюдения.

Начиная с архаического периода на протяжении всей античности, писатели и художники обращались к мифу об охоте на страшного кабана, посланного разгневанной Артемидой опустошать окрестности Калидонии;

⁴⁸ Цалкин В.И. Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в античную эпоху // МИА. 1960. № 53. С. 71-79.

⁴⁹ Koch-Harnack. G. Knabesliebe und Tiereschenke: ihre Bedeutung im päderastischen Erziehungssystem Athens. Berlin, 1983.

его убили на охоте, в которой приняли участие многие герои⁵⁰. Гомер включил этот сюжет в «Илиаду» (IX, 529-546), которую хорошо знали в античных государствах Северного Причерноморья, как и в любой другой части греческой ойкумены. Наверное, здесь также читали эпическую поэму о Калидонской охоте с участием героев Скифа и Киммерийца⁵¹. Поэтому можно с достаточной уверенностью считать, что этот миф был известен на северном краю ойкумены.

Культы восточных божеств, к числу которых принадлежали Адонис и Аттис, стали распространяться в античных государствах Северного Причерноморья в эллинистический период. Терракоты с изображением Аттиса, играющего на сиринге, найдены в Ольвии и на Боспоре⁵²; поэтому предания о смерти этого спутника Кибелы здесь также были известны.

Некоторые из названных травоядных животных, подобно льву и пантере, выступали спутниками или символами определенных богов. Лань и олень (по-гречески это одно понятие *έλαφος*), были священными животными Артемиды. Показательно, что в известном мифе о приношении Ифигении в жертву Артемиде, богиня в последний момент на разгоравшемся костре заменила девушку ланью (Eur. Iph. Aul. 1592-1596; Iph. Taur. 25-30). В IV в. до н. э. появилась статуя Артемиды, вероятно исполненная прославленным скульптором Леохаром; это изображение богини в коротком хитоне, с колчаном за спиной и ланью у ног стало знаменито во всем античном мире, и теперь широко известно по мраморной римской копии, находящейся в Лувре. Греческие поэты постоянно прилагали к Артемиде эпитет «охотящаяся на оленя» (*Έλαφθηβόλος*); например, в гимнах богине (Ном. Нумн. XXVII, 2; Callim. Нумн. III, 41) или в трагедии Софокла «Троянки» (ст. 212). Девятый месяц афинского календаря Элафоболион назывался по охотничьему празднику в честь богини.

Херсонеситы наряду с луком, стрелами и колчаном постоянно включали лань в число атрибутов Артемиды. Наиболее показательны в этом аспекте местные монеты с разными изображениями оленей и ланей. Чаще всего там представлена Артемида, убивающая лань копьем (№ 148); эта композиция, возможно воспроизводящая какую-то скульптуру, может служить иллюстрацией строки из песни хора в трагедии Еврипида «Ифи-

⁵⁰ См., например, верхний фриз знаменитой аттической вазы Франсуа, расписанной Клитием в семидесятые годы VI в. до н. э. Boardman J. Athenian Black-Figure Vases. London, 1985. № 46.

⁵¹ Скржинская М.В. Скифия глазами эллинов. СПб., 1998. С.202.

⁵² Русяева А.С. Земледельческие культы Ольвии. Киев, 1979. С. 108. Рис. 54; Кобылина М.М. Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века нашей эры. М., 1978. С. 14, 38.

гения в Тавриде» (стих 1113), назвавшего богиню ἑλαφοκτόνος (убивающей оленя). Другой момент охоты богини представлен на мраморном херсонесском рельефе II–I вв. до н. э.: там Артемида вместе с охотничьей собакой стремительно гонится за ланью (№ 152). На меньшем количестве монет лань изображена рядом с богиней⁵³ или как ее символ одно это животное представлено стоящим, лежащим либо пасущимся (№ 149).

Лань в роли атрибута Артемиды в других городах Северного Причерноморья появлялась гораздо реже, чем в Херсонесе. Монеты с ее изображением чеканили в Керкинитиде в III в. до н. э. (№ 150), а в Пантикапее, Фанагории и Горгиипии – во II–I вв. до н. э. (№ 151). Некоторые изображения на вазах и терракотах показывают, что этот атрибут богини был известен в Северном Причерноморье с архаического времени. Такова, например, терракотовая статуэтка рубежа VI–V вв. до н. э. из Пантикапея, там маленькая лань лежит на руках богини (№ 134), или чернофигурная аттическая ваза конца VI в. до н. э. из Ольвии, на которой Артемида с ланью у ног нарисована рядом со своим братом Аполлоном и матерью Лето (№ 133).

Редкий образец ювелирного украшения с рассматриваемыми сюжетами представляет пара золотых серег из Нимфея, исполненных в последней трети IV в. до н. э.: там к розетке прикреплена подвеска в виде фигурки Артемиды, едущей на лани (№ 145). Она напоминает предание о том, что богиня ездила на олене или на колеснице, запряженной оленями; об этом писал александрийский поэт Каллимах (Νυμν. III, 99–106), стремившийся дать исчерпывающий свод мифов об Артемиде в посвященном ей гимне⁵⁴.

Владельцы vaz и ювелирных изделий с отдельными изображениями оленей скорее всего видели в них символ Артемиды. Таковы скачущие олени на краснофигурном лекифе из Херсонеса (№ 139) и халцедоновой печати из Пантикапея (№ 146), а также золотая булавка с навершием в виде головы оленя (№ 143). Все эти дорогие импортные вещи были целенаправленно приобретены в IV в. до н. э.

Иные не совсем понятные нам ассоциации вызывали у греков выполненные в «скифском» стиле изображения лежащих оленей с ветвистыми рогами: они встречаются на архаических зеркалах из Ольвии (№ 132) и на бляшках местного производства, нашитавшихся на ткани (№ 135). То же самое можно сказать и о фигурках пантер на окончаниях ручек подобных зеркал, скорее всего сделанных в Ольвии (рис. 65; № 91).

⁵³ Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977. № 8, 267, 286–288, 296–308.

⁵⁴ Завьялова. В. П. Каллимах. Гимн к Артемиде. М., 2002. С. 13.

В VII–VI вв. до н. э. ионийские мастера часто заполняли фризы расписных ваз фигурами пасущихся или бегущих горных козлов (рис. 60; № 126, 128, 129), а также сценами их преследования собаками. В Северном Причерноморье наибольшее количество ваз с такими росписями найдено на Березани (рис. 55); они встречаются также в Ольвии и Пантикапее. Дикие козлы, называемые также в современной литературе газелями и антилопами, появляются в эллинистический период на ювелирных украшениях: их головами завершали несомкнутые концы кольцеобразных серег и браслетов⁵⁵. Гречанки носили подобные серьги в Ольвии и в Пантикапее (№ 130).

В греческом искусстве издавна существовали изображения диких быков. На вазах архаического периода их рисовали либо среди других диких животных (№ 1, 5, 9), либо в сценах терзания хищниками, чаще всего львами (№ 2, 3, 20, 39, 45, 50, 52, 62), реже пантерами (№ 87). Кроме того дикие быки появлялись в сценах из мифов о героях, побеждавших этих животных. Так Геракл по приказу Эврисфея привел ему свирепого быка, хозяином которого на Крите был царь Минос. По преданию, Эврисфей отпустил быка на свободу; тот убежал в Аттику к Марафону и там стал опустошать поля (Apollod. Bibl. II, 5, 7). Тогда Тесей убил это разъяренное страшное животное (Apollod. Ep. I, 5). Росписи нескольких ваз из Ольвии и Пантикапея иллюстрируют эти мифы (№ 153, 155, 157).

Бодающий бык в сочетании с палицей, ставшей одним из атрибутов Геракла, символизирует самого героя и напоминает об одном из его подвигов (№ 158). Когда же на монетах (№ 154) или на золотых бляшках (№ 156) и подвесках (рис. 62) присутствует только один бык, то становится трудно определить его символическое значение. Ведь наряду с уже отмеченным смыслом бык мог указывать на Диониса, которого иногда изображали в виде быка⁵⁶.

К перечисленным достаточно частым изображениям животных следует отнести статуэтки обезьян. В основном они глиняные (№ 170–174), но есть и костяная (№ 175). Большинство фигурок относится к VI–V вв. до н. э., иногда они появлялись и в более позднее время (№ 174). В основном такие статуэтки были привозными, но в Ольвии в V в. до н. э. их делали и местные мастера.

Сходство животного с человеком послужило поводом для изображения обезьян за работой; терракоты из Пантикапея и Нимфея представляют, как они что-то толкут ступой в лутерии (№ 173). Некоторые фигурки служили

⁵⁵ Deppert-Lippitz B. Griechischer Goldschmuck. Mainz am Rhein, 1985. S. 224. Abb. 159, 168.

⁵⁶ Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Куликов А.В., Смекалова Т.Н., Иванина О.А. Указ. соч. С. 16.

детскими игрушками, другие, вероятно, играли некую роль в каких-то культах. Кроме того все они имели познавательное значение, потому что знакомили местных жителей с внешним видом зверя, не обитавшего в Северном Причерноморье, но нередко упоминающегося в греческом фольклоре и литературе. О последнем красноречиво говорят античные поговорки (Plat. Resp. 590 b; Luc. Philops. 5; Apollod. Com. 1, 3) и басни (Aesop. 83; Babr. 157). Начиная с IV в. до н. э., в Северном Причерноморье изображения обезьян встречаются чрезвычайно редко.

Заканчивая обзор млекопитающих животных, отметим несколько эпизодически появляющихся на памятниках искусства; это летучая мышь, медведь и верблюд (№ 176-178).

Расписные вазы, терракоты и ювелирные изделия греческих мастеров часто украшены изображениями птиц. Их особенно много на вазах архаического периода, где водоплавающие птицы заполняли целые фризы или включались в них наряду с другими животными (№ 232-239). Кроме того, вазописцы VII–VI вв. до н. э. рисовали несколькими штрихами обобщенный образ летящей птицы (№ 179, 180), обозначая небо, или заполняли таким способом пустое пространство на фоне рисунка⁵⁷. Зритель мог воспринимать птиц, парящих в воздухе над людьми, как носителей разных предзнаменований, которым верили на протяжении всей античности. Во многие изображения птиц эллины вкладывали теперь трудно уловимый символический смысл; например, существовало поверье о превращении душ умерших людей в водоплавающих птиц, так что их изображения могли намекать на это древнее представление⁵⁸.

Определенные виды птиц на памятниках искусства появились в Северном Причерноморье в первые годы колонизации этих земель. Поселенцы на Березани пользовались ионийскими тарелками с нарисованными на них ласточками, сидящими на пальметтах и розетках (№ 254). Сюда же в VI в. до н. э. привозили разнообразные сосуды, в декоре которых присутствовали гуси, утки и лебеди, особо любимые вазописцами архаического времени (№ 201-207; 232-239). Их не всегда легко отличить друг от друга из-за обобщенного характера рисунка водоплавающей птицы (№ 238, 239). Все они не только напоминали о фауне метрополии, но и встречались на новой родине.

В V–IV вв. до н. э. печати и перстни, которые носили жители Ольвии и Боспора, достаточно часто украшены фигурами уток и цапель (№ 240-246). Среди инталий выделяются две изумительные работы хиосского

⁵⁷ *Vunper B.P.* Искусство древней Греции. М., 1972. С. 126; *Boardman J.* Op. cit. P. 244.

⁵⁸ *Шталь И.В.* Эпические предания древней Греции. М., 1989. С. 86.

резчика Дексамена: летящая цапля на голубом халцедоне из Пантикапея и стоящая цапля и кузнечик на пестрой коричнево-желтой яшме из Фанатории (№ 244, 246). Кроме ваз и ювелирных изделий птицами украшали также ткани (№ 241).

Воинственный характер лебедей и журавлей был хорошо известен эллинам. Античные авторы писали, что лебеди сражаются между собой, иногда убивая друг друга, они также храбро вступают в схватки с другими птицами, даже с орлами (Arist. Hist. anim. IX, 2, 9; 13, 2-3; Ael. De nat. anim. V, 34; XVII, 24). Аристотель в «Истории животных» (IX, 13, 3) выделял страсть журавлей к поединкам, а поэты сравнивали возгласы идущих в бой неприятелей с кликами журавлей, неутомимых в своих битвах (Hom. II, II, 459; III, 1; Verg. Aen. X, 264; Val. Flacc. Argon. III, 359). Поэтому становится понятно, почему на вазовых рисунках лебедей помещали рядом с хищными животными (№ 23, 92, 113), а в мифе о пигмеях их противниками избрали журавлей, и их схватки служили темой росписи многих так называемых боспорских пелик (рис. 48, 49; № 249-251) и некоторых других ваз (№ 253).

Наряду с млекопитающими некоторые птицы выступали спутниками и атрибутами богов: орел, признанный царем птиц, сопровождал Зевса, сова – Афины, голубь и лебедь – Афродите, лебедь – Аполлона. Поэтому мы видим Афродите, летящую на лебеде (рис. 29; № 218, 219, 221), или держащую голубя (№ 189, 190, 194, 195), либо Афины со щитом, украшенным изображением совы (№ 223). Названные птицы зачастую символизировали соответствующих богов. В подобной роли орел появляется на монетах (рис. 66) и эталонных гирях Ольвии (№ 183, 184), а также на монетах Херсонеса (№ 187) Керкинитиды (№ 185) и Боспора (№ 188); в античных городах Северного Причерноморья терракоты, фигурные сосуды и подвески к серьгам в виде голубей напоминали об Афродите (№ 191-193; 198, 199), а сова на привозных аттических скифосах (рис. 67), а также на местных и афинских монетах служила символом Афины (№ 222, 224-231). Вазы с рисунком одного лебеда, вероятно, вызывали ассоциации с Афродитой или Аполлоном (№ 203, 214, 216), а глиняные фигурки голубей импортного и местного производства (№ 191, 196, 197), наверное, служили votivными приношениями Афродите.

Эллины приручали некоторых диких птиц и иногда к ним сильно привязывались; сохранилось несколько эпиграмм, в которых оплакивается смерть любимой куропатки (AP VII, 203-206). В греческих домах и садах греков встречались журавли, лебеди, перепела и куропатки, причем мясо последних считалось деликатесом (Athen. IV, 128, 131; Ael. De nat. anim. IV, 13; Aul. Gell. VII, 16, 5). Птицы привязывались к хозяевам, свободно ходили по внутреннему дворику, и даже заходили в комнаты; с ними игра-

ли дети и женщины. Это отразилось на рисунках привозных аттических ваз, среди них – лебедь между двумя курами (№ 206) и журавль, стоящий около двух женщин или находящийся в гинекее (№ 247, 252). Вероятно, такие сцены греки Северного Причерноморья наблюдали и у себя дома.

Известно, что в античности дрессировали для боев не только петухов, но также перепелов и куропаток (Ael. De nat. anim. IV, 1; Plin. NH. XXII, 65). Кроме того, ручных куропаток использовали на охоте для приманки диких птиц (Aristot. Hist. anim. IX, 9, 4; Babr. Fab. 124, 4; Athen. 389 с; Plin. NH X, 101). Поэтому перепел и куропатка наряду с петухом считались хорошим подарком любимому молодому человеку (Aristoph. Av. 705). По-видимому, дрессированные куропатки и перепел изображены на бронзовом перстне и краснофигурной вазе из Пантикапея (№ 255, 256).

В ряде случаев птицы на памятниках искусства играли декоративную роль. Особенно часто для этого использовали лебедей и уток. Их головами заканчивали металлические черпаки-киафы и ситечки для процеживания вина (№ 209-211), в состоятельных домах стояла мебель, украшенная головами лебедей, вырезанных из кости (№ 208), вазаписцы заполняли фигурами лебедей ручки сосудов или пространства под ними (№ 204).

Морская фауна была хорошо знакома эллинам, потому что рыба и другие морепродукты составляли один из основных компонентов их питания. Продажа свежей и консервированной рыбы давала многим грекам возможность заработать средства к существованию⁵⁹. Рыбаки и мореходы во время своих плаваний наблюдали за обитателями моря. Например, по поведению дельфинов судили о наступающей погоде. Однако, изображение морской фауны в искусстве античной Эллады занимает скромное место. Исключение составляет лишь дельфин, считавшийся царем морских животных и хозяином моря⁶⁰.

В отличие от множества представителей морской фауны, которых античные авторы описывали главным образом в научных трудах и кулинарных книгах, дельфины встречаются также в разных мифах и упоминаются у поэтов, начиная с архаического времени (Hom. II. XXI, 22; Od. XII, 96; Archil. 74, 7; Pind. Pyth. II, 51). Тогда же их нередко стали изображать художники.

В древности большой популярностью пользовались рассказы о спасении дельфинами потерпевших кораблекрушение, о любви дельфинов слу-

⁵⁹ О знакомстве с морской фауной и рыболовстве в Северном Причерноморье см. серию статей и подробную библиографию в кн. Ancient Fishing and Processing in the Black-Sea Region. Arhus, 2003.

⁶⁰ Ridgway B.S. Dolphins and Dolphin-riders // Archaeology. 1970. № 2. P. 86-95.

шать музыку и о том, что они могут возить людей на спине⁶¹. Павсаний (III, 25, 7) сам видел, как дельфин приплывал на зов мальчика и катал его на спине; так он благодарил подростка за то, что тот вылечил его от раны, нанесенной рыбаками⁶². На протяжении столетий передавалась легенда о поэте Арионе, исполнявшем свои дифирамбы под аккомпанемент кифары. Перед тем как его вынудили броситься в море, поэт исполнил одно из своих сочинений, а привлеченный его пением и звуками кифары дельфин подплыл к утопающему и доставил к берегу. Новелла об Арионе подробно изложена в «Истории» Геродота (I, 24), через несколько столетий ее с некоторыми вариациями повторили Павсаний (III, 25, 7) и Гигин (Fab. 194).

Основываясь на реальных наблюдениях, греки стали изображать людей и богов, сидящими на дельфинах. Бронзовая статуя Ариона на дельфине, судя по свидетельствам Геродота и Павсания, стояла не одно столетие на мысе Тенар. Существовало немало вазовых рисунков и терракот с изображениями Посейдона, Эрота, nereид и некоторых других божеств, сидящих на спине дельфина. Подобные изображения и соответствующие им мифы были известны во всем античном мире, в том числе и на северном краю греческой ойкумены.

В V в. до н. э. на монетах Кизика появилась фигура юноши (наверное, героя какого-то мифа) на дельфине; такая монета входила в состав клада, обнаруженного в Мирмекии (№ 265). Среди интересующих нас находок в Северном Причерноморье назовем пелику из Пантикапея с рисунком дельфина, везущего Амфитриту к Посейдону (рис. 68; № 271) и терракоты из Херсонеса и Фанагории, изображающие Эрота с кифарой на спине дельфина (№ 279, 286). К этой теме примыкает фантастическое изображение обезьяны, едущей на дельфине (№ 174).

Все перечисленные вещи – привозные, но глядя на дельфинов местные жители вспоминали свои реальные наблюдения этих животных в Черном море. Их кости встречаются при раскопках городов и поселений этого региона. О знании выдающегося интеллекта дельфинов свидетельствует ольвийское граффито VI в. до н. э., в котором он назван благоразумным (φρόνιμος)⁶³. Дельфины на предметах прикладного искусства появились в Борисфене, Ольвии, и на Боспоре уже в первые десятилетия жизни колонистов (№ 257-266). В Ольвии местные мастера чаще, чем в прочих городах Северного Причерноморья, обращались к изображениям дельфина, потому что там он был атрибутом Аполлона Дельфиния, верховного бога

⁶¹ Wellman M. Delphin // RE. Bd. 4. 1901. S. 2504-2509.

⁶² Случаи, когда дельфины приплывали катать детей, известны и в наше время. Ridgway B.S. Op. cit. P. 95.

⁶³ Русяева А.С. Религия и культы античной Ольвии. Киев, 1992. С 14- 15. Рис. 3.

государства. Поэтому ольвийские медные монеты VI–V вв. до н. э. имели форму дельфина (рис. 69; № 262), а вместе с орлом дельфин входил в эмблему города, которая украшала ольвийские монеты (рис. 66; № 183) и эталонные гири (рис. 70; № 184). На них также встречается изображение одного дельфина (№ 277, 278), вероятно, символизирующее Аполлона. По-видимому, то же значение дельфин имел на сравнительно немногочисленных монетах Херсонеса (№ 276), ведь на тех же монетах отчеканен профиль сестры Аполлона Артемиды.

Иной смысл вкладывали в изображение дельфина на Боспоре, где он выступал атрибутом Посейдона (№ 288). На пантикапейских монетах (№ 284) дельфин в сочетании с трезубцем символизировал этого бога, который на известных здесь монетах Кизика появлялся с обоими названными атрибутами (№ 266). В Пантикапее найдены также золотые бляшки с фигурой Посейдона на дельфине (№ 274) и пелика с иллюстрацией мифа о том как этот бог послал дельфина доставить ему Амфитриту (рис. 68; № 271).

В ряде случаев дельфин рядом с божеством олицетворял морскую стихию. Один из известнейших примеров такого рода – сиракузские серебряные монеты V в. до н. э., исполненные выдающимся мастером Кимоном; на них рядом с профилем нимфы источника Аретусы находятся дельфины, символизирующие море вокруг лежавшего в гавани Сиракуз островка с источником нимфы⁶⁴. В той же роли выступают два дельфина на золотых серьгах из кургана Большая Близница на азиатской части Боспора (рис. 27), они плывут около гиппокампа, морского коня, на котором Фетида везет оружие своему сыну Ахиллу (№ 275). На терракотовых статуэтках из боспорских городов дельфин у ног Афродиты напоминает о ее рождении из морской пены (№ 287). На замечательной аттической гидрии с рельефными фигурами, найденной в Пантикапее, два дельфина у ног Посейдона в сцене его спора с Афиной олицетворяют соляной источник (рис. 63), который бог выбил своим трезубцем на афинском Акрополе (№ 272).

В свете сказанного можно думать, что в Ольвии, Херсонесе и на Боспоре по-разному истолковывали изображения дельфинов, на приобретающихся здесь импортных расписных вазах. Для жителей первых двух государств рисунок одного дельфина на вазе напоминал об Аполлоне, а в боспорских городах – о Посейдоне. Кроме того, дельфины на вазах исполняли и декоративную функцию; таковы их изображения, заполняющие пространство под ручками сосудов (№ 259) и фризы из череды ныряющих

⁶⁴ Зограф А.Н. Указ. соч. С. 63. Табл. 7, 2 и 14.

дельфинов на расписных вазах (№ 260), «мегарских» чашках (№ 280-283) и лутериях (№ 285).

Дельфины входили также в композиции, включавшие разных представителей морской фауны. Такие сюжеты встречаются на ювелирных изделиях (№ 273) и особенно часто на аттических рыбных блюдах (№ 269, 270), которые особенно охотно покупали на Боспоре. Например, в одной обстоятельной монографии о расписных рыбных блюдах учтено 159 аттических, в их числе 90 из раскопок в Северном Причерноморье: несколько из Херсонеса и подавляющее большинство из Пантикапея и Фанагории⁶⁵. К ним следует добавить не известные авторам находки в Ольвии (№ 297) и множество фрагментов, опубликованных в разных изданиях⁶⁶.

В конце V в до н. э. в афинских мастерских начали изготавливать расписные рыбные блюда; раньше их делали однотонными и производили во многих греческих керамических мастерских⁶⁷. На рыбных блюдах аттические художники неизменно рисовали разнообразных рыб и других морских животных. Среди последних встречаются уже упомянутые дельфины, а также осьминоги и каракатицы, время от времени появлявшиеся на ионийских и аттических вазах более раннего времени (№ 305-307), морские коньки, звезды и раковины (№ 308, 310). Ювелиры эллинистического времени изредка включали в свои изделия раковины и морских коньков (№ 308, 310). Однако, аттические рыбные блюда по количеству и разнообразию морской фауны далеко превосходят все прочие уцелевшие до настоящего времени произведения древнегреческого искусства VII–I вв. до н. э. В отличие от прочих блюд, рыбные имели в середине углубление для соуса, которым приправляли разложенные на блюде кушанья из морских и речных животных. Это центральное полусферическое углубление могло быть также украшено изображением рыбы или другого морского или речного обитателя, например, рака, как на блюде из Пантикапея (№ 296).

Расписные рыбные блюда входили в праздничный сервиз, о чем упоминается в комедии Аристофана «Плутос», поставленной на афинской сцене в 388 г. до н. э. (ст. 813 – *πινακίσκοι ἰχθυηροί*). Афины поставляли

⁶⁵ Mac-Phee J., Trendall D. Greek Red-figured Fish-plates. Basel, 1987.

⁶⁶ Наиболее полный свод расписных рыбных блюд, найденных на Боспоре, содержится в статье Циммерман К. Фрагменты аттических рыбных блюд в Эрмитаже // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху. Л., 1979. С. 59-92; после этой работы продолжают появляться новые публикации. См., например, Боровкова В.Н. История коллекции краснофигурной керамики Керченского музея // Классическая филология на современном этапе. М., 1996. С. 313-327; Мирмекий в свете новых археологических исследований. СПб., 2006. Каталог № 13, 14; CVA Russia. Pl. 42.

⁶⁷ Циммерман К. Указ. соч. С. 89; Cook R.M. Greek Painted Pottery. London, 1960. P. 240.

такие блюда во многие греческие города, но особенно хорошо, как уже говорилось, они шли на продажу в Северном Причерноморье и в Южной Италии. Итальянские мастера наладили собственное производство подобных изделий, а большая часть экспорта расписных рыбных блюд шла из Аттики на Боспор⁶⁸.

В декоре этих блюд имелось три вида. Первый наиболее распространенный вариант включал только морскую фауну, среди которой преобладали рыбы. Во втором случае композиция делилась на два фриза: на внешнем представляли морскую фауну, а на внутреннем – преследование хищниками разных животных и птиц. Единственный хорошо сохранившийся образец такой росписи уцелел на блюде из раскопок азиатской части Боспора (№ 299). Художник изобразил среди крупных рыб одну, заглатывающую маленькую, и таким образом распространил на морских обитателей сцену охоты и терзания.

Последняя группа расписных рыбных блюд известна по находкам исключительно на Боспоре. Все они исполнены в одной афинской мастерской в первой четверти IV в. до н. э., наверное, по заказу боспорян, которые использовали такие блюда при погребальных обрядах⁶⁹. Сюжет росписи представляет иллюстрацию мифа о похищении Зевсом финикийской царевны Европы (рис. 71). Ее рисовали плывущей по морю на спине быка в сопровождении nereид и тритонов, и между ними помещали всевозможных рыб, дельфинов и других представителей морской фауны, таких как осьминоги, каракатицы, раковины морские коньки и звезды (№ 295).

На всех трех видах перечисленных блюд обязательно есть несколько рыб, иногда их число превышает десяток. Например, на одном экземпляре из Херсонеса изображено тринадцать рыб разных видов (№ 298). На многих рисунках рыбы представлены столь обобщенно, что трудно определить их породу. На ряде блюд можно узнать окуневых рыб, а также кефаль, ершей, губанов, морских карасей, зеленушек, барабулек и «сельдяных королей»⁷⁰.

В праздничную сервировку стола включали блюда, расписанные исключительно рыбами и прочими представителями морской фауны. Обломки таких блюд встречаются при раскопках городищ Ольвии, Херсонеса и Боспора (№ 296-298), а в могилы они иногда попадали наряду с прочей

⁶⁸ Циммерман К. Указ. соч. С. 83.

⁶⁹ Скржинская М.В. Миф о похищении Европы и его символическое толкование на Боспоре в IV в. до н. э. // Сборник научных трудов ΣΤΕΦΑΝΟΣ. М., 2005. С.364-375; Barringer J. Europa and the Nereids // AJA. 1991. V. 95. 4. P. 657-660.

⁷⁰ Циммерман К. Указ. соч. С. 74, 84.

керамикой, употреблявшейся в повседневной жизни⁷¹. Стоит отметить, что в Ольвии обломки расписных рыбных блюд обнаружены только в городских слоях, а в погребения помещали лишь однотонные сероглиняные и красноглиняные⁷². Иллюстрации мифа о похищении Европы, как уже говорилось, украшали блюда, использовавшиеся на Боспоре во время погребальной трапезы и разбивавшиеся по ее окончании, о чем говорят обломки, найденные в насыпях над погребением. Иногда из таких осколков удается собрать целое блюдо; такова одна из немногих полностью сохранившихся композиций на блюде из 87 фрагментов, находившихся в насыпи нимфейского кургана⁷³. Кроме того, такие блюда входили в число ритуальной посуды, помещавшейся в могилу. Редчайшие находки обломков подобных блюд в городских слоях Пантикапея, возможно, указывают на то, что иногда ими пользовались и в повседневной жизни⁷⁴.

В VI–V вв. до н. э. рисунки морской фауны на ионийской и аттической привозной керамике имели познавательное значение для многих жителей Северного Причерноморья. Например, только по этим рисункам люди, не бывавшие в Средиземноморье, узнавали, как выглядел осьминог или каракатица (№ 269, 300–304), а приезжие на симпозионе рассказывали о яствах из средиземноморских морских животных и могли показать их на стоявших на столах расписных рыбных блюдах.

Отдельно следует сказать о рыбах на привозных и местных монетах. В VI–IV вв. до н. э. кизикины служили международной валютой в Причерноморье и обращались во многих городах наряду с местными деньгами. Монеты Кизика всегда включали в свои изображения тунца, ставшего символом этого полиса. Ведь тунцы составляли значительную часть рыбного богатства Кизика, торговавшего этой рыбой со многими центрами Средиземноморья. Судя по археологическим находкам и эпиграфическим свидетельствам кизикины часто попадали в Ольвию и на Боспор (№ 290)⁷⁵. В IV в. до н. э. ольвиополиты приняли закон о твердом курсе обмена кизикинов на местные деньги (IPE I² № 24), а в речи Демосфена против боспорского купца Формиона сказано, что он расплачивался кизикинскими статерами, передавая их своему заимодавцу с Боспора в Афины

⁷¹ Там же. С. 90.

⁷² Козуб Ю.І. Некрополь Ольвії V–IV вв. до н. е. Київ, 1974. С. 55–56.

⁷³ ОАК 1880. С. 106.

⁷⁴ Циммерман К. Указ. соч. С. 74. № 218; С. 78. № 138. С. 82; Mac-Phee J., Trendall D. Op.cit. P. 31.

⁷⁵ Фролова Н.А. Кизикины из собрания Гос. Исторического музея // ВДИ. 2004 С. 44–46; Карышковский П.О. Монетное дело и денежное обращение Ольвии. Одесса, 2003. С. 302–303.

(XXXIV, 23). Изображения тунца иногда встречались на импортных керамических и ювелирных изделиях (№ 289, 293).

На боспорских монетах осетровые рыбы играли ту же роль, которая принадлежала тунцу на деньгах Кизика; ведь здесь ловили во множестве осетров, севрюг и белуг. Замечательный вкус этих рыб, ставших известными грекам после освоения северных берегов Понта, упоминали античные авторы; они отмечали экспорт засоленных осетровых из Ольвии и Боспора (Her. IV, 53; Athen. III, 119a; Plin. NH IX, 45). На пантикапейских монетах часто можно видеть либо целого осетра или севрюгу, либо только их голову (рис. 72; № 292). Рыба породы осетровых изображалась также на монетах Керкинитиды в V в. до н. э. (№ 291), а лобан или барабулька появлялась на монетах Херсонеса в IV в. до н. э. (№ 294).

В заключение рассмотрим изображения насекомых и пресмыкающихся. Среди первых первенствующее положение занимает скарабей. В архаический период использование этого жука как амулета греки заимствовали у египтян, считавших его священным и олицетворяющим бессмертие. Неслучайно древнейшие изображения скарабеев в античных государствах Северного Причерноморья были сделаны в Навкратисе на севере Африки. Они появились у колонистов уже в VI в. до н. э. и встречались у местных эллинов на произведениях ювелирного искусства также в классический и эллинистический периоды. Женщины носили в составе ожерелий пронизи в виде скарабея, а у мужчин были печати с фигуркой этого жука. Печати со скарабеями делали из сердолика, агата и других камней (№ 313), реже из металла (№ 318), а пронизи – из желтоватой, голубой и синей стекловидной массы, называемой египетским фаянсом (№ 314). Таким образом видно, что важно было передать форму жука и не заботиться о его правильной естественной окраске.

В качестве амулетов изредка использовали изображения и других насекомых. Такова цикада, вырезанная из кости и включенная в состав одного ольвийского ожерелья (№ 317), или кузнечик на гемме из кургана Большая Близница (№ 316). Саранча на виноградной лозе, иногда встречающаяся на рисунках ионийских и аттических ваз (№ 311, 312), скорее всего имеет декоративное, а не символическое значение и отражает реальные наблюдения художников.

Бабочка или мотылек становятся популярными в числе ювелирных изделий Ольвии, Херсонеса и Боспора эллинистического времени. Эти насекомые назывались словом ψυχή, которое одновременно имело значение «душа», и поэтому они символизировали это понятие. Древнейшее изображение бабочки в Северном Причерноморье находится на перстне с камеей III в. до н. э. из Артоховского кургана на Тамани (№ 319). Там Эрот ловит бабочку; эти фигуры аллегорически указывают на любовное

физическое и духовное влечение. Символическое напоминание о душе несли украшенные драгоценными камнями, цветными стеклами и эмалью подвески в виде бабочек и мотыльков (рис. 73, 74), занимавшие центральное положение в ожерельях II–I вв. до н. э. из Ольвии и Херсонеса (№ 320–323). Возможно, человеке, даривший изображение бабочки, выражал таким образом свою любовь⁷⁶.

Из пресмыкающихся античные художники чаще всего выбирали змей. Они встречаются в основном на рисунках ваз и в ювелирных изделиях. Вазовые картины со змеями иллюстрируют различные мифы. Традиционно Медузу Горгону изображали со змеями на голове или в руках (№ 324, 327, 329). Змея была одним из животных, в которых превращалась Фетида, борясь с Пелеем, что отразилось на росписи килика из Пантикапея (№ 40). Змея входила в число животных, связанных с Афиной, поэтому мы видим ее на гидрии из Пантикапея, украшенной иллюстрацией мифа о споре Афины и Посейдона за господство над Аттикой; в центре композиции находится дар богини – оливковое дерево, а его ствол обвит змеей (рис. 63; № 331). Сцена какого-то не известного сейчас мифа представлена на вазе из Нимфея, где змея выползает навстречу женщине, стоящей у источника (№ 326). Есть и другие изображения змей, которые теперь не поддаются истолкованию. Такова змея, обвивающаяся вокруг лука и стреляющая из него, на золотом перстне из Пантикапея (№ 330) или змея около ложа пирующего бога на стеле ситонов из Ольвии (рис. 9; № 332), а также свернувшиеся змеи на костяном алтарике из Ольвии (№ 337).

Греческие ювелиры издавна обращались к изображениям змей. В Северном Причерноморье к древнейшим изделиям такого рода принадлежат спиралевидные подвески с окончаниями в виде головок змей; они обнаружены в мужском погребении VI в. до н. э. на Березани и в архаических некрополях Боспора (№ 325). Чаще всего ювелиры использовали змей в декоре колец и браслетов. Наверное, в такие изображения вкладывался смысл оберега владельца от определенных несчастий; в то же время здесь присутствовало живое наблюдение этого пресмыкающегося, которое могло кольцами обвивать стволы и ветви растений; подобным образом змея на кольцах и браслетах охватывала одним или несколькими витками пальцы либо запястья, реже предплечья и бедра. Такие украшения были популярны среди гречанок с IV в. до н. э. вплоть до римского времени⁷⁷, и женщины в Северном Причерноморье также следовали этой моде (№ 333–336).

⁷⁶ Калашиник Ю.П. Два ожерелья из Херсонеса // Эллинистические штудии в Эрмитаже. СПб., 2004. С. 108.

⁷⁷ Higgins R. Greek and Roman Jewellery. London, 1961. P. 174–175; Deppert-Lippitz B. Op. cit. S. 268. Taf. 24.

Кроме змей в числе пресмыкающихся можно назвать еще черепаху. Терракотовые статуэтки с ее изображением достаточно в больших количествах привозили в Ольвию и на Боспор в архаический период (№ 338-341). Возможно, их использовали в качестве приношений Афродите⁷⁸. Из изображений эллинистического времени укажем черепаху на эталонной гире Ольвии (№ 341).

Заключение

На основании проведенного анализа нескольких сотен памятников изобразительного искусства и единичных литературных и эпиграфических свидетельств можно прийти к следующим выводам о роли животных в ежедневной жизни, культуре и религии античных государств Северного Причерноморья.

Среди домашних животных первенствующее по значимости положение занимали кони, верные спутники мужчин в мирное и военное время. Только они становились участниками праздничных шествий и наиболее престижных состязаний, остальным же домашним животным на праздниках отводилась лишь роль жертв богам.

Домашние животные часто сопровождали досуг эллинов. В доме держали комнатных собак и птиц, становившихся домашними любимцами; они развлекали членов семьи, особенно женщин и детей. Состоятельные мужчины могли занять свой досуг охотой с собаками и скачками на лошадях, а азарт при созерцании петушиных боев был доступен всем.

Греки не представляли существование своих богов и героев без привычных им домашних животных. Поэтому из Северного Причерноморья происходит множество изображений богов и героев, едущих на колесницах, запряженных конями; мы видим также легендарных всадниц амазонок, Диониса и его спутников верхом на мулах и Артемиду, охотящуюся с собаками.

Эллины выделяли у домашних животных особые, не всегда нам ясные качества и свойства, и руководствуясь этим, выбирали из них жертвы богам. Изображения домашних животных на предметах прикладного искусства находились почти в каждом доме; в ряде случаев их использовали как амулеты и обереги, а иногда и символы. Из числа последних сейчас наибо-

⁷⁸ Русяева А.С. Терракоты и фигурные сосуды // Культура населения Ольвии и ее округи в архаическое время. Киев, 1987. С. 173.

лее ясна нам роль петуха, олицетворявшего бескомпромиссную борьбу и мужество.

К сожалению, памятники искусства, ставшие нашим основным источником, смогли осветить не все аспекты роли животных в античных городах Северного Причерноморья. Например, если в вазописи в V в. до н. э. вышел из моды декор с петухами, это не означает, что к ним ослабел интерес в реальной жизни, а широкое распространение изображений лошадей на местных рельефах, начавшееся с эпохи позднего эллинизма, не указывает, что раньше конь был менее значимым животным в жизни греков. Кроме того, изобразительное искусство не отражало все многообразие даже привлекавших его сторон жизни; это можно иллюстрировать отсутствием сцен с жертвоприношениями собак.

Все домашние животные первоначально были привезены колонистами в Северное Причерноморье из метрополии, и в дальнейшем их роль в ежедневной, праздничной и религиозной жизни местных греков развивалась в том же направлении, как в Элладе.

Некоторые дикие животные вызывали у эллинов ассоциации с преданиями и образами определенных богов. Поэтому в изобразительном искусстве такие животные встречаются чаще тех, которые не были связаны с культами. В Северном Причерноморье греки следовали ранее сложившимся в Элладе представлениям о ряде животных как спутниках или символах того или иного бога. Поэтому не только на привозных, но и на местных изделиях можно увидеть орла, олицетворяющего Зевса, сову и дельфина, представляющих соответственно Афины и Посейдона и тому подобное.

Местные особенности проявлялись в том, что в культуре каждого государства отдавалось предпочтение тем или иным животным, что отражалось в количестве их изображений. Так в Херсонесе, где пантеон богов возглавляла Артемида, ее священное животное лань встречается на памятниках искусства намного чаще, чем в прочих государствах Северного Причерноморья. Верховный культ Аполлона Дельфиния в Ольвии обусловил здесь наличие множества изображений дельфина, символизировавшего бога в этой ипостаси, на Боспоре же Аполлона олицетворял лев, а дельфин в первую очередь напоминал о Посейдоне. Лебедь, известный в метрополии как спутник Афродиты и Аполлона, встречается у колонистов в этой роли только в сопровождении Афродиты.

Многие дикие животные выступали персонажами мифов, распространенных во всем античном мире. Картины на расписных вазах и несколько рельефов, найденные в Ольвии, Херсонесе и городах Боспора, иллюстрируют подобные мифы, и только по таким памятникам теперь можно узнать о знакомстве с этими преданиями местных греков. Таковы сцены борьбы Геракла и Тесея с диким быком, расправа Геракла с Киферонским и Не-

мейским львами, охота Артемиды на лань, превращения Фетиды в разных животных во время ее сопротивления Пелею, похищение Европы Зевсом, обернувшимся быком, сражение пигмеев с журавлями и некоторые другие.

Изображения некоторых диких животных играли роль амулетов и оберегов. В Ольвии и городах Боспора архаического времени было немало подобных изображений на рисунках ваз и на разнообразных ювелирных изделиях, чаще всего это были оскаленные морды львов и жуки-скарабеи; позже они оставались в основном на перстнях, серьгах и ожерельях.

Сцены нападения хищников на травоядных животных, украшавшие вазы и украшения, имели символический смысл вечной борьбы жизни и смерти, гибели и возрождения. В то же время такие композиции отражали реальные наблюдения поведения зверей.

Особо следует выделить редко отмечаемое в современных исследованиях познавательное значение изображений дикой фауны. Зачастую только памятники изобразительного искусства могли познакомить местных жителей с обликом зверей, которых они никогда не видели, но о многих знали по устным преданиям и литературным произведениям. В первую очередь это относится к ряду обитателей более южных областей, таких как львы, обезьяны, горные козлы, осьминоги и другие. Правда единичные находки костей львов в Северном Причерноморье, указывают, что эти хищники здесь водились, или их как диковину изредка сюда привозили. Горные козлы жили в горах Таврики, но греки в горном Крыму практически не бывали. Вообще же собственные наблюдения даже местной дикой фауны были доступны далеко не каждому, а массовые расписные вазы и ювелирные украшения рассматривали все.

Местные мастера в своем творчестве пользовались тем же сравнительно небольшим кругом животных, которых изображали художники в Элладе. Единственное исключение в этом ряду – осетровые рыбы, характерные лишь для фауны Северного Причерноморья. В арсенале античных художников практически отсутствовали многие хорошо им известные и знакомые с детства по литературе такие звери, как волк, лиса, ворон и другие.

Изображения животных использовались также в декоративных целях. Таковы, например, фризы с горными козлами на архаической керамике, ряды ныряющих дельфинов на „мегарских“ чашах, змеи на кольцах и браслетах. Иногда фигурой животного художник заполнял пустые пространства, помещая условно нарисованную птицу не только в небе, но порой даже между ногами лошади, или рисуя дельфинов под ручками сосудов. Ручки металлических черпаков и ситечек для процеживания вина заканчивались головами лебедей и уток, их также использовали в украшениях

мебели, а ножки небольших столов часто имели форму лап кошачьих хищников.

Изображения животных по количеству и по символическому значению занимали в искусстве гораздо более видное место в архаический период, чем в последующие века, когда в греческой культуре они стали играть менее значительную, но все же достаточно заметную роль.

Каталоги изображений животных

Домашние животные

Лошади

1. Всадник с копьем, сражающийся с пешим воином. Хиосский кубок. Вторая половина VII в. до н. э. Березань. Корпусова 1987. С. 45. Рис. 18.
2. Всадники, колесницы и апобаты в праздничном шествии. Клазоменский кратер. 560 гг. до н. э. Березань. Корпусова 1987. С. 50. Рис. 20.
3. Воин на колеснице. Обломки стенок двух чернофигурных сосудов. Середина VI в. до н. э. Березань. Капошина 1956. С. 231. Рис. 10.
4. Всадник и летящая над ним птица. Две чернофигурных ольпы. 540–530 гг. до н. э. Ольвия. АНО. С. 172. № 153, 266.
5. Всадник. Чернофигурный лекиф. 540–530 гг. до н. э. АНО. С. 154. № 236.
6. Голова коня. Фигурный ионийский сосуд. Вторая половина VI в. до н. э. Березань. Борисфен 2005. № 185.
7. Кони рядом с вооруженными амазонками. Чернофигурный килик. Вторая половина VI в. до н. э. Ольвия. Леви 1964. С. 159. Рис. 27.
8. Возница на боевой колеснице среди сражающихся воинов. Чернофигурный килик. Вторая половина VI в. до н. э. Ольвия. Козуб 1987. С. 64. Рис. 23, 1.
9. Два всадника с копьями. Чернофигурный лекиф. Вторая половина VI в. до н. э. Ольвия. АМ. № 22.
10. Конь. Медальон чернофигурного килика. Вторая половина VI в. до н. э. Мирмекий. Виноградов 1992. С. 106. Рис. 4, 6.
11. Всадники. Фрагменты клазоменской вазы. Третья четверть VI в. до н. э. Пантикапей. Сидорова 1968. С. 113. Рис. 4.
12. Состязание колесниц. Чернофигурный онос. 510–500 гг. до н. э. Березань. Горбунова 1973. С. 79, 82; Козуб 1987. С. 69. Рис. 24, 2.
13. Пасущийся конь. Чернофигурный лекиф. Конец VI в. до н. э. Пантикапей. ОАК 1902. С. 52. Рис. 90.

14. Возница на биге. Чернофигурный лекиф. Конец VI в. до н. э. Березань. Доманский и др. 1989. С. 55. Рис. 17.
15. Возница на квадриге. Чернофигурный лекиф. Рубеж VI–V в. до н. э. Ольвия. АНО. С. 53. № 52.
16. Возница на квадриге. Чернофигурный скифос. Рубеж VI–V в. до н. э. Ольвия. АНО. С. 54. № 52.
17. Три всадника. Чернофигурный килик. Рубеж VI–V в. до н. э. Ольвия. Леви 1985. С. 68. Рис. 129, 2.
18. Богиня, всходящая на квадригу, Аполлон и Дионис. Чернофигурный килик. Начало V в. до н. э. Пантикапей. Сидорова 1984. С. 103. Рис. 24 б.
19. Всадник, преследующий юношу. Чернофигурный лекиф. Начало V в. до н. э. Ольвия. АНО. С. 129. № 1.
20. Возница, всходящий на квадригу, и Афина. Два чернофигурных лекифа. 480 гг. до н. э. Пантикапей. Борисковская 1997. С. 30. Рис. 11; С. 33. Рис. 19.
21. Двое мужчин у квадриги. Чернофигурный скифос. 470 гг. Ольвия. АНО. С. 167. № 256.
22. Конная амазонка. Чернофигурный килик. 460 гг. Фанагория. Кобылина 1969. С. 101.
23. Богиня на колеснице, Дионис и женщина с кифарой. Чернофигурный лекиф. Вторая четверть V в. до н. э. Пантикапей. Борисковская 1997. С. 33. Рис. 20.
24. Возница на квадриге. Два чернофигурных лекифа. Вторая четверть V в. до н. э. Пантикапей. Борисковская 1997. С. 33. Рис. 22, 23.
25. Возница на биге и апобат. Чернофигурный лекиф. Вторая четверть V в. до н. э. Ольвия. Горбунова 1983. № 134.
26. Конь, бегущий к мете. Инталия на яшме. V в. до н. э. Пантикапей. ОАК 1860. С. 90. Табл. 4; Неверов 1976. № 22.
27. Квадрига, везущая Геракла на Олимп. Краснофигурный кратер. Курган Бакса близ Пантикапея. Рубеж V–IV вв. до н. э. Shefton 1982. P. 149-181.
28. Игрушечная лошадка около мальчика. Терракота. Начало IV вв. до н. э. Фанагория. ОАК 1870- 71. С. 20
29. Охотник на колеснице и всадник в сцене охоты с собаками на лань и кабана. Два полихромных лекифа мастера Ксенофанта. 380 гг. до н. э. Пантикапей. ДБК. Табл. 45, 46; ОАК 1866. С. 139-147; АП. № 40; Передольская 1945. С. 47-67; Скржинская 1999. С. 121-130; UKV № 366; ARV. 1407, 1.

30. Жених и невеста на колеснице, запряженной парой коней. Фрагмент краснофигурной калпиды. 340–330 гг. до н. э. Горгиппия. КПКЖ. С. 25. № 141; UKV. № 284.

31. Конные и пешие амазонки, сражающиеся с греками. Краснофигурная амфора. 335–330 гг. до н. э. Тамань. ИАК № 60. С. 23. Рис. 5; UKV. № 1.

32. Квадрига и всадник. Известняковая стела. Вторая половина IV в. до н. э. й. АС. № 12.

33. Ника, правящая квадригой, и апобат. Золотые серьги 330–300 г. до н. э. Феодосия. ДБК. Табл. 12; ГЗ. № 200; Саверкина 2000. С. 16–17. Рис. 5.

34. Ника, правящая квадригой. Золотые серьги. Конец IV в. до н. э. Херсонес. Гриневич 1926. С. 28. Рис. 11; Саверкина 2000. С. 17. Рис. 6, 7.

35. Два всадника и флейтистка. Фрагмент краснофигурного кратера. IV в. до н. э. Керкинитида. Кутайсов 1992. С. 127.

36. Сражение конных амазонок с греками. Фрагмент краснофигурного кратера. IV в. до н. э. Керкинитида. Кутайсов 1992. С. 128.

37. Амазонка на боевой колеснице. Две краснофигурные пелики. IV в. до н. э. Пантикапей. ОАК 1906. С. 88; UKV. № 448, 453.

38. Конные амазонки, сражающиеся с пешими греками. Девять краснофигурных пелик. IV в. до н. э. Пантикапей. UKV. № 376–380, 449, 489, 503, 505.

39. Богиня Дева, правящая квадригой. Монеты Херсонеса. IV в. до н. э. Анохин 1977. № 35–56, 66, 67.

40. Возница на квадриге и всадник. Чернофигурная амфора. Рубеж IV–III вв. до н. э. Ольвия. Фармаковский 1903. С. 29–30. Рис. 15; РОИ. № 166.

41. Возница на квадриге. Чернофигурная амфора. III в. до н. э. Ольвия. Соколов 1999. С. 137. Рис. 85, 86.

42. Возница на биге. Панафинейская амфора. III в. до н. э. Ольвия. Vogell, 1908. Taf. 4.

Мулы

43. Дионисийское шествие менад и всадников на мулах. Чернофигурный килик. Конец VI в. до н. э. Тамань. ОАК 1913–15. С. 143. Рис. 225 б, в; Сорокина 1957. Табл. 8, 4.

44. Дионис на муле. Чернофигурная амфора. Конец VI в. до н. э. Пантикапей. ОАК 1899. С. 27. Рис. 38.

45. Сатир на муле. Чернофигурный килик. Начало V в. до н. э. Ольвия. ИАК № 13. Рис. 107; АНО. С. 39. № 10.

46. Менада на муле, Дионис и Сатир. Чернофигурный килик. Первая четверть V в. до н. э. Нимфей. Худяк 1952. С. 260.

47. Менады на мулах и Дионис. Четыре чернофигурных лекифа. 480–470 гг. до н. э. Пантикапей, Ольвия. Борисковская 1997. С. 32–33. Рис. 18, 24.

48. Дионис на муле и возница на конной квадриге. Чернофигурный лекиф. Вторая четверть V в. до н. э. Пантикапей. Борисковская 1997. С. 33.

49. Голова мула. Бронзовое украшение ложа. II до н. э. Пантикапей. Трейстер 1992. С. 95. Рис. 9.

Собаки

50. Бегущая собака. Обломок ионийского сосуда. Вторая половина VII в. до н. э. Пантикапей. Цветаева. 1957. С. 183. Рис. 1.

51. Охотничьи собаки, преследующие горных козлов. Родосско-ионийская ойнохоя. Третья четверть VII в. до н. э. Березань. Корпусова 1987. С. 37. Рис. 14.

52. Собака. Обломок родосско-ионийской чаши. Конец VII в. до н. э. Березань. Шалагинова 1986. С. 29. Рис. 7, 3.

53. Бегущая собака. Обломок коринфского скифоса. Первая половина VI в. до н. э. Березань. Копейкина 1986. С. 35. Рис. 6, 17.

54. Бегущие собаки. Обломок хиосского кубка. Первая четверть VI в. до н. э. Пантикапей. Сидорова 1992. С. Рис. 8 а.

55. Бегущая собака. Фрагмент верхней части самосской амфоры. Вторая четверть VI в. до н. э. Нимфей. ДГН. № 25.

56. Собака и горный козел. Обломок вазы стиля Фикеллура. Вторая четверть VI в. до н. э. Пантикапей. Сидорова 1968. С. 110. Рис. 1.

57. Гермес с собакой, Дионис и Ариадна. Чернофигурная пелика. Вторая половина VI в. до н. э. Пантикапей. ОАК 1911. С. 26. Рис. 42 а; ИАРК. С. 262.

58. Собаки, преследующие зайцев. Милетская амфора. Вторая половина VI в. до н. э. Березань. Борисфен 2005. № 108.

59. Собаки, сопровождающие гоплитов, всадники и колесница. Чернофигурная чаша. 540–530 гг. до н. э. ББ. 2005. № 143.

60. Собака. Обломок чернофигурного килика. Третья четверть VI в. до н. э. Пантикапей. Сидорова 1984. С. 89. Рис. 12 в.

61. Собака у ног двух мужчин. Чернофигурная пелика. 525–500 гг. до н. э. Хора Ольвии. Крыжицкий и др. 1989. С. 63. Рис. 24.

62. Собака, преследующая зайца. Три чернофигурных лекифа. Конец VI в. до н. э. Ольвия. Скуднова 1958. С. 126.

63. Юноша, играющий с собакой. Чернофигурный алабастр. 470 гг. Северное Причерноморье. Горбунова 1979. С. 41. Рис. 6.

64. Собака и заяц. Краснофигурный аск. Конец V в. до н. э. Нимфей. Vickers 1979. P. 39. Tab. 8.

65. Бегущая собака. Краснофигурный аск. Конец V в. до н. э. Херсонес. Зедгенидзе 1978. С. 74. Рис. 4, 2.

66. Бегущая собака. Серебряный перстень. V в. до н. э. Ольвия. Неверов 1985. № 66.

67. Собака, гусь и птица в клетке среди женщин в гинекее. Краснофигурная лекана. 360- 350 гг. до н. э. Пантикапей. ОАК 1860. С. 32. Табл. 1; UKV. № 10; ARV. 1476, 3; RCA. № 31.

68. Собака у ног Париса. Краснофигурная пелика. 360- 350 гг. до н. э. Пантикапей. ДБК. Табл. 54; ОАК 1863. Табл. 1; КПКЖ. С. 96. №. 3; UKV. № 400.

69. Мальчик с собакой. Краснофигурная аттическая ойнохоя. 340гг. до н. э. Пантикапей. UKV. № 315.

70. Собачка рядом с девочкой. Краснофигурная ойнохоя. IV в. до н. э. Пантикапей. ИАК № 25. С. 4; UKV. № 318.

71. Собака. Краснофигурный лекиф. IV в. до н. э. Пантикапей. ОАК 1863. С. 152. Табл. 2, 30.

72. Мальчик с собакой. Краснофигурный лекиф. IV в. до н. э. Тамань. ОАК 1874. С. 52.

73. Собака. Золотой перстень. IV в. до н. э. Пантикапей. ДБК. С. 62; Неверов 1986. С. 21.

74. Женщина, играющая с собакой. Золотой перстень. IV в. до н. э. Большая Близница. (Тамань). Неверов 1986. С. 20.

75. Мужчина, играющий с собакой. Сердоликовая инталия. IV в. до н. э. Горгиппия. ОАК 1882- 1888. С. 60. Табл. 5; Неверов 1976. № 44 а.

76. Собака. Инталия. III в. до н. э. Нимфей. Неверов 1975. С. 41. Рис. 10.

77. Собака, преследующая зайца. «Мегарская» чаша. II в. до н. э. Тира. Самойлова 1984. С. 121. Рис. 1, 7.

78. Девушка с двумя собачками. Терракота. Эллинистический период. Пантикапей. ОАК 1870- 71. С. 173. Табл. 3.

79. Собачка, бегущая за мальчиком. Терракота. Эллинистический период. ИАК № 30. 1909. С. 75. Рис. 19.

80. Собака. Два фигурных керамических сосуда. II в. до н. э. Ольвия. ИАК № 13. 1906. С. 144. Рис. 91; Vogell 1908. Taf. 8, 13.

81. Собака. Фигурный керамический ритон. II –I вв. до н. э. Ольвия. Сорокина, 1997. С. 25. Табл. 2, 3.

82. Артемида с собакой, преследующая лань. Мраморный рельеф. II – I вв. до н. э. Херсонес. АСХ. № 78.

83. Собаки, преследующие зайцев. «Мегарские» чаши. II –I вв. до н. э. Пантикапей. Забелина 1984. С. 168.

84. Мальчик, играющий с собачкой. Терракота. II–I вв. до н. э. Пантикапей. Финогенова 1992. С. 244. Рис. 15.

85. Собака, бегущая рядом с всадником. Известняковые надгробные стелы. I в. до н.э. – I в. н.э. Пантикапей. КБН. Альбом. 2004. № 145, 267.

86. Собака, преследующая зайца и охотник на коне. Терракотовые статуэтки. Позднеэллинистический период Пантикапей. ДБК. Табл. 64, 2; Кобылина 1961. С. 120; Денисова 1981. С. 63, 72.

87. Сидящая собака. Реверс монет с изображением Артемиды на аверсе. Рубеж I в. до н. э. – I в. н. э. Пантикапей. Анохин 1986. № 275.

Быки и коровы

88. Голова быка. Золотая подвеска VI – начало V вв. до н. э. Ольвия. Скржинская 1986. С. 122. Рис. 2, 9.

89. Европа на быке. Чернофигурная ойнохоя. 500–490 гг. Ольвия. АНО. С. 40. №. 15.

90. Бык, пьющий из лутерия. Чернофигурная гидрия. Начало V в. до н. э. Горгиппия. Кругликова 1971. С. 93; Цветаева 1980. С. 75.

91. Голова быка. 23 золотые бляшки. Второй Семибратний курган (Тамань). 450–425 гг. до н. э. ОАК 1876. Табл. 3, 13; ГЗ. С. 130. № 72.

92. Бык в сцене жертвоприношения Геракла нимфе острова Хриса. Краснофигурная пелика. 400–390 гг. до н. э. Курган Бакса близ Пантикапея. МГВ. С. 108. Рис. 52; Передольская 1971. С. 47. Рис. 1; ARV. 1346. 1; LIMC. Bd. 3. S. 280. № 4.

93. Бык, рыбы и другие морские животные в сцене мифа о похищении Европы. Краснофигурные рыбные блюда. Пантикапей. Нимфей. Фанагория. Горгиппия. Первая четверть IV в. до н. э. ОАК 1880. С. 106–109; UKV. № 51–58; Barringer 1991. P. 658–659.

94. Бык в сцене мифа о похищении Европы. Две краснофигурные пелики. Первая половина IV в. до н. э. Тамань. ОАК 1866. С. 77. Табл. 2, 33; ОАК 1870. С. 181–183; UKV. № 436; LIMC. Bd. 4. S. 80. № 66.

95. Бык в сцене мифа о похищении Европы. Краснофигурная пелика. Середина IV в. до н. э. Ольвия. ОАК 1904. С. 40. Рис. 59; UKV. № 491; LIMC. Bd. 4. S. 80. № 67.

96. Бык в сцене жертвоприношения. Краснофигурная ойнохоя. 360 гг. до н. э. Пантикапей. ДБК. Табл. 61, 7; UKV. № 305.

97. Голова быка в венке из плюща. Три золотых подвески. Первая половина IV в. до н. э. Пантикапей. ДБК. Табл. 32, 12; АА. 1912. P. 347; ГЗ. С. 160. № 100.

98. Голова быка, украшенная гирляндой. Монеты Херсонеса. Вторая четверть IV в. до н. э. Анохин 1977. № 9–11.

99. Голова быка в составе ожерелья. Золотая подвеска. 340–330 гг. до н. э. Курган Карагодеуашх (Тамань) Deppert-Lippitz 1985. S. 166. Abb. 116.

100. Бык в сцене мифа о похищении Европы. Аттический лекиф с накладными рельефами. Начало IV в. до н. э. Тамань. APR. P. 20. № 16; LIMC. Bd. 4. S. 91. № 93.

101. Букрании в декоре мраморного алтаря. IV в. до н. э. Херсонес. Пичикян 1984. С. 198-206; Крыжицкий 1993. С. 142. Рис. 98.

102. Жертвоприношение быка. Вотивная свинцовая пластинка. IV–III вв. до н. э. Ольвия. На краю ойкумены 2002. № 346; РОИ. №. 67.

103. Бык. Терракотовая протома. Ольвия. IV–III вв. до н. э. РОИ. № 64.

104. Мужчина, ведущий быка. Конец IV – начало III вв. до н. э. Ольвия. Русяева. 1982. С. 127. Рис. 49.

105. Бык. Инталия. Конец IV – начало III вв. до н. э. Пантикапей. Неверов 1983. С. 66.

106. Свинцовые букрании. IV–II вв. до н. э. Ольвия. Зайцева. 1971. С. 84-106.

107. Голова быка. Серебряный ритон с позолотой. III–II вв. до н. э. Пантикапей. РД. С. 85-86. Рис 116.

108. Голова быка. Глиняная курильница. I в. до н. э. Тамань. Сокольский 1976. С. 94. Рис. 56.; На краю ойкумены 2002. С. 73. №. 270.

109. Бык с позолоченными рогами. Лепная глиняная статуэтка. Эллинистический период. Ольвия. ТС. Ч. 1. 1970. Табл. 12, 8; Русяева 1982. С. 135.

110. Бодающий бык. Монеты Херсонеса. III в. до н. э. – III н. э. Анохин 1977. № 77-86, 107-124, 127-132, 147-149, 200, 201, 291-294.

Бараны и овцы

111. Голова барана. Окончание дужек золотых серег-наушниц. Вторая половина VI в. до н. э. Ольвия. Фармаковский 1914. С. 25-26; Табл. 9; Скржинская 1986. С. 116-118. Рис. 3.

112. Голова барана. Подвеска из египетского фаянса. VI в. до н. э. Ольвия. Фармаковский 1914. С. 26. Табл. 8, 3; Скржинская 1986. С. 121. Рис. 4, 54.

113. Баран в сцене бегства Одиссея из пещеры Полифема. Фрагмент чернофигурного аттического килика. 525–500 гг. до н. э. Пантикапей. Сидорова 1984. С. 100. Рис. 216.

114. Баран в сцене бегства Одиссея из пещеры Полифема. Фрагмент чернофигурного сосуда. Конец VI в. до н. э. Ольвия. Леви 1964. С. 139. Рис. 6, 2.

115. Головы барана и львов. Золотые подвески к ожерелью. Конец VI в. до н. э. Ольвия. ОАК 1903. С. 148. Рис. 287.

116. Голова барана. Обломок фигурного ритона мастера Сотада. Вторая четверть V в. до н. э. Пантикапей. Лосева. 1962. С. 171.

117. Голова барана. 13 золотых нашивных бляшек. 450–425 гг. до н. э. Второй Семибратний курган. (Тамань). ОАК 1876. Табл. 3, 15; ГЗ. С. 130. № 73.

118. Голова барана. Окончание металлического ритона. Середина V в. до н. э. Четвертый Семибратний курган. Сорокина 1997. С. 33. Рис. 21.

119. Баран. Фигурки на концах пары витых золотых браслетов. 330–300 гг. до н. э. Большая Близница (Тамань). ГЗ. С. 182–183. № 118.

120. Головы баранов. 26 звеньев золотого ожерелья V в. до н. э. Нимфей. Vickers 1979. P. 38. Tab. 6, 1.

121. Голова барана. Пара бронзовых позолоченных браслетов. IV в. до н. э. Нимфей. Vickers 1979. P. 48. Tab. 18.

122. Голова барана. Свинцовая подвеска. IV–III вв. до н. э. Ольвия. На краю ойкумены 2002. № 344.

123. Баран в сцене жертвоприношения. Мраморная стела ситонов. III в. до н. э. Ольвия. НО. № 72.

124. Овца со связанными ногами. Терракота. III в. до н. э. Ольвия. ТС. 1970. Табл. 28, 7.

125. Баран. Терракота. III–II вв. до н. э. Ольвия. Русяева 1982. С. 137.

126. Баран. Терракота эллинистического времени. Тира. ТС. 1970. С. 27. Табл. 4, 3.

127. Голова жертвенного барана. Свинцовые рельефы (букрании). IV–II вв. до н. э. Ольвия. Зайцева 1971 С. 100.

Козлы

128. Козел и сатир. Фрагмент клазоменской амфоры. Середина VI в. до н. э. Ольвия. Леви 1972. С. 48. Рис 14, 3.

129. Козел, сатир и юноша. Чернофигурный лекиф. Конец VI в. до н. э. Ольвия. Скуднава 1958. С. 126. Рис. 6.

130. Менада на козле. Медальон чернофигурного килика. Конец VI в. до н. э. Тамань. ОАК 1913–15. С. 143. Рис. 225; Сорокина 1957. С. 142. Рис. 8, 4.

131. Танцующие силен и козел. Чернофигурная ойнохоя. Рубеж VI–V вв. до н. э. Пантикапей. Сидорова. 1992. С. 209–210. Рис. 5; CVA Russia. 1996. P. 27. Pl. 28, 2.

132. Жертвенный козел в сцене дионисийского праздника. Конец V вв. до н. э. Краснофигурный кратер. Никоний. Секерская 1989. С. 77. Рис 57.

133. Мальчик в повозке, запряженной двумя козлами. Краснофигурная ойнохоя. Начало IV в. до н. э. Пантикапей. ОАК 1863. Табл. 2, 4; UKV. № 303.

134. Афродита на козле. Фигурная ойнохоя. Пантикапей. ОАК. 1870. С. 183-184. Табл. 5, 3; Сорокина. 1997. №. 18; На краю ойкумены 2002. № 30.

135. Козел перед гермой. Бронзовый перстень. IV в. до н. э. Нимфей. Силантьева 1959. С. 103; Неверов 1986. С. 22.

Свиньи

136. Свинья. Терракота. Последняя четверть VI в до. н. э. Ольвия. Ходза 1997. С. 72. Рис. 8.

137. Лежащая и стоящая свиньи. Две терракоты. VI в до. н. э. Пантикапей. Кобылина. 1961. С. 35-36. Табл. 3.

138. Свинья. Терракота. V в до. н. э. Ольвия. Ходза 1997. С. 71. Рис. 7.

Петухи и куры

139. Петух и пантеры. Обломок клазоменского кратера. Вторая четверть VI в до. н. э. Березань. Копейкина 1986. С. 35. Рис. 5, 12.

140. Петух. Дно чернофигурного сосуда. Третья четверть VI в до. н. э. Пантикапей. CVA Russia. 1996. P.53. Pl. 58, 1.

141. Два петуха перед схваткой. Фрагмент чернофигурного сосуда. Третья четверть VI в. до н. э. Пантикапей. CVA Russia. 1996. P. 53. Pl. 58.

142. Два боевых петуха. Клазоменская амфора. Первая половина VI в. до н. э. Тамань. АРК. С. 260.

143. Петух. Обломок хиосского кубка. Середина VI в. до н. э. Пантикапей. Сидорова. 1992. С. 150.

144. Петух. Обломок чернофигурной леканы. Середина VI в. до н. э. Пантикапей. Сидорова. 1992. С. 188. Рис. 8 б.

145. Петух. Обломок чернофигурного килика. 540 гг. до н. э. Ольвия. Скуднова 1957. С. 45.

146. Петухи и куры. Обломок чернофигурного килика. 540–520 гг. до н. э. Пантикапей. Сидорова. 1992. С.223.

147. Петух. Обломки двух чернофигурных киликов. Вторая половина VI в. до н. э. Пантикапей. Сидорова. 1992. С.194. 9 в, г.

148. Петух. Дно чернофигурного килика. Третья четверть VI в. до н. э. Пантикапей. Сидорова. 1984. С. 99. Рис. 100 в.

149. Петух. Обломок чернофигурного килика. Третья четверть VI в. до н. э. Нимфей. Худяк 1952. С. 248.

150. Петух. Обломок хиосского кубка. Третья четверть VI в. до н. э. Березань. Скуднова. 1957. С. 136. Рис. 8.

151. Петух. Обломки двух клазоменских сосудов. Третья четверть VI в. до н. э. Березань. Копейкина 1979. С. 10, 14. Рис. 1, 8.

152. Петухи. Два чернофигурных лекифа. 510–490 гг. до н. э. Ольвия. Сорокина 1957. Табл. 1, 3; Скуднова 1958. С. 123. Рис. 4, 5.
153. Петухи. Пять чернофигурных лекифов. 510–490 гг. до н. э. Пантикапей. Скуднова 1958. С. 123; Борисковская 1997. С. 26-28. Рис. 3-7.
154. Петухи, стоящие на колоннах по бокам фигуры Афины. Чернофигурная панафинейская амфора. Рубеж VI–V вв. до н. э. Пантикапей. Радлов 1912. С. 72. Галанина 1962. Рис. 4.
155. Петух. Терракота. Начало V в. до н. э. Пантикапей. ТС. 1972. С. 31. № 4.
156. Петух. Терракота. Начало V в. до н. э. Ольвия. Русяева 1987. С. 174.
157. Петух. Терракота. Первая половина V в. до н. э. о. Левка. ТС. 1979. С. 24. Табл. 1,2.
158. Петух. Терракота. Первая половина V в. до н. э. Никоний. ТС. 1979. С. 28. Табл. 5, 6.
159. Петух. Терракотовый рельеф. Первая половина V в. до н. э. Пантикапей. Силантьева 1972. С. 44. Рис. 8.
160. Петухи, стоящие на колоннах по бокам фигуры Афины. Чернофигурная панафинейская амфора. 430 гг. до н. э. Станица Елисаветовская на Нижнем Дону. Радлов 1912. С. 83.
161. Петухи, стоящие на колоннах по бокам фигуры Афины. Чернофигурная панафинейская амфора. Конец V в. до н. э. Тамань. Пиотровский 1924. С. 81-83; БЦ. С. 242. Рис. 38.; Галанина 1962. Рис. 2.
162. Лежащий петух со связанными ногами. Терракота. V в. до н. э. Ольвия. Русяева. 1982. С. 141.
163. Петухи. Золотые нашивные бляшки. Нимфей. Силантьева 1959. Рис. 38, 14; ГЗ. С. 135. №. 80.
164. Юноша, играющий с петухом. Инталия на яшме. Конец V–IV вв. до н. э. Тамань. Неверов 1976. № 32.
165. Петушиный бой. Инталия на сардониксе. IV в. до н. э. Горгиппия. ОАК 1882-1888. С. 60. Табл. 5; Неверов 1976. Рис. 44 г.
166. Петушиный бой. Костяная пластинка. IV- III вв. до н. э. Ольвия. Історія української культури. Т. 1. Київ, 2001. С. 509.
167. Петух. Терракота. II в. до н. э. Тиритака. Гайдукевич 1959. С. 222. Рис. 94, 2.
168. Мальчик с петухом. Терракота. II–I вв. до н. э. Кепы. На краю ойкумены 2002. С. 71. № 263.
169. Мальчик с петухом и гусем. Терракота. I в. до н. э. – I в. н. э. Пантикапей. На краю ойкумены 2002. С. 71. № 264.

Гуси

170. Гусь между мальчиком и девочкой. Краснофигурная ойнохоя. IV в. до н. э. Пантикапей. ОАК. 1904. С. 77. Рис. 118; UKV. № 317.

171. Девочка с гусем. Пять терракот эллинистического времени. Пантикапей, Тиритака. Финогенова 1992. С. 242. Рис. 14.

172. Мальчик с гусем. Терракота. Пантикапей. Кобылина 1961. Табл. 20 а.

173. Гусь у ног девушки. Терракота. Мирмекий. Начало I в. н. э. Денисова 1981. Табл. 18 ж.

Дикие животные

Лев

1. Львы, быки и горные козлы. Фризы на ионийском диносе. Последняя треть VII в. до н. э. Березань. Копейкина 1970. С. 562. Табл. 2,1.

2. Лев, терзающий быка. Хиосский кубок. 600–575 гг. до н. э. Березань. Ильина 1997. С. 15. № 24 Табл. 4; Борисфен 2005. № 87.

3. Лев, терзающий быка. Хиосский кубок. Начало VI в. до н. э. Кепы. Кузнецов 1992. С. 35. Рис. 4, 6.

4. Сидящие и стоящие львы с оскаленной пастью. 7 хиосских кубков. 600–580 гг. до н. э. Березань. Ильина 1997. С. 11, 15. № 12, 13, 20–23; ББ. 2005. № 88, 90, 93.

5. Лев, бык и пантера. Коринфский кратер. Начало VI в. до н. э. Березань. Горбунова 1969. С. 35.

6. Лев с оскаленной пастью. Ионийские кратер и ойнохоя. Первая половина VI в. до н. э. ББ 2005. № 38, 39.

7. Лев с оскаленной пастью, нападающий на козла. Ионийский кратер. Первая половина VI в. до н. э. Березань. Борисфен 2005. № 37.

8. Лев и горные козлы. Ионийская ойнохоя. Первая половина VI в. до н. э. Березань. АМ. № 4.

9. Лев, пантера, козел и бык. Коринфская пиксида. Вторая четверть VI в. до н. э. Березань. GCA. № 7.

10. Лев с оскаленной пастью и сфинкс. Крышка хиосской пиксиды. Вторая четверть VI в. до н. э. Березань. Копейкина 1986. С. 34. Рис. 4, 10.

11. Львы с оскаленной пастью и сфинксы. Три крышки хиосских лекан. Середина VI в. до н. э. Березань. Скуднова 1957. С. 137. Рис. 10.

12. Львица, нападающая на лань. Ионийская амфора. Середина VI в. до н. э. Березань. Манцевич 1927. С. 286. Рис. 19.

13. Лев, нападающий на горного козла. Ионийский динос. Середина VI в. до н. э. Березань. Копейкина 1986. С. 32. Рис. 3.

14. Лев, нападающий на горного козла. Ионийский сосуд. Середина VI в. до н. э. Пантикапей. Сидорова 1962. С. 112. Рис. 3.
15. Геракл, убивающий льва. Крышка чернофигурной леканы. 550–530. до н. э. Пантикапей. Толстиков 1992. С. 66. Рис. 8, 13.
16. Лежащий лев. Две мраморные скульптуры. Середина VI в. до н. э. Ольвия. Русяева 1987. С. 159-160.
17. Голова рычащего льва. 5 пар золотых серег-наушниц. Вторая половина VI в. до н. э. Ольвия. Фармаковский 1914. С. 25, 32. Табл. 9; АНО. С. 84, 112, 114, 150; Скржинская 1986. С. 116-118. Рис. 3.
18. Лежащие львы. Три терракоты. Вторая половина VI в. до н. э. Ольвия и Березань. Русяева 1987. С. 172. Рис. 53, 7.
19. Лев, пантера, кабан, козел, лань. Крышка беотийской леканы. Вторая половина VI в. до н. э. Березань. ОАМ. № 47.
20. Лев, терзающий быка. Аттический чернофигурный сосуд. VI в. до н. э. Пантикапей. Толстиков 1992. С. 67.
21. Лев и кабан. Чернофигурный кратер. VI в. до н. э. Хора Ольвии. Рабичкин 1951. С. 123. Рис. 34.
22. Лев, терзающий козла. Два чернофигурных лекифа. VI в. до н. э. Пантикапей. ОАК 1911. С. 26. № 2, 3.
23. Лев и лебедь. Коринфский бомбилий. VI в. до н. э. Ольвия. ОАК 1909-10. С. 97. Рис. 128, 129.
24. Два льва и заяц. Коринфский алабастр. VI в. до н. э. Ольвия. Фармаковский 1914. С. 16. Табл. 1.
25. Голова рычащего льва. 5 золотых подвесок. VI в. до н. э. Ольвия. Скржинская 1986. С. 122. Рис. 2, 11.
26. Лежащий лев. Пронизь из египетского фаянса. VI в. до н. э. Ольвия. Алексеева 1975. С. 42.
27. Лев. Резное изображение на каменной ионийской печати-скарабеоиде. VI в. до н. э. Пантикапей. Неверов. 1985. С. 32. Рис. 2, 5.
28. Геракл, убивающий льва. Чернофигурный сосуд. Рубеж VI–V вв. до н. э. Хора Ольвии. Марченко, Доманский 1991. С. 59. Рис. 5, 3.
29. Лев, нападающий на лань. Два чернофигурных лекифа. Рубеж VI–V вв. до н. э. Пантикапей. Борисковская 1997. С. 32. Рис. 15, 16.
30. Голова льва. Монеты Пантикапея. 520–450 гг. до н. э. Анохин 1986. № 1-24.
31. Лев. Семь электроновых монет Кизика из клада в Мирмекии. 500–460 гг. до н. э. Абрамзон и др. 2006. С. 16, 20.
32. Лев. Два серебряных перстня. Ольвия. Начало V в. до н. э. Максимова 1955. С. 438-439.
33. Борьба Геракла со львом. Чернофигурный лекиф. Начало V в. до н. э. Ольвия. АНО. С. 116. № 175.

34. Борьба Геракла со львом. Крышка чернофигурной леканы. Первая четверть V в. до н. э. Керкинитида. Кутайсов 1992. С. 48.
35. Борьба Геракла со львом. Чернофигурная ойнохоя. Первая четверть V в. до н. э. Ольвия. Назарчук 1988. С. 202. Рис. 4, 6.
36. Голова льва. Окончания двух несомкнутых браслетов. Первая половина V в. до н. э. Нимфей. Силантьева 1959. С. 36. Рис. 13, 3 и 4.
37. Лежащий лев. Две скульптуры из мрамора и известняка. Первая половина V в. до н. э. Ольвия. АМ. № 31; Русяева 1987. С. 160.
38. Лев, преследующий кабана. Краснофигурный аск. 430–420 гг. до н. э. Пантикапей. Лосева 1984 С. 120. Рис. 5; CVA Russia. Fasc.6. 2003. Pl. 55, № 2, 4, 6.
39. Лев и обороняющийся бык. Краснофигурный аск. 430–420 гг. до н. э. Пантикапей. CVA Russia. Fasc.6. 2003. Pl. 55, № 1, 3, 5.
40. Лев, лань и змея в сцене борьбы Пелея и Фетиды. Краснофигурный килик. V в. до н. э. Пантикапей. ОАК 1869. С. 181–182. Табл. 4, 3.
41. Голова льва. Пара серебряных браслетов. Конец V в. до н. э. Нимфей. Vichers 1979. P. 41. Tabl. 10.
42. Лев. Золотой перстень. V–IV вв. до н. э. Ольвия. ИАК. № 13. С. 156. Рис. 106.
43. Лев и пантера. Гравированные рисунки на пластинах из слоновой кости. Рубеж V–IV вв. до н. э. Горгиппия. Алексеева 1997. Рис. 8, 9.
44. Голова рычащего льва. Пара серебряных браслетов. 400–380 гг. до н. э. Пантикапей. ГЗ. № 96.
45. Львы и грифоны, нападающие на лань, быка и коня. Краснофигурная лекана. 370–360 гг. до н. э. Пантикапей. ОАК 1861. С. 28. Табл. 2, 2; UKV № 18; RCA. P. 107. № 5.
46. Геракл, борющийся со львом. 6 золотых бляшек боспорского производства. Первая половина IV в. до н. э. Курган Куль- Оба близ Пантикапея. ДБК. Табл. 20, 3; Копейкина 1986. С. 55.
47. Лев и орлиноголовый грифон, терзающие оленя, и пантера, терзающая козла. Золотая обкладка ножен мяча. Первая половина IV в. до н. э. Курган Куль-Оба близ Пантикапея. РД. Т. 2 С. 148. Рис. 125.
48. Лежащий лев. Золотая бляшка. Первая половина IV в. до н. э. Курган Куль-Оба близ Пантикапея. Копейкина 1986. С. 52.
49. Четыре лежащих льва. Золотой перстень. Середина IV в. до н. э. Пантикапей. ДБК. Табл. 18, 6; ГЗ. № 104.
50. Лев, терзающий быка. Монеты Керкинитиды. Середина IV в. до н. э. Зограф 1951. С. 160–161; Кутайсов 2004. С. 54–55.
51. Лев и кабан. Крышка краснофигурной леканы. Середина IV в. до н. э. Мыс Зюк (Боспор). Масленников, Розов 1990. С. 72. Рис. 3, 10.

52. Лев, терзающий быка. Монеты Херсонеса. 350–330 гг. до н. э. Анохин 1977. № 57-59.
53. Голова льва. Окончания пары несомкнутых золотых браслетов. Вторая половина IV в. до н. э. Нимфей. Зинько 2003. С. 120. Табл. 17, 1.
54. Лев. Мраморная скульптура. Вторая половина IV в. до н. э. Фанагория. Савостина 2004. С. 302.
55. Голова льва. Окончание несомкнутого золотого браслета. Вторая половина IV в. до н. э. Феодосия. ДБК. Табл. 12.
56. Голова льва. Затворы золотого ожерелья. 330–300 гг. до н. э. Курган Большая Близница (Тамань). ГЗ. № 121.
57. Лежащий лев. Фигурка на золотой печати с изображением Артемиды. 330–300 гг. до н. э. Курган Большая Близница (Тамань). Неверов 1983. С. 51; ГЗ. № 125.
58. Фигуры львиц. Окончания пары несомкнутых браслетов. 330–300 гг. до н. э. Курган Большая Близница (Тамань). ГЗ. № 124.
59. Лев, преследующий зайца. Краснофигурный аск. IV в. до н. э. Пантикапей. ОАК 1876. С. 130.
60. Бегущий лев. Резная печать на сердолике. IV в. до н. э. Пантикапей. Неверов 1976. № 42.
61. Лев. Монеты Пантикапея. IV в. до н. э. Анохин 1986. № 85, 99, 100, 104, 108.
62. Лев, терзающий быка. Золотой перстень. IV в. до н. э. Пантикапей. Неверов 1986. С. 22.
63. Голова льва. Окончания золотых витых серег. Конец IV – начало III вв. до н. э. Ольвия. ОАК 1909-10. С. 100; Фурманьска 1958. С. 50-51. Рис. 5, 2.
64. Голова льва. Окончания золотых и серебряных кольцеобразных серег. Конец IV- начало III вв. до н. э. Ольвия. Vogell 1908. S. 93. № 1127, 1230, 1261. Abb. 60.
65. Голова льва. Серебряная головка на конце стеклянной сережки. Конец IV – начало III вв. до н. э. Ольвия. ОАК 1896. С. 80. Рис. 331.
66. Голова льва. Окончание кольцеобразной свинцовой серьги. Конец IV- начало III вв. до н. э. Ольвия. На краю ойкумены... 2002. № 343.
67. Голова льва с открытой пастью на окончании кольцеобразной серьги. Литейная форма. Конец IV – начало III вв. до н. э. Ольвия. Фурманьска 1958. С. 49.
68. Голова льва. Окончание золотых кольцеобразных серег. Конец IV – начало III вв. до н. э. Пантикапей. ДБК. С. 48. Табл. 7, 1.
69. Голова льва. Окончание золотой кольцеобразной серьги. Конец IV – начало III вв. до н. э. Нимфей. Силантьева 1959. С. 91. Рис. 50, 2.

70. Львенок на коленях Кибелы. Терракота. IV в. до н. э. Фанагория. Кобылина 1974. Табл. 24 а.

71. Львенок на коленях Кибелы. Две терракоты. IV и II в. до н. э. Горгиппия. Алексеева 1997. С. 231. Табл 77.

72. Львенок на коленях Кибелы. Две терракоты. IV–III в. до н. э. Мирмекий. Денисова 1981. Табл. 6 в, ж.

73. Голова льва. Окончания пары золотых кольцеобразных серег. Херсонес. 300–280 гг. до н. э. ГЗ. № 132.

74. Головки львов, поддерживающие гераклов узел. Два золотых ожерелья. 300–280 гг. до н. э. Херсонес, Пантикапей. ГЗ. № 131; Deppert-Lippitz 1985. S. 212. Abb. 149.

75. Львенок на коленях Кибелы. Терракотовая статуэтка. III в. до н. э. Ольвия. АМ. № 75.

76. Львенок на коленях Кибелы. Мраморный рельеф. III в. до н. э. Ольвия. Русяева 1992. С 148. Рис. 50.

77. Голова льва. Рельефы на ручках чернолакового кубка. III в. до н. э. Ольвия. Парович-Пешикан 1974. С. 84. Рис. 79.

78. Голова льва. Затворы золотого ожерелья. Вторая половина III–II вв. до н. э. Пантикапей. Deppert-Lippitz 1985. S. 252. Abb. 186.

79. Фигурки- амулеты в виде львов, баранов, птиц, дельфина и ракушек. Золотые ожерелья. Вторая половина III–II вв. до н. э. Пантикапей. Deppert-Lippitz 1985. S. 212, 219, 252. Abb. 149, 155, 186.

80. Кибела, сидящая между двух львов. Бронзовый перстень боспорского производства. II в. до н. э. Горгиппия. Трейстер 1982. С. 65. Рис. 1, 15.

81. Львенок на коленях Кибелы. Три известняковые стелы. I в. до н. э. – I в. н. э. Пантикапей. АС. № 19-21.

82. Два льва рядом с Кибелой. Мраморная статуэтка. I в. до н. э. – I в. н. э. Пантикапей. АП. № 64; На краю ойумены 2002. № 364.

83. Лев. Мраморная статуя. I в. до н. э. – I в. н. э. Пантикапей. АП. № 138; АГСП 1984. Табл. 103, 2.

Пантера

84. Пантера, гусь и козел. Чернофигурная подставка для сосуда. Начало VI в. до н. э. Березань. Борисфен 2005. № 153.

85. Пантера. Коринфский кратер. Первая четверть VI в. до н. э. Березань. Корпусова 1987. С. 55. Рис. 21, 1.

86. Пантера и сирена. Крышка чернофигурной леканы. Середина VI в. до н. э. Березань. Горбунова 1982. С. 39.

87. Пантеры, нападающие на быка. Верхний фриз клазоменского кратера. Вторая четверть VI в. до н. э. Березань. Корпусова 1987. С. 50. Рис. 20.
88. Пантеры и петух. Клазоменский кратер. Вторая четверть VI в. до н. э. Березань. Копейкина 1986. С. 35. Рис. 5, 12.
89. Свернувшаяся пантера.: золотых бляшек. Вторая половина VI в. до н. э. Ольвия. АНО. С. 100. № 160. 1.
90. Пантера около связанного силена. Чернофигурная пелика. Вторая половина VI в. до н. э. Пантикапей. ОАК 1911. С. 26. Рис. 42 б; ИАРК. С. 262.
91. Пантера. Украшение ручек семи бронзовых зеркал. Вторая половина VI в. до н. э. Ольвия. Скржинская 1984. С. 125. № 27- 33.
92. Пантеры и лебеди. Крышка беотийской леканы. Третья четверть VI в. до н. э. Херсонес. Zolotarev 1994. P. 112-113. Fig. 1.
93. Пантеры и лань. Три чернофигурных килика. Третья четверть VI в. до н. э. ББ. 2005. № 136, 142; Козуб 1987. С. 63. Рис. 22, 5.
94. Пантера, нападающая на оленя. Электровый перстень. Вторая половина V в. до н. э. Шестой Семибратний курган. АГСП 1984. С. 351. Табл. 160. № 7.
95. Дионис, едущий на пантере. Краснофигурная ойнохоя. Вторая половина V в. до н. э. Пантикапей. Конь и всадник. М., 2003. С. 22. № 26.
96. Пантера. Краснофигурный аск. Конец V- IV вв. до н. э. Пантикапей. Цветаева 1957. С. 192. Рис. 4, 8.
97. Лежащая пантера. Краснофигурный лекиф. Рубеж V- IV вв. до н. э. Пантикапей. CVA. Russia. Fasc. 6. 2003. P. 48. Pl. 44.
98. Пантера у ног Диониса. Мраморная статуя. Рубеж V- IV вв. до н. э. Пантикапей. АП. № 16.
99. Пантера и гусь. Краснофигурный аск. Начало IV в. до н. э. Херсонес. Белов 1976. С. 114. Рис. 2.
100. Пантера и гусь. Краснофигурный аск. Начало IV в. до н. э. CVA Russia. Fasc.6. 2003. Pl. 66. № 1,3, 5.
101. Пантеры и сфинксы. Краснофигурный аск. Начало IV в. до н. э. Херсонес. Белов 1976. С. 113. Рис. 1.
102. Пантера рядом с силеном в сцене воспитания маленького Диониса. Крышка краснофигурной леканы. 370- 360 гг. до н. э. Пантикапей. ОАК 1861. С 28. Табл. 2, 2; UKV № 18; RCA. P. 107. № 5.
103. Пантера и лебедь. Краснофигурный аск. Первая половина IV в. до н. э. Пантикапей. Лосева 1984. С. 122. Рис. 6 д.
104. Пантера на плече менады. Краснофигурный кратер. Первая половина IV в. до н. э. Ольвия. Брашинский 1965. С. 98. Рис. 35, 7.

105. Пантера и лев. Золотая диадема. Вторая половина IV в. до н. э. Нимфей. АП. № 24; Зинько 2003. С. 120.

106. Пантера рядом с Дионисом, змея и дельфины. Краснофигурная гидрия со сценой спора Афины и Посейдона. 350- 340 гг. до н. э. Пантикапей. ОАК 1872. С. 130. Табл. 1; АП. № 37; UKV. № 161; LIMC. Bd. 1. S. 291. № 38.

107. Две пантеры в упряжке колесницы менады. Краснофигурный сосуд. IV в. до н. э. Пантикапей. ОАК 1859. С. 74. Табл. 3.

108. Дионис, едущий на пантере. Обломки двух краснофигурных сосудов. IV в. до н. э. Пантикапей. ОАК 1869. С. 183, 187. Табл. 4.

109. Пантера, терзающая оленя. Золотой перстень. IV в. до н. э. Шестой Семибратний курган (Тамань). Неверов 1986. С. 18.

110. Пантеры и олень. Гравированное изображение на бронзовом зеркале. IV в. до н. э. Шестой Семибратний курган (Тамань). ОАК 1875. С. 33. Вахтина 2005. С. 243.

111. Пантера у ног Диониса. Фигурный сосуд. IV в. до н. э. Фанагория. Сорокина 1997. С. 43. Табл. 1, 13.

112. Пантера рядом с Дионисом. Монеты Пантикапея, Фанагории и Горгиипии. 90–80 гг. до н. э. Анохин 1986. № 201, 207, 210. См. также № 5, 9, 19, 42, 46, 213.

Рысь

113. Рысь, нападающая на лебедя. Краснофигурный аск. IV в. до н. э. Херсонес. ОАК 1903. С. 32. Рис. 33.

114. Рысь и петух. Краснофигурный аск. IV в. до н. э. Никоний. Treister 1994. P. 9. Fig. 4.

115. Головки рысей, поддерживающие на ожерелье центральную подвеску-бабочку. Вторая половина II в. до н. э. Ольвия. Скржинская 1994. С. 21. Рис. 1, 2.

116. Головки рысей, поддерживающие драгоценные камни в середине ожерелья. II в. до н. э. Артюховский курган (близ Кеп). Максимова 1979. С. 23; Скржинская 1994. С. 21. Рис. 1, 3.

117. Головки рысей на окончаниях кольцеобразных серег эллинистического времени. Пантикапей. Фанагория. ДБК. С. 50. Табл. 7, 3; Калашник 2004. С. 104. Рис. 9, 10.

Кабан

118. Кабан. Фрагмент сосуда. Начало VI в. до н. э. Березань. Скуднова 1957. С. 48-49.

119. Кабан. Обломок краснофигурного кратера. Рубеж VI–V вв. до н. э. Пантикапей. Сидорова, 1992. С. 174. Рис. 2а.

120. Кабан. Две электровых монеты Кизика из клада в Мирмекии. 460–400 гг. до н. э. Абрамзон и др. 2006. С. 21.

121. Кабан. Терракота. V в. до н. э. Пантикапей. Ходза 1997. С. 68. Рис. 3.

122. Кабаниха. Резная печать на горном хрустале. V в. до н. э. Семибратний курган (Тамань). ОАК 1876. С. 149. Табл. 3; Неверов 1976. № 17.

123. Два кабана. Геральдическая композиция на покрывале из Семибратнего кургана (Тамань). Начало IV в. до н. э. ОАК 1878-79. С. 120. Табл. 4; Герцигер 1973. С. 77. Рис. 6.

124. Охота на кабана и лань. Аттический лекиф с рельефными фигурами. 380 гг. до н. э. Пантикапей. ДБК. Табл. 45, 46; АП № 40; Скржинская 1999. С. 121-130; UKV № 366; ARV 1407. 1.

См. также № 19, 21, 38.

Дикие козлы

125. Собаки, преследующие козлов. Ионийская ойнохоя. Третья четверть VII в. до н. э. Березань. Корпусова 1987. С. 37. Рис. 14.

126. Пасущиеся козлы. Эолийский динос. Рубеж VII–VI вв. до н. э. ББ. 2005. № 32.

127. Собаки, преследующие козлов. Ионийская ваза. Вторая четверть VI в. до н. э. Пантикапей. Сидорова 1968. С. 110. Рис. 1.

128. Бегущие козлы. Две ионийские амфоры, кратер, ойнохоя и чаша. Первая половина VI в. до н. э. ББ 2005. № 50-54, 56.

129. Пасущиеся козлы. Ионийские тарелка и кратер. Первая половина VI в. до н. э. ББ 2005. № 27, 34.

130. Голова газели. Окончания несомкнутых кольцеобразных серег. III в. до н. э. Пантикапей, Ольвия. ДБК. Табл. 7, 5; Фурманська 1958. С. 49-50.

Олень и лань

131. Пятнистый олень. Клазоменская амфора. Вторая половина VI в. до н. э. ББ. 2005. № 116.

132. Лежащий олень. Украшение двух бронзовых зеркал. Вторая половина VI в. до н. э. Ольвия. Скуднова 1976. С. 13, 14. № 1, 9; Скржинская 1984. С. 126. № 32, 34.

133. Лань около Артемиды. Чернофигурная ольпа. Конец VI в. до н. э. Ольвия. ОАК 1909-10. С. 93. Рис. 114; АНО. С. 64. № 79.

134. Лань на руках Артемиды. Терракота. Конец VI – начало V вв. до н. э. Пантикапей. Силантьева 1974. С. 16. Табл. 3,3.

135. Лежащие олени. Золотые бляшки V в. до н. э. Курганы Солоха и Семибратние. ОАК 1876. Табл. 3, 17-18; Манцевич 1987. С. 31-32.

136. Орлиноголовый грифон, нападающий на пятнистую лань. Аттический краснофигурный ритон. 425–420 гг. до н. э. Фанагория. *SVA Russia*. 2001. P. 42. Pl. 37.

137. Идущая лань. Краснофигурный лекиф. Конец V в. до н. э. Северное Причерноморье. *SVA Russia*. 2003. P. 47. Pl. 43, 1.

138. Лежащая лань. Три краснофигурных лекифа. Конец V – начало IV в. до н. э. Фанагория. *SVA Russia*. 2003. Pl. 43, 3-8.

139. Скачущие олени. Краснофигурный лекиф. Конец V – начало IV в. до н. э. Херсонес. Белов 1976. С. 114. Рис. 4.

140. Грифон, терзающий лань. Краснофигурный ритон. Первая четверть IV в. до н. э. Фанагория. Лосева 1968. С. 91-92. Рис. 3, 3.

141. Охота на лань. Малый лекиф с рельефными фигурами мастера Ксенофанта. 380-е гг. до н. э. Пантикапей. Скржинская 1999. С. 125. Рис. 3.

142. Менада с жертвенной ланью. Золотая подвеска к серьге. 350 гг. до н. э. Пантикапей. Музы и маски 2005. № 141.

143. Голова оленя. Навершие золотой булавки. Пантикапей. 350–300 гг. до н. э. ГЗ. С. 174. № 111.

144. Грифоны, терзающие лань. Краснофигурная пелика. Середина IV в. до н. э. Пантикапей. ПБП. С. 139. Рис. 2,4; На краю ойкумены 2002. С. 28. № 38.

145. Артемида, едущая на лани. Золотая подвеска к серьге. Последняя треть IV в. до н. э. Нимфей. ГЗ. № 110.

146. Бегущий олень. Резная печать на халцедоне. IV в. до н. э. Пантикапей. Неверов 1976. № 48.

147. Бегущий олень. Золотая подвеска к серьге. IV–III вв. до н. э. Пантикапей. На краю ойкумены 2002. С. 51. № 152.

148. Артемида, убивающая лань копьем. Монеты Херсонеса. III в. до н. э. – II в. н. э. Анохин 1977. № 77-81, 88-93, 133-137, 191, 200, 201, 258-260, 270-272, 280-282, 285, 292, 293.

149. Лань – символ Артемиды. Монеты Херсонеса эллинистического времени. Анохин 1977. № 143, 144, 179-181, 184-187, 192-195.

150. Лань – символ Артемиды. Монеты Керкинитиды. Начало III в. до н. э. Анохин 1989. № 420, 421.

151. Лань – символ Артемиды. Монеты городов Боспора II–I вв. до н. э. Анохин 1986. № 192, 194, 196, 197, 199.

152. Артемида, охотящаяся на лань. Мраморный рельеф. II–I вв. до н. э. Херсонес. АСХ. № 78. Рис. 45.

См. также № 12, 19, 29, 47, 94, 110, 124.

Бык

153. Борьба Геракла с Критским быком. Чернофигурный лекиф. Начало V в. до н. э. Ольвия. ОАК 1912. С. 34; АНО С. 116. № 175.
154. Идущий бык. Электровая монета Кизика из клада в Мирмекии. 500–460 гг. до н. э. Абрамзон и др. 2006. С. 16, 21.
155. Борьба Геракла с Критским быком. Чернофигурная ойнохоя. Вторая четверть V в. до н. э. Пантикапей. ОАК 1891. С. 28. Блаватский 1946. С. 167.
156. Бегущий бык. Золотая нашивная бляшка. V–IV вв. до н. э. Пантикапей. На краю ойкумены 2002. № 158.
157. Борьба Тесея с Марафонским быком. Краснофигурный килик. 360–350 гг. до н. э. Пантикапей. ДБК. Табл. 63 а; UKV № 392.
158. Бык и палица Геракла. Монеты Херсонеса IV–III вв. до н. э. Анохин 1977. № 1-7; 9-16; 19-26; 33-34; 77-87.
- См. также № 1, 2, 3, 5, 9, 20 39, 45, 50, 52, 62, 87.

Заяц

159. Бегущий заяц рядом с всадником. Чернофигурная гидрия. 540–530 гг. до н. э. Ольвия ОАМ. № 19; GCA. № 16.
160. Собаки, преследующие зайцев. Милетская амфора. Вторая половина VI в. до н. э. ББ. 2005. № 108.
161. Собака, преследующая зайца. Три чернофигурных лекифа. Конец VI в. до н. э. Ольвия. Скуднова 1958. С. 126.
162. Заяц. Краснофигурный лекиф. Последняя четверть V в. до н. э. Пантикапей. РОИ 2004. № 126.
163. Заяц и собака. Краснофигурный аск. Конец V в. до н. э. Нимфей. Vickers 1979. P. 39. Tab. 8.
164. Заяц и лев. Краснофигурный аск. Конец V в. до н. э. Шестой Семибратний курган. ОАК 1876. С. 130-131.
165. Бегущий заяц. 18 золотых бляшек боспорского производства. IV в. до н. э. Курган Куль-Оба. Копейкина 1986. С. 42.
166. Заяц в руках юноши. Терракота эллинистического времени. Херсонес. Белов 1970. С. 76. № 49. Табл. 16, 6.
167. Всадник, охотящийся с собакой на зайца. Терракоты эллинистического времени. ДБК. Табл. 64, 2; ОАК 1870-71. Табл. 2, 78; Кобылина 1961. С. 121.
168. Собака, преследующая зайца. «Мегарская» чаша. II в. до н. э. Тира. Самойлова 1984. С. 121. Рис. 1, 7.
169. Собаки, преследующие зайцев. «Мегарские» чаши II–I вв. до н. э. Пантикапей. Забелина 1984. С. 168.
- См. также № 24, 59, 213.

Обезьяна

170. Сидящая обезьяна с детенышем на руках. Родосская терракота. Конец VI – начало V вв. до н. э. Пантикапей. Кобылина 1961. С. 41-42. Табл. 1, 3.

171. Сидящая на корточках обезьяна. Ионийские терракоты. Конец VI – начало V вв. до н. э. Ольвия. Русяева 1982. С. 138; Она же 1987. С. 172.

172. Сидящая обезьяна. 5 лепных статуэток из местной глины. Первая половина V в. до н. э. Ольвия. Русяева 1987. С. 172.

173. Обезьяна у лутерия. Две терракоты. Середина V в. до н. э. Пантикапей, Нимфей. ИАК 1910. № 35. С. 21. Рис. 7; Силантьева 1972. С. 46. Рис. 10 а.

174. Обезьяна на дельфине. Терракота. II–I вв. до н. э. Ольвия. Русяева 1982. С. 139.

175. Костяная обезьянка в оловянной ванночке. Ольвия. Штерн 1911. С. 22-23.

Редко встречающиеся изображения животных

176. Летучая мышь. Ионийская терракота. Конец VI – начало V вв. до н. э. Ольвия. Русяева 1987. С. 173.

177. Медведь. Резная печать на халцедоне. IV в. до н. э. Третий Семибратний курган (Тамань). ОАК 1877. С. 7. Табл. 1, 4; Неверов, 1976. № 47.

178. Верблюд. Оловянная игрушка. Ольвия. Штерн 1911. С. 22.

Орел

179. Птица, летящая над воинами. Коринфский арибал. Начало VI в. до н. э. Пантикапей. Сидорова 1992. С. 164. Рис. 19 а.

180. Всадник и летящая над ним птица. Две чернофигурные ольпы. 540–530 гг. до н. э. АНО. С. 172. № 153, 266.

181. Орел с распростертыми крыльями. Терракота. Конец VI – начало V вв. до н. э. Ольвия. Русяева 1982. С. 142.

182. Летящий орел с ланью в когтях. Инталия. V в. до н. э. Хора Пантикапея. ОАК 1870-71. С. 205. Табл. 6; Неверов 1976. № 26.

183. Орел и дельфин. Монеты Ольвии классического и эллинистического времени. Карышковский 1982. С. 90-98; Русяева 1992. С. 65-70.

184. Орел и дельфин. Эталонная гиря. IV в. до н. э. Ольвия. Крапивина 2004. С. 135. № 11.

185. Орел на молнии. Монеты Керкинитиды. Середина IV в. до н. э. Кутайсов 2004. С. 55.

186. Орел. Золотые бляшки. Вторая половина IV в. до н. э. Нимфей. Кириллин 1968. С. 44.

187. Орел на молнии. Монеты Херсонеса. 70–63 гг. до н. э. Анохин 1977. № 197.

188. Орел на молнии. Боспорские монеты. Рубеж I в. до н. э. – I в. н. э. Анохин 1986. № 278.

Голубь

189. Афродита с голубем. Терракотовая статуэтка. Последняя четверть VI в. до н. э. Березань. Копейкина, 1977. С. 97. Рис. 6.

190. Афродита с голубем. Терракотовая статуэтка. Последняя четверть VI в. до н. э. Березань. Назаров 2001. С. 161. Рис. 7.

191. Голубь. Терракота. Вторая половина VI в. до н. э. Ольвия. АНО. С. 76. №. 102.

192. Голубь. Фигурные сосуды. Вторая половина VI в. до н. э. Ольвия. Русяева 1987. С. 173.

193. Голуби. Фигурки на двух парах золотых серег. Вторая половина VI в. до н. э. Скржинская 1986. С. 115. Рис. 2, 1-2; АНО. С. 119. №. 182. 1.

194. Афродита с голубем. Два фигурных сосуда. Конец VI–V в. до н. э. Пантикапей. Кобылина, 1961. С. 39-40. Табл. 6, 1-2.

195. Афродита с голубем. Терракотовая статуэтка. Конец VI–V в. до н. э. Ольвия. Русяева, 1982. С. 65-66.

196. Голубь с птенцами под крыльями. Терракота. Конец VI–V в. до н. э. Ольвия. Русяева, 1987. С. 173.

197. Голубь. Лепные фигурки архаического времени. Ольвия. Русяева 1987. С. 174.

198. Голубь. Литейные формы для подвесок к серьгам. IV в. до н. э. Ольвия. Фурманьська 1958. С. 52. Рис. 6, 1-2.

199. Голубь. Подвески к серьгам, расцвеченные эмалью. Артюховский курган (близ Кеп). II в. до н. э. Максимова 1979. С. 54.

200. Голубь. Терракоты местного производства. Эллинистический период. Ольвия. Русяева 1982. С. 141.

Лебедь

201. Два лебедя. Ионийский кратер. Вторая четверть VI в. до н. э. Березань. АГСП 1984. Табл. 7, 7.

202. Лебедь с раскрытыми крыльями. Аттическая чернофигурная чаша. Третья четверть VI в. до н. э. Пантикапей. СВА 1996. Р. 52. Pl. 56, 4.

203. Лебедь. Чернофигурный кратер. Середина VI в. до н. э. Березань. ББ. 2005. № 129.

204. Лебеди. Изображения на ручках краснофигурного кратера. Середина VI в. до н. э. Пантикапей. АРК. № 16; СВА 1996. Р. 20-21. Pl. 21.

205. Лебеди и бараны. Фриз чернофигурной чаши. 540 гг. до н. э. ББ. 2005. № 144.

206. Лебеди. Изображение под ручками чернофигурного килика. 520–510 гг. до н. э. Назарчук 1986. С. 127. С. 74.

207. Лебедь между двумя курами. Аттический чернофигурный килик. 525–500 гг. до н. э. АНО. С. 160. № 245.

208. Голова лебедя. Пластинки из слоновой кости для украшения мебели. VI–IV вв. до н. э. Ольвия, Херсонес, Пантикапей, Мирмекий. Соколовский 1971. С. 92-95. Табл. 3, 2-7; 4, 1 и 12; ГСА. Р. 66. № 111, 117.

209. Голова лебедя. Окончание ручки бронзового ситечка. Первая половина V в. до н. э. Нимфей. Силантьева 1959. С. 64. Рис. 34,2; АХБ. № 39.

210. Голова лебедя. Окончание ручки бронзового ситечка. V в. до н. э. Ольвия. Козуб 1974. С. 75. Рис. 30.

211. Голова лебедя. Окончание ручки бронзового киафа. V в. до н. э. Ольвия. Козуб 1974. С. 75. Рис. 29.

212. Лебедь. Аттический краснофигурный лекиф. V в. до н. э. Пантикапей. СВА 2003. Р. 50. Pl. 45, 7.

213. Пантеры, преследующие лебедя и зайца. Краснофигурное рыбное блюдо. Рубеж V–IV вв. до н. э. Тамань. ОАК 1913-15. С. 145. Рис. 228.

214. Лебедь. Два краснофигурных лекифа. Начало IV в. до н. э. Феодосия. Вдовиченко 2003. С. 98. № 68, 69.

215. Лебедь. Два краснофигурных лекифа. Первая половина IV в. до н. э. Херсонес. Белов 1976. С. 115. Рис. 3; Зедгенидзе 1978. С. 74.

216. Лебедь. Краснофигурный лекиф. Первая половина IV в. до н. э. Пантикапей. Капошина 1959. С. 125. Рис. 19.

217. Лебедь около купальщиц. Краснофигурная пелика. 360–350 гг. до н. э. Пантикапей. ОАК 1905. С. 64. Рис. 81; UKV. № 494.

218. Афродита на лебеде. Две краснофигурных пелики. IV в. до н. э. Пантикапей. ОАК 1875. Табл. 3; ОАК 1877. С. 246; UKV № 395; RCA Р. 60. № 4, 5.

219. Афродита на лебеде. Золотой медальон. Конец IV – начало V в. до н. э. Елисаветовское городище на Нижнем Дону. Вахтина 1988. С. 92-95.

220. Летящий лебедь. Эмалевая подвеска к золотым серьгам эллинистического периода. Пантикапей. РД. С. 57-58. Рис. 76.

221. Афродита на лебеде. Известняковая стела. II в. до н. э. Пантикапей. Вальдгауэр 1922. С. 212; КБН № 75.

См. также № 23, 92, 113.

Сова

222. Сова. Монеты Никония. 470–460 гг. до н. э. Анохин 1989. № 400–402.

223. Сова на щите Афины. Краснофигурный килик. Середина V в. до н. э. Ольвия. ОАК 1903. С. 19. Рис. 16.

224. Сова с раскрытыми крыльями. Монеты Синдской гавани. 433–423 гг. до н. э. Анохин 1986. № 43.

225. Сова между оливковыми ветвями. Два аттических краснофигурных скифоса. Вторая половина V в. до н. э. Пантикапей. Лосева 1962. С. 178. Рис. 5, 3; Она же. 1984. С. 118. Рис. 48.

226. Сова между оливковыми ветвями. Два краснофигурных скифоса. Вторая половина V в. до н. э. Тамань. На краю ойкумены 2002. № 21, 22.

227. Сова между оливковыми ветвями. Два краснофигурных скифоса. Вторая половина V в. до н. э. Ольвия. ОАК 1890. С. 101. Рис. 174; Виноградов, Русяева 1980. С. 23. Рис. 5, 4.

228. Сова между оливковыми ветвями. Краснофигурный скифос. Вторая половина V в. до н. э. Хора Ольвии. Крыжицкий 1989. С. 131. Рис. 50, 8.

229. Сова между оливковыми ветвями. Два краснофигурных скифоса. Рубеж V–IV вв. до н. э. Херсонес, Керкинитида. Зедгенидзе 1978. С. 73. Рис. 4, 3; Кутайсов 1990. С. 34–39.

230. Сова между оливковыми ветвями. Три краснофигурных скифоса. Рубеж V–IV вв. до н. э. Пантикапей. Масленников, Розов 1990. Рис. 1, 16–19.

231. Сова. Аттическая монета из Ольвии. 135 г. до н. э. Карышковский 1964. С. 131–134.

Водоплавающие птицы (утка и гусь)

232. Гусь и грифон. Ионийский динос. Третья четверть VII в. до н. э. Ольвия. Фармаковский 1914. С. 16. Табл. 1, 1; Копейкина 1976. С. 138. Рис. 4.

233. Гуси, идущие друг за другом. Родосская ойнохоя. Последняя четверть VII в. до н. э. Березань. Скуднева 1960. С. 162. Рис. 10.

234. Водоплавающая птица. Ионийский килик. Последняя четверть VII в. до н. э. Березань. Копейкина 1986. С. 28. Рис. 2, 6.

235. Идущие гуси. Ионийский динос. Начало VI в. до н. э. Березань. Борисфен 2005. № 15.

236. Гусь между двумя фантастическими птицами с серповидными крыльями. Коринфский арибалл. 570 гг. до н. э. Березань. На краю ойкумены 2002. С. 20. №.3.

237. Идущие друг за другом гуси. Милетская амфора. Середина VI в. до н. э. ББ. 2005. № 109.

238. Водоплавающие птицы. Крышки двух чернофигурных лекан. Вторая четверть VI в. до н. э. Ольвия. АНО. С. 82. № 122; С. 92. № 134.

239. Водоплавающие птицы и ныряющие дельфины. Хиосский кубок. Вторая четверть VI в. до н. э. Березань. Скуднова 1957. С. 136. Рис. 9.

240. Летящая утка и рыба. Золотой перстень. IV в. до н. э. Пантикапей. Неверов 1983. С. 48. Рис. 4, 1.

241. Утки и головы оленей. Тканый узор на одежде. IV в. до н. э. Шестой Семибратний курган. Герцигер 1973. С. 78-79. Рис. 8, 9.

242. Летящая утка. Бронзовый перстень эллинистического времени. Ольвия. Парович-Пешикан 1974. С. 102. Рис. 91, 1.
См. также № 99, 100.

Цапля

243. Цапля и кузнечик. Инталия на яшме. V в. до н. э. Фанагория. Неверов 1973. С. 53. Рис. 1, 6; Он же. 1976. № 19.

244. Летящая цапля. Инталия на голубом халцедоне с подписью Дексамена. 430–420 гг. до н. э. Неверов 1973. С. 53. Рис. 1, 5; Он же. 1976. № 20.

245. Летящая цапля. Золотой перстень. Начало IV в. до н. э. Пантикапей. Неверов 1973. С. 58-59; Он же 1983. С. 47.

246. Стоящая цапля. Инталия на халцедоне. IV в. до н. э. Феодосия. Неверов 1973. С. 59. Рис. 3, 6; Он же 1983. С. 48.

Журавль

247. Журавль среди женщин в гинекее. Краснофигурная гидрия. Середина V в. до н. э. Пантикапей. CVA. 2001. P. 32. Tab. 29.

248. Журавль с червяком в клюве между двумя женщинами. Краснофигурная амфора. Третья четверть V в. до н. э. Ольвия. ОАК 1902. С. 7. Рис. 4; Козуб 1974. С. 59-60.

249. Битва журавлей и пигмеев. Пять краснофигурных пелик. Вторая половина IV в. до н. э. Пантикапей. Шталь 1989. С. 87-90; UKV № 383, 450, 451.

250. Пигмей, сражающийся с двумя журавлями. Краснофигурная пелика. Вторая половина IV в. до н. э. Пантикапей. CVA 2003. P. 24. Pl. 14.

251. Пигмей, сражающийся с журавлями. Краснофигурная пелика. Вторая половина IV в. до н. э. Феодосия. Шталь 1989. С. 90.

252. Журавль и маленькая птица в гинекее. Краснофигурная пелика. IV в. до н. э. Тамань. ОАК 1865. С. 112. Табл. 4, 3.

253. Журавль, сражающийся с пигмеем. «Мегарская» чаша. Эллинистический период. Ольвия. Zahn 1908. S. 74-76.

Редко встречающиеся изображения птиц

254. Ласточки. Две ионийские тарелки. Третья четверть VII в. до н. э. Березань. Копейкина 1970. С. 199; Борисфен 2005. № 14.

255. Две куропатки. Бронзовый перстень. IV в. до н. э. Пантикапей. ОАК 1875. Табл. 2; Неверов 1986. С. 22.

256. Перепел около юноши. Краснофигурный сосуд. IV в. до н. э. Пантикапей. ОАК 1869. С. 189. Табл. 4, 19.

Дельфин

257. Ныряющие дельфины. Хиосский канфар. 575–550 гг. до н. э. Березань. Ильина 2005. С. 101. № 129; Борисфен 2005. № 96.

258. Дельфины. Изображения под ручками чернофигурных киликов. Вторая половина VI в. до н. э. Ольвия. Леви 1964. С. 157; АНО. С. 38. № 10; С. 52. № 50.

259. Дельфины. Изображение под ручками чернофигурного килика. Вторая половина VI в. до н. э. Пантикапей. Сидорова 1992. С. 225.

260. Ныряющие дельфины. Фриз чернофигурного килика. Вторая половина VI в. о н. э. Хора Ольвии. Крыжицкий и др., 1989. С. 62. Рис. 22, 6.

261. Два ныряющих дельфина. Крышка чернофигурной пиксиды. Третья четверть VI в. до н. э. ББ. 2005. № 151.

262. Монеты-дельфины. Третья четверть VI–V в. до н. э. Ольвия. Карышковский 1988. С. 34-40; Анохин 1989. С. 8-10.

263. Два дельфина. Самосский аск. Конец VI в. до н. э. Ольвия. АНО. С. № 167.

264. Два дельфина. Электровая монета Кизика из клада в Мирмекии. 500- 460 гг. до н. э. Абрамзон и др. 2006. С. 16, 21.

265. Юноша верхом на дельфине. Электровая монета Кизика из клада в Мирмекии. 500- 460 гг. до н. э. Абрамзон и др. 2006. С. 22.

266. Посейдон, держащий в одной руке дельфина, в другой – трезубец. Электровая монета Кизика из клада в Мирмекии. 500–460 гг. до н. э. Абрамзон и др. 2006. С. 26.

267. Два дельфина, Тритон и nereида. Краснофигурный оксибаф. V в. до н. э. Ольвия. ИАК. № 13. С. 188-189. Рис. 144, 145.

268. Дельфин и орел. Эмблема Ольвии на монетах и гирях V–II вв. до н. э. Ср. № 183, 184.

269. Дельфин, каракатица и четыре рыбы. Аттическое краснофигурное рыбное блюдо. Рубеж V–IV вв. до н. э. Пантикапей. ОАК 1902. С. 53. Рис. 95.

270. Дельфины среди других морских обитателей в сцене мифа о похищении Европы. Краснофигурные рыбные блюда из некрополей Боспора. Первая четверть IV в. до н. э. ОАК 1866. С. 79-83; ОАК 1880. С. 106-108; АМ. № 48; UKV № 55-59; Barringer 1991. № 1-6.

271. Дельфин, везущий Амфитриту к Посейдону. Краснофигурная пелика. Середина IV в. до н. э. Пантикапей. ДБК. Табл. 61; UKV. № 413.

272. Дельфин в сцене спора Афины с Посейдоном. Гидрия с накладными рельефами. Середина IV в. до н. э. Пантикапей. Ср. № 106.

273. Дельфины, рыбы и морское чудовище. Золотой перстень. Середина IV в. до н. э. Павловский курган близ Пантикапея. ОАК 1859. С. 122. Табл. 3; ГЗ. С. 171. № 108.

274. Посейдон на дельфине. Две золотые бляшки. IV в. до н. э. Пантикапей. На краю ойкумены 2002. С. 50. № 148, 149.

275. Дельфины у ног Фетиды. Золотые серьги-подвески. 330–300 гг. до н. э. Курган Большая Близница близ Фанагории. ОАК 1865. Табл. 2, 1; ГЗ. № 120.

276. Дельфин. Изображения на монетах Херсонеса. IV–III вв. до н. э. Анохин 1977. № 17, 21, 22, 80, 82-90, 95-105.

277. Дельфин. Изображения на монетах Ольвии. IV–II вв. до н. э. Анохин 1989. № 121-123; 217-228, 237-242; 333.

278. Дельфин. Ольвийские весовые гири. III в. до н. э. Крапивина 1980. № 1, 3, 6, 7, 9.

279. Дельфин с Эротом на спине. Терракота III в. до н. э. Херсонес. Белов 1970. С. 74. Табл. 21, 8.

280. Дельфины. Фризы на «мегарских» чашах. III–II вв. до н. э. Пантикапей. Забелина 1984. С. 170.

281. Дельфины. Фриз на «мегарской» чаше. III–II вв. до н. э. Тира. Самойлова 1984. С. 121. Рис. 1, 8.

282. Дельфины. Фриз на «мегарской» чаше. III–II вв. до н. э. Херсонес. Хлыстун 1996. С. 155.

283. Дельфины. Фризы на «мегарских» чашах. III–II вв. до н. э. Ольвия. Леви 1964. С. 248. Рис. 12; Zahn 1908. S. 62, 64, 66. № 20, 21 23.

284. Два дельфина и трезубец. Монеты Пантикапея. Последняя четверть III – первая половина II в. до н. э. БЦ. С. 583, 584. Табл. 2, 31, 32, 34.

285. Дельфины. Фриз на пергамском лутерии. Начало II в. до н. э. Пантикапей. Забелина 1992. С. 292.

286. Дельфин с Эротом на спине. Терракота II в. до н. э. Фанагория. Кобылина 1961. С. 93, 94. Табл. 13, 2.

287. Дельфин у ног Афродиты. Терракоты эллинистического времени. Пантикапей. Кобылина 1961. С. 80. Табл. 9, 2; 10, 1-2; Финогенова 1992. С. 293. Рис. 6 а.

288. Дельфин на реверсе и Посейдон на аверсе монет Пантикапея. Конец I в. до н. э. Анохин 1986. № 279.

Рыбы

289. Тунец. Ионийский кратер. Середина VI в. до н. э. Тиритака. Шмидт 1952. С. 228. Рис. 1, 5.

290. Тунец. 99 электроновых монет Кизика из клада в Мирмекии. VI–V вв. до н. э. 500–460 гг. до н. э. Абрамзон и др. 2006. С. 14-29.

291. Осетр. Монеты Керкинитиды. Вторая половина V в. до н. э. Кутайсов 1991. С. 46, 64. Рис. 2; Stolba 2003. P. 119.

292. Осетр. Монеты Пантикапея. Конец V – начало III в. до н. э. БЦ. Табл. 1. № 18, 23; Табл. 2. № 26; Анохин 1986. № 67-69; 81, 111, 125; Stolba 2003. P. 121-123.

293. Юноша, сидящий на тунце, и креветка. Золотой перстень. IV в. до н. э. Пантикапей. ОАК 1859. Табл. 3; Неверов 1986. С. 21.

294. Рыба. Монеты Херсонеса. IV в. до н. э. Анохин 1977. № 1-12; 23-25; Stolba 2003. P. 119.

295. Разные породы рыб. Краснофигурные рыбные блюда. Первая половина IV в. до н. э. Пантикапей, Нимфей, Фанагория. ОАК 1866. С. 79-83; ОАК 1880. С. 106-108; Циммерман 1979; UKV № 55-59; Barringer 1991. № 1-6; CVA 2001. Pl. 42.

296. Рыбы и рак. Краснофигурное рыбное блюдо. Первая половина IV в. до н. э. Пантикапей. Циммерман 1979. С. 74. № 222.

297. Рыбы. Краснофигурное рыбное блюдо. Первая половина IV в. до н. э. Ольвия. Vogell 1908. Taf. 5, 1.

298. Рыбы (кефаль, султанка, ерши). Краснофигурные рыбные блюда. Первая половина IV в. до н. э. Херсонес. ОАК 1903. С. 32. Рис. 34; Белов 1938. С. 237; Зедгенидзе 1978. С. 75. Рис. 2, 1.

299. Пять больших и шесть маленьких рыб. Краснофигурное рыбное блюдо. Первая половина IV в. до н. э. Тамань. ОАК 1913-15. С. 145. Рис. 228; Циммерман 1979. С. 84.

Осьминоги и каракатицы

300. осьминог. Обломки клазоменских сосудов. Середина VI в. до н. э. Березань. Копейкина 1979. С. 15. Рис. 12; С. 17. Рис. 13.

301. осьминог. Обломки чернофигурных сосудов. Вторая половина VI в. до н. э. Ольвия. ИАК № 13. С. 187. Рис. 143; ИАК № 33. С. 122. Рис. 31.

302. осьминог. Самосский аск. 530 гг. до н. э. Ольвия. АНО. С. 53. №. 51; Копейкина 1979. С. 16. Рис. 15.

303. Осьминог среди других морских обитателей. Краснофигурные рыбные блюда. Первая половина IV в. до н. э. Пантикапей. Циммерман 1979. С. 68. № 200; С. 76. № 131; С. 81. № 150.

304. Каракатица среди других морских обитателей. Краснофигурные рыбные блюда. Первая половина IV в. до н. э. Пантикапей. Циммерман 1979. С. 68- 72. № 202, 204, 215; С. 76. № 128; С. 79. № 141, 142; С. 81. № 150.

Морские коньки, звезды, раковины

305. Морской конек среди других морских обитателей. Два краснофигурных рыбных блюда. Первая половина IV в. до н. э. Пантикапей. Циммерман 1979. С. 82. № 154, 155.

306. Морская звезда среди других морских обитателей. Краснофигурные рыбные блюда. Первая половина IV в. до н. э. Пантикапей. UKV № 58; Barringer 1991. № 5.

307. Раковины среди рыб и других морских обитателей. Краснофигурные рыбные блюда. Первая половина IV в. до н. э. Пантикапей. UKV № 58; Barringer 1991. № 5; Лосева 1962. С. 176. Рис. 5, 1.

308. Раковины. Золотые подвески- амулеты. Два ожерелья. III в. до н. э. Пантикапей. Depert- Lippitz 1985. S. 219, 252. Abb. 155, 186.

309. Креветка. Клеймо на родосской амфоре. III в. до н. э. Ольвия. Леви 1964. Табл. 22.

310. Морской конек. Золотая бляшка. III–II в. до н. э. Херсонес. Пятышева 1956. С. 13. Табл. 3, 6.

Насекомые

311. Саранча на виноградной ветке. Чернофигурная гидрия. Вторая половина VI в. До н. э. ББ. 2005. № 125.

312. Саранча и виноградная лоза. Ионийский кратер. Вторая половина VI в. до н. э. Березань Борисфен 2005. № 65.

313. Скарабей. Каменные печати. VI–V вв. до н. э. Ольвия, Пантикапей. АГСП. 1984. Табл. 169, 1-3.

314. Скарабей. Пронизи из египетского фаянса. VI–V вв. до н. э. Березань, Ольвия. Скржинская 1986. С. 120-121.

315. Муравей. Изображения на монетах Пантикапея и Феодосии. V в. до н. э. Анохин 1986. № 13, 25, 28, 41, 50, 66.

316. Кузнечик. Резная инталия. V в. до н. э. Курган Малая Близница. (Тамань). ОАК 1882-88. С. 74. Табл. 7; Неверов 1983 С. 47. Рис. 3, 15.

317. Цикада. Костяной амулет-подвеска к ожерелью. IV в. до н. э. Ольвия. МИА. № 50. Рис. 40.

318. Скарабей. Золотая печать. 330–300 гг. до н. э. Курган Большая Близница (Тамань). ОАК 1865. Табл. №, 24; Неверов 1983. С. 51; ГЗ. № 126.

319. Эрот, ловящий бабочку. Камень в золотом перстне. III в. до н. э. Артюховский курган (Тамань). Максимова 1979. С. 66. Рис. 19; Неверов 1983. С. 110.

320. Подвеска-бабочка. Начало II в. до н. э. Ольвия. Hoffmann, Davidson 1966. P. 142; Скржинская 1994. С. 22. Рис. 1, 4.

321. Ожерелье с бабочкой. Первая половина II в. до н. э. Ольвия. Орешников 1894. С. 9; Скржинская. 1994. С. 21. Рис. 1, 2; Oliver. 1979. P. 56.

322. Ожерелье с бабочкой. I в. до н. э. Ольвия. Deppert- Lippitz 1985 S. 283. Abb. 215; Скржинская. 1994. С. 18. Рис. 1б.

323. Ожерелье с бабочкой. I в. до н. э. Херсонес. АП. № 148; Скржинская 1994. С. 122-123. Рис. 2, 1; Ruxer, Kubczak. 1972. S. 183.

Пресмыкающиеся

324. Змеи на голове Медузы Горгоны. Терракотовый акротерий. Середина VI в. до н. э. Ольвия. Русяева 1988. с. 43-44.

325. Головки змей. Окончания спиралевидных подвесок. Конец VI – начало V вв. до н. э. Березань, Боспор. Силантьева 1976. С. 125-129; Скржинская 1986. С. 116.

326. Змея, выползающая навстречу женщине, стоящей у источника. Краснофигурная гидрия. Конец VI- начало V вв. до н. э. Нимфей. Худяк 1952. С. 260. Рис. 20; ДГН. № 38.

327. Змеи в руках бегущей Медузы Горгоны. Халцедоновая инталия. V в. до н. э. Пантикапей. ОАК 1860. С. 88. Табл. 4; Неверов 1976. № 16.

328. Две извивающиеся змеи. Краснофигурная пиксида. V в. до н. э. Пантикапей. ИАК № 56. С. 5.

329. Змеи у головы Медузы. Золотые нашивные бляшки. V- IV вв. до н. э. Пантикапей. На краю ойкумены 2002. № 157, 159.

330. Змея, обвивающаяся вокруг лука и стреляющая из него. Золотой перстень. IV в. до н. э. Пантикапей. ОАК 1861. Табл. 6; Неверов 1986. С. 21.

331. Змея, обвивающая оливковое дерево. Краснофигурная гидрия со сценой спора Афины и Посейдона. 350–340 гг. до н. э. Пантикапей. См. № 106.

332. Змея около ложа пирующего бога. Мраморная стела ситонов. Третья четверть III в. до н. э. Ольвия. НО. № 72.

333. Змея, свернувшаяся в спираль. Две пары золотых браслетов. II в. до н. э. Артюховский курган. Максимова 1979. С. 62. Рис. 17.

334. Змея, свернувшаяся в спираль. Золотой перстень. II в. до н. э. Артюховский курган. Максимова 1979. С. 64. Рис. 19.

335. Змея, свернувшаяся в спираль. Золотые перстни эллинистического периода. Боспор. ДБК. Табл. 8, 10; ОАК 1869. Табл. 1, 19-20; ОАК 1882-88. Табл. 2, 6, 16; ОАК 1894. С. 61. Рис. 83.

336. Змея, свернувшаяся в спираль. Золотой браслет эллинистического периода. Пантикапей. ДБК. Табл. 18, 11.

337. Свернувшиеся змеи. Костяной алтарик эллинистического времени. Ольвия. Русяева 1979. С. 34. Рис. 16.
См. также № 40.

338. Черепаха. Терракота. Начало V в. до н. э. Березань. Скуднова 1970. С. 31. № 6. Табл. 8, 5.

339. Черепаха. Терракоты. Начало V в. до н. э. Ольвия. Леви, Славин. 1970. Табл. 11, 5; 28, 9.

340. Черепаха. Терракота. Начало V в. до н. э. Пантикапей. Кобылина 1961. С. 51. Табл. 6, 3.

341. Черепаха. Рельеф на гире эллинистического периода. Ольвия. Крапивина 1988. С. 191. №. 8. Рис. 1, 5.

V. Фантастические существа в культуре, искусстве и религии

Каждый эллин с детских лет имел определенные представления о разнообразных фантастических существах и в той или иной мере верил в их реальность. Они издавна играли заметную роль в греческом фольклоре и литературе, а их изображения часто встречались в монументальном и прикладном искусстве. Так было и в античных городах Северного Причерноморья. В школе каждый мальчик учил поэмы о Троянской войне и судьбе ее героев; в них появлялись сирены, nereиды, кентавры и другие не встречавшиеся в реальной жизни персонажи; в популярном у всех эллинов цикле мифов о Геракле герой сражался с кентаврами, в рассказах о богах сатиры сопровождали Диониса, а грифоны служили Аполлону. Народная фантазия составляла эти существа из частей тела человека и животного или соединяла в целое не совместимые в реальности части разных зверей.

Подобно настоящим животным, они обитали на суше, небе и в воде, но не в пределах хорошо известной ойкумены, а на неизведанных окраинах земли у границы с потусторонним царством или в обществе небесных и подземных богов. Это, по верованиям эллинов, давало таким существам возможность осуществлять некую связь между реальным и потусторонним мирами; поэтому легенды о многих фантастических существах вспоминали во время погребальных обрядов, и не случайно множество интересующих нас произведений искусства находились в некрополях.

В уцелевших эпиграфических и письменных источниках о Северном Причерноморье фантастические существа практически не упоминаются, но многочисленные их изображения на местных и привозных памятниках показывают, что в культуре и религии им уделялось здесь не меньше внимания, чем в Элладе и других ее колониях. Поэтому записи ряда древних авторов можно привлечь для исследования этой темы и для интерпретации смысла, заложенного художниками в их произведения. Среди изображений, привлеченных для предлагаемого исследования, первое место по количеству занимает свита Диониса.

1. Спутники Диониса

Дионис, бог вина и плодоносящих сил природы, входил в число самых почитаемых эллинами божеств. Ведь выращивание винограда и производ-

ство вина было одной из важнейших отраслей сельского хозяйства в большинстве древнегреческих государств, а разбавленное водой вино составляло непереносимый компонент ежедневной и праздничной еды эллинов. Поэтому греческие колонисты, поселившиеся в Северном Причерноморье в конце VII–VI вв. до н. э., стали акклиматизировать здесь виноград, и вскоре виноградники появились на Таврическом полуострове; в Нижнем Побужье и Поднестровье этот процесс занял гораздо больше времени. Огромное количество обломков амфор, основной тары для вина, наполняют все слои античных городищ; вместе с остатками виноделен они указывают, что в Северном Причерноморье на протяжении всей античности греки много пили вина как местного производства, так и привезенного из Эллады и южного Причерноморья¹.

В древности имелось множество сортов вин, различавшихся по своим качествам и стоимости, так что вино было доступно семьям с разным достатком. Поэтому неудивительно, что во всех античных государствах греки испытывали благодарные чувства к Дионису, чтили бога и его спутников, приносили им различные жертвы, устраивали в их честь разнообразные празднества, любили мифы с их участием и часто изображали бога и его свиту в прикладном и монументальном искусстве.

По верованиям эллинов, Дионис, называемый также Вакхом, научил людей возделывать виноград и делать из него вино. В древнегреческом фольклоре, литературе и искусстве Дионис нередко появлялся в сопровождении фантастических существ: сатиров, силенов, Пана и вакханок, называвшихся также менадами. Написано немало научных трудов о культе этого бога и его праздниках в античных государствах Северного Причерноморья², но о спутниках бога исследователи упоминают лишь вскользь, не выделяя их особые черты. Между тем они играли заметную роль не только в мифах, но и в праздничных ритуалах, известных каждому эллину. Отсутствие письменных и эпиграфических источников о роли спутников Диониса в религии и культуре греков, живших на северном краю ойкумены, казалось бы, ставит в тупик исследование этой темы, но памятники искусства в сочетании с сообщениями античных авторов об общих для всех греков

¹ *Винокуров Н.И.* Виноделие античного Боспора. М., 1999; *Он же.* Античная виноделие в Северном Причерноморье // Боспорские исследования. Вып. 3. Симферополь, 2002.

² *Кузина Н.В.* Культ Диониса и его роль в идеологии античных государств Северного Причерноморья // Из истории античного общества. Вып. 11. Нижний Новгород, 2008. С. 92-117; *Скржинская М.В.* Древнегреческие праздники в Элладу и Северном Причерноморье. Киев, 2009. С. 120-162. В этих работах приведена обширная библиография.

верованиях дают возможность, на наш взгляд, в известной мере осветить этот вопрос.

Разнообразные свидетельства о праздновании Дионисий имеются во всех более или менее крупных городах Северного Причерноморья³. На таких празднествах многие приходили в «дионисийское безумство», которое вызывалось питьем вина, криками, прославляющими бога, зажигательной музыкой и танцами. С начала V в. до н. э. (а возможно и раньше) шествия поклонников Диониса проходили по улицам Ольвии, о чем известно из «Истории» Геродота (IV, 79). Со слов ольвиополитов он записал новеллу о скифском царе Скиле, имевшем собственный дом в Ольвии; царь был посвящен в таинства Диониса и в вакхическом иступлении ходил по улицам города в процессии адептов бога. Во время подобных шествий и других праздничных ритуалов их участники восклицали *εὐαῖ*. Этот возглас, известный по упоминаниям античных авторов, звучал и в Северном Причерноморье, о чем свидетельствуют два граффити на зеркале из Ольвии и на сосуде из Феодосии⁴.

Многие мужчины и женщины на праздниках Диониса, надевая маски и костюмы спутников бога, чувствовали себя вакхантами, перевоплотившись в этих персонажей, и вели себя так же раскованно и безумно, как об этом рассказывалось в мифах о сатирах, силенах и менадах. Круг этих преданий в Северном Причерноморье можно в общих чертах представить, используя многочисленные археологические находки из раскопок Боспора, Херсонеса, Ольвии, Тиры и Никония.

Старый Силен, согласно разным преданиям, был любимым спутником Диониса с его младенческих лет. В одном из вариантов мифа о детстве Диониса рассказывалось, что Зевс велел Гермесу отнести новорожденного сына на гору Ниса и передать на воспитание Силену и нимфам. Сюжет этого мифа пользовался популярностью в античном искусстве. Сохранились аттические вазы с подобной росписью и несколько римских копий с исполненной в III в. до н. э. статуи Силена с маленьким Дионисом на руках (рис. 75)⁵. Эта композиция изображена на терракотовой статуэтке, найденной в окрестностях Ольвии, и на крышке краснофигурной леканы из Пантикапея (№ 15, 24). В других сказаниях говорилось, что Силен постоянно сопровождал своего воспитанника и даже помог ему во время битвы богов с гигантами (Eur. Cycl. V. 1-8; Diod. Sic. IV, 4).

³ Скржинская М.В. Указ. соч. С. 126-139.

⁴ Там же С. 129, 133.

⁵ Винтер Б.Р. Искусство древней Греции. М., 1972. С. 257. Рис. 284; Boardman J. Athenian Red Figure- Vases. The Classical Period. London, 1997. № 22, 126.

Силены известны по произведениям античных писателей и художников с начала VI в. до н. э. Они были богами плодородия и стихийных сил природы и имели миксантропический облик: торс человека с конскими ногами и хвостом. Их безобразные лица отличались приплюснутым носом, толстыми губами, глазами навыкате и звериными остроконечными ушами. Постоянным признаком служил также большой фалос, символ плодородия; он напоминал многочисленные рассказы о взаимоотношениях силенов и нимф. В приписанном Гомеру гимне Афродите (IV, 262-263) говорится, что силены в своих пещерах заключают в объятия горных нимф; Пиндар (fr. 156) описывал их взаимоотношения с нимфами и любовь к танцам. Этому соответствуют многочисленные совместные изображения этих персонажей, но лишь на вазе Франсуа, сделанной в 70-е годы VI в. до н. э., есть надпись, указывающая их наименование⁶. Вазописец Клитий нарисовал трех силенов и четырех нимф, следующих за Гефестом, который в сопровождении Диониса и его свиты возвращается на Олимп. Художник изобразил силенов боролатыми с лошадиными ногами и хвостами и с большим торчащим фаллосом. Один из них тащит на спине мех с вином, другой играет на аулосе, третий несет на руках нимфу⁷. Подобные изображения силенов встречаются и на памятниках искусства из Северного Причерноморья. Силен с нимфой на руках украшает печать из агата, принадлежавшую жителю Пантикапея в VI в. до н. э. (№ 6), а бегущий силен с мехом за плечами нарисован на тулове чернофигурной ольпы из Ольвии (рис. 76; № 3).

Во второй половине VI в. до н. э. многие художники уже не снабжали силенов звериными ногами, оставив им лишь хвосты и большие уши. Судя по сохранившимся памятникам искусства, греки в Северном Причерноморье представляли силенов именно такими, потому что так они выглядели на привозных расписных вазах, монетах, терракотах и украшениях (№ 1-29). По большей части Силен представляли одного. Греки считали его большим любителем вина, поэтому изображали либо с винным мехом (№ 3), либо наливающим или пьющим вино из чаши или прямо из амфоры (№ 5, 12, 14). Иногда его рисовали пьяным, лежащим в изнеможении (рис. 77; № 9); от пьянства и старости он плохо держался на ногах и потому ездил на муле и на козле (№ 7, 25).

Силены были героями нескольких мифов и постоянно появлялись на сцене греческих театров в сатирических драмах V–IV вв. до н. э. Одна терракотовая маска силен из Пантикапея, вероятно, воспроизводит теат-

⁶ Hedreen G. Silens, Nymphs and Maenads // JHS. V. 114. 1994. P. 47-48.

⁷ Boardman J. Athenian black figure Vases. London, 1985. № 46, 7; LIMC. Bd. 8. S. 1113. № 22.

ральную маску (рис. 78; № 20). По уцелевшим произведениям античной литературы сейчас известны мифы о силене- музыканте Марсии, о мудром Силене в гостях у царя Мидаса и о Силене, воспитателе и спутнике Диониса. Иллюстрации этих мифов есть на аттических вазах, расписанных выдающимися художниками. Их покупали зажиточные граждане Ольвии, Херсонеса и Боспора, и это показывает, что здесь знали упомянутые мифы.

Сцены из предания о Марсии, осмелившимся состязаться с Аполлоном, украшают две вазы из Пантикапея и Херсонеса (рис. 79, 80). В античной литературе с некоторыми вариантами рассказывается о том, как Афина изобрела аулос, духовой музыкальный инструмент, состоявший из двух трубок и по звучанию похожий на современный гобой. Богиня, увидев, что при игре на нем некрасиво искажается лицо, бросила неудачный инструмент, и его подобрал Марсий. Он научился прекрасно на нем играть и, считая себя замечательным музыкантом, вызвал на состязание Аполлона, но судьи отдали первенство богу. Аполлон же в наказание за дерзость казнил Марсия (Apollod. Bibl. I, 4, 2; Paus. I, 24, 1; II, 22, 9; Diod. Sic. III, 58; Ov. Met. VI, 382). Так утверждалось превосходство спокойной струнной музыки, исполнявшейся эллинским богом, по сравнению с экзотическим характером пришедших с востока мелодий; они сопровождали празднества Диониса и Кибелы, в свиту которых входили силены. Однако, мелодии для аулоса, авторство которых приписывалось Марсию, пользовались успехом в V–IV вв. до н. э. (Plat. Symp. 215 e).

Краснофигурная пелика из Пантикапея с картиной состязания Аполлона и Марсия (№ 17) расписана в третьей четверти IV в. до н. э. выдающимся не известным по имени художником; его кисти принадлежат несколько vaz, и в научной литературе он получил по этому произведению наименование Мастера Марсия. В центре композиции стоит нарядно одетый Аполлон, к нему подлетает Ника, символизирующая победу бога, а рядом сидит Марсий, уронив свой аулос (рис. 79). На фрагменте кратера из Херсонеса победивший силена Аполлон представлен, играющим на лире (№ 18).

В других преданиях у силена нет особого имени. Элиан в «Пестрых рассказах» (III, 18) со ссылкой на Феопомпа, хиосского историка IV в. до н. э., изложил легенду о фригийском царе Мидасе, который велел поймать Силена, и тот рассказал ему об удивительных странах, расположенных за пределами греческой ойкумены. Здесь Силен представал мудрым и осведомленным во многих областях знаний. Недаром философа Сократа, некрасивого и похожего на изображения силена, сравнивали с этим мифическим персонажем (Plat. Symp. 215 a; Xen. Symp. IV, 19). Следуя этой давней традиции, Вергилий в шестой Эклоге вложил в уста Силена историю древней космогонии.

Рисунки на вазах показывают, что подобные рассказы о Мидасе и Силене появились в архаический период. На чернофигурной пелике из Пантикапея (№ 1) представлен связанный Силен, которого воины ведут к Мидасу (рис. 80). У ног Силена находится пантера, священное животное Диониса, она напоминает о тесной связи Силена с Дионисом. О постоянном спутнике бога вина напоминают картины на чернофигурных лекифе, килике и ольпе из Ольвии (рис. 81; № 2, 8, 10).

Уже в архаический период образы силенов и сатиров, также входивших в свиту Диониса, стали объединяться. Об их тождестве можно судить по одной из глав «Пира» Платона (221 е), называвшего Сократа то силеном, то сатиром. Павсаний (I, 23, 5) писал, что силенами называют сатиров, достигших преклонного возраста. В эллинистический период дорогую мебель часто украшали костяными пластинками с изображением головы пожилого силена (№ 23). Такие пластинки есть в коллекциях материалов из раскопок Пантикапея, Нимфея, Тиритаки и Кеп (рис. 82). Здесь найдены также заготовки для этих украшений, поэтому можно утверждать, что их изготавливали на Боспоре⁸.

В сатиловских драмах часто участвовал Паппосилен, «отец сатиров». На дионисийских праздниках в V–IV вв. до н. э. после трагедий разыгрывали такие пьесы; в них хор всегда состоял из сатиров, а корифеем часто выступал Силен. Он был активным действующим лицом в единственной полностью сохранившейся подобной пьесе «Циклоп» и, обращаясь к хору сатиров, называл их своими детьми (Eur. Cycl. v. 82, 97). Этот персонаж в числе других спутников Диониса, изображен на фрагменте мраморного фриза, вероятно украшавшего театр в Пантикапее (№ 19).

Костюм Паппосилена хорошо известен по изображениям на вазах⁹. Один из лучших рисунков такого рода представлен на вазе Пронома, расписанной в начале IV в. до н. э.¹⁰ Вазописец нарисовал актеров, готовящихся играть сатиловскую драму под аккомпанемент знаменитого музыканта Пронома (рис. 83). Его имя, известное по упоминанию Павсания (IX, 12, 4), написано на вазе, и поэтому сейчас она носит такое название. Судя по картине на лицевой стороне сосуда, в пьесе показывали какой-то эпизод из жизни Геракла. Актер, исполнявший его роль, наряду с маской имел характерные атрибуты этого героя: дубинку и наброшенную на плечи шкуру льва.

⁸ *Финогенова С.И.* Художественная кость из Пантикапея // Сообщения Гос. Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. Вып. 7. М., 1984. С. 174-175.

⁹ *Simon E.* Satyr-plays on Vases in Time of Aeschylus // *The Eye of Greece*. London, 1982. P. 142.

¹⁰ *Simon E., Hirmer A.* Die griechischen Vasen. München, 1981. S. 151-158.

Рядом с этим артистом стоит исполнитель роли Паппосилена. В руке у него маска с седыми волосами и бородой, а сам он одет в характерный косматый костюм, закрывающий все тело, а на плечо наброшена шкура пантеры, священного животного Диониса, ставшая атрибутом его спутников (рис. 64). В подобном костюме изображен силен на упомянутом мраморном рельефе из Пантикапея (рис. 85). Несколько артистов на вазе Пронома входили в состав хора сатиров. Их обнаженные тела прикрывают лишь меховые набедренные повязки с привязанными впереди кожаным фаллосом, а сзади – хвостом. Один из них, надев маску, исполняет буйный танец сатира, остальные беседуют между собой, держа маски в руках (рис. 84).

Картины на двух аттических вазах IV в. до н. э. из Пантикапея также связаны с сатиrowsкими драмами. На краснофигурной ойнохое нарисован эпизод из пьесы: сатир подкрадывается к нимфе, беседующей с ребенком-сатиром (№ 55). Сюжет о детстве Диониса из другой пьесы того же жанра украшает крышку краснофигурной леканы (рис. 86; № 15). На то, что это не просто иллюстрация мифа, указывает фигура музыканта, играющего на аулосе. Он облачен в длинный нарядный хитон, характерную одежду аккомпаниатора в театре. Близкую параллель этой фигуре можно увидеть на мозаике II в. до н. э. со сценой обучения актеров, одетых сатирами¹¹. Музыкант стоит той же позе в фас к зрителю и играет на таком же длинном аулосе; он одет в похожий ниспадающий до пола узорчатый наряд, имеющий длинные рукава и круглый открытый ворот, и голова его увенчана пышным венком.

Сюжет пьесы, вдохновившей вазописца, заимствован из мифа о детстве Диониса. Художник изобразил силену, передающего младенца нимфе и рядом поместил атрибуты бога пантеру и виноградную лозу. Остальные персонажи представляют традиционные для вазописи сцены преследования нимф сатирами. Эти мотивы разнообразно обыгрывались на сценах античных театров. Древние художники не воспроизводили в точности ту или иную драматическую сцену, но импровизировали на тему определенной пьесы и связанного с ней мифа. Поэтому наряду с актерами и музыкантами вазописцы включали в свои картины мифических персонажей без театральных костюмов и масок.

В Северном Причерноморье найдено немало терракотовых копий театральных масок силенов и сатиров, и зачастую их трудно разделить. Такие маски, использовавшиеся в различных религиозных ритуалах, были сделаны не только иноземными, но и местными мастерами. Это подтверждается

¹¹ Pfuhl E. Malerei und Zeichnung der Griechen. München, 1923. S. 302. Fig. 686.

находками в Ольвии и Херсонесе форм для терракотовых масок и фигурок силена (№ 22) и подобными изделиями из боспорской глины.

Греки вспоминали одну из ипостасей Диониса в контексте погребального культа, а иногда считали даже владыкой подземного царства¹². В фольклорных рассказах боги плодородия погибают и воскресают подобно умирающим растениям, которые возрождаются из зерен. Так и душа человека, по распространенным у эллинов верованиям, после смерти возрождалась в потустороннем мире. Эти верования, в частности, отражались в том, что в могилы клали изображения Диониса и его спутников, кроме того, их фигурами и масками украшали саркофаги. Таковы многочисленные расписные вазы с дионисийскими сюжетами, найденные в некрополях античных городов Северного Причерноморья, херсонесские мраморные саркофаги римского времени (рис. 87) или набор масок в погребении III в. до н. э.¹³

В вазовой живописи сатиры встречаются чаще прочих спутников Диониса. Обычно их включали в декор сосудов для вина. Античные авторы с осуждением отмечали неспособность сатиров трудиться (Hes. fr. 198, 2), их стремление только развлекаться и удовлетворять непомерные сексуальные желания. Последнее указывает на происхождение сатиров из представлений о демонах плодородия. Дионис также имел функцию бога производящих сил природы, так что сатиры в его свите появились не случайно. Они, по словам Диодора Сицилийского (IV, 5), доставляют богу много радости и удовольствия своими танцами и песнями, а также вызывающими смех повадками.

Эта характеристика сатиров находит множество иллюстраций на вазах из раскопок в Северном Причерноморье. Мы видим сатиров вместе с Дионисом, они играют на разных музыкальных инструментах, чаще всего на аулосе, и танцуют одни или вместе с вакханками (№ 30, 35). Эллины полагали, что сатиры были прекрасными музыкантами, неслучайно на одной амфоре мастера Смикра около фигуры сатира написано слово *τέρπαιλος* (зачаровывающий игрой на аулосе)¹⁴. Музыка, исполнявшаяся на аулосе, сопровождала дионисийские праздники и представления в театре, проходившие во время подобных торжеств. К лучшим подобным изображениям относятся кратер из Никония с картиной дионисийского шествия (рис. 88; № 46) и пелика из Пантикапея, на которой нарисован Дионис и его свита

¹² *Shauenberg K.* Pluton and Dionysos // *Jahrbuch des Deutschen Archäologischer Instituts.* Berlin, 1953. S. 41- 46.

¹³ *Белов Г.Д.* Херсонес Таврический. Л., 1948. С. 76. Табл. 11.

¹⁴ *Лиссарт Ф.* Вино в потоке образов. Эстетика древнегреческого пира. М., 2008. С. 130. Рис. 96.

(рис. 89; № 56). Но иногда сатиров изображали со струнными инструментами, например, на чернофигурном скифосе из раскопок Березани сатир аккомпанирует на лире танцу двух вакханок (№ 39), а на картинах двух кратеров, найденных на Боспоре, сатир играет на барбитоне (№ 47, 48).

Первоначально греки представляли сатиров с безобразными лицами, густо обросшими волосами, со звериными ушами, ногами и хвостом. Но уже в VI в. до н. э. их изображения утрачивают многие зооморфные черты. Обязательным остается лишь хвост, кроме того, у них часто бывают острые звериные уши и небольшие рожки. В V в. до н. э. появляются молодые безбородые сатиры и их маленькие дети. Павсаний (I, 20; 43) описал три статуи юных сатиров, которые в IV в. до н. э. сделал знаменитый скульптор Пракситель. Его мраморный отдыхающий сатир пользовался громкой славой в Элладе и в Риме. До настоящего времени сохранилось несколько десятков копий этой статуи, представлявшей юношу с накинутой на плечи шкурой пантеры и с аулосом в руке (рис. 90). Многие жители Северного Причерноморья регулярно ездили в Элладу с политическими и торговыми целями, и они несомненно видели эту скульптуру и ее копии. Не только у Праксителя, но и у большинства других художников молодые сатиры утратили безобразные черты лица; лишь острые уши и хвост отличали их от человека. Это можно наблюдать на рисунках ваз из раскопок Ольвии, Херсонеса и Боспора.

Среди рассматриваемых изображений сатиров особенно следует выделить золотые, серебряные и медные монеты Пантикапея и Фанагории, выпускавшиеся в IV–III вв. до н. э. (№ 58). Штамп для золотых статов в головной бородатого сатира в фас на аверсе и грифоном на реверсе был сделан превосходным мастером, возможно, специально приглашенным в Пантикапей из Эллады (рис. 91). Первые выпуски монет с изображением сатира ассоциировались не только с этим фантастическим персонажем, но и с именем бопорского царя Сатира, правившего на рубеже V–IV вв. до н. э.¹⁵ При нем и его наследниках культ Диониса на Боспоре занимал выдающееся место в государственной религии, так что изображение сатира, постоянного спутника Вакха, символизировало этого бога. На монетах в течение почти двух столетий появлялись разнообразные головы бородатых и безбородых сатиров, по большей части увенчанных венками из плюща, священного растения Диониса. Лица сатиров представлены чаще всего в профиль и наделены гротескными чертами: широким носом, круглыми глазами, наростом на лбу (рис. 92).

¹⁵ Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора VI–II вв. до н. э. М., 1956. С. 144.

В V в. до н. э. к спутникам Диониса эллины присоединили Пана¹⁶, единственное миксантропическое существо, которое причисляли к младшим богам (Her. II, 145). В сборнике гомеровских гимнов, воспевающих разных богов, один обращен к Пану, названному «козлоногим, двурогим, шумливым», он играет на свирели и танцует в развевающейся рысьей шкуре (XIX, 2, 24). Это соответствует его многочисленным древним изображениям, представляющим человека, одетого в шкуру и имеющего козлиные рога, бороду, ноги и хвост. Считалось, что подобно другим спутникам бога, Пан любит танцевать, но делает это неуклюже, топая ногами, а нимфы смеются, говоря, что он скачет выше, чем нужно, брыкается и прыгает, как козел, но им нравилось танцевать под его музыку (Hom. Hymn. XIX, 19-23; Philostr. Im. II, 11). Вот как Платон написал об этом в одной из своих эпиграмм (AP. IX. 823):

Тише, источники скал и поросшая лесом вершина!
Разноголосый, молчи, гомон пасущихся стад!
Пан начинает играть на своей сладкозвучной свирели,
И, окружив его роем, спешат легконогие нимфы,
Нимфы деревьев и вод, танец начать хоровой.

Перевод Л. Блуменау

По преданию, Пан родился в Аркадии, обитал в горных лесах и был покровителем в первую очередь пастухов, а также охотников и рыболовов. Как и прочие божества плодородия, он обладал повышенной сексуальностью и часто преследовал нимф, но они из-за его безобразного вида в большинстве случаев не отвечали взаимностью. Так неудачей закончилась погоня Пана за нимфой Сирингой, которая предпочла превратиться в тростник, чем оказаться в объятиях козлоногого рогатого божества (Ov. Met. I, 689-712). Из этого тростника он сделал свирель, состоящую из разновеликих полых тростниковых трубок, скрепленных воском, назвал ее по имени нимфы сирингой и постоянно на ней играл (Hom. Hymn. XIX, 45-46). Греческая пастушья свирель стала атрибутом Пана, она присутствует на многих его изображениях. Эллины рассказывали, что Пан, виртуозно играя на сиринге, решил вступить в музыкальное состязание с Аполлоном. Одним из судей этого соревнования был фригийский царь Мидас; зачарованный игрой Пана он отдал ему первенство, за что Аполлон наградил царя ослиными ушами (Ov. Met. XI, 153-179; Hyg. Fab. 191). Некоторые

¹⁶ Boardman J. Athenian red figure vases. Classical period. London. 1997. P. 227, 230. № 168, 382.

вазописцы, иллюстрируя этот миф, рисовали у Мидаса ослиные уши¹⁷. Однако, играть на свирели, как Пан, в древности было для исполнителя высокой похвалой (Theocr. I, 2-3).

Сведения о Пане в античных государствах Северного Причерноморья основываются лишь на его немногочисленных изображениях, которые иллюстрируют круг известных здесь преданий об этом божестве. Древнейший известный нам памятник относится к V в. до н. э.; это костяная статуэтка из Никония (№ 63). Ее вид соответствует описанию внешности Пана в упомянутом гомеровском гимне и у других древних авторов. На голове у него рога, козлиные ноги покрыты густой шерстью, а на груди узлом завязаны концы накинута на тело шкуры; в правой руке он держит плохо сохранившийся предмет, скорее всего сириингу. Статуэтка, вероятно, служила украшением шкатулки¹⁸. К раннему эллинистическому периоду относится серебряный браслет из Ольвии с фигуркой Пана, играющего на сириинге (рис. 93; № 64). Ряд памятников искусства показывает, что греки на северном краю ойкумены знали о включении Пана в свиту Диониса. Таковы картины на двух пеликах и крышке леканы из Пантикапея. Композиция из трех фигур на аттической пелике представляет Пана, танцующего вместе с менадой и сатиром (№ 52), а вторая пелика расписанная боспорским мастером, украшена фигурами играющего на аулосе Пана и двух вакханок, одна из которых держит тимпан (№ 65). Крышка леканы снабжена росписью на распространенную тему преследования нимф Паном и сатирами (№ 15); звериные ноги и большие рога отличают его от сатириров. На рельефе терракотового алтарика из Ольвии Пан стоит рядом с этим богом (№ 66). Терракотовые маски Пана (рис. 94) вместе с масками Диониса и сатириров найдены на Боспоре и в Херсонесе (№ 67-69).

Особо следует выделить рельефное изображение Пана, исполненное местным мастером на известняковой надгробной стеле из Фанагории (№ 70). Мы видим стоящего в позе печали молодого человека, а за ним в верхнем углу плиты находится небольшая фигурка Пана, который, скрестив свои звериные ноги, сидит на алтаре. Наверное, поклонение Пану играло в жизни покойного заметную роль и связано с представлением о его помощи во время военных действий.

Эллины полагали, что Пан способен внушать ужас как отдельным людям, так и целому войску, помогая таким образом победить противника. В античности зародилось понятие панического страха (Polyb. XX, 6, 12; Dion. Hal. V, 16; Dion. Sic. XIV, 32; Plut. Caes. 43), сохранившееся до на-

¹⁷ Там же. № 139.

¹⁸ Секерская Н.М. Античный Никоний и его округа в VI-IV вв. до н. э. Киев, 1989. С.109. Рис. 65, 5.

ших дней. В трагедиях Еврипида панический страх испытывали Медея и Федра (Eur. Med. 1167-1175; Hipp. 141-142); афиняне считали, что Пан, навевая ужас на персов, помог им выиграть Марафонскую и Саламинскую битвы (Her. VI, 105; Eur. Rhos. 36-37; Ain. Tact. 27).

Вероятно, покойный, на могиле которого стояла рассматриваемая стела, участвовал, как и большинство граждан, в боспорских военных операциях и обращался к Пану как к божеству, помогающему во время боя. К сожалению, нельзя окончательно утверждать, что подобные верования существовали на Боспоре. Ведь на этой стеле не сохранилась надпись, поэтому нельзя с уверенностью думать, что в погребении был похоронен боспорянин, а не приезжий. Однако, рельефные изображения Пана в декоре храма Диониса в Горгииппии (№ 71) и в одном из склепов Нимфея (№ 72) свидетельствуют, что и в римское время на Боспоре Пана включали в свиту Вакха.

Рядом с Дионисом постоянно присутствовали женщины, и в отличие от мужских спутников бога они не имели звериных черт. Античные авторы называли поклонниц Диониса вакханками, менадами, фиадами и нимфами. В представлениях эллинов нимфы олицетворяли живительные и плодоносные силы природы; считалось, что они обитают в пещерах, рощах и лесах. По легенде, нимфы, вырастившие Диониса, стали поклонницами своего воспитанника и вошли в число его спутников (Hom. Hymn. XXVI, 9-10).

В реальной жизни поклонниц Диониса называли вакханками или менадами. Первое наименование происходит от одного из имен бога, а второе является словом, производным от глагола *μαίνομαι* - «находиться в иступлении, безумствовать». Это отражает состояние, до которого доводили себя наиболее рьяные участницы дионисийских празднеств с помощью питья вина и танцев с резкими движениями головой, которые вызывали головокружение и способствовали вхождению в транс. В мифах архаического времени спутницы Диониса назывались нимфами¹⁹. Начиная с V в. до н. э., они постоянно именовались вакханками. Неслучайно Еврипид назвал одну свою трагедию «Вакханки», и в ее тексте это слово звучит намного чаще, чем менады. Существовали мифы о дружеских и враждебных отношениях вакханок с сатирами, силенами и Паном. Поэтому на памятниках искусства эти женщины то танцуют с ними (№ 30, 84), то убегают и обороняются от их притязаний (№ 15, 41, 43, 53).

Исходя из сказанного, спутницы Диониса, изображенные на вазах архаического периода, должны называться нимфами, а на памятниках искусства более позднего времени этих женщин следует именовать вак-

¹⁹ Hedreen G. Op. cit. P. 47-49.

ханками или менадами. Исследователи античного искусства заметили, что на вазах до конца VI в. до н. э. наблюдаются мирные отношения нимф, сатиров и силенов, а позже появляются сцены преследования вакханок, которые либо убегают, либо обороняются от неугодных поклонников. Возможно, это были иллюстрации сюжетов сатирических драм, в которых юмористически обыгрывались сексуальные притязания сатиров. Неслучайно на некоторых картинах такого рода нарисован музыкант в одеянии аккомпаниатора во время драматических представлений²⁰. Подобное изображение авлета имеется на одной лекане из Пантикапея (рис. 86№ 15)

В разных греческих городах поклонницы Диониса объединялись в религиозные союзы для совершения таинств в честь Вакха (Diod. Sic. VI, 3). Наличие таких союзов в Милете²¹, метрополии Тиры, Ольвии и Пантикапея, позволяет с определенной уверенностью думать, что в Северном Причерноморье также были подобные объединения, и здесь вакханки появлялись на дионисийских праздниках.

Мифические сюжеты о безумных поступках почитательниц Диониса известны по произведениям разных древних писателей; наиболее подробный и яркий рассказ такого рода изложен в трагедии Еврипида «Вакханки». Там Дионис наказывает фиванского царя Пенфея за критическое отношение к его культуре; ведь царь осуждал поведение поклонявшихся богу менад, которые пьют вино, носятся по лесам и рощам, разрывают диких зверей и «бегут с мужчиной ложе разделить» (Eur. Vach. v. 215-262). Дионис устроил так, что в вакхическом безумии мать царя вместе другими поклонницами бога разорвала на части Пенфея, приняв его за льва, и затем после отрезвления в ужасе поняла, что убила сына.

Живые юные поклонницы Вакха служили натурой для скульпторов и художников. Выдающийся мастер Скопас в IV в. до н. э. изваял из мрамора статую танцующей неистовой менады; она восхищала греков в течение нескольких столетий, о чем свидетельствует эпиграмма, написанная Главком в I в. до н. э. (AP. IX, 774):

Камень паросский – вакханка. Но камню дал душу ваятель,
И, как хмельная вскочив, ринулась в пляску она.
Эту фиаду создав, в исступленье, с убитой козю,
Боготворящим резцом чудо ты сделал, Скопас.

Перевод Л. Блуменау

²⁰ Там же. С. 67

²¹ Иванов В. Дионис и прадионисийство. Баку, 1923. С. 50.

Знаменитая в древности статуя известна сейчас по описаниям древних авторов и по частично поврежденной небольшой копии, находящейся в музее Альбертинум в Дрездене. Скульптор изобразил молодую женщину во время пляски, она закинула назад голову, ее лицо выражает экстаз, волосы разметались по спине, а развевающийся хитон обнажает половину тела. В одной руке менада держит нож, в другой козленка, животное, традиционно приносимое в жертву Дионису. Подобные моменты ритуалов, совершавшихся вакханками, можно видеть на золотых серьгах из Пантикапея (№ 81) и на бляшках, украшавших парадный костюм боспорской жрицы Диониса, похороненной в кургане Большая Близница недалеко от Фанагории. На рельефе одной бляшки менада держит нож и жертвенного ягненка (№ 85), на других украшениях она танцует под аккомпанемент тимпана, античного бубна, в который ударяет либо сама, либо сопровождающий ее сатир (№ 84).

Вакханок часто изображали с ударные инструментами, тимпанами (№ 67, 87; рис. 21) или с кроталами, аналогами современных кастаньет (№ 39, 73, 76, 77). Тело поклонниц Диониса покрывала небрида, шкура молодого оленя или пантеры, голову украшали венки из плюща (№ 78, 87), а в руках они держали тирс, характерный для изображений Вакха посох, увитый плющом и виноградом и увенчанный на конце шишкой (№ 46, 81, 83). В мифологических сценах вакханки изображались вместе с укрощенными Дионисом пантерами. Среди золотых бляшек из кургана Большая Близница есть фигурка женщины, едущей на пантере; в руке у нее канфар, кубок, из которого обычно совершались возлияния на алтарях Диониса (№ 82). А на краснофигурной вазе из Пантикапея вакханка едет на колеснице, запряженной двумя пантерами (№ 80).

Участие вакханок в религиозных церемониях на празднике Ленеи можно представить по рисунку на вазе IV в. до н. э. из Пантикапея (№ 78). Название этого дионисийского праздника, вероятно, происходит от одного из редких наименований менад $\lambda\eta\nu\alpha\iota$ или от винного чана $\lambda\eta\nu\acute{o}\varsigma$, а сам сосуд редкой формы, называемый стамносом, использовался именно на Ленеях. Месяц Ленеон, во время которого отмечали этот праздник, существовал в милетском календаре, им всегда пользовались в Ольвии и Тире, а на Боспоре до начала I в. до н. э.²² находка стамноса дает основание считать, что его использовали для священнодействий в Пантикапее, во время которых совершались ритуалы, сходные с изображенными на вазе²³.

²² Скржинская М.В. Указ. соч. С.298-299.

²³ Лосева Н.М. Аттический краснофигурный стамнос, найденный в Керчи // Сообщения ГМИИ. 1974. Вып. 7. С. 130-132.

На лицевой стороне вазы изображена женщина в дорическом хитоне с канфаром в руке; она подходит к стамносу, стоящему на столике с тремя ножками, заканчивающимися львиными лапами. Церемония возлияния сопровождается пляской вакханки в длинном хитоне, поверх которого наброшена шкура пантеры. Танцу аккомпанирует на аулосе третья женщина, одетая в хитон с темной каймой и с плющевым венком на голове (рис. 20).

Оборотная сторона стамноса расписана более небрежно; композиция картины также составлена из трех женских фигур. Одна вакханка с тирсом идет, закинув назад голову, вероятно, выражая такой позой вакхический экстаз. Навстречу ей движутся две закутанные в плащи женщины; ближайшая к вакханке несет в руке факел (может быть, он указывает, что действие происходит ночью), у другой на голове надет венок из плюща, указывающий на ее причастность к дионисийскому культу.

Археологи находят множество обломков расписных сосудов при раскопках городов и поселений в Северном Причерноморье. Наиболее ранние образцы посуды с танцующими сатирами и нимфами были привезены в VI в. до н. э. на Березань, в Ольвию и Пантикапей из Клазомен и острова Хиоса (№ 30- 33), позже их вытеснили афинские чернофигурные, а затем краснофигурные вазы²⁴. Важно отметить, что местные мастера тоже обращались к изображениям спутников Диониса и делали это в русле сложившейся в Элладе традиции. Большинство сохранившихся подобных изделий относятся к боспорскому производству: в их число входят расписные вазы (№ 65), терракотовые маски и статуэтки из местной глины (рис. 95; № 87), монеты с головой сатира на аверсе (рис. 91, 92; № 58), костяные украшения мебели (рис. 82; № 23) и известняковые рельефы (№ 70-72). Херсонесская и ольвийская формы для отливки терракот силена (№ 22) показывает, что подобные изделия производились и в других государствах Северного Причерноморья.

Завершая анализ письменных и изобразительных источников о спутниках Диониса, можно придти к следующим выводам об их роли в жизни населения античных государств Северного Причерноморья.

Все члены свиты бога плодородия и виноградарства первоначально были персонажами народных мимических игр с участием лиц, наряженных зверями; они у многих народов сопровождали земледельческие культы. Подобные праздники, призванные стимулировать животворящие силы природы, сопровождались разгульным поведением, обильной едой и поло-

²⁴ *Копейкина Л.В.* Расписная керамика архаического времени из античных поселений Нижнего Побужья и Поднепровья как источник для изучения торговых и культурных связей // Археологический сборник № 27. Л., 1986. С. 33, 39; *Сидорова Н.А.* Архаическая керамика из раскопок Пантикапея // Сообщения ГМИИ. 1984. № 7. С. 115, 155.

вой разнуданностью. Но только в Элладе эти фольклорные образы получили широкую известность в древней литературе и стали действующими лицами во время театральных представлений, а в изобразительном искусстве выработался общий узнаваемый тип каждого из этих персонажей.

Диониса сопровождали сатиры, силены и Пан, имевшие полужвериный облик. В этом плане они родственны другим миксантропическим существам, таким как кентавры, сирены и сфинксы. Но уже в конце VI–V вв. до н. э. сатиры и силены все больше становятся похожи на обычных людей. Обязательной чертой остается лишь хвост, а звериные ноги и большие рога остаются только у Пана; безобразными лицами наделяют лишь пожилых сатиров, молодые же красивы, как прочие божества.

В отличие от остальных фантастических существ, все спутники Диониса оживали во время сельских и городских праздников. Мужчины и женщины, воплощавшие мифических персонажей, шли в вакхических процессиях, пели, танцевали и играли на разных музыкальных инструментах, выступали на сценах театров. Косвенные свидетельства об этом можно найти в археологических материалах из раскопок античных городищ и некрополей Северного Причерноморья.

Греческие колонисты с самого начала своей жизни на северном краю ойкумены представляли облик Диониса и его спутников в первую очередь по рисункам на керамических сосудах, самому массовому виду прикладного искусства VI–III вв. до н. э., а также по некоторым ювелирным изделиям, терракотовым статуэткам и маскам. В домах всех более менее состоятельных граждан парадный сервиз включал расписные вазы, которые подавали на стол во время приема гостей. Любимым проведением досуга у эллинов были вечерние встречи с друзьями и знакомыми; в угощение всегда входило вино. Недаром такое застолье называлось симпозионом, то есть совместным питьем вина. Для него имелось множество сосудов разных форм: амфоры, кратеры для смешивания вина с водой, разнообразные кувшины и кубки для питья. Не случайно многие из них были украшены изображениями Диониса и его спутников, и это находит подтверждение в коллекции находок на территории античных городов Северного Причерноморья. Гости непременно рассматривали росписи на всем сервизе, комментировали их содержание и вспоминали предания, в которых действовали изображенные на сосудах персонажи.

Вазы с картинами на тему дионисийских празднеств использовали также во время религиозных церемоний. Таковы два кратера из святилища в Никонии (№ 46) и описанный выше стамнос из Пантикапея (№ 78). Наряд жриц Вакха украшали ювелирные изделия с изображениями менад и сатиров. Образцы таких украшений сохранились в кургане Большая Близнаца (№ 82-85). Поклонники Диониса носили ожерелья, перстни

и серьги с изображениями спутников бога (№ 6, 16, 57, 81). Благодаря мифам о смерти и возрождении Диониса, его вспоминали во время погребальных ритуалов. Поэтому разнообразные изображения бога и его свиты часто помещали в могилы; там археологи находят лучше всего сохранившиеся образцы ваз, терракот и украшений.

Таким образом, рассказы о сатирах, силенах, Пане и вакханках, а также их зрительные образы, созданные художниками, скульпторами и ювелирами, постоянно присутствовали в ежедневной жизни греческого населения античного Северного Причерноморья.

2. Кентавры и другие мужские миксантропические существа

Помимо спутников Диониса в греческих мифах появлялись и другие существа, имевшие частично человеческий, частично звериный облик. Среди них чаще прочих встречались кентавры, кони с туловищем и головой человека. Их описывали многие античные авторы, начиная с Гомера (II, I, 268). Ксенофан, поэт и философ VI в. до н. э., назвал сражения греческих героев с кентаврами «вымыслом прежних времен» и призывал не увлекаться рассказами на пирах о подвигах в этих боях (Xenophan. Fr. 1. v. 20-24). Это косвенно указывает на древнее происхождение таких мифов и на их широкую популярность, что подтверждается многочисленными изображениями кентавров в искусстве VI–V вв. до н. э. Сюжеты росписей с участием кентавров на сосудах, входивших в парадные сервизы для приема гостей, подтверждают слова Ксенофана о том, что во время симпозиума вспоминали рассказы и стихи о сражениях Геракла и других героев с этими фантастическими существами. О том, что так было и в античных городах Северного Причерноморья, свидетельствуют расписные вазы для вина из раскопок в Ольвии, Борисфене и Пантикапее (№ 89-102).

Согласно преданиям, кентавры обитали в горах и были грубыми похотливыми существами с буйным нравом и необузданными страстями; в греческом языке имелось даже прилагательное *κενταυρικός* (дикий или грубый, как кентавр). В античной литературе сохранилось множество имен кентавров, которые в архаический период выступали героями многих мифов, но большинство этих сказаний известно лишь по кратким упоминаниям античных авторов (Diod. Sic. IV, 12; Apollod. Bibl. II, 5, 4; Ov. Met. XII, 220-465; Ael. Var. Hist. XIII, 1) или по иллюстрациям на памятниках искусства. Например, в начале V в. до н. э. мастер Клеофрада представил

на краснофигурном скифосе эпизод из неизвестного нам мифа, в котором кентавр хватал вестницу богов Ириду²⁵.

В более позднее время популярностью пользовались лишь несколько сказаний с участием кентавров; рассказы о них входили в жизнеописания Пелея и Фетиды, родителей Ахилла, а также в циклы мифов о подвигах Геракла и Тесея. Среди множества кентавров только двое Фол и Хирон считались мудрыми и благожелательными к людям. Первый был другом Геракла, а второй считался воспитателем нескольких греческих героев, в первую очередь Ахилла, и славился как искусный лекарь, знавший целебные свойства разных трав и умевший делать хирургические операции (Hygin. Fab. 274).

Миф о свадьбе Перифоя, которая закончилась дракой гостей, принадлежал к наиболее известным во всем греческом мире сказаниям с участием буйных кентавров. Перифой, царь лапифов, обитавших на севере Эллады в Фессалии, пригласил на многолюдное празднество своих друзей Тесея и Кеней, а также кентавров, родственников жениха, а по другим вариантам мифа родичей невесты (Diod. Sic. IV, 70; Apollod. Epit. 21). Во время свадебного застолья опьяневшие кентавры напали на невесту и присутствовавших на пиру женщин. Тогда вместе с лапифами Тесей и Кеней вступили в борьбу с насильниками; многие кентавры и лапифы погибли, а побежденные кентавры были вынуждены бежать в другие области Греции. На основании древних сказаний Овидий в «Метаморфозах» (XII, 210-536) подробно описал свадьбу Перифоя и разыгравшийся там бой. Это предание, известное сейчас в изложениях авторов I в. до н. э. – II н. э., было популярно задолго до этого времени. Достаточно напомнить, что в Афинах рельефы с единоборствами лапифов и кентавров украшали 24 метопы Парфенона, щит огромной статуи Афины Промехос и фриз храма Гефеста на агоре²⁶. Сражение на свадьбе Перифоя было изображено на западном фронте храма Зевса в Олимпии, на фризе храма Аполлона в Аркадии на плоскогорье Бассы и на картине в афинском храме Тесея (Paus. I, 17, 28; V, 10)²⁷.

Иллюстрация этого мифа нарисована на чернофигурной амфоре из Пантикапея (№ 95). На одной стороне вазы представлен эпизод расправы кентавров с Кенеем. Так как он был бессмертным и его нельзя было убить никаким оружием, кентавры зарыли его в землю и завалили огромными деревьями (Ov. Met. XII, 490-520). Вазописец изобразил двух кентавров,

²⁵ Boardman J. Red figure vases. The archaic period. London, 1985. № 139.

²⁶ Колобова К.М. Древний город Афины и его памятники. Л., 1961. С. 226-227.

²⁷ Виннер Б.Р. Искусство Древней Греции. М., 1972. С. 169, 204-206; Рис. 186, 216-219.

зарывающих Кенея в землю, а на другой стороне амфоры нарисовал воина, который поражает копьем кентавра, замахнувшегося камнем. Зритель на свое усмотрение мог считать воина Тесеем или лапифом, вступившимся за честь приглашенных на свадьбу женщин.

В мифах о рождении и детстве Ахилла кентавр Хирон выступал помощником отца героя Пелея. Сначала Хирон дал ему совет, как усмирить строптивую невесту Фетиду, затем кентавр присутствовал на свадьбе и подарил жениху копье, которое в дальнейшем вошло в вооружение Ахилла. Вскоре после рождения сына, Пелей накануне отъезда в Колхиду вместе с аргонавтами решил отдать Ахилла на воспитание мудрому Хирону (Apollod. Bibl. III, 13). Иллюстрация этого эпизода украшает чернофигурный килик из Ольвии, на котором изображен Пелей, вручающий своего маленького сына Ахилла в руки кентавру (рис. 96; № 96). В связи с этим стоит напомнить о сделанных греческими мастерами вещах, обнаруженных в скифском кургане Огуз. В комплект конской сбруи входили серебряные нащечники с позолотой. Изготовленные в IV в. до н. э. эти предметы попали к скифам через посредничество ольвиополитов или боспорян; по-видимому они украшали своих коней подобными изображениями, и вид такой сбруи понравился варварам. Рельеф на нащечниках состоял из фигур женщины с ребенком на руках и стоящего на задних ногах кентавра. По убедительному толкованию Е.Е. Фиалко, здесь представлены Хирон и его жена нимфа Харикло, держащая на руках Ахилла, Они, как написано в «Аргонавтике» Аполлония Родосского (ст. 553-558), пришли на морское побережье проводить Пелея, отплывавшего вместе с другими аргонавтами за золотым руном²⁸.

На большинстве предметов искусства из Северного Причерноморья иллюстрируются мифы о злых и диких кентаврах. Судя по росписям привозных ваз, сказания с участием этих фантастических существ колонисты знали с самого начала своей жизни на новой родине. Больше всего интересных нас изображений сохранилось на импортных вазах из Афин второй половины VI–IV вв. до н. э. К эллинистическому периоду относятся немногочисленные фигуры на мегарских чашах (№ 105), инталиях (№ 104) и на уникальных свинцовых пластинках местного производства из Ольвии (106, 107), а в римское время они появляются в декоре светильников и саркофагов (№ 108, 109).

Многие изображения кентавров сохранились на осколках ваз, поэтому нельзя решить, какую роль они играли на этих частично уцелевших карти-

²⁸ Фиалко Е.Е. Сюжет з кентавром на фракійській збруї з кургану Огуз // Археологія 1993. № 4. С. 85-90.

нах. Кроме широко известных мифов зритель мог вспомнить менее распространенные варианты сказаний, например, о том, как кентавры Гилей и Рек пожелали овладеть замечательной охотницей Аталантой, но оба погибли от ее метких выстрелов из лука (Ael. Var. Hist. XIII, 1).

На нескольких вазах по характерным атрибутам можно определить Геракла, сражающегося с кентавром. Так на чернофигурном лекифе дубинка в руках мужчины, противостоящего кентавру, указывает зрителю на миф о подвигах Геракла (рис. 97; № 94). В обширном цикле мифов о герое кентавры появлялись неоднократно. В античной литературе наиболее обстоятельно освещен сюжет о том, как Геракл посетил пещеру кентавра Фола. Рассказ включался в описание задания Эврисфея привести к нему живым страшного Эриманфского вепря. Разыскивая зверя, Геракл зашел в пещеру к Фолу и встретил там радушный прием. Кентавр накормил гостя мясом и неохотно, по просьбе героя открыл заветный сосуд с вином. Привлеченные его запахом сбегались дикие кентавры, и Гераклу пришлось сражаться с ними. После поражения уцелевшие кентавры были вынуждены покинуть места своего прежнего обитания и разбежались в разные стороны (Diod. Sic. IV, 12; Apollod. Bibl. II, 5, 4).

Другой эпизод столкновения Геракла с кентавром относится к рассказу о переправе через реку Эвен. Там кентавр Несс за плату перевозил путников с берега на берег. Геракл поручил ему перевезти свою жену Деяниру, а сам самостоятельно переплыл реку. Очарованный красотой Деяниры Несс попытался ее изнасиловать, но муж, услышав крик жены, поспешил на помощь и смертельно ранил кентавра. Умиравший Несс сказал Деянире, что его кровь, смешанная с его семенем, может стать надежным приворотным средством, если ей понадобится вернуть любовь Геракла, обратившего внимание на другую женщину. Через много лет Деянира, узнав о молодой сопернице, пропитала зельем Несса одежду мужа. На деле снадобье оказалось мезтью кентавра: оно было ядом и послужило причиной смерти Геракла и самоубийства Деяниры, пришедшей в ужас от того, что погубила мужа (Soph. Trach. 283- ; Diod. Sic. IV, 36; Apollod. Bibl. II, 7).

Сцены с фигурами Геракла и кентавров могут относиться к названным мифам, а также к тем, которые кратко упомянуты античными авторами. Диодор Сицилийский писал, что герой расправился с кентавром Гомадом за насилие, учиненное над сестрой Эврисфея Алкионой, освободил дочь царя Дексамена от насильственного брака с Эврителионом и нечаянно убил Хирона, а Филострат привел стихотворение, где сказано, что Геракл распял и повесил на сосне тело Асвола (Diod. Sic. IV, 12, 33, 36; Apollod. Bibl. II, 7, 6 Philostr. Her. XIX, 17). Серия подобных преданий послужила для образования одного их эпитетов знаменитого героя – кентавроубийца (κενταυροφόνος – Theocr. XII, 20).

Диодор и Аполлодор, в чьих сочинениях сохранились наиболее подробное изложение мифов о кентаврах, написали, что они использовали в качестве оружия камни и вывороченные с корнем деревья. На вазах из Ольвии, Березани и Пантикапея нарисованы кентавры с камнем в руке (№ 90, 91, 95, 97), а на инталии из Пантикапея – с деревом (№ 104).

На нескольких вазах, найденных в Ольвии и на Боспоре, изображены Геракл и кентавр (№ 89, 94, 98, 100, 101, 102). Если на картине присутствует также женщина, то принято считать это эпизодом мифа о кентавре Нессе, покусившемся на честь жены Геракла Деяниры (№ 98-101). Но это также может быть иллюстрацией сцены на свадьбе дочери царя Дексамена (рис. 98; № 102) или расправы с Гомадом, напавшим на Алкиону.

Художники не часто обращались к иллюстрациям охоты кентавров, например, на одном чернофигурном килике нарисован кентавр, преследующий лань, а на гемме эллинистического периода кентавр борется со львом²⁹. Редкий сюжет схватки кентавра с диким животным представлен на костяной пластинке из Пантикапея (№ 15). Возможно, это эпизод какого-то не известного нам мифа, но скорее здесь иллюстрируется представление греков о том, что кентавры добывали себе пищу, охотясь на зверей. Поэтому Феогнид (v. 542) назвал их поедателями сырого мяса (ὠμοφάγοι). В рассказе об угощении Геракла в пещере Фола Аполлодор пишет, что Геракл ел жареное, а кентавр сырое мясо, Хирон кормил Ахилла внутренностями львов и кабанов и костным мозгом медведей (Apollod. Bibl. II, 5, 4; III, 13, 6).

В эллинистический период уже мало кто верил в существование кентавров даже в отдаленные времена. Вот как об этом написал в I в. до н. э. Диодор Сицилийский (IV, 8, 4): «Мы твердо убеждены, что не существует ни двухприродных кентавров, состоящих из разнородных тел, ни трехтелого Гериона, однако, тем не менее, принимаем эти мифы и даже воздаем почести Гераклу своей похвалой»³⁰. Греки стали описывать и изображать кентавров менее страшными. В архаический период кентавров наделяли звериными ушами, круглыми выпученными глазами и некрасивым приплюснутым носом; у художников классического времени кентавры имеют лица обычных людей, а рядом с ними появились жены и дети. Известно, что знаменитый живописец Зевксис, живший во второй половине V в. до н. э., нарисовал картину «Семейство кентавров» (Luc. Zeuxis. 4). Значит, тогда уже были рассказы о кентаврах женского пола; опираясь на не известные сейчас греческие предания, Овидий (Met. XII, 393-417)

²⁹ LIMC. Bd. 8. 1997. S. 681. № 70, 114.

³⁰ Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. Перевод О.П. Цыбенко. СПб., 2005. С. 97.

рассказал о любви молодого златокудрого кентавра Киллара и красавицы кентаврессы Гилономы, а Филострат (Im. 2, 3) описал картину, иллюстрирующую один из таких рассказов. Эти и другие письменные известия относятся к римскому времени, но появились они значительно раньше. Подобные предания были известны в Ольвии в III в. до н. э., о чем свидетельствуют две свинцовые пластинки местного производства с изображением скачущего кентавра и кентавриды (№ 106, 107).

В римский период изображения кентавров в античных городах Северного Причерноморья встречаются редко. Определенно можно сказать, что тогда на Боспоре были известны мифы об этих фантастических существах, так как их фигуры украшали светильники и саркофаги (№ 108, 109). В более ранние времена местные греки знали разнообразные предания о кентаврах; в Ольвии и городах Боспора охотно приобретали предметы искусства с их иллюстрациями, а в Тире и Херсонесе, судя по имеющимся археологическим находкам, к таким изображениям не проявляли особого интереса.

Минотавр и речное божество Ахелой представляли существа из соединения частей тела быка и человека. Бык с человеческим лицом и бородой обычно отождествляются с Ахелоем. Его изображения имеются на кизикинских статерах, найденных в Мирмекии и в Ольвии (№ 111), а также на золотых подвесках к ожерелью из Пантикапея. (№ 113).

Минотавр представлялся грекам человеком с головой быка. Он обитал в построенном Дедалом лабиринте на острове Крит, и туда ему ежегодно (или раз в несколько лет) доставляли на съедение семь афинских юношей и девушек. Тесей добровольно вызвался войти в число жертв, отправлявшихся из Афин. Герой сумел убить Минотавра и выбраться из лабиринта с помощью нити, данной ему царевной Ариадной (Apollocl. Bibl. III, 1, 3-4; Diod. Sic. IV, 61; Нуг. Fab.40-42). Сражение Тесея с Минотавром изображено на чернофигурном лекифе из Пантикапея (№ 110), а один Минотавр представлен на терракотовой статуэтке из Ольвии (№ 112). Сказания о Минотавре входили в цикл мифов о подвигах афинского героя Тесея, поэтому не случайно находки с иллюстрациями этих преданий относятся к периоду наиболее интенсивных контактов Боспора и Ольвии с Афинами.

3. Женские миксантропические существа

В античном фольклоре, литературе и искусстве сирены, сфинксы и гоггоны, хорошо известные, начиная с эпохи архаики, были наиболее распространенными среди женских миксантропических существ.

Сирены

Сирены – фантастические существа с человеческой головой и телом птицы появились в греческом искусстве в конце VIII в. до н. э.³¹, а древнейшее в литературе упоминание о них содержится в «Одиссее» Гомера (XII, 166-200). Этот образ эллины заимствовали у восточных соседей. В народных преданиях сирены были демонами смерти; очарованные их пением моряки следовали за ними и попадали на остров мертвых, где на лугах белеют человеческие кости (Od. XII, 45-46). Облик сирен отражал представление о душе, отлетающей от тела умершего в образе птицы, а пение реальных птиц преобразилось в народной фантазии в изумительное песни сирен.

Греки рассказывали, что мало кому удавалось избежать смерти, приблизившись к сладкоголосым сиренам. Аргонавты счастливо миновали остров сирен, потому что Орфей сумел заглушить их голоса своими песнями и игрой на лире (Apoll. Rhod. IV, 900-919; Apollod. Bibl. I, 9, 25); Одиссей и его спутники не погибли, потому что все заткнули уши воском, а Одиссея, желавшего во что бы то ни стало услышать поющих сирен, крепко привязали к мачте, и он не смог вырваться, хотя и хотел откликнуться на их зов.

Так как все греки с детства знали поэмы Гомера, то можно думать, что колонисты с первых лет жизни в Северном Причерноморье помнили предания о сиренах. Кроме того, изображения сирен издавна считались оберегами, и потому ими украшали расписные сосуды и ювелирные изделия. Поэтому в архаический период в Нижнем Побужье и на европейской и азиатской сторонах Боспора эллины охотно приобретали предметы с их изображениями, которые привозили из Ионии, Клазомен, Коринфа, Хиоса и Афин (№ 114–124). Древнейший образец такого рода обнаружен на Березани; это крышка хиосского сосуда начала VI в. до н. э. (№ 114). Она имеет два фриза: на внутреннем нарисованы рычащие львы, а на внешнем – сирены с серповидными крыльями и длинными птичьими хвостами³²; такая же череда сирен украшает клазоменскую гидрию, найденную на Тамани (№ 116). Аттические вазописцы VI в. до н. э. нередко рисовали сирен рядом с пантерами (№ 115, 115, 118), а на киликах часто помещали сирену с распростертыми крыльями (№ 118, 125, 127). Скульптурные фигурки сирен и сфинксов находятся на двух редких курильницах из ала-

³¹ Buitron D., Cohen B. Syrens // The Odyssey and Ancient Art. New-York, 1992. P. 108.

³² Сирены с отчетливо нарисованными птичьими хвостами ошибочно названы сфинксами в аннотации к прекрасной цветной иллюстрации этого сосуда, опубликованной в каталоге выставки Борисфен – Березань. СПб., 2005. № 98.

бастра, изготовленных в Навкратисе и привезенных в Ольвию в середине VI в. до н. э. (№ 129).

Одно из лучших изображений сирен сохранилось на фигурном лекифе конца V в. до н. э. из Фанагории (№ 132). Крылатая женщина-птица выступает из синих волн. У нее золотые волосы, увенчанные диадемой с семью розетками, темные брови, синие глаза и нежный румянец на щеках; белое тело оттеняется большими крыльями с синими перьями, разделенными узкими полосами. Другое изображение сирены из Фанагории принадлежит местному мастеру IV в. до н. э. (рис. 99). Это выполненный из фанаторийской глины штамп для изготовления накладного украшения на керамические сосуды. В ушах у сирены серьги с длинными подвесками, на руке браслет, на шее ожерелье, а на обнаженном торсе перевязь с медальоном в центре. В одной руке она держит лиру, а в другой – плектрон, которым собирается проводить по струнам (№ 135).

Вазописцы неоднократно рисовали привязанного к мачте Одиссея, слушающего пение сирен³³, но в коллекции ваз из Северного Причерноморья нет явных иллюстраций упомянутых мифов. Изображения двух сирен в геральдической позе на амфоре, найденной на Березани (№ 121) предположительно можно соотнести с двумя сиренами Гомера (рис. 100). Более поздние писатели называют трех или четырех сирен.

Сначала сирены представлялись грекам птицами с человеческой головой (рис. 100-102; № 114-128), но уже на вазах позднего чернофигурного стиля у них появились руки. Например, на ойнохое с картиной, изображающей корабль Одиссея и трех сидящих на скале сирен, одна из них держит в руках лиру³⁴. Ведь греческие певцы обычно аккомпанировали себе на струнных инструментах или пели в сопровождении аулоса. Поэтому сирен стали представлять с различными музыкальными инструментами как в литературных произведениях (Eur. El. 168-175; Apollod. Epit. VII, 18), так и на памятниках искусства³⁵. На сохранившихся изображениях из Северного Причерноморья сирены с музыкальными инструментами встречаются, начиная с конца V в. до н. э. Они играют на лирах (№ 135, 141, 145), аулосах (№ 134, 136, 137), ударяют в бубны и кимвалы (№ 134), а кроталы в руках одной сирены позволяют думать, что она еще и танцует (№ 132).

Постепенно в изобразительном искусстве у сирен все большая часть тела становится человеческой, и к концу V в. до н. э. они становятся прекрасными молодыми женщинами с крыльями, птичьими ногами и хвостом. Таковы эти фантастические существа, изображенные на форме для релье-

³³ LIMC. Bd. 8. Suppl. 1997. S. 1103.

³⁴ ABF. № 286.

³⁵ LIMC. Bd. 8. Suppl. 1997. Taf. 736- 738, 743.

фного украшения сосудов боспорского производства (№ 135), на упомянутом выше привезенном из Афин фигурном лекифе из Фанагории (№ 132) и на золотой подвеске к серьгам из кургана Зеленская гора на Тамани (№ 137). Фигурка на подвеске отличается тонкой ювелирной работой; она представляет играющую на двух длинных трубках аулоса крылатую обнаженную женщину с петушиными ногами (рис. 103). Чтобы подчеркнуть неотразимую силу чарующих человека сирен, художники изображали их не только с красивыми лицами, но и украшенными диадемами, ожерельями и браслетами (№ 132, 135).

Сирены у греков олицетворяли вестниц смерти. Сначала они представлялись эллинам злыми демонами, а, начиная с V в. до н. э., стали играть роль утешительниц в горе по умершему, которые оплакивают печальную участь покойного и исполняют погребальные песни. В трагедии Еврипида «Елена» (ст. 167-178) хор так утешает героиню, узнавшую о смерти близких:

Девы крылатые!
Дети Земли, сюда!
Сюда, о, сирены, на стон
Песни надгробной, девы,
С флейтой ли Ливии,
Иль со свирелью вы –
Слезного дара жду
Скорби взамен моей;
Муку за муку мне
В сладком созвучии!
Пусть Персефона примет от нас
В темном чертоге своем
Жертву рыданий для милых,
Милых усопших.

перевод И. Анненского

Поэтому в могилы помещали вазы с сиренами, а их фигурами украшали надгробия и саркофаги. Сирена венчала некоторые скульптурные памятники в некрополях Пантикапея и Херсонеса (№ 133, 146, 148), ее изображали на росписях и на костяных и гипсовых украшениях саркофагов на Боспоре и в Херсонесе (№ 134, 142, 149).

На вазах архаического времени сирены исполняли роль апотропеев, отгоняющих злые силы от владельцев сосудов. Поэтому в мастерских разных греческих городов рисовали сирен на вазах разного назначения. Жители античных государств Северного Причерноморья приобретали сосуды с сиренами для разных целей: наливали вино в амфоры и кратеры (№ 116, 121,

128) и пили его из киликов (№ 122, 125-127), гидрии наполняли водой (№119, 123), хранили украшения и туалетные принадлежности в керамических шкатулках (№ 114, 115, 118), а в арибаллы помещали благовонные масла (№ 117). Вероятно, сирена на ручке бронзового ситечка для процеживания вина также имела значение апотропея (№ 130) и играла ту же роль в декоре некоторых зданий в Пантикапее (№ 143).

В V в. до н. э. изображения сирен перестали привлекать внимание вазописцев, изредка они стали появляться на вазах IV в. до н. э., но в это время сирены стали достаточно часто встречаться в творчестве ювелиров. Это отразилось и в коллекции археологических находок их Северного Причерноморья, в число которых входят серьги, перстень, диадема и украшения обуви (№ 136-141). Наверное, в эпоху эллинизма еще помнили о роли сирен в качестве апотропеев, но с V в. до н. э. они стали, главным образом, олицетворять прекрасное пение. Это выражено уже у Пиндара, сравнившего с пением сирен выступление хора девушек на фиванском празднике Дафнофорий (Pind. Parth. 94 b. v. 31-34). Такое представление о сиренах встречается у Платона. В «Государстве» (X, 617 b) философ описывал мировое веретено богини Ананке, имевшее восемь небесных сфер; на каждой сфере сидела одна сирена, издававшая звук определенной тональности, так что космос звучал как хорошо настроенный инструмент.

Большинство изображений сирен на предметах искусства из Северного Причерноморья принадлежит греческим художникам, ювелирам и скульпторам из разных центров Эллады. Некоторые находки показывают, что местные мастера в эллинистический период обращались к образу сирены. В Фанагории делали сосуды, украшенные рельефом сирены, играющей на лире (№ 135), боспорские вазописцы включали сирен в сюжеты своих росписей (№ 144), а в Ольвии изготавливали вотивные свинцовые пластинки с подобным изображением (№ 145).

Анализ памятников изобразительного искусства из античных государств Северного Причерноморья позволяет выделить три группы представлений местных жителей о сиренах. Эти фантастические существа, завлекающие людей в потусторонний мир или оплакивающие усопшего, играли заметную роль в погребальных обрядах вплоть до римского времени. В VI–IV вв. до н. э. сирены выступали в роли апотропеев, охраняющих владельцев их изображений. Начиная с классического периода, сирены олицетворяли прекрасное пение, и это представление дожило до наших дней.

Сфинксы

Сфинкс или Сфинга, фантастическое создание женского пола, впервые в античной литературе встречается в «Теогонии» Гесиода (стих. 326-327); и в том же VII в. до н. э. она появляется в росписях ионийских ваз (№ 150). Наименование чудовища эллины считали происходящим от глагола σφίγγω (душить, сжимать) и намекающим на способ расправы сфинкса со своими жертвами. Греки представляли ее существом с женской головой и грудью, присоединенным к телу льва. Античные авторы неоднократно упоминали один миф об этом чудовище, известный во всей Элладе, а памятники искусства свидетельствуют, что это предание знали и на северной окраине греческой ойкумены. В мифе рассказывалось, как Гера в наказание царю Лаю послала Сфинкс в его владения. Расположившись на горе около города Фивы, она задавала всем приходящим к ней загадку и пожирала не сумевших дать верный ответ. Так погибли многие фиванцы, в том числе и Гемон, сын царя Креонта. Лишь Эдип сумел ответить на вопрос: кто утром ходит на трех, днем на двух, а вечером на трех ногах; это человек в младенчестве, в дальнейшей жизни и в старости. После того, как загадка была разгадана, сфинкс в отчаянии бросилась со скалы и погибла, а по другой версии мифа Эдип ее убил (Soph. Oid. Tyr. 1198; Diod. Sic. IV, 64, 4; Apollod. Bibl. III, 5, 8; Hyg. Fab. 67).

Безусловно, в архаический период существовали разные предания о деяниях Сфинкс. Об этом свидетельствуют многочисленные рисунки на вазах, изготовлявшихся во многих ионийских городах; сюжеты их росписей не относятся к упомянутому мифу. Некоторые версии мало известных мифов кратко упомянул Павсаний (IX, 26, 2-4). На трех пеликах из Пантикапея сохранились иллюстрации самого известного сказания о Сфинкс (№ 189, 190). На двух она задает юноше вопрос, а на третьей хватает молодого человека, чтобы убить его, не сумевшего отгадать загадку.

Первоначально греки, вероятно, думали, что существовало несколько сфинксов, так как на вазах их рисовали по два или три. Наверное, они, подобно сиренам, были демонами смерти³⁶. Поэтому Еврипид назвал Сфинкс порождением и посланницей Аида (Eur. Phoen. 810, 1019-20), а Эсхил именовал ее Керой, богиней насильственной смерти (Aesch. Sept. 539, 776).

Вместе с другими миксантропическими чудовищами сиренами и горгонами, изображения сфинксов служили их владельцам оберегами от злых

³⁶ Фармаковский Б.В. Три полихромных вазы в форме статуэток, найденные в Фанагории // Записки РАИМК. 1921. Вып. 1. С. 31.

сил. Поэтому греки в Северном Причерноморье носили перстни (№ 174, 193), резные печати (№ 171, 192), серьги и браслеты (№ 185, 187, 188) с фигурами сфинксов (рис. 104, 105), нашивали на одежду и покрывала бляшки с их изображениями (№ 180, 186), а также приобретали зеркала (№ 179), бронзовую (№ 194, 195) и глиняную посуду с подобными украшениями. Сфинксы нарисованы на керамике самых разнообразных форм, в основном на сосудах для вина (№ 153-155, 159, 162-170, 172, 193, 194) и масла (№ 161, 176, 178, 181, 183, 191), иногда на туалетных вазах (№ 156, 157, 160), на гуттусах для питания младенцев (№ 184).

Образ фантастических сфинксов сопровождал эллинов с первых лет жизни на северном краю ойкумены, то есть со второй половины VII в. до н. э. (№ 150). Сначала рисунки сфинксов появились здесь на привозной восточнореческой керамике (№ 150-157, 159, 165, 166), а со второй половины VI в. и в V-IV вв. до н. э. подобные рисунки встречаются на вазах, доставленных из Аттики (158, 160-164, 167-170). Сфинксы были излюбленными персонажами хиосских вазописцев (рис. 106); образцы таких росписей мы видим на крышках сосудов, леканах, пиксидах и на кубках из Борисфена и Кеп (№ 151, 154-157). На хиосских и аттических вазах сфинксы могут находиться рядом с хищными животными, например, со львами (№ 156, 160) и пантерами (№ 175), или с другими фантастическими существами сиренами (№ 159) и грифонами (№ 183). Зачастую один сфинкс занимал все поле картины на вазе, например, на клазоменских амфорах, найденных в Ольвии и на Тамани (№ 165, 166).

Наибольшее количество изображений сфинксов сохранилось в Ольвии, что говорит об особой популярности этого мифического образа в среде ольвиополитов в VI-V вв. до н. э. Только за период раскопок 1954-1974 гг. археологи обнаружили там более 50 фрагментов аттической керамики с изображениями сфинксов, и это несравнимо больше, чем в любом другом городе Северного Причерноморья³⁷. Здесь же найден обломок мраморной скульптуры сфинкса (№ 177). Геродот (IV, 79) писал, что большой дом царя Скила в Ольвии украшали каменные статуи грифонов и сфинксов, которые, по-видимому, были призваны отвратить зло от хозяина дома³⁸. Вероятно, подобные статуи находились и около других богатых ольвийских домов, с которых скифский царь взял пример для своего жилища. Упомянутый фрагмент скульптуры обычно называют

³⁷ Шауб И.Ю. Афинская чернофигурная керамика с изображениями сфинксов (из раскопок ольвийского теменоса и агоры)// КСИА. № 159. М., 1979. С. 60-65.

³⁸ Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982. С. 319.

грифоном³⁹, но на нем можно различить начало женской груди, так что это, скорее всего, сфинкс.

Самые ранние аттические сосуды с фигурами сфинксов относятся к первым партиям расписной керамики, привезенной из Афин в Северное Причерноморье в первой половине VI в. до н. э. Таковы, например, кратер из Ольвии и лекиф с Березани с изображением двух сфинксов, сидящих в геральдической позе (№ 161, 162), или ольвийский кратер, на котором мастер нарисовал три фигуры в плащах, стоящие между двумя сфинксами, и украсил их изображениями ручки вазы (рис. 107; № 163). На других чернофигурных сосудах сфинксы также обрамляют стоящие человеческие фигуры, а иногда находятся по обеим сторонам многофигурных сцен сражений греческих воинов (№ 169) или битв эллинов с амазонками (№ 167, 168).

В V в. до н. э. сфинксы, подобно сиренам и горгонам, перестали привлекать внимание вазописцев, а на рубеже V–IV вв. до н. э. они вновь начинают их рисовать (№ 181, 184, 189–190). Лучшее изображение сфинкса сохранилось на фигурном лекифе их Фанагории. Это редчайший образец вазы, на которой хорошо уцелела первоначальная раскраска, и она справедливо считается шедевром античного прикладного искусства (№ 176). Здесь сфинкс, как и другие миксантропические существа в этот период, уже не грозное чудовище, а прекрасная фантастическая женщина. У нее золотые волосы, украшенные венцом с золотыми розетками; на щеках красавицы играет румянец, стройную шею обвивают три ряда золотых бус, белое тело было оттенено крыльями с ярко голубыми, теперь позеленевшими, перьями. Над спиной высится венчик с ручкой краснофигурного лекифа, а постамент статуэтки раскрашен розовой и голубой красками (рис. 108). Б.В. Фармаковский заметил, что создатель фигурной вазы рассчитывал на определенный ракурс, с которого надо смотреть на статуэтку. Небольшой лекиф естественно разглядывать, подняв его за ручку на уровень лица, поэтому он лучше всего выглядит с этой точки зрения. Тогда Сфинкс своим чарующим взором смотрит прямо в глаза зрителя; пропорции ее тела воспринимаются как вполне гармоничные, а в иных положениях шея кажется слишком удлиненной, а грудь несколько сдавленной⁴⁰. Эти наблюдения показывают, что лекиф изготовлен как дорогой туалетный флакон, а не специальный сосуд для погребального обряда.

Итак, памятники искусства с изображением сфинксов могли служить оберегами, они также напоминали сюжеты мифов, зачастую связанных

³⁹ Там же. С. 319; *Штітельман Ф.М.* Античне мистецтво. Київ, 1977. № 30.

⁴⁰ *Фармаковский Б.В.* Указ. соч. С. 31.

с загробным миром. Поэтому их нередко помещали в могилы, а вазы с такой росписью иногда использовали в качестве погребальных урн (№ 159)⁴¹.

Горгоны

Наименование горгон происходит от греческого прилагательного γοργός, означающего нечто страшное или ужасное. Такими были устрашающие маски, называемые горгонейонами. Их часто рисовали на керамических сосудах периода архаики, и там они служили апотропеями, защищавшими от злых сил. Такая маска возникла в глубокой древности, и в ней сочетались черты человека и зверя. Предание об ужасном взоре подобно чудовищу, превращающего человека в камень, имело в основе чувство оцепенения от страха при встрече со страшными дикими животными. Единый тип горгонейона (маски горгоны) установился в греческом искусстве в VII в. до н. э. Лицо чудовища имело выпученные глаза, открытый рот с огромными клыками и высунутым языком, а на голове вместо волос извивались змеи⁴².

Горгонейон часто служил украшением расписных сосудов эпохи архаики, и его изображение греки считали оберегом от злых сил. В Северном Причерноморье древнейший образец относится к сороковым годам VII в. до н. э.: это фрагмент ионийской тарелки из раскопок Березани (№ 196). В Ольвии, Борисфене и на Боспоре вино часто пили из аттических киликов, на дне которых нарисована маска горгоны (рис. 109; № 198, 201-203, 205, 206), реже ее помещали на стенку сосуда, например, на тулово скифоса, найденного на Березани (рис. 110; № 204). В эллинистический период рельефные маски горгон входили в декор так называемых мегарских чашек (№ 231, 232) и иногда украшали туалетные сосуды (№ 223). По верованиям греков, подобное изображение могло защитить от несчастья как отдельного человека, так и город. Такой цели служил позолоченный рельеф с головой Медузы-горгоны на южной стене Акрополя (Paus. I, 21, 4). Сходную функцию несли маски горгоны на архитектурных деталях храмов в Ольвии, Пантикапее, Нимфее и Феодосии (№ 199, 216, 221, 222, 228, 230). О вере в силу такого изображения красноречиво свидетельствует неумело прочерченный жителем Ольвии рисунок маски на сероглиняном сосуде (№ 214).

⁴¹ Алексеева Е.М. Античный город Горгиппия. М., 1997. С. 21.

⁴² Howe T. The Origin and Function of the Gorgon Head // AJA. № 58. 3. 1954. P. 215.

То же значение имела горгона и на ювелирных изделиях, найденных в Тире, Ольвии и на Боспоре. Ее рельефные маски украшали камеи (№ 241) и медальоны (№ 234), а обнаруженное в Ольвии одно из лучших греческих зеркал архаического времени имеет на круглом окончании ручки лицо горгоны (рис. 111; № 200). Особо следует выделить горгонейоны на защитных доспехах воинов и убранстве боевых коней. Начиная с архаического времени, эллины широко использовали маски горгон в декоре доспехов⁴³. Изображения служили апотропеями, охранявшими бойца, напоминали об убийственном взгляде этих чудовищ на их противников и таким образом помогали одержать победу. На Боспоре маски горгон украшали панцири (№ 210, 219), поножи (№ 218) и конскую сбрую (№ 235). Бронзовый нагрудник панциря, находившегося в кургане у станицы Елизаветинской в Прикубанье исполнен мастером, подражавшим архаическим образцам. Устрашающее лицо горгоны имеет выпученные глаза, оскаленные зубы и высунутый большой язык; оно во многом сходно с маской на поножах из Пантикапея, сделанных в первой половине V в. до н. э. (№ 219). Однако серьги и бусы горгоны указывают, что панцирь изготовили на рубеже V–IV до н. э., а не в архаический период, как предполагали некоторые исследователи⁴⁴. Этот панцирь и поножи из Пантикапея долгое время служили не одному владельцу, потому что поножи попали в погребение не менее чем через 50–70 лет после их изготовления, а панцирь неоднократно ремонтировался⁴⁵.

Художники довольно редко показывали горгон в полный рост; подобные фигуры на предметах искусства из Северного Причерноморья относятся к VI–V вв. до н. э. (№ 197, 207, 208, 215). Великолепный образец такого изображения принадлежал жителю Пантикапея (№ 208); оправленная в золото голубая халцедоновая инталия служила ее владельцу оберегом и печатью (рис. 112). В начале V в. до н. э. выдающийся мастер вырезал на камне истинный шедевр⁴⁶. Голова Горгоны представляет традиционную маску; изящное молодое женское тело этой фантастической женщины, вызывавшей, подобно сиренам, ужас и восхищение, облачено в полупрозрачную одежду и снабжено четырьмя серповидными крыльями; такие же крылья, но меньших размеров, прикреплены к сапожкам на ногах. Характерная для многих фигур архаического времени поза «коленипреклоненно-

⁴³ *Трейстер М.Ю.* Бронзовый нагрудник панциря с изображением головы Медузы из кургана у ст. Елизаветинской в Прикубанье // Боспорские исследования. Вып. 21. Симферополь-Керчь, 2009. С. 122.

⁴⁴ Там же. С. 122–127.

⁴⁵ Там же. С. 130–131.

⁴⁶ *Неверов. О.Я.* Геммы античного мира. М., 1983. С. 34.

го бега» в сочетании с крыльями, по-видимому передает полет этого фантастического существа.

Три горгоны, рожденные морскими божевами Форкием и Кето, обитали, по верованиям греков, у Океана на границе с потусторонним миром. Две из них Стено (сильная) и Эвриала (далеко прыгающая), были бессмертными, а третья Медуза (владычица) не обладала этим качеством, поэтому в самом знаменитом мифе о Горгонах погибает третья сестра. По преданию, Персей неосторожно пообещал царю Полидекту подарить на свадьбу голову горгоны. Боги Афина и Гермес помогли Персею справиться с этой труднейшей задачей, указав, как добыть для ее исполнения волшебные предметы: крылатые сандалии, чтобы пролететь над океаном, сумку для своей добычи и шапку-невидимку. Избегая убийственного взора горгоны, Персей отрубал голову Медузы, глядя на ее отражение в своем щите. Из обезглавленного тела выпрыгнули ее сыновья от Посейдона – Хрисаор и крылатый конь Пегас. Герой сложил голову горгоны в сумку и двинулся в обратный путь. Стено и Эвриала бросились преследовать убийцу сестры, но он, надев шапку-невидимку, легко скрылся от них. Затем Персей отдал Гермесу крылатые сандалии и волшебную сумку, а голову Медузы вручил Афине, которую она поместила ее на свой щит (Hes. Theog. 276-278; Pind. Pyth. X, 43-48; Apollod. II, 4, 2-4).

Иллюстрации этого сюжета сохранились на нескольких памятниках искусства VI–IV вв. до н. э. из Северного Причерноморья, что свидетельствует о знании здесь этого мифа. На одной пелике из пантикапейского некрополя нарисован Персей, отсекающий голову Медузе (№ 226). Следующий этап мифа изображен на чернофигурном скифосе, найденном на Березани (№ 207). Там нарисованы три крылатые Горгоны в коротких хитонах; у средней нет головы, а две другие в позе коленопреклоненного бега, наверное, спешат догнать убийцу (рис. 113), но его не видно, потому что Персей успел надеть шапку-невидимку. Около горгон находится дельфин, напоминающий об их связи с морской стихией. Идентичная по содержанию сцена украшала костяную облицовочную пластинку, обнаруженную близ Горгиппии (№ 215). На ее обломке уцелела фигура поверженной Медузы и ее бегущей сестры.

В первоначальном варианте мифа Афина поместила голову Медузы на свой щит. Аполлодор в своей «Мифологической библиотеке» изложил эту версию, опираясь на какой-то древний источник. С середины VI в. до н. э. в Афинах стали считать, что горгонейон украшал эгиду Афины⁴⁷. На памя-

⁴⁷ Marx P.A. The Introduction of the Gorgoneion to the Shield and Aegis of Athena and the Question of Aedoiis // Revue archeologique, 1993. Fasc. 2. P. 238.

тниках искусства из античных государств Северного Причерноморья первый вариант изображений (№ 213) встречается гораздо реже, чем второй (№ 209, 220, 227, 233, 239), и большинство их происходит из Ольвии. Там выделяли особо важную роль Афины в предании о Медузе горгоне и рассказывали о чудесных защитных свойствах ее головы. Отражением таких представлений ольвиополитов стали маски чудовища на местных монетах V–IV вв. до н. э. (№ 217)⁴⁸.

Неслучайно именно в Ольвии найден штамп для производства бляшек с головой горгоны (№ 224). Подобные золотые и бронзовые украшения V–IV вв. до н. э. на одежде и покрывалах найдены во многих погребениях разных греческих некрополей в Северном Причерноморье (№ 211, 212, 225, 229); возможно, такие бляшки нашивали только на ткани, использовавшиеся в погребальном обряде. Памятуя о связи горгон с потусторонним миром, художники рисовали их маски на стенах пантикапейских склепов (№ 237, 240) и украшали их масками саркофаги, найденные в разных некрополях Боспора (№ 238).

Рассмотренные произведения искусства охватывают почти весь период существования античных городов в Северном Причерноморье. Это свидетельствует о том, что предания о горгонах всегда входили в круг известных здесь мифов. Большинство рассмотренных памятников привезены из Эллады. К работам местных мастеров относятся ольвийские монеты (№ 217), росписи пантикапейских склепов (№ 237, 240), некоторые рельефные нашивные бляшки и ольвийский штамп для их производства (№ 224).

Вероятно, надо считать ошибочным широко распространенное в научной литературе отождествление почти всех горгонейонов с Медузой. Конечно, именно Медуза изображена на иллюстрациях мифов о Персее и на щите или эгиде Афины. Однако маски, имевшие апотропеическое значение, относятся вообще к горгонам, которые все три имели одинаково страшный вид и взор, обращавший все живое в камень. В искусстве эллинистического периода все фантастические существа стали утрачивать свой первоначальный ужасный вид. Это коснулось и горгон, их лица перестали отличаться от обычных человеческих, а змеи лишь намечались в волосах. Такое изменение в облике горгон можно видеть и на памятниках искусства из Северного Причерноморья эллинистического и римского времени (рис. 114).

⁴⁸ Русяева А. С. Религия и культы античной Ольвии. Киев, 1992. С. 92.

Прорастающая дева

По сравнению с сиренами, сфинксами и горгонами так называемая прорастающая дева встречается в античном искусстве гораздо реже. Ее описание и роль в древнем фольклоре и литературе отсутствует в письменных источниках, так что можно лишь догадываться о смысле подобного образа. Сейчас признаны несостоятельными попытки отождествить ее со змееногой богиней из Скифского рассказа Геродота, так как ни на одном ее изображении нет змей. Эта дева имеет вместо ног растительные побеги, расходящиеся из обращенного вниз куста аканфа, составляющего нижнюю часть ее туловища (рис. 115). Фантастическая женщина бывает крылатой (№ 242-244) и бескрылой (№ 245), концы ее крыльев и конечностей из растительных побегов могут оканчиваться головами птиц или грифонов, которых раньше ошибочно принимали за змей⁴⁹.

В основе подобных изображений лежал заимствованный эллинами из Передней Азии образ богини Владычицы зверей. Греки могли отождествлять ее с разными божествами, чаще всего, наверное, с Артемидой. Как и в других греческих государствах, в Херсонесе и на Боспоре «прорастающая дева» появляется в искусстве эпохи раннего эллинизма. Ее изображали и местные мастера, о чем свидетельствует декор капители и рельеф на терракотовой пластине из Херсонеса (рис. 121; № 244, 244 а), а также некоторые золотые бляшки и другие ювелирные изделия, служившие украшениями не только у греков, но и у их соседей варваров⁵⁰. На Боспоре эта фигура встречается и в римское время (№ 245).

4. Морские фантастические существа

Море всегда играло огромную роль в жизни эллинов. По нему пролегли пути сообщения между большинством греческих городов, которые имели торговые и военные корабли, плававшие в разные, порой весьма отдаленные страны. Греки добывали из моря рыбу и моллюсков, составлявших важную часть их питания. В морских сражениях решались судьбы многих античных государств. Все это способствовало тому, что в устных преданиях и литературе появлялось множество рассказов о владыке моря

⁴⁹ Подробно об этом см. в статье Буйских А.В. .Sofa- капители из Херсонеса: к проблеме стилистических заимствований // Боспорские исследования. Вып. 11. Симферополь-Керчь, 2006. С. 137- 138.

⁵⁰ *Трейстер М.Ю.* Серебряный рельеф с образом «Rankenfrau» из Крыма // Херсонесский сборник. Вып. 11. 2001. С. 151.

Посейдоне и фантастических обитателях морских глубин; среди них были морские нимфы nereиды, тритоны, морские драконы, кони и даже кентавры.

Греки считали, что у «морского старца» Нерея и океаниды Дориды было пятьдесят дочерей, которых по имени отца называли nereидами (Hom. II. XVIII, 39-49; 141; Hes. Theog. 240-242; Hyg. Fab. Praef. 8). Древние авторы называли несколько десятков имен nereид; часто они означали разное состояние моря. Например, Галена олицетворяла чистое спокойное состояние воды (Hom. Od. VII, 319; X, 94), имя Амфитриты (оглашающая окрестности шумом волн) в поэзии могло означать само понятие море. По верованиям греков, nereиды обычно благожелательно относились к людям и помогали взывающим к ним во время морских бедствий (Eur. Hel. 1584-87; Ant. Pal. VI, 349; Arr. Anab. I. 11, 6). Например, Геродот (VII, 191) пишет о том, что во время Греко-персидской войны страшная буря утихла после жертвоприношения Фетиде и другим ее сестрам nereидам.

Фетида, мать Ахилла, и Амфитрита, супруга Посейдона, выступали героинями мифов чаще остальных своих сестер. По легенде, они обе не желали выходить замуж. Амфитрита укрылась от преследований жениха в гроте, но там ее нашел посланный на поиски дельфин и доставил к Посейдону. Иллюстрация этого сказания нарисована на краснофигурной пелике из Пантикапея (№ 257). Вазописец изобразил nereиду на спине дельфина, подплывающего к сидящему с трезубцем Посейдону (рис. 68).

В подводном дворце вместе с Посейдоном и Амфитритой жил их сын Тритон (Hes. 930- 933; Hyg. Fab. Praef. 18). Он имел облик человека с туловищем, переходящим в чешуйчатое тело рыбы или морской змеи; его хвост оканчивается раздвоенным плавником или двумя клешнями рака. Некогда Тритона считали грозным морским божеством; как и его отец, он мог взволновать и успокоить море. Большая морская раковина служила его постоянным атрибутом; извлекая из нее мощный звук, Тритон обратил в бегство гигантов и уничтожил трубача Энея, пытавшегося с ним состязаться. Тритон появлялся в сказаниях об аргонавтах, он участвовал в мало известных сейчас мифах о битвах богов с гигантами и о столкновении с Гераклом (Her. IV, 179; Hyg. Astr. II, 23; Verg. Aen. X, 209).

В Северном Причерноморье древнейшие изображения Тритона относятся ко второй половине VI в. до н. э. Тогда в Мирмекии обращались кизикские статеры с рельефом бородатого Тритона (№ 247), его изображение украшало дно килика в сервизе, принадлежавшем ольвиополиту (№ 246). Тритон и nereиды, плывущие на морских конях, присутствуют на рыбных блюдах с иллюстрацией мифа о похищении Зевсом финикийской царевны Европы (рис. 71; № 252). Многочисленные осколки и шесть полностью

сохранившихся блюд с такой росписью найдены исключительно на Боспоре, поэтому можно заключить, что афинские вазописцы в первой четверти IV в. до н. э. специально расписывали эти блюда для боспорян⁵¹. Конечно, все персонажи, участвовавшие в мифе, были хорошо известны заказчикам. Несколько десятков фрагментов подобных изделий обнаружено в насыпях курганов, в гробницах и местах заупокойной трапезы и лишь два обломка в городских слоях. Это показывает, что их использовали преимущественно для погребальных ритуалов, и спутники Европы имели отношение к потустороннему миру. Путешествие царевны из родного дома через море на Крит для свадьбы с Зевсом мыслилось как символ перехода души из мира живых в мир мертвых, а nereиды и Тритон были проводниками в потусторонний мир, лежавший где-то за океаном, омывающим землю⁵². Это свойство nereид нашло отражение в том, что их изображали в декоре саркофагов (№ 257).

В эллинистический период фигуры Тритона приобрели у художников декоративный характер, и их стали изображать по несколько в одной картине. В составе свиты Посейдона и его супруги они сопровождали бога и трубили в большие морские раковины. Так была украшена шкатулка с накладными костяными пластинками, принадлежавшая жителю Тиритики (№ 263). В это же время иногда появляются тритониды, женские соответствия тритонов. Одно из лучших таких изображений сохранилось на золотом браслете из музея Метрополитен (рис. 116). Тритонид можно увидеть на позолоченных удилах, которые входили в убранство коня на азиатской части Боспора (№ 260) и в декоре саркофага из некрополя Горгиппии (№ 259).

Морской конь гиппокамп представлен в античной литературе и искусстве в основном как животное, перевозящее Посейдона и nereид. Это фантастическое существо имело голову и тело коня, переходящее в рыбий хвост, оканчивающийся таким же плавником или клешнями рака, как у Тритона и морского дракона (рис. 27, 117). В культе Посейдона конь играл заметную роль. Недаром в гомеровском гимне (XXII, 6) бог назван укротителем коней, а одна из эпиклез бога Гиппий прямо указывала на его

⁵¹ Известны и другие случаи работы афинских керамистов для экспорта в определенный регион. Например, так называемые тирренские амфоры изготавливались во второй четверти VI в. до н. э. для отправки в Этрурию. *Vinper B.P.* Искусство древней Греции. М., 1972. С. 127.

⁵² *Циммерман К.* Фрагменты аттических блюд в Эрмитаже // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху. Л., 1979. С. 61-68; *Скржинская М.В.* Миф о похищении Европы и его символическое толкование на Боспоре в IV в. до н. э. Сборник научных трудов СТЕФАНΟΣ. М., 2005. С.364-373; *Barringer J.M.* Europa and the Nereids: Wedding or Funeral? // *AJA.* 1991. № 4. P. 662- 666.

покровительство и связь с лошадьми (Paus. VIII, 25, 3; 37, 7). Это способствовало появлению представления о том, что Посейдону и nereидам служат морские кони. В знаменитом святилище Посейдона на мысе Микале в Малой Азии находилась статуя бога с гиппокампом в руке (Strab. VIII, 7).

Эти сказочные кони были хорошо известны в античных государствах Северного Причерноморья. На чернофигурном лекифе из Пантикапея Посейдон нарисован едущим на гиппокампе (№ 248), а nereиды, сидящие на гиппокампах, украшают расписные вазы, золотые подвески и саркофаги из раскопок Боспора (№ 251, 254, 258) и терракоту из Ольвии (№ 249). Иногда nereиды плывут на иных фантастических существах: морских драконах и кентаврах. Гиппокентавр в изобразительном искусстве встречается редко, а в Северном Причерноморье, насколько мне известно, присутствует лишь на одном саркофаге IV в. до н. э. (№ 258). Платон в диалоге «Федр» (Phaedr. 229 e) написал о «нелепых чудовищах», в числе которых назвал гиппокентавра; это дает возможность заключить, что он фигурировал в мифологии эллинов V–IV вв. до н. э., то есть как раз в то время, когда был сделан упомянутый саркофаг.

Гиппокампы и морские драконы иногда встречаются и как отдельные персонажи. Их фигурами украшали колесницы (№ 261), кольца, диадемы, нашивные бляшки (№ 250, 251, 253, 262). Прототипом морского дракона, вероятно, был морской конек. Его узкая морда иногда увенчивалась рогом, шея снабжалась перепончатым гребнем, чешуйчатое змеиное тело могло иметь крылья или плавники (рис. 117-119). К древнейшим изображениям морского дракона в Северном Причерноморье относятся золотые бляшки конца V в. до н. э. из кургана Куль-Оба; бляшки с подобным изображением были нашиты на одежду и покрывала в могилах курганов Большая и Малая Близница (№ 250). Лучшие изображения этого фантастического животного сохранились на перстне из Павловского кургана (№ 253) и на диадеме из некрополя Пантикапея (№ 262). Синяя стеклянная вставка в золотой перстень изображает море, по которому плывет золотой дракон в окружении рыб (рис. 118). На украшенной гранатами золотой диадеме два дракона обрамляют центральную фигуру крылатой богини (рис. 119). Из-за отсутствия такого сюжета в письменных источниках смысл этой композиции сейчас едва ли поддается убедительному толкованию.

Среди изображений nereид, плывущих на морских фантастических существах, определенно можно выделить лишь Фетиду, мать Ахилла. Жители Северного Причерноморья нередко вспоминали мифы об этой nereиде. Ведь она несколько раз появляется в поэмах Гомера, известных с детских лет каждому греку (II, I, 538; VI, 135; XVIII, 35; Od. XXIV, 75). Кроме того, Фетида была героиней нескольких мифов об острове Белом (по-гречески Левке), лежащем в море близ устья Дуная. Его открыли миле-

тские мореходы, покоряя неизведанные просторы Черного моря, которое первоначально казалось частью океана, омывающего всю сушу. Моряки, считая, что они подошли к пределам ойкумены, приняли необитаемый островок за мифическую Левку, населенную духами героев, среди которых находился сын Фетиды. Уже в VI в. до н. э. там появилось святилище Ахилла, и остров получил второе наименование по имени героя⁵³.

Одна из древнейших записей легенд о присутствии Фетиды в Причерноморье сохранилась в трагедии Еврипида «Андромаха» (ст. 1237-1238): nereида говорит, что она похоронила сына на Белом острове, и теперь там обитает его дух. В одной из версий мифа об Ахилле на Левке рассказывалось, что герой появляется там по ночам, он поет и пирует в шатре вместе с Фетидой и друзьями (Мах. Туг. XV, 7).

Из разнообразных мифов о Фетиде художники в VI–V вв. до н. э. чаще всего иллюстрировали ее свадьбу с Пелеем, а в эллинистический период – рассказ о том, как nereида заказала Гефесту щит, меч, латы и поножи и отвезла доспехи и оружие Ахиллу сама или вместе со своими сестрами (Ном. II. XVIII, 459-476; 608-616; Нуг. Fab. 106). Фетида, едущая на гиппокампе с изделиями Гефеста в руках изображена на терракоте из Ольвии (№ 249) и на золотых подвесках из кургана Большая Близница на азиатской стороне Боспора (рис. 27; № 256). Фигурки nereид, везущих разные предметы вооружения, украшают саркофаг из некрополя Горгиипии (№ 258). Во II в. до н. э. явно с Боспора попали в погребение сарматского вождя серебряные блюда, украшенные медальонами с тем же сюжетом⁵⁴.

5. Фантастические звери

В греческом фольклоре, искусстве и литературе появлялись фантастические звери, составленные, подобно миксантропическим существам, из несовместимых в природе частей разных животных. Большинство этих зверей обладало крыльями, но их редко изображали в полете, хотя в мифах об этом неоднократно упоминалось. Например, греки рассказывали о том, как Аполлон летел в страну гипербореев верхом или на колеснице, запряженной лебедями или грифонами, а герой Беллерофонт поднимался в небо на крылатом коне Пегасе. Грифоны и крылатые кони чаще прочих

⁵³ Охотников С.Б., Островерхов А.С. Святилище Ахилла на острове Левке (Змеином). Киев, 1993. С. 104-117.

⁵⁴ Kaposhina S.I. A Sarmation Royal Byrial at Novochockassk // Antiquity. V. 37. 1963. P. 257-258. Tab. 32.

фантастических зверей встречались в сочинениях древних писателей и в произведениях искусства.

Грифоны

Грифоны имели тело кошачьих хищников, птичьи крылья и клюв, шею и голову ящера или льва. Они появились в греческой литературе и искусстве в VII в. до н. э. В античных комментариях к трагедии Эсхила «Прометей прикованный» сказано, что Гесиод первым из писателей рассказал о грифонах. Более определенно сюжет о грифонах известен из «Истории» Геродота (IV, 13) и по сочинениям более поздних античных авторов, черпавших сведения из написанной в VI в. до н. э. поэмы Аристея Проконесского «Аримаспея». Поэт сообщал о своем путешествии на северо-восточной край ойкумены, где живут одноглазые аримаспы; они воюют с обитающими поблизости грифонами, стремясь похитить охраняемое чудовищами золото, добытое ими либо в рудниках (Mela II, 1; Plin. NH VII, 10), либо в золотоносной реке (Aeschyl. Prom. 804). Древние писатели отмечали ярость и дикость грифонов; они имели сверкающие огнем глаза, тело льва с крыльями и голову орла с острым клювом (Aeschyl. Prom. 804; Paus. I, 24, 6; Ael. De. Nat. anim. IV, 27). Павсаний (VIII, 2,7) слышал рассказы о том, что у них шкура пятнистая, как у леопардов.

Греки впервые узнали о грифонах у своих восточных соседей, с которыми граничили ионийские полисы. Крупнейший из них Милет основал в Северном Причерноморье большинство греческих поселений, и колонисты вместе с другими мифологическими персонажами принесли на новую родину образ фантастического грифона. Его наименование заимствовано эллинами из семитских языков, а сюжеты в литературе и искусстве первоначально опирались на ближневосточные мифы и изображения⁵⁵. Подобно прочим заимствованиям у других народов, эллины со временем творчески переработали этот образ, так что грифон органично вошел в ряд греческих сказаний и стал частым мотивом декора в монументальном и прикладном искусстве. Достаточно напомнить, что Фидий украсил фигурами грифонов шлем Афины на статуе, стоявшей в Парфеноне (Paus. I, 24, 6). Об этом хорошо знали боспоряне, даже не бывавшие в Афинах, ведь в IV в. до н. э. в Пантикапее, Нимфее и в святилище на Тамани пользовались позолоченными вотивными медальонами с изображением головы прославленной статуи богини (№ 286). С Боспора в курган Куль-Оба попали две крупные золотые подвески с лучшим из сохранившихся изображений головы фиди-

⁵⁵ Яйленко В.П. Архаическая Греция и Ближний Восток. Л., 1990. С 214, 223.

евской скульптуры Афины в шлеме с отогнутыми нащечниками, украшенными грифонами (№ 285).

По сравнению с немногими сюжетами в уцелевшей античной литературе памятники искусства отразили гораздо большее количество иллюстраций мифов с участием грифонов. Археологические находки из античных городов Северного Причерноморья позволяют познакомиться с некоторыми из этих мифов и распознать в них общегреческие и местные черты.

Краткие описания грифонов вполне соответствуют их изображениям, исполненным греческими мастерами. Как и в литературе, древнейшие памятники искусства с такими персонажами относятся к VII–VI вв. до н. э. Некоторые из них привозили в Северное Причерноморье, из чего можно заключить, что зрительный образ грифона сопровождал колонистов с самого начала жизни на новой родине. К таким свидетельствам относятся найденный в Ольвии фрагмент ионийской вазы третьей четверти VII в. до н. э. (№ 295), обломки ионийской ойнохой и аттических чернофигурных сосудов VI в. до н. э. из раскопок Березани и Пантикапея (№ 274, 275).

Изображения грифонов традиционно разделяют на львиноголовых и орлиноголовых; первые имеют вид крылатого льва с длинными рогами на голове, обращенной в анфас к зрителю (рис. 120). Редкий случай изображения двух таких грифонов в профиль сохранился на капители, найденной в Херсонесе (рис. 121; № 272). Древние авторы не упоминали о львиноголовых грифонах, а в искусстве они встречаются реже орлиноголовых. У последних такое же тело с крыльями на спине, более длинная шея с зубчатым гребнем, а узкая голова в профиль снабжена стоячими ушами и оканчивается либо клювом (рис. 44-47; 123-129), либо сходна с тупой мордой ящера (рис. 122). О последнем завершении головы редко упоминается в научной литературе, однако на ряде памятников это четко видно, например, на известняковых рельефах из Пантикапея (№ 288, 292). В архаический период у грифонов вдоль шеи вились локоны, а серповидные крылья оканчивались закруглением, не имеющим аналогов в природе. Такие крылья изображали и у других фантастических существ, сирен, горгон, сфинксов, крылатых коней и др. В классический период художники начали всех их снабжать крыльями, более похожими на птичьи: они имеют угловатый излом и острое окончание (рис. 122, 126-129). Однако давняя традиция представлять грифонов с серповидными крыльями не была полностью отвергнута в эллинистическое и даже в римское время; хорошие примеры такого рода представляют рельефы на капители известняковой колонны (рис. 121; № 272) и на стенке мраморного саркофага из Херсонеса (рис. 123; № 294).

По памятникам искусства можно заключить, что в ряде преданий грифоны служили богам. Они ездили на них верхом или запрягали в свои колесницы. Страбон (VII, 12; С. 343) писал, что в святилище Артемиды на Пелопоннесе близ устья Алфея есть знаменитая картина «Артемида, уносящаяся на грифоне». Греческая Артемида имела многие черты древней малоазийской богини Владычицы зверей, поэтому в фольклоре возникло представление о подчинении ей свирепых грифонов. Древнюю богиню изображали женщиной, имеющей вместо ног расходящиеся в разные стороны растительные побеги. Такая фигура между двумя грифонами (рис. 121; № 272) находилась на упомянутой капители какого-то монументального здания в Херсонесе.

На аттических вазах Афродита иногда нарисована едущей на колеснице, запряженной грифонами. Ваза с такой росписью найдена в Пантикапее (№ 299). По верованиям эллинов, Афродита с помощью внушаемых ею любовных желаний умирала даже диких зверей и чудовищ, и в число последних входили грифоны. В письменных источниках эти предания не сохранились.

Аполлон чаще прочих богов имел своим спутником грифона, который иногда служил символом этого бога. Наиболее яркий пример такого символа – львиноголовый грифон на пантикапейских золотых статерах IV в. до н. э. (рис. 91, 120; № 271)⁵⁶. Видимо, то же значение имели орлиноголовые грифоны на других монетах, выпускавшихся в Пантикапее, Синдской гавани и в Херсонесе (№ 281, 287, 291).

В одном древнем предании об Аполлоне рассказывалось, что раз в несколько лет бог отправляется в сказочную страну гипербореев (Diod. II, 47), обитающих где-то далеко на севере за пределами северного ветра борея (Her. IV, 13). Аполлон летел туда по воздуху на колеснице, запряженной либо лебедями, либо грифонами. Древнейшее известное сейчас изображение Аполлона с грифонами найдено на острове Делосе, считавшемся родиной бога. Туда, согласно легенде, гиперборейи ежегодно отправляли свои дары Аполлону (Her. IV, 33; Callim. Hymn. IV, 292; Paus. I, 31, 2). На острове у знаменитого во всем греческом мире храма справлялись Аполлонии, панэллинские празднества, в которых принимали участие ольвиополиты, херсонеситы и боспоряне⁵⁷. Милетяне также считали грифона

⁵⁶ *Виноградов Ю.А., Шауб И.Ю.* О семантике изображений на золотых статерах из Пантикапея // Археологические вести. 2005. № 12. С. 220-221.

⁵⁷ *Граков Б.Н.* Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. 1939. № 3. № 21-28.

одним из символов Аполлона, поэтому изображения львиноголовых и орлиноголовых грифонов входили в декор милетского храма этого бога⁵⁸.

Афинские вазописцы иногда изображали Аполлона едущим на грифоне⁵⁹. Килик с таким рисунком, исполненным в IV в. до н. э., найден на хоре Херсонеса (№ 300). В IV–II вв. до н. э. выпускались херсонесские монеты с грифоном, символом Аполлона, на одной стороне и изображением его сестры Артемиды на другой (№ 291). Поэтому можно заключить, что в Северном Причерноморье издавна знали о грифоне как спутнике Аполлона. Подобное представление сохранялось и в первые века нашей эры, о чем свидетельствует фреска в пантикапейском склепе; там нарисован Аполлон с лирой, едущий на грифоне (рис. 124; № 306).

Дионис был еще одним богом, которому покорялись грифоны. На одной краснофигурной вазе, хранящейся в Лувре, изображен Дионис на колеснице, которую везут его священные животные пантера, бык и грифон⁶⁰. Эти звери служили также сатирам и менадам, спутникам бога, о чем также знали в Северном Причерноморье. Например, кожаный калаф, венчавший голову жрицы, похороненной в IV в. до н. э. в кургане Большая Близница, украшали золотые рельефные фигурки трех сатиров и шести менад. Одна из них едет на грифоне (рис. 125; № 304), другая – на пантере.

Дионис верхом на грифоне изображен на многих вазах из некрополя Пантикапея (№ 301) и на двух пеликах из погребений Феодосии и Херсонеса (№ 302, 303). Так определил этого всадника К. Шефолд, крупнейший знаток ваз «керченского стиля», к которым относятся рассматриваемые сосуды⁶¹. Некоторые ученые видят в этом персонаже Аполлона, так как он чаще других богов изображался с грифоном⁶². Есть предположение, что это синкретическое божество, объединившее черты обоих богов⁶³. Все современные исследователи признают названные вазы предназначенными специально для помещения в могилы так же, как и сосуды со сценами сражений грифонов с аримаспами и амазонками.

⁵⁸ *Archaeologische Anzeiger*. 1913. S. 181. Abb. 6,7; *Heres G. Gfeifenprotomen aus Milet // Klio*. 1970. Bd. 52. S. 149-162; *Charbonneaux J. Grèce Hellénistique*. Paris, 1970. P. 30. Fig. 24.

⁵⁹ *LIMC*. Bd. 1. 1985. S. 414-415.

⁶⁰ *Boardman J. Athenian Red Figure- Vases. The Classical Period*. London, 1997. № 379.

⁶¹ *Schefold K. Untersuchungen zu den Kertschen Vasen // Archäologische Mitteilungen aus russischen Sammlungen*. Berlin- Leipzig. 1934. № 404, 409, 410, 454, 457, 539.

⁶² *Кобылина М.М. Поздние боспорские пелики // МИА*. 1951. №19. С. 146; *Онайко Н.А. Аполлон Гиперборейский // История и культура античного мира*. М., 1977. С. 43.

⁶³ *Шталь И.В. Миф, культ, эпос в греческой вазописи керченского стиля // Античные коллекции из раскопок Северного Причерноморья*. М., 1994. С. 114.

У греков издавна существовала традиция делать сосуды специально для похоронных ритуалов. Широко известны так называемые белые лекифы, производившиеся в V в. до н. э. в афинских керамических мастерских; картины на них иллюстрируют мифы о смерти и обряды на могилах⁶⁴. В античных государствах Северного Причерноморья также существовала подобная традиция. Например, в ольвийском погребении эллинистического времени находилась расписанная местным художником амфора со сценой прощания матери с дочерью и переправой души на лодке Харона⁶⁵. Наиболее выразительно этот обычай прослеживается на Боспоре. Сюда в IV в. до н. э. по специальному заказу доставляли из Афин множество ваз с особой росписью для использования во время тризны и для помещения в могилы. Во время поминок еду подавали на рыбных блюдах со сценой похищения Европы, а затем их разбивали и оставляли в насыпи кургана⁶⁶. А в могилы ставили преимущественно пелики, двуручные вазы с сильно расширяющимся книзу туловом. В росписях таких ваз нередко встречаются грифоны. Они сражаются с амазонками (рис. 44; № 316-326) и с аримаспами (№ 338-348; рис. 45) или везут на себе грозного всадника, преследующего женщину. Такие сюжеты с участием грифонов, по наблюдениям археологов, украшали вазы в мужских погребениях⁶⁷.

Тимпан у женщины, убегающей от всадника на грифоне, плющ и другие символы Диониса часто присутствуют на рассматриваемых вазах⁶⁸. Поэтому во всаднике на грифоне естественно видеть именно этого бога; здесь он выступает в своей хтонической ипостаси. Ей посвящался заключительный день дионисийского праздника Антестерий⁶⁹. Тогда закрывали все храмы, вспоминали умерших, и дома для них варили ритуальное кушанье из всевозможных злаков. Известен миф о смерти и возрождении Диониса: в орфических гимнах пели о том, как титаны растерзали бога, а затем он воскрес (Diod. Sic. V, 75, 4). Греки верили, что, подобно возродившемуся Дионису, умерший человек начнет свое новое существование в загробном мире. Этим объясняется, почему изображения и символы

⁶⁴ Petrakos B. National Museum. Athens, 1998. P. 171. Fig. 149-150.

⁶⁵ Зайцева К.И. Ольвийская расписная керамика эллинистической эпохи // Художественная культура и археология античного мира. М. 1976. С. 98-99.

⁶⁶ Скржинская М.В. Миф о похищении Европы и его символическое толкование на Боспоре в IV в. до н. э. // СТЕФАНΟΣ. Сборник научных трудов. М., 2005. С. 364-375.

⁶⁷ Schefold K. Op. cit. S. 147-148; Шталь И.В. Эпические предания древней Греции. М. 1989. С. 146.

⁶⁸ Фомина Т.А. Дионисийская символика на вазах керченского стиля (пелики) // Классическая филология на современном этапе. М., 1996.

⁶⁹ Латышев. В.В. Очерк греческих древностей. Богослужбные и сценические древности. СПб., 1997. С. 137.

Диониса находят в некрополях Северного Причерноморья. В ольвийских могилах обнаружено много свинцовых букраниев, изображающих череп быка или барана, украшенный листьями плюща и гроздьями винограда, а в погребениях Херсонеса и Боспора постоянно встречаются глиняные копии театральных масок, использовавшихся на дионисийских праздниках⁷⁰. Эти маски в погребальном обряде знаменовали переход покойного в новое состояние.

Один лекиф из Пантикапея украшает иллюстрация сказания о грифонах, охраняющих золото, которое символизируют три золотых шарика у ног животного. В фигуре его противника, я полагаю, надо признать амазонку, а не аримаспа, как сказано в публикации сосуда (№ 320). У этой фигуры лицо и руки выделены белой краской, что делалось только у женщин. Таким образом, можно заключить, что в греческих сказаниях амазонки наряду с аримаспами пытались отнять золото у грифонов. В древней литературе этот сюжет не уцелел. Видимо, он возник в конце классической эпохи, потому что тогда появляются его иллюстрации на аттических вазах. Один из лучших образцов сохранился на кратере из Лувра⁷¹, там представлены грифоны, нападающие на пеших амазонок и на амазонку на боевой колеснице (рис. 126). Сцены сражений амазонок с грифонами встречаются на пеликах из Тире и Херсонеса (№ 317, 321, 323), но они получили особую популярность на Боспоре: здесь найдены не только вазы (№ 316, 319, 320, 322), но и ювелирные изделия с таким сюжетом (№ 325, 326).

Часто трудно решить, изображена ли на вазе битва грифонов с конными и пешими аримаспами или с амазонками, так как мастера краснофигурной вазописи в отличие от своих предшественников, рисовавших в чернофигурном стиле, редко пользовались белой краской для выделения открытых частей тела женщин, а выпуклость груди у амазонок вазописцы не рисовали. Например, одна пелика из Пантикапея украшена рисунком с редкой композицией: два грифона сражаются с возницей, управляющим боевой колесницей. К. Шефолд называет его аримаспом, а М.М. Кобылина амазонкой (№ 324). Мне кажется предпочтительным последнее толкование, ведь на вазах IV в. до н. э. в битвах с грифонами амазонки иногда выступают на боевых колесницах (рис. 126), а убедительных параллелей для подобного изображения аримаспов найти не удается.

С уверенностью можно считать амазонками фигуры с открытыми частями тела, окрашенными белым цветом. Аримаспы безусловно определяются, когда у них на голове нет шапки и видна короткая мужская приче-

⁷⁰ Русяева А.С. Религия понтийских эллинов. Киев, 2005. С. 392.

⁷¹ Boardman J. ARF. № 414.

ска (рис. 45), как на пеликах из Нимфея и Пантикапея (№ 338, 342). В прочих случаях, возможно, амазонку от аримаспа отличали выбивающиеся из-под шапки пряди волос⁷².

Рассказы о сражениях с грифонами пользовались столь большой популярностью на Боспоре, что их иллюстрации заказывали не только вазописцам. Золотой калаф жрицы, погребенной в конце IV в. до н. э. в кургане Большая Близница, украшен подобным сюжетом (№ 325). На рельефе этого головного убора противники грифонов определяются в научной литературе то, как аримаспы, то как амазонки. На мой взгляд, это несомненно амазонки, так как одна фигура изображена в фас и имеет оба глаза (рис. 46), а отличительной чертой аримаспов было наличие одного глаза. На рельефном украшении бронзового таза, найденного в одном погребении на Тамани, изображен грифон, терзающий поверженную амазонку (№ 62). У нее длинные волосы, а хитон не закрывает женскую грудь, поэтому нет сомнений, что это не аримасп. В обеих композициях заметно, что преимущество на стороне грифонов.

Отсутствие в уцелевших письменных источниках сюжета о борьбе амазонок с грифонами до сих пор продолжает оказывать влияние на интерпретацию смысла некоторых произведений искусства. Например, на мраморном трофее с острова Родос представлена хорошо известная по вазописи группа: амазонка в греческом хитоне между двумя грифонами; однако в описании памятника сказано, что это аримасп⁷³, хотя лицо изображено в фас и имеет два глаза.

В мифах об аримаспах говорилось не только об их сражениях с грифонами, но и о том, что чудовище можно приручить, если поймать его детенышем (Ael. De nat. Anim. IV, 27). Вероятно, это предание было знакомо художнику, расписавшему пелику из Пантикапея с изображением аримаспа верхом на грифоне (№ 347).

В некрополях Боспора, Ольвии и Херсонеса нередко встречаются пелики и леканы, украшенные головами коня или грифона рядом с женской головой (рис. 47) в греческом чепце, либо в скифской шапке (№ 327-337). Скорее всего, это амазонки⁷⁴, так как тип изображения голов сходен с рисунками амазонок на других вазах, а кони и грифоны присутствуют в сценах амазономании. Обычно же рядом с амазонкой одна голова коня, либо грифона (№ 327, 329-331), есть росписи, где показаны сразу амазонки, грифоны и кони (№ 332-331), или композицию из трех голов представ-

⁷² Кобылина М.М. Указ. соч. С. 142; 143. Рис. 4, 10.

⁷³ Ridgway B.S. Hellenistic Sculpture III. The Styles of 100-31 B.C. London, 2002. P. 80.

⁷⁴ Schefold K. Op. cit. S. 147-148.

ляет амазонка в центре между грифонами (№ 337), а на крышках лекан рядом с головой амазонки бывает помещен лежащий грифон (№ 328).

Грифоны в греческом искусстве нередко стоят или сидят в ряду реальных зверей (№ 296-298) и птиц (№ 295); вместе со встречающимися в природе хищниками эти чудовища нападают на травоядных животных (№ 306-315). Это косвенно указывает на веру эллинов в реальное существование грифонов.

Сцены терзания с участием грифонов встречаются на расписных вазах и ювелирных украшениях, на металлических сосудах и в декоре парадного оружия, а также на украшениях саркофагов (рис. 127). Жертвами грифонов бывают быки (№ 314, 315), кони (№ 307, 308, 311, 313), лани (№ 306, 309). Видимо, в этом был заложен символический смысл, хорошо понятный тем, кто приобретал вещи с такими композициями. Ведь в сознании большинства эллинов, как и многих древних народов, в частности скифов, жизнь и смерть не противопоставлялись друг другу, а находились в единстве и рассматривались как необходимые элементы бытия. Смерть в роли условия постоянного обновления и омоложения включалась в жизнь и определяла ее вечное движение⁷⁵. Таким образом, мотив терзания хищниками разных животных обладал метафорическим обозначением смерти и возрождения. Объясняя смысл подобных сцен в изобразительном искусстве, Д.М. Раевский писал: «Терзаемое существо как бы погибает заживо, до последнего мгновения оставаясь живой плотью, а поедающий его зверь – это живая могила. Именно такой вид смерти, когда умирающее существо в то же время как бы и не умирает, а остается жить в проглотившем его животном, наиболее соответствует идее смерти во имя сохранения жизни»⁷⁶.

Итак, образ грозного грифона, обитающего на границе с потусторонним миром, вошел в круг греческих представлений о смерти. Именно поэтому в погребения помещали вазы с изображением сражений аримаспов и амазонок с грифонами, а саркофаги украшали фигурами грифонов (рис. 44, 45, 123).

Кроме того, греки видели в грифоне бдительного стража. Эта его функция отразилась на памятниках, связанных не только со смертью, но и с ежедневной жизнью. Сидящий грифон на стенке мраморного саркофага из Херсонеса (№ 294) сторожит покой усопшего (рис. 123), а фигура идущего грифона (рис. 122) на известняковой плите, вставленной в стену Пантикапея, охраняла город (№ 288). Ювелирные изделия с фигурами грифо-

⁷⁵ Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М. 1990. С. 59.

⁷⁶ Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры. М., 1985. С. 226. Прим. 29.

нов играли роль оберега своих владельцев. Таковы головы грифонов на золотых серьгах из Нимфея и Херсонеса (№ 278, 289), золотые бляшки для украшения одежды из боспорской мастерской (№ 284), печати на перстнях из Пантикапея (рис. 128; № 279, 280).

Лекиф афинского мастера Ксенофанта, найденный на Боспоре (№ 267), дает нам возможность узнать об одном неизвестном теперь мифологическом сюжете с участием грифонов⁷⁷. Ваза украшена фигурами двенадцати охотников, поражающих орлиноголового и львиноголового грифонов, а также двух кабанов и лань (рис. 40). Около семи персонажей написаны их имена: пять персидских и два греческих. Это указывает, что перед нами иллюстрация литературного произведения, а не устного предания, так как в фольклоре собственными именами наделяются обычно лишь два-три главных героя. Из описания охоты Ксенофант выбрал пять эпизодов, среди них Артамис убивает орлиноголового грифона, а Сейсам львиноголового. Присутствие фантастических животных явно указывает на мифологический сюжет, а не на изображение реальной охоты, как полагали некоторые исследователи⁷⁸.

В исследовании, посвященном этому замечательному лекифу, Ю.А. Виноградов утверждает, что в декоре вазы отразилось представление эллинов о загробной жизни; все детали многообразных верований скомпонованы самим древним художником, а основные моменты композиции были воплощением пожеланий боспорянина, заказавшего мастеру этот дорогой сосуд⁷⁹. Мне кажется, трудно представить, как заказчик и исполнитель собрали для своего замысла в одной композиции героев из разных времен, причем преимущественно персов: Абраком, сатрап Сирии, стал почему-то центральной фигурой, хотя естественнее в таком случае были бы цари Дарий или Кир, оказавшиеся на втором плане; Артамиса и Сейсама вспомнили из трагедий Эсхила, а греческих героев взяли из числа второстепенных лиц в сказаниях об аргонавтах.

Гораздо вероятнее поставить декор лекифа Ксенофанта в ряд иллюстраций мифов, известных в устном изложении или литературной обработке, где все эти герои объединялись в одном сюжете. На вазах V–IV вв. до н. э. часто использовали готовые композиции из крупных картин, приспособляя их к возможности отобразить на сосуде⁸⁰. Скорее всего, Ксенофант, воз-

⁷⁷ Скржинская М.В. Афинский мастер Ксенофант // ВДИ. 1999. № 3. С. 128–129.

⁷⁸ Например, Блаватский считал, что на лекифе изображена охота персидского царя Дария. Блаватский В.Д. История античной расписной керамики. М., 1953. С. 268.

⁷⁹ Виноградов Ю.А. Большой лекиф Ксенофанта. СПб., 2007. С.41–42.

⁸⁰ Горбунова К.С., Передольская А.А. Мастера греческих расписных vaz. Л., 1961. С.104; Винпер Б.Р. Искусство Древней Греции. М., 1972. С. 142, 143, 147.

можно по желанию своего заказчика, воспроизвел на лекифе понравившуюся ему картину; ведь в IV в. до н. э. многие боспоряне ездили в Афины. Конечно, художник и покупатель знали содержание литературного произведения об охоте персидских и греческих героев на грифонов и других зверей.

Важно отметить, что грифон в Херсонесе и на Боспоре чаще прочих фантастических существ появлялся на местных произведениях искусства. К древнейшим памятникам такого рода относятся монеты. Старшие из них чеканились в Синдской гавани в конце V в. до н. э., на них представлен орлиноголовый грифон с серповидными крыльями, сидящий перед хлебным колосом (№ 281). В IV в. до н. э. выпускались знаменитые золотые статеры Пантикапея с головой сатира на аверсе и львиноголовым грифоном на реверсе (рис. 91; № 271). Перья его крыльев имеют серповидное завершение, однако орлиноголовый грифон на других пантикапейских монетах того же века снабжен острыми крыльями, сходными с теми, которые мы видим на росписях ваз и ювелирных изделиях этого времени. Монеты Херсонеса несут изображения только орлиноголовых грифонов (№ 291); их чеканили в последней трети IV–II вв. до н. э.

Из местных произведений с изображениями грифонов назовем еще известняковые плиты из Пантикапея (№ 288, 291) и капитель из Херсонеса (№ 272), золотые бляшки, сделанные в боспорской мастерской (№ 268, 284), мозаичный пол богатого ольвийского дома (№ 298), роспись пантикапейского склепа (№ 305).

Грифон издавна входил в круг персонажей скифского фольклора⁸¹, о чем свидетельствуют его изображения в скифском «зверином стиле»⁸². Созданный в греческом искусстве классического времени образ орлиноголового грифона с большими птичьими крыльями существенно повлиял на изменение зрительного представления об этом чудовище у варваров. Греческие мастера иллюстрировали скифские сказания, но облик их персонажей передавали в своей манере. В IV–III вв. до н. э., когда импорт произведений прикладного греческого искусства в Скифию был наиболее интенсивным, население Восточной Европы представляло грифонов, если так можно сказать, глазами эллинов. Примером этого служат сцены терзания грифонами разных зверей на золотой пекторали из Толстой могилы, на

⁸¹ О грифоне в мифологии скифов см.: Михайлин В.Ю. Золотое лекало судьбы. Пектораль из Толстой могилы и проблема интерпретации скифского звериного стиля. // Власть. Судьба. Интерпретация культурных кодов. Саратов, 2003. С. 98-100; 123, 153.

⁸² Степи европейской части СССР. Скифо-сарматское время. М., 1989. Табл. 37. № 1, 18.

знаменитой серебряной вазе (рис. 129) и обкладках меча из кургана Чертомлык, на браслете из кургана Куль-Оба и др.

Анализ памятников изобразительного искусства в сочетании с немногочисленными античными письменными источниками приводит к следующим выводам о роли грифонов в представлении греков, живших в Северном Причерноморье.

В греческом фольклоре и литературе грифон занимал более скромное место, чем в изобразительном искусстве. Мифы о грифонах колонисты принесли в Северное Причерноморье из Милета, своей метрополии. В ряде преданий грифоны выступали спутниками богов Диониса, Артемиды, Афродиты, но чаще всего Аполлона. На Боспоре в классический период грифон стал одним из главных атрибутов Аполлона, верховного бога местного пантеона.

Грифон в мифологии эллинов описывался как бдительный страж, поэтому его изображения на ювелирных украшениях служили оберегами их владельцев, а в монументальном искусстве он мог выступать как хранитель города.

В рассказах о грифонах ареал их обитания находился на рубеже с потусторонним миром, где они сражались с мифическими амазонками и аримасами. Вазы с иллюстрациями этих сказаний помещали в могилы; ведь, по верованиям эллинов, душа умершего должна была перейти в тот мир, на границе с которым жили грифоны. Эти предания пользовались наибольшей популярностью на Боспоре.

Греческие колонисты с первых лет жизни на новой родине и до конца античности знали мифы о грифонах. Однако, их количество, роль и значение были не одинаковыми в каждом государстве. Все стороны разнообразной семантики образа можно проследить на Боспоре и в Херсонесе, но у херсонеситов грифон занимал более скромное положение, чем у боспорян. В мифологии ольвиополитов грифон не играл заметной роли, и его не выделяли здесь как атрибут Аполлона. О Тире трудно сказать что-либо определенное из-за отсутствия достаточного количества археологических материалов.

Созданный в искусстве эллинов образ орлиноголового грифона в IV–III вв. до н. э. существенно повлиял на зрительные представления скифов об этом чудовище.

Крылатые кони и другие фантастические звери

В середине и второй половине VI до н. э. клазоменские вазописцы часто рисовали на вазах взлетающего крылатого коня⁸³. Амфоры с такой росписью охотно покупали в Ольвии, Борисфене и Пантикапее (№ 349-351). Может быть, на этих вазах нарисовано рождение Пегаса, но вполне вероятно, что крылатые кони в архаический период были персонажами теперь не известных мифов, и клазоменские художники имели в виду какой-то неузнаваемый сейчас сюжет.

Начиная с V в. до н. э., изображение крылатого коня уверенно отождествляется с Пегасом. Наиболее известное предание с его участием относится к циклу сказаний о Беллерофонте. Греки называли Пегаса сыном Посейдона и Медузы и считали, что боги Посейдон или Афина подарили эту сказочную лошадь Беллерофону (Scol. Hom. II. VI, 155; Paus. II, 4, 1). В других версиях мифа герой сам ловил и укрощал Пегаса (Pind. Ol. XIII, 60; Strab. VII, C. 379). Он совершил несколько подвигов, выполняя труднейшие задания Иобата, царя Ликии. По его велению, Беллерофонт вступил в бой с Химерой. Ее тело состояло из соединения голов и туловищ льва, козы и змеи. Трехглавая огнедышащая Химера обитала в горах Ликии и наводила ужас на людей, опустошая окрестности. К ней невозможно было подойти, так как одна из ее голов изрыгала пламя. Беллерофонт смог одержать победу с помощью крылатого коня Пегаса, который вознес своего седока высоко над землей, и оттуда, стреляя из лука, герой убил чудовище. (Hes. Theog. 319-325; Apollod. Bibl. II, 3, 2).

О Пегасе существовали и другие мифы. На горе Геликон в Беотии он ударом копыта выбил источник Гиппокрену, дарующий вдохновение поэтам (Paus. I, 31, 9; IX, 31, 3), а на Олимпе этот чудесный конь доставлял Зевсу грома и молнии (Hes. Theog. 284- 286).

Привозные кизикинские статеры второй половины V в. до н. э. (№ 357) и более поздние местные монеты Пантикапея и Херсонеса (№ 361, 364, 366) определенно свидетельствуют о знании мифов о Пегасе в Северном Причерноморье. В богатой семье на азиатской стороне Боспора приобрели дорогой серебряный килик с иллюстрацией мифа о Беллерофонте. На дне сосуда выгравирована фигура сидящего на Пегасе героя в момент его борьбы с Химерой (№ 355). Крылатый конь, изображенный на вазах (рис. 130) и ювелирных изделиях, мог отождествляться не только с Пегасом, но также символизировать необыкновенную быстроту или быть каким-то ар-

⁸³ *Копейкина Л.В.* Развитие чернофигурного стиля в клазоменской керамике // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху. Л., 1979. С. 17, 18.

хаическим демоническим животным⁸⁴. Так двояким образом можно толковать смысл росписей чернофигурных килика и киафа из Борисфена и Ольвии (№ 353, 354). Фигурки крылатых коней на золотых бляшках из Нимфея (№ 362), серьгах из Пантикапея (№ 358) и подвеске из слоновой кости, найденной на Тамани (№ 363), вероятно, имели не только декоративное значение. О связи крылатого коня с потусторонним миром свидетельствует присутствие Пегаса среди украшений деревянного саркофага из некрополя Пантикапея (№ 367).

К числу древних фантастических животных относится также крылатые кабаны, быки и змеи. Изображения такого кабана встречаются на монетах Кизика и Самоса, с которыми города Северного Причерноморья вели оживленную торговлю. Подобные монеты послужили образцами для боспорских мастеров, украшавших фигурой крылатого кабана золотые бляшки. Они найдены в курганах Куль-Оба и Втором Семибратнем (№ 360).

В IV–III вв. до н. э. боспоряне хорошо знали миф с участием крылатого льва. Об этом свидетельствуют изображения на местной золотой пантикапейской монете (№ 359) и на серебряном украшении парадного убранства коня (№ 365).

Крылатые змеи или драконы упоминались в широко известном мифе о Триптоleme. Ему Деметра вручила зерна пшеницы и велела научить людей выращивать этот злак. Богиня дала Триптолему колесницу запряженную крылатыми змеями, чтобы он смог объехать многие земли (Apolod. Bibl. I, 5, 2; Нуг. Fab. 147). На двух кизикинских статерах, найденных в Мирмекии, можно видеть пару крылатых змей, везущих Триптолема (№ 356).

Кроме упомянутых фантастических существ, в греческих мифах встречались и другие подобные создания. Однако археологические находки на Боспоре, в Херсонесе, Ольвии и Тире не дают оснований считать, что они играли сколько ни будь заметную роль в культуре, религии и искусстве местного греческого населения.

Заключение

В итоге проведенного исследования можно сделать определенные выводы о роли фантастических существ в античных государствах Северного Причерноморья. Изображения и мифы об их деяниях были известны

⁸⁴ Stäler K. Tierbilder // Griechische Vasen aus Vestfälischen Sammlungen. Münster, 1984. S. 246.

здесь с первых лет появления греков в новых колониях и до заката античности. Уже в архаический период в изобразительном искусстве выработался узнаваемый тип каждого фантастического существа, так что зритель сразу ассоциировал ту или иную фигуру с ее фольклорным или литературным образом.

Наибольший интерес эти создания вызывали в VI–IV вв. до н. э. Некогда грозные и внушавшие ужас они постепенно теряли устрашающие звериные черты, как видно по их изображениям, в частности и по найденным в Северном Причерноморье. Это отвечало изменению представлений о них, отразившихся в античной литературе. Вера в реальность фантастических существ угасала раньше всего в среде образованной части общества. Платон в диалоге «Федр» (229 е) причислил химер, пегасов и гиппокентавров к прочим нелепым чудовищам, «существование которых вряд ли можно объяснить». В I в. до н. э. Диодор Сицилийский посвятил изложению мифов большой раздел «Исторической библиотеки». По его словам, многие древние сказания вызывали недоверие, например современники писателя не верили в возможность появления даже в далеком прошлом таких созданий, как кентавры (Diod. Sic. IV, 8, 4).

Изобразительное искусство в настоящее время оказалось главным источником наших знаний о месте фантастических существ в культуре, религии и устных рассказах греков, живших в Северном Причерноморье. Археологические материалы дают возможность лучше всего осветить эту тему в отношении Боспора, достаточно много узнать об Ольвии и Херсонесе и совсем мало о Тире.

В иллюстрациях того или иного мифа художники выбирали один особо важный момент, полагая, что зритель знает все прочие подробности. В ряде случаев иллюстрация могла вызывать ассоциации с разными мифами. Например, Геракл неоднократно сражался с кентаврами, так что изображение героя рядом с кентавром соответствовало разным мифологическим сюжетам.

В религии Тире, Ольвии, Херсонесе и Боспора некоторые фантастические существа играли определенную роль. В VI–III вв. до н. э. маски Горгон украшали храмы в Ольвии, Нимфее и Феодосии. Всюду во время дионисийских празднеств появлялись ряженые в костюмах сатиров и вакханок, а на боспорских праздниках Аполлона вспоминали грифона, священное животное этого бога. Ольвиополиты использовали в качестве вотивов свинцовые пластинки с изображением сирен и кентавров.

Присутствие разнообразных фантастических существ на росписях многих сосудов, составлявших часть парадного сервиза в домах греков, указывает на то, что в Ольвии, Херсонесе и на Боспоре рассказы о них звучали во время застолий. Их изображения на посуде и на ювелирных изделиях

играли роль распространенного в VI–III вв. до н. э. декора и служили также апотропеями. Они выступали в роли персонажей гомеопатической магии. Согласно древней поговорке *similia similibus curantur* (подобное излечивается подобным), считалось, что вид страшных чудовищ отвращал от владельца подобного изображения действия злых сил.

Почти все фантастические существа включались в рассказы о потустороннем мире. Их изображения сопровождали покойного в последний путь, о чем свидетельствуют помещенные в могилы расписные вазы, ювелирные изделия, а также украшения саркофагов и надгробий.

Археологические находки дают представление о большой серии общегреческих мифов, которые знали в Ольвии, Херсонесе и на Боспоре. К ним относятся предания о сатирах и силенях, веселых спутниках Диониса, о музыкальном состязании Аполлона и силеня Марсия, о сражениях грифонов с аримаспами и амазонками, а также цикл мифов об участии кентавра Хирона в судьбе Пелея и Фетиды и их сына Ахилла, рассказы о сладкоголосых сиренах, об ужасных горгонах, о битвах Геракла с кентаврами, о населяющих морские глубины тритонах и гиппокампах и некоторые другие.

Человеческие черты миксантропических существ отражались не только в их облике, но и в действиях, на которые способны лишь люди. Так сатиры, силены и Пан виртуозно играли на музыкальных инструментах и умели танцевать, а сирены кроме этих способностей еще обладали даром изумительного пения; кентавр Хирон славился как воспитатель греческих героев и искусный лекарь.

Особый интерес вызывают иллюстрации мифов, не известных по уцелевшим письменным источникам. К ним относятся особо популярные на Боспоре предания о сражении амазонок с грифонами, о прорастающей Деве, о морских драконах. Следует отметить, что все эти персонажи встречаются на привозных изделиях, так что они были известны и за пределами Северного Причерноморья. Вообще не удается выделить какие-либо мифы или особые представления о фантастических существах, характерные только для местных жителей. Возможно, только сказание о путешествии Европы на остров Крит было своеобразно истолковано боспорянами как переход души в иной мир и проводниками туда были избраны Тритон и nereиды; однако сюжет и участники местного варианта мифа не отличались от известных литературных изложений, появившихся в других греческих городах.

Есть немало изображений фантастических существ, роль которых не ясна. С этим сталкиваются не только современные исследователи. Павсаний, описывая различные произведения искусства неоднократно отмечал несоответствия известных мифов с их иллюстрациями, например, картины

Полигнота на темы Троянской войны отличались от описания соответствующих эпизодов в широко известных поэмах «Киприи» и «Малая Илиада» (Paus. X, 25, 26).

Предметы массового местного производства показывают, насколько широко в повседневной жизни распространялись представления о фантастических существах. На монетах Боспора и Херсонеса чеканили фигуру грифона, пантикапейские монеты долгое время украшала голова сатира, а ольвийские – маска горгоны. Формы и штампы свидетельствуют о том, что в Херсонесе отливали терракотовые маски спутников Диониса, в Фанагории украшали сосуды рельефом сирены, а в Ольвии производили бляшки с головой горгоны. Во многих городах Боспора пользовались мебелью, украшенной изготовленными местными мастерами костяными вставками в виде головы силена и приносили в дар богам терракотовые статуэтки фантастических существ, сделанные из местной глины.

В Северном Причерноморье представления о фантастических существах развивались в русле присущей всем грекам традиции. Однако, как и в других государствах, мифы об этих созданиях пользовались разной степенью популярности в каждом городе и его округе. Например, грифоны играли важную роль в мифологии боспорян и занимали заметное место в Херсонесе, а в Ольвии и Тире ими интересовались намного меньше. Зато в архаический период в Ольвии горгонам и сфинксам уделялось гораздо больше внимания, чем в прочих полисах этого региона.

Почти все фантастические существа включались в рассказы о потустороннем мире. Их изображения сопровождали покойного в последний путь, о чем свидетельствуют найденные в могилах расписные вазы, ювелирные изделия, а также украшения саркофагов и надгробий.

Созданные в античном искусстве образы фантастических существ получили второе рождение в произведениях европейских скульпторов и художников нового времени. Например, они часто включали в декор фонтанов Посейдона или его римского аналога Нептуна, а также его сказочную свиту. Таков, например, самый знаменитый римский фонтан Треви: в центре его многофигурной композиции Нептун, стоящий на колеснице, ее везут гиппокампы, а тритоны держат их под уздцы (рис. 131). Декоративные фигуры тритонов есть и среди прославленных фонтанов Версаля (Колесница Аполлона, Пирамида).

В России увлечение образами античности достигло наибольшего расцвета в XVIII–XIX вв. Вспомним пушкинские строки из «Медного всадника»: «И всплыл Петрополь, как Тритон, по пояс в воду погружен». В Петербурге фигуры античных божеств украшают многие здания, решетки мостов, интерьеры дворцов и богатых особняков. Львиноголовые

грифоны с золотыми крыльями на Банковском мостике близ Казанского собора стали одним из скульптурных символов города (рис. 132).

В наибольшем количестве морские фантастические существа встречаются в парках Петергофа. Древнее представление о Тритоне как грозном божестве воплотилось в фонтане у оранжереи в Нижнем парке: там тритон разрывает пасть морскому чудовищу (рис. 133). В композиции фонтана «Нептун» в Верхнем парке бог морей с трезубцем в руке представлен в окружении тритонов и гиппокампов. Два тритона, трубящие в раковины, венчают Большой каскад (рис. 134), у его подножья на борту бассейна фонтана «Самсон» находятся две тритониды с детьми тритонами (рис. 135). Мальчики тритоны поддерживают чаши в двух фонтанах «клоши» близ павильона Марли (рис. 136), а морские драконы сторожат грот каскада «Шахматная гора» (рис. 137).

Каталог изображений фантастических существ

Спутники Диониса

Силены

1. Воины, ведущие связанного Силена к царю Мидасу. Чернофигурная пелика. Вторая половина VI в. до н. э. Пантикапей. ОАК 1911. С. 26. Рис. 42; ИАРК. С. 262.
2. Силен рядом с Дионисом, стоящим около Аполлона. Чернофигурный лекиф. Последняя треть VI в. до н. э. Ольвия. ИАК 1906. С. 156. Рис. 104; АНО. С. 38. № 9.
3. Бегущий Силен с большим мехом вина на спине. Чернофигурная ольпа. Конец VI в. до н. э. Ольвия. АНО. С. 64. № 79.
4. Силен, преследующий нимфу. Чернофигурный скифос. Конец VI в. до н. э. Ольвия. АНО. С. 96. № 123.
5. Пирующий Силен. Ионийский кратер. VI в. до н. э. Ольвия. Леви 1964. С. 14. Рис. 10.
6. Силен, несущий нимфу. Инталия на агате. VI в. до н. э. Пантикапей. АГСП 1984. Табл. 159, 2.
7. Силен на муле. Чернофигурный килик. Начало V в. до н. э. Ольвия. АНО. С. 39. № 10.
8. Силен, Дионис и вакханка. Чернофигурная ольпа. Начало V в. до н. э. Ольвия. АНО. С. 38. № 8.
9. Полулежащий на подушке Силен между двух танцующих вакханок. Чернофигурная ойнохоя. Начало V в. до н. э. Ольвия. АНО. С. 52. № 50.

10. Силен и Дионис. Чернофигурный килик. Начало V в. до н. э. Ольвия. АНО. С. 66. № 82.

11. Бегущий Силен. Медальон чернофигурного килика. Начало V в. до н. э. Ольвия. АНО. С. 95. № 140.

12. Силен, пьющий вино из амфоры. Кизикийский статер. Вторая половина V в. до н. э. Мирмекий. Мирмекийский клад. 2004. № 35; Абрамзон и др., 2006. № 48.

13. Сидящий Силен. Кизикийский статер. Вторая половина V в. до н. э. Мирмекий. Мирмекийский клад. 2004. № 38; Абрамзон и др., 2006. № 46.

14. Силен, наливающий в канфар вино из амфоры. Кизикийский статер. Вторая половина V в. до н. э. Мирмекий. Мирмекийский клад. 2004. № 39; Абрамзон и др., 2006. № 47.

15. Силен с маленьким Дионисом на руках, сатиры и Пан, преследующие нимф. Крышка краснофигурной леканы. 360 гг. до н. э. Пантикапей. ОАК 1861. С. 28. Табл. 2; UKV. № 18.

16. Танцующий Силен, играющий на аулосе. Бронзовый перстень. Первая половина IV в. до н. э. Горгиппия. Трейстер 1982. С. 67. Рис. 10.

17. Силен Марсий в сцене состязания с Аполлоном. Краснофигурная пелика. Пантикапей. 340-330 гг. до н. э. ДБК. Табл. 57; UKV № 370; Музы и маски. 2005. № 32.

18. Силен Марсий в сцене состязания с Аполлоном. Краснофигурный кратер. IV в. до н. э. Херсонес. ОАК 1904. С. 68. Рис. 104; LIMC. Bd. 6. S. 372. № 34.

19. Актер в костюме Силена. Мраморный рельеф. IV в. до н. э. Пантикапей. Гайдукевич 1949. С. 162. Рис. 27.

20. Силен. Терракотовая маска. Конец IV–III в. до н. э. Пантикапей. Музы и маски. 2005. № 97.

21. Силен. Терракотовая маска. III в. до н. э. Херсонес. Белов. 1948. С. 83. Табл. 11.

22. Силен. Формы для терракот. III в. до н. э. Леви. 1970. С. 46. Табл. 22. Ольвия, Херсонес. АП. № 74.

23. Силен. Рельеф на костяных пластинках местного производства. Эллинистический период. Пантикапей, Мирмекий, Нимфей, Фанагория, Кепы. Сокольский. 1971. Табл. 4; Финогенова. 1984. С. 175.

24. Силен с маленьким Дионисом на руках. Терракотовая статуэтка. Хора Ольвии. Щеглов, 1970. С. 56.

25. Силен верхом на козле. Терракота II–I вв. до н. э. Мыс Зюк (Боспор). Масленников 2006. С. 29. Рис. 8.

26. Лысый Силен. Терракотовая маска. I в. н. э. Мирмекий. Денисова 1981. С. 66. Табл. 21 ж.

27. Маски Силена, Диониса, Сатира и вакханки. Мраморный рельеф на стенке саркофага. II в. н. э. Херсонес. АП. № 179; АСХ. № 459. Рис. 182, 183.

28. Маска Силена. Фрагмент мраморного рельефа. II в. н. э. Херсонес. АСХ. № 18. Рис. 16.

29. Маска Силена. Украшение мраморной архитектурной детали римского времени. Мирмекий. АП № 130.

Сатиры

30. Танцующие сатиры и нимфы. Хиосский динос. Вторая четверть VI в. до н. э. Березань. Копейкина 1986. С. 33.

31. Сатир и козел. Клазоменская амфора. Середина VI в. до н. э. Ольвия. Леви 1972. С. 48. Рис. 14, 3.

32. Танцующие сатиры. Клазоменская амфора. Третья четверть VI в. до н. э. Пантикапей. Сидорова 1968. С. 115. Рис. 6.

33. Два сатира. Хиосский канфар. Третья четверть VI в. до н. э. Пантикапей. Сидорова 1968. С. 155. Рис. 10б.

34. Три сатира и нимфа на плече у сатира. Чернофигурный лекиф. Вторая половина VI в. до н. э. Ольвия. Леви 1972. С. 52. Рис. 15.

35. Два танцующих сатира перед сидящим Дионисом. Чернофигурный лекиф. Конец VI в. до н. э. Пантикапей. Борисковская. 1997. С. 28. Рис. 4.

36. Сатир и козел. Чернофигурный лекиф. VI в. до н. э. Ольвия. Скуднова 1958. С. 128. Рис. 6.

37. Сатир, нимфа и Дионис. Чернофигурная амфора. Рубеж VI–V вв. до н. э.. Ольвия. ОАМ. № 50.

38. Сатиры и Дионис. Два чернофигурных килика. Рубеж VI–V вв. до н. э. Ольвия. АНО. С. 64. № 82; С. 95. № 140.

39. Сатир с лирой и две нимфы с кроталами. Чернофигурный скифос. 500 гг. до н. э. Березань. ББ. № 149.

40. Сатир с кифарой и убегающая вакханка. Чернофигурный скифос. 480 гг. до н. э. Нимфей. Горбунова 1983. № 154.

41. Сатир, преследующий вакханку. Краснофигурная ойнохоя. 470 гг. Пантикапей. Передольская 1967. С. 138.

42. Сатир. Терракотовая статуэтка Середина V в. до н. э. Пантикапей. Силантьева 1972. С. 45. Рис. 9.

43. Сатир и защищающаяся тирсом вакханка. Краснофигурный килик. 460 гг. до н. э. Пантикапей. Передольская 1967. С. 131. № 148.

44. Сатир с тирсом. Краснофигурный кратер. 440–430 гг. до н. э. Херсонес. Зедгенидзе 1978. С. 69. Рис. 1.

45. Сатир, наливающий вино в ритон. Краснофигурный аск. 430 гг. до н. э. Нимфей. Vickers. 2002. P. 28. Pl. 8.

46. Сатир, играющий на аулосе, и вакханка с тирсом и факелом в дионисийском шествии. Краснофигурный кратер. Вторая половина V в. до н. э. Никоний. Секерская. 1989. С.99- 100. Рис. 64.

47. Сатир с барбитоном в дионисийском шествии. Краснофигурный кратер. Конец V в. до н. э. Синдская гавань. Шедевры. 1987. С. 108. Рис. 9.

48. Сатиры, играющие на аулосе и барбитоне в сцене встречи Аполлона с Дионисом. Конец V в. до н. э. Пантикапей. ОАК 1861. Табл. 2-4.

49. Актеры с масками сатиров и Паппосилена. Краснофигурная ойнохоя. Рубеж V–IV вв. до н. э. Фанагория. Музы и маски. 2005. № 29.

50. Сатир, вакханка и Дионис. Краснофигурный кратер. Рубеж V–IV вв. до н. э. Пантикапей. Лосева. 1962. С. 175. Рис. 4, 2.

51. Сатир, две вакханки и Дионис. Краснофигурный кратер. Рубеж V–IV вв. до н. э. Херсонес. ОАК 1904. С. 38. Рис. 55.; Белов. 1948. Табл. 4.

52. Танцующие сатир, Пан и вакханка. Краснофигурная пелика. 370–360 гг. до н. э. Пантикапей. Музы и маски. 2005. № 31.

53. Сатир, преследующий вакханку. Краснофигурная пелика. 370–360 гг. до н. э. Феодосия. Вдовиченко 2003. С. 90. № 52.

54. Сатир, Дионис и вакханка. Апулийский кратер. Вторая четверть IV в. до н. э. Боспор. Вдовиченко 2003. С. 87. № 45.

55. Сцена из сатиrowsкой драмы. Краснофигурная ойнохоя IV в. до н. э. Пантикапей. Передольская 1967. С. 63.

56. Сатир с аулосом, аккомпанирующий танцующей вакханке. Краснофигурная пелика. IV в. до н. э. Пантикапей. Ашик 1849. С. 23; ДБК. Табл. 63.

57. Головы сатиров. Золотое ожерелье. IV в. до н. э. Курган Большая Близница. Артамонов 1966. № 306.

58. Сатир. Монеты Пантикапея и Фанагории. IV–III вв. до н. э. Зограф 1951. С. 173; БЦ. Табл. 1, 2; Анохин 1986. Табл. 3.

59. Молодой сатир. Терракотовая маска. Херсонес. III в. до н. э. Белов. 1948. Табл. 11.

60. Сатир. Терракотовая маска. I в. до н. э. – I в. н.э. Пантикапей. Музы и маски. 2005. № 98.

61. Молодой и старый сатир. Две терракотовые маски эллинистического времени.. Ольвия. Русяева. 1979. С. 85.

62. Молодой сатир. Терракотовые маски местного производства. I–II вв. н. э. Пантикапей. На краю ойкумены. 2002. № 223-226.

Пан

63. Пан. Костяная статуэтка. Вторая половина V в. до н. э. Никоний. Секерская. 1989. С. 109. Рис. 65, 5.

64. Пан, играющий на сиринге. Украшение серебряного браслета. IV в. до н. э. Ольвия. Alexander. 1928. P. 39. Tab. 84.
65. Пан, играющий на аулосе и две вакханки. Полихромная пелика III в. до н. э. Пантикапей. АГСП. 1955. С. 382. Рис. 20.
66. Пан рядом с Дионисом. Рельеф на терракотовом алтарике. III в. до н. э. Ольвия. Леви. 1970. Табл. 21.
67. Пан. Терракотовая маска. III в. до н. э. Херсонес. Белов. 1948. Табл. 11.
68. Пан. Терракотовая маска. I до н.э. – I в. н. э. Пантикапей. Музы и маски. 2005. № 99.
69. Пан. Терракотовая маска. I в. н. э. Мирмекий. Денисова. 1981. Табл. 21 е.
70. Пан. Надгробная известняковая плита. I в. н. э. Фанагория. Кобылина. 1973. С. 176-177.
71. Пан и силен. Рельефное украшение храма Диониса. Первые века н. э. Горгиппия. Алексеева 1997. С. 100-103; 237.
72. Пан и силен. Рельеф из некрополя Нимфея. II в. н. э. АГСП 1955. С 315. Рис. 31.

Вакханки

73. Вакханка с кроталами и бородатый Силен перед сидящим Дионисом. Чернофигурный лекиф. Рубеж VI–V вв. до н. э. Пантикапей. Борисковская 1997. С. 28. Рис. 3.
74. Две танцующие вакханки на фоне виноградных лоз. Чернофигурная ойнохоя. Начало V в. до н. э. Ольвия. АНО. С. 37. № 6.
75. Танцующая вакханка перед сидящим Дионисом. Чернофигурная ойнохоя. Начало V в. до н. э. Ольвия. АНО. С.124. № 192.
76. Танцующие вакханки с кроталами перед Дионисом. Чернофигурный лекиф. Начало V в. до н. э. Пантикапей. Борисковская 1997. С. 28. Рис. 9.
77. Танцующие вакханки с кроталами перед Дионисом. Краснофигурный кратер. 480–475 гг. до н. э. ОАК. 1903. С. 120. Рис. 51; Передольская. 1967. С. 57. № 58. Табл. 38.
78. Вакханки на празднике Ленеи. Краснофигурный стамнос. Середина V в. до н. э. Пантикапей. Лосева. 1984. С. 125-132.
79. Вакханка с пантерой. Обломок краснофигурного сосуда. Первая половина IV в. до н. э. Ольвия. Брашинский 1965. С. 98. Рис. 35, 7.
80. Вакханка на колеснице, запряженной двумя пантерами. Обломок краснофигурного сосуда. IV в. до н. э. Пантикапей. ОАК 1959. С. 74. Табл. 3.

81. Вакханки с тирсом, ланью и пантерой. Пара золотых серег. Середина IV в. до н. э. Пантикапей. Музы и маски. № 141.

82. Вакханки, едущие на пантере и на грифоне. Золотые бляшки в декоре диадемы. IV в. до н. э. Курган Большая Близница (Тамань). Артамонов 1966. № 286, 288.

83. Вакханка с тирсом и бегущий сатир. Золотая бляшка в декоре диадемы. IV в. до н. э. Курган Большая Близница (Тамань). Артамонов 1966. № 290.

84. Танцующая вакханка и сатир с тимпаном. Золотые бляшки. IV в. до н. э. Курган Большая Близница (Тамань). Артамонов 1966. № 310, 311.

85. Вакханка с ножом и ягненком в руках. Золотая бляшка. IV в. до н. э. Курган Большая Близница (Тамань). Артамонов 1966. № 289.

86. Вакханка. Терракотовая маска. III в. до н. э. Херсонес. Белов. 1948. Табл. 11.

87. Вакханка в плющевом венке с тимпаном над головой. Терракотовая статуэтка. II в. до н. э. Пантикапей. Музы и маски. № 116.

88. Вакханка. Мраморный рельеф. II–III вв. н. э. Херсонес. АСХ. № 13.

Кентавры

89. Геракл, преследующий кентавра. Чернофигурный лекиф. 540–530 гг. до н. э. Ольвия. АНО. С. 97. № 144. 2.

90. Кентавр с камнем в руке. Обломок клазоменского сосуда. Вторая половина VI в. до н. э. Пантикапей. ОАК 1914-15. С. 85. Рис. 134.; Книпович 1955. С. 362. Рис. 7.

91. Кентавр с камнем в руке. Чернофигурный килик. Третья четверть VI в. до н. э. Березань. Горбунова 1976. С. 95. Рис. 1; Она же. 1982. С. 40. Рис. 3.

92. Скачущий кентавр. Чернофигурный килик. Третья четверть VI в. до н. э. Ольвия. Леви 1972. С. 52. Рис. 15.

93. Сражение с кентаврами. Краснофигурный килик мастера Эпиктета. 520–510 гг. до н. э. Березань. Ильина 2000. С. 147. Рис. 4.

94. Борьба кентавра с Гераклом. Чернофигурный лекиф. Конец VI в. до н. э. Тамань. ИАК. № 56. С. 28; На краю ойкумены 2002. № 12.

95. Сражение кентавров и лапифов. Чернофигурная амфора. VI в. до н. э. Пантикапей. ОАК 1914-15. С. 85. Рис. 134; Книпович 1955. С. 362. Рис. 7.

96. Пелей, передающий Ахилла на воспитание кентавру Хирону. 500 гг. до н. э. Ольвия. АП. № 31; ОАМ. № 51; ЛМС. Bd. 1. S. 46. № 59.

97. Кентавр с камнем и два воина. Чернофигурная ойнохоя. Начало V в. до н. э. Ольвия. АНО. С. 138. № 219. 11.

98. Кентавр, Геракл и Деянира (?). Чернофигурный лекиф. 500–490 гг. до н. э. Ольвия. АНО. С. 99. № 148.

99. Кентавр, хватающий женщину. Краснофигурная чаша мастера Мидия. Пантикапей. Последняя четверть V в. до н. э. ОАК 1869. Табл. 4; ARV. P. 834. № 4.

100. Кентавр Несс, похищающий Деяниру (?). Обломок краснофигурной вазы. Первая половина. IV в. до н. э. Пантикапей. ОАК 1869. С. 187. Табл. 14.

101. Геракл, спасающий Деяниру (?) от кентавра Несса. Краснофигурная пелика. 350–340 гг. до н. э. Большая Близница (Тамань). ОАК 1865. С. 107–110. Табл. 4; UKV. № 396; ГЗ. С. 184. Рис. 57.

102. Геракл, освобождающий дочь царя Дексамена от свадьбы с кентавром Эвритионом. Краснофигурная пелика. 340 гг. до н. э. Пантикапей. ДБК. Табл. 53; UKV. № 365; LIMC. Bd. 3. S. 359. № 5.

103. Кентавр, борющийся с хищным животным. IV в. до н. э. Костяная пластинка. Пантикапей. Финогенова. 1984. С. 174. Рис. 3.

104. Кентавр. Сердоликовая инталия. Конец IV– начало III в. до н. э. Пантикапей. ОАК 1875. С. 32. Табл. 2; Неверов 1975. С. 39. Рис. 5.

105. Кентавр. Мегарская чаша. II в. до н. э. Тира. Самойлова 1984. С. 121. Рис. 1.

106. Кентавр. Свинцовая пластинка эллинистического времени. Ольвия. Зайцева 2004. С. 146. Табл. 11.

107. Кентавресса. Свинцовая пластинка эллинистического времени. Ольвия. Зайцева 2004. С. 146. Табл. 11.

108. Кентавр. Рельеф на двух краснолаковых светильниках римского времени. Пантикапей, мыс Зюк. ОАК. 1913–15. С. 96. Рис. 162; Сокольский 1969. С. 71.

109. Кентавры. Украшения двух деревянных саркофагов. Конец I – начало II в. н. э. Пантикапей. Сокольский 1969. Табл. 39, 3–4; 43, 1.

Ахелой и Минотавр

110. Борьба Тесея с Минотавром. Чернофигурный лекиф. Начало V в. до н. э. Пантикапей. ОАК 1912. Рис. 38, 2; Борисковская 1997. С. 27. Рис. 8.

111. Бык с человеческим лицом (Ахелой?). Кизикинские статеры. 460–400 гг. до н. э. Ольвия, Мирмекий. Мирмекийский клад 2004. № 87– 89; Абрамзон и др. 2006. С. 23, 24, 28.

112. Сидящий Минотавр. Терракотовая статуэтка. V в. до н. э. Ольвия. Леви 1970. С. 40. № 17. Табл. 12, 4.

113. Мужская голова с рогами (маска Ахелоя). Золотые подвески к ожерелью. 400–380 гг. до н. э. Пантикапей. ГЗ. № 94.

Женские миксантропические существа

Сирены

114. Сирены и львы. Крышка хиосского сосуда. 600- 575 гг. до н. э. Березань. Ильина 2005. С. 106. № 149; VI в. до н. э. ББ. № 98.
115. Сирена и пантера. Крышка чернофигурной леканы. 560–550 гг. до н.э. Березань. Горбунова 1982. С. 40.
116. Сирена и пантера. Чернофигурная амфора. Вторая четверть VI в. до н. э. Березань. Копейкина 1982. С. 41.
117. Сирена. Коринфский арибалл. Вторая четверть VI в. до н. э. Березань. Корпусова 1987. С. 56. Рис. 21.
118. Сирены и пантеры. Крышка чернофигурной леканы. Вторая четверть VI в. до н. э. Хора Ольвии. Рабичкин 1951. С. 123. Рис. 34.
119. Идущие друг за другом сирены. Клазоменская гидрия. Вторая четверть VI в. до н. э. Тамань. ИАРК. С. 260.
120. Сирена. Ионийский кратер. Первая половина VI в. до н. э. ББ. № 33.
121. Две сирены. Амфора стиля Фикеллура. Вторая половина VI в. до н. э. Березань. Корпусова 1987. С. 47. Рис. 19.
122. Сирена. Чернофигурный килик мастера Глесона. 540 гг. до н. э. Березань. Скуднова 1957. С. 45.
123. Сирена. Клазоменская гидрия. 540- 530 гг. до н. э. Ольвия. Брашинский 1965. С. 97. Рис. 35.
124. Сирена. Два клазоменских сосуда. Третья четверть VI в. до н. э. Березань. Копейкина 1979. С. 12, 13. Рис. 5.
125. Сирена. Чернофигурный килик. Третья четверть VI в. до н. э. Березань. ББ. 2005. № 140.
126. Сирена. Чернофигурный килик. Третья четверть VI в. до н. э. Нимфей. Худяк 1962. С. 248.
127. Сирена. Два чернофигурных килика и крышка леканы. Третья четверть VI в. до н. э. Пантикапей. Сидорова 1984. С. 88. Рис. 11; Она же 1992. С. 189. Рис. 10; С. 213. Рис. 8.
128. Сирена. Клазоменская амфора 520 гг. до н. э. Ольвия. ОАК 1913-15. С. 29. Рис. 25; Копейкина 1979. С. 12. Рис. 6; АНО. С. 163. № 253.
129. Сирены и сфинксы. Курильница из алабастра. Вторая половина VI в. до н. э. Ольвия. Фармаковский 1914. С. 4. Табл. 4, 5; АНО. С. 107. № 12.
130. Сирена. Украшение ручки бронзового ситечка. Первая половина V в. до н. э. Нимфей. АХБ. № 39.
131. Сирена. Украшение ручки бронзовой гидрии. Вторая четверть V в. до н. э. Пантикапей. АХБ. № 34.

132. Сирена с кроталами. Полихромный аттический фигурный лекиф. Конец V в. до н. э. Фанагория. Фармаковский 1921. С. 20; АП. № 45.
133. Сирена. Навершие известнякового надгробия. Первая половина IV в. до н. э. Пантикапей. Сорокина 1960. С. 86; На краю ойкумены. 2002. № 359.
134. Сирены, играющие на аулосе, тимпане и кимвалах. Пластинки из слоновой кости, украшавшие саркофаг в кургане Большая Близница (Тамань). Вторая половина IV в. до н. э. ДБК. Табл. 79, 80; ОАК. 1866. С. 8. № 28-30.
135. Сирена с лирой. Форма для отливки рельефного украшения керамического сосуда. Фанагория. IV в. до н. э. Кобылина 1967. С. 169.
136. Сирена, играющая на аулосе. Золотая подвеска к серьге. Конец IV в. до н. э. Пантикапей. ДБК. Табл. 7, 16.
137. Сирена, играющая на аулосе. Золотая подвеска к серьге. Конец IV в. до н. э. Курган Зеленская гора (Тамань). ГЗ. № 114.
138. Сирена. Золотая подвеска к серьге. Конец IV в. до н. э. Ольвия. ДБК. Табл. 7, 14.
139. Сирена. Серебряное украшение женской обуви. Нимфей. IV в. до н. э. Зинько 2003. С. 121.
140. Сирена. Бронзовый перстень. IV в. до н. э. Пантикапей. ОАК 1875. С. 34. Табл. 1; АХБ. С. 33. № 93.
141. Сирена, играющая на лире. Украшение золотой диадемы. Начало III в. до н. э. Херсонес. ГЗ. № 131.
142. Сирена. Роспись саркофага. Рубеж IV–III вв. до н. э. Херсонес. Стржелецкий 1969. С. 80- 81.
143. Сирены. Изображения на архитектурных деталях IV–III вв. до н. э. Пантикапей. Сорокина 1960. С. 95.
144. Две сирены. Боспорская акварельная пелика. IV–III вв. до н. э. Боспор. Сорокина 1960. С. 95.
145. Сирена с лирой. Свинцовая пластинка местного производства. III в. до н. э. Ольвия. Зайцева 2004. С. 144. Табл. 11.
146. Сирена. Навершие мраморного надгробия эллинистического времени. Херсонес. АСХ. № 86.
147. Сирена. Глиняные пластинки. I–II вв. н. э. Пантикапей, Херсонес. Сорокина 1960. С. 96.
148. Сирена. Надгробие. I- II вв. н. э. Тамань. Сорокина 1960. С 96.
149. Сирена. Гипсовое украшение саркофага. I- II вв. н. э. Пантикапей. ДБК. Табл. 76, 8.

Сфинксы

150. Сфинкс. Родосско-ионийская тарелка. 640 гг. до н. э. Березань. Копейкина 1982. С. 26. Рис. 20.

151. Сидящие сфинксы. Крышки хиосских сосудов. 600–560 гг. до н. э. Березань. Ильина 2005. С. 107–111. № 158, 165.

152. Сфинксы и львы. Крышки хиосских сосудов. Начало VI в. до н. э. Березань. Ильина 2005. С. 110–111. № 168–170, 172, 175.

153. Сфинксы. Фриз родосско-ионийского диноса. Начало VI в. до н. э. Березань. Скуднова. 1960. С. 164. Рис. 13; ББ. № 36.

154. Сфинкс. Четыре хиосских кубка. 580–550 гг. до н. э. Березань. ББ. № 91, 92; Ильина 2005. № 54, 57, 58, 69.

155. Сфинкс. Хиосский кубок 560 гг. до н. э. Кепы. Кузнецов 1992. С. 35. Рис. 4.

156. Сфинксы и львы. Крышка хиосской леканы. Середина VI в. до н. э. Березань. Скуднова. 1957. С. 137. Рис. 10.

157. Сфинксы и львы. Крышка хиосской пиксиды. Вторая четверть VI в. до н. э. Березань. Копейкина 1986. С. 134. Рис. 4.

158. Женщина между двумя сфинксами. Чернофигурная амфора. Вторая четверть VI в. до н. э. Березань. Горбунова 1982. С. 36.

159. Сфинкс и сирена. Клазоменская амфора. Середина VI в. до н. э. Синдская гавань. Алексеева 1997. С. 21. Рис. 14.

160. Сфинксы и львы. Крышка чернофигурной леканы. Третья четверть VI в. до н. э. Ольвия. Шауб 1979. С. 60.

161. Два сфинкса, сидящие друг против друга. Чернофигурный лекиф. Третья четверть VI в. до н. э. Березань. ББ. № 155.

162. Два сфинкса, сидящие друг против друга. Чернофигурный кратер. 540 гг. до н. э. Ольвия. Шауб 1979. С. 60. Рис. 1.

163. Два сфинкса, обрамляющие фигуры мужчин в плащах и украшающие ручки чернофигурного кратера. 540–530 гг. до н. э. Ольвия. АНО. С. 172. № 266.

164. Сфинкс между фигурами в плащах. Чернофигурный килик. 540–530 гг. до н. э. Ольвия. АНО. С. 62. № 74.

165. Сфинкс. Клазоменская амфора. Вторая половина VI в. до н. э. Тамань. Энман. 1912. С. 96. Табл. 10.

166. Сфинкс. Клазоменская амфора. Вторая половина VI в. до н. э. Ольвия. Корпусова 1987. С. 52.

167. Сфинксы, обрамляющие сцену сражения греков с амазонками. Чернофигурный скифос. Последняя четверть VI в. до н. э. Пантикапей. Сидорова 1992. С. 228. Рис. 17.

168. Сфинксы, обрамляющие сцену сражения греков с амазонками. Чернофигурный килик. Последняя четверть VI в. до н. э. Ольвия. Шауб 1979. С. 64.
169. Сфинксы, обрамляющие сцену сражения греческих воинов. Чернофигурный килик. 530–550 гг. до н. э. Ольвия. Козуб 1987. С. 64. Рис. 23.
170. Сфинкс. Два чернофигурных скифоса. 510–500 гг. до н. э. Пантикапей. CVA Russia. 1996. P. 46. Pl. 49.
171. Сфинкс. Сердоликовая печать. VI в. до н. э. Ольвия. АГСП 1984. С. 350. Табл. 169, 3.
172. Два сфинкса по бокам фигуры в плаще. Чернофигурная ойнохоя. 500 гг. Ольвия. АНО. С. 156. № 237.
173. Сфинкс. Украшение ручки бронзового зеркала. Первая четверть V в. до н. э. Ольвия. Скржинская 1984. С. 124. № 13; Treister 2003. Abb. 4.
174. Сфинкс. Золотой перстень. Вторая четверть V в. до н. э. Нимфей. Vickers 1979. P. 38. Tab. 6.
175. Сфинксы и пантеры. Краснофигурный аск. Последняя треть V в. до н. э. Херсонес. Белов 1976. С. 113. Рис. 1.
176. Сфинкс. Полихромный фигурный аттический лекиф. Конец V в. до н. э. Фанагория. Фармаковский 1921. С. 29–34; АП. № 47; GRA. № 59.
177. Сфинкс. Фрагмент мраморной скульптуры. Конец V в. до н. э. Ольвия. АМ. № 30; GCA № 90.
178. Сфинкс с поднятой лапой. Краснофигурный лекиф. 410–400. Нимфей. ДГН. № 62.
179. Сфинкс. Золотые кизикинские статеры. V в. до н. э. Мирмекий. Мирмекийский клад. 2004. № 2, 3, 36, 72.
180. Сфинкс. Золотые бляшки. Нимфей. Силантьева. 1959. С. 56. Рис. 24, 4; С. 71. Рис. 38..
181. Сфинкс. Три краснофигурных лекифа. Рубеж V–IV вв. до н. э. Пантикапей. CVA Russia. 2003. P. 49. Pl. 45.
182. Сфинкс. Гравированное изображение на пластинке из слоновой кости. Рубеж V–IV вв. до н. э. Горгиппия. Алексеева 1997. Рис. 11.
183. Два сфинкса и два грифона. Краснофигурный аск. Начало IV в. до н. э. Херсонес. Зедгидзе 1978. С. 74. Рис. 4.
184. Сфинкс. Краснофигурный гуттус. Первая половина IV в. до н. э. Пантикапей. CVA Russia. 2003. Pl. 67.
185. Два сфинкса. Золотой браслет. Первая половина IV в. до н. э. Курган Куль-Оба. ГЗ. № 83.
186. Сфинксы. Золотые бляшки боспорского производства. Середина IV в. до н. э. Курган Куль-Оба. ДБК. Табл. 22; Копейкина 1986. С. 57.
187. Сидящая сфинкс. Золотые серьги. Вторая половина IV в. до н. э. Нимфей. АМ. № 160; АП. № 26.

188. Сидящая сфинкс. Золотые серьги. Вторая половина IV в. до н. э. Феодосия. ДБК. Табл. 12.

189. Сфинкс, задающая загадку молодому человеку. Две краснофигурные пелики. Вторая половина IV в. до н. э. Пантикапей. ОАК 1908. С. 113. Рис. 112; БЦ. С. 85. Рис. 6. ПБП. С. 148; UKV. № 481, 501.

190. Сфинкс, хватающая юношу. Краснофигурная пелика. Третья четверть IV в. до н. э. Пантикапей. АДЖ. Табл. 28. GSA. P. 44. № 49; Вдовиченко 2003. С. 449. № 104.

191. Сидящая сфинкс. Три краснофигурных лекифа. Вторая половина IV в. до н. э. Пантикапей. ОАК 1863. С. 152. № 41- 43.

192. Ахеменидский сфинкс. Халцедоновая инталия. IV в. до н. э. Пантикапей. ОАК 1907. С. 79. Рис. 68; Неверов 1976. № 49.

193. Сфинкс. Бронзовый перстень. IV в. до н. э. Пантикапей. Неверов 1976. С. 22.

194. Сфинкс. Рельефное украшение бронзового сосуда. II- I вв. до н. э. Тамань. На краю ойкумены. 2002. № 632.

195. Сфинкс. Гравированное украшение медальона бронзовой чаши. I в. до н. э. Тамань. На краю ойкумены. 2002. № 623.

Горгоны

196. Маска Горгоны. Ионийская тарелка. 640-е гг. до н.э. Березань. Копейкина 1970. С 199; ББ. № 14.

197. Бегущая Горгона. Чернофигурный кратер. Первая половина VI в. до н. э. Ольвия. Копейкина 1986. С. 37.

198. Маска Горгоны. Медальон чернофигурного килика. Первая половина VI в. до н. э. Ольвия. Копейкина 1986. С. 40. Рис. 7.

199. Голова Горгоны. Терракотовое украшение фронтона храма Аполлона. Середина VI в. до н. э. Ольвия. Древнейший теменос. 2006. С. 103.

200. Маска Горгоны. Украшение ручки бронзового зеркала. Вторая половина VI в. до н. э. Ольвия. Скржинская 1984. С. 124. № 12; Treister 2003. Abb. 8.

201. Маска Горгоны. Медальоны чернофигурных киликов. Последняя треть VI. до н. э. Березань. Козуб 1987. С. 64. Рис. 22; ББ. № 138.

202. Маска Горгоны. Медальон чернофигурного килика. 530–520 гг. до н. э. Гермонасса. Финогенова 2005. С. 427. Рис. 3.

203. Маска Горгоны. Медальоны четырех чернофигурных киликов. Последняя четверть VI в. до н. э. Ольвия. Древнейший теменос 2006. С. 171. Рис. 182.

204. Маска Горгоны. Чернофигурный скифос. 510 гг. до н.э. Березань. Горбунова 1982. С. 45. Рис. 10; Козуб 1987. С. 65. Рис. 23.

205. Маска Горгоны. Медальон чернофигурного килика. Конец VI в. до н. э. Пантикапей. CVA 1996. P. 59. Pl. 64.
206. Маска Горгоны. Медальон чернофигурного килика. Конец VI в. до н. э. Мирмекий. Виноградов 1992. С. 106. Рис. 4.
207. Три бегущие Горгоны. Чернофигурный скифос. 500 г. до н. э. Березань. ББ. № 152.
208. Бегущая Горгона со змеями в руках. Халцедоновая инталия. Начало V в. до н. э. Пантикапей. ОАК. 1860. С. 88. Табл. 4; Неверов 1976. № 16; GRA. № 63.
209. Голова Медузы на эгиде Афины. Краснофигурная амфора. Первая четверть V в. до н. э. Ольвия. ОАМ. № 58.
210. Голова Медузы. Украшение бронзового панциря. Четвертый Семибратний курган. (Тамань). 460 г. до н. э. АХБ. № 75.
211. Голова Горгоны. Золотые бляшки. Вторая четверть V в. до н. э. Нимфей. Силантьева 1959. С. 74. Рис. 38.
212. Голова Горгоны. 14 золотых бляшек. 450–425 г. до н. э. Второй Семибратний курган (Тамань). ОАК 1876. Табл. 3; ГЗ. № 74.
213. Голова Медузы на щите Афины. Панафинейская амфора. Конец V в. до н. э. Тамань. Пиотровский 1924. С. 32; Галанина 1962. С. 7. Рис. 2.
214. Маска Горгоны. Рисунок на сероглиняном сосуде. V в. до н. э. Ольвия. Русяева 1992. С. 34-35.
215. Бегущая и поверженная Горгоны. Костяная пластинка. V в. до н. э. Горгиппия. Алексеева 1997. С. 14, 241. Рис. 4, 5.
216. Маска Горгоны. Терракотовое украшение архитектурной детали. V в. до н. э. Нимфей. Крыжицкий 1993. С. 52. Рис. 23.
217. Маска Горгоны. Ольвийские медные монеты. V- IV вв. до н. э. Анохин 1989. С. 13- 15. № 12, 14, 26; Русяева 1992. С. 92.
218. Голова Медузы. Украшение бронзовых поножей. Первая половина V в. до н. э. Пантикапей. АХБ. № 77; Трейстер 2009. С. 128- 130.
219. Голова Медузы. Украшение бронзового нагрудника панциря. Конец V- первая четверть IV в. до н. э. Тамань. АХБ. № 76; Трейстер 2009. С. 120- 130. Рис. 1, 2.
220. Голова Медузы на эгиде Афины. Краснофигурный кратер. Рубеж V- IV вв. до н. э. Курган Бакса близ Пантикапея. Shefton 1982. S. 149.
221. Маска Горгоны. Терракотовое украшение четырех архитектурных деталей. V- IV вв. до н. э. Ольвия. Крыжицкий 1993. С. 74. Рис. 41.
222. Маска Горгоны. Терракотовое украшение архитектурной детали. IV в. до н. э. Феодосия. Крыжицкий 1993. С. 52. Рис. 23.
223. Маска Горгоны. Рельефное украшение пиксиды. IV в. до н. э. Боспор. Zervoudaki 1968. S. 44. № 108.

224. Маска Горгоны. Штамп для производства бляшек. IV в. до н. э. Ольвия. Парович-Пешикан 1974. С. 165-166.
225. Маска Горгоны. Восемь золотых бляшек. Ольвия. IV в. до н. э. Фурманська 1958. С. 53
226. Персей, отсекающий голову Медузы. Краснофигурная пелика. IV в. до н. э. Пантикапей. ДБК. Табл 63 а; UKV. № 382.
227. Голова Медузы на эгиде Афины. Мраморная статуэтка IV–III вв. до н. э. Ольвия АГСП. 1984. С. 213. Табл. 102; Саверкина 1986. С. 54-55.
228. Маска Горгоны. Терракотовое украшение архитектурной детали храма. Эллинистический период. Ольвия. Древнейший теменос 2006. С. 115. Рис. 123.
229. Маска Горгоны. Золотые бляшки Эллинистический период. Херсонес. Пятышева 1956. С. 13. Табл. 6.
230. Маска Горгоны. Терракотовое украшение архитектурной детали. III в. до н. э. Пантикапей. АМ. № 74.
231. Маски Горгоны. Рельефное украшение мегарских чашек. II в до н. э. Ольвия. Vogel 1908. S. 31. № 279; Древнейший теменос 2006. С. 179. Рис. 194.
232. Маски Горгоны. Рельефное украшение мегарской чашки. II в до н. э. Херсонес. Хлыстун 1996. С. 154.
233. Голова Медузы на эгиде Афины. Позолоченный медальон на дне чаши. II в до н. э. Ольвия. Штительман 1965. С. 223-227.
234. Голова Медузы. Костяной медальон позднеэллинистического времени. Тира. Самойлова и др. 2002. С. 238.
235. Голова Медузы. Серебряный медальон в парадном убранстве коня. I в. до н. э. Тамань. GRA. № 101.
236. Голова Горгоны. Крупный глиняный медальон местного производства. I в. н. э. Нимфей. Грач 1999. С. 57. Рис. 19.
237. Голова Горгоны. Роспись склепа. Конец I–II в. н. э. Пантикапей. АДЖ. Табл. 65.
238. Голова Медузы на эгиде Афины. Мраморный вотивный рельеф II в. н. э. Ольвия. Русяева 1992. С. 95. Рис. 28.
239. Маска Горгоны. Украшение саркофагов из некрополей Пантикапея, Кеп и Тузлы. I–II вв. н.э. Сокольский 1969. № 102, 108, 177, 180, 181, 182. Табл. 43.
240. Голова Горгоны. Роспись склепа. Первая половина II в. н. э. Пантикапей. АДЖ. Табл. 71.
241. Голова Горгоны. Камея из сардоникса. Первые века н. э. Тира. Острорехов, Батизат 2002. С. 114. Рис. 1.

Прорастающая дева

242. Крылатая прорастающая дева. Золотые бляшки и костяные фигурки. 330–300 гг. до н. э. Курган Большая Близница (Тамань). АГСП 1955. С. 429. Рис. 25; ГЗ. № 204, 205.

243. Крылатая прорастающая дева. Золотые бляшки. Конец IV- начало III в. до н. э. Херсонес. Вахтина 2005. С. 363. Рис. 37.

244 а. Крылатая прорастающая дева. Терракотовая пластина с рельефом эллинистического времени. Херсонес. На краю ойкумены, 2002. № 275.

244. Крылатая прорастающая дева между двумя грифонами. Известняковая капитель. Конец IV–III в. до н. э. Херсонес. Буйских 2006. С. 134. Рис. 2.

245. Прорастающая дева. Известняковый антефикс. I в. н. э. Пантикапей. АП. № 135.

Обитатели морских глубин

Тритоны, гиппокампы и морские драконы

246. Тритон. Медальон чернофигурного килика. Вторая половина VI в. до н. э. Ольвия. Леви 1964. С. 322. Рис. 2, 2.

247. Тритон. Два кизикийских статера. Конец VI – первая половина V в. до н. э. Мирмекийский клад. № 40, 56.

248. Посейдон верхом на гиппокампе. Чернофигурный лекиф. 470 гг. до н. э. Пантикапей. Борисовская 1997. С. 35. Рис. 26

249. Фетида на гиппокампе. Терракота. Рубеж V–IV вв. до н. э. Ольвия. Русяева 1982. С. 92.

250. Морской дракон. Золотые бляшки V–IV вв. до н. э. из боспорских курганов Куль-Оба, Большая и Малая Близницы. ДБК. Табл. 20, 14; Артамонов 1966. № 275, 296; Копейкина 1986. С. 47.

251. Гиппокамп. Золотые бляшки. IV в. до н. э. Курган Куль-Оба. Артамонов 1966. № 256.

252. Тритон и nereиды на гиппокампах в свите Зевса и Европы на пути на Крит. Краснофигурные рыбные блюда. Первая треть IV в. до н. э. Пантикапей, Нимфей, Фанагория. ОАК 1882. С. 106-109; Циммерман 1979. С. 63, 66. Табл. 1, 2; Скржинская РА. 2002. С. 33-34; Barringer 1991. P. 658-659.

253. Морской дракон среди рыб. Стекловая вставка в золотой перстень. Середина IV в. до н. э. Павловский курган близ Керчи. ГЗ. № 108.

254. Две nereиды на гиппокампе и морском драконе. Краснофигурная пелика. 340–330 гг. до н. э. Пантикапей. РД. С. 70. Рис. 95; Силантьева 1959. С. 48.

255. Тритон и nereida с дельфином. Фрагмент краснофигурного оксибафа. Ольвия. IV в. до н. э. ИАК. 1906. № 13. С. 188. Рис 144.

256. Фетида на гиппокампе. Две парные золотые подвески к головному убору. 330–300 гг. до н. э. Курган Большая Близница (Тамань). ОАК 1865. С. 41-48. Табл. 2; ГЗ. С. 186, 267. № 120, 202.

257. Амфитрита, плывущая на дельфине к Посейдону. Краснофигурная пелика. IV в. до н. э. Пантикапей. ДБК. Табл. 61; UKV. № 413.

258. Нереиды на гиппокампах, морских драконах и гиппокентавре. Резные позолоченные украшения деревянного саркофага Конец IV–III вв. до н. э. Горгиппия. ОАК. 1882-1888. Табл. 3; Иванова 1958. С. 99-100. Рис. 4, 5, 7; Сокольский 1969. С. 30. Табл. 12, 3; 13, 2 и 3.

259. Тритонида, везущая nereidu. Две позолоченные фигурки из декора деревянного саркофага. Конец IV–III вв. до н. э. Горгиппия. Иванова 1958. С. 99-100. Рис. 5.

260. Тритониды. Украшения на позолоченных удилах. Начало III в. до н. э. Курган Васюрина гора (Тамань). Власова 2004. С. 168. Рис. 24.

261. Морской дракон. Две бронзовые фигурки от украшения колесницы. Первая половина III в. до н. э. Курган Васюрина гора (Тамань). Власова 2004. С. 166. Рис. 19, 20.

262. Два морских дракона. Золотая диадема. Первая половина II до н. э. Пантикапей. Deppert- Lippitz 1985. S. 275. Taf. 28.

263. Тритон, трубящий в раковину. Костяная пластинка от украшения шкатулки. I в. н. э. Тиритака. АГСП. 1984. С. 318. Табл. 127, 2.

264. Гиппокампы. Украшение деревянного саркофага. Конец I – начало II в. н. э. Пантикапей. Сокольский 1969. С. 67. Табл. 38, 1.

Крылатые звери

Львиноголовые грифоны

265. Грифон. Фрагмент покрывала из 6-го Семибратнего кургана на Тамани. Начало IV в. до н. э. ОАК 1878-79 С. 120 Табл. 4; Герцигер 1973. С. 76-77. Рис. 4.

266. Сражение грифона с амазонками. Краснофигурная пелика. Начало IV в. до н. э. Пантикапей. ПБП. С. 141. Рис. 3, 1; Вдовиченко 2003. № 1058.

267. Львиноголовый и орлиноголовый грифоны в сцене охоты. Аттический лекиф с рельефными фигурами мастера Ксенофанта. 380 гг. до н. э. Пантикапей. ДБК. Табл. 45, 46; Скржинская 1999. С. 121-130; Виноградов 2007. С. 23-24.

268. Два грифона. Золотая бляшка из боспорской мастерской. Первая половина IV в. до н. э. Курган Куль-Оба. Копейкина 1986. С. 49.

269. Два грифона. 3 краснофигурных аска из Пантикапея и 1 из Фанагории. Вторая четверть IV в. до н. э. CVA Russia 2003. P. 71. Tab. 63, 1-5.

270. Два аримаспа, убегающие от грифона. Две краснофигурные пелики. Вторая половина IV в. до н. э. Пантикапей. UKV. № 360, 381; Шталь 1989. С. 145.

271. Грифон, идущий по пшеничному колосу. Золотые монеты Пантикапея. IV в. до н. э. БЦ. С. 582-583. Табл. I, 16, 20; Анохин 1986. № 97, 109, 115, 116; Виноградов, Шауб 2005. С. 219- 223.

272. Два грифона около богини с побегами аканфа, заменяющими ее ноги. Антовая известняковая капитель монументального сооружения. IV–III вв. до н. э. Херсонес. Буйских 2006. С. 130. Рис. 2.

273. Головы грифонов. Застежка золотого ожерелья. II в. до н. э. Артноховский курган на Тамани. Максимова 1979. С. 54. Рис. 10.

Грифоны с головами птиц и ящеров

274. Грифон. Обломок ионийской ойнохои. Первая половина VI в. до н. э. Березань. ББ. 2005. № 18.

275. Сидящий грифон. Обломки двух чернофигурных сосудов. VI в. до н. э. Пантикапей. Толстиков 1992. Рис. 10.

276. Грифон. Семь электровых монет Кизика. 500–460 гг. до н. э. Мирмекий. Мирмекийский клад 2004. № 4, 57, 64-66, 73-75; Абрамзон и др. 2006. С. 16.

277. Грифон. Фрагмент мраморной статуи. Первая половина V в. до н. э. Ольвия. АГСП. 1984. Табл. 98, 1.

278. Голова грифона. Золотые серьги. Вторая половина V в. до н. э. Нимфей. Derpert Lippitz 1985. S. 148. Abb. 97.

279. Грифон. Печать из агата. Последняя четверть V в. до н. э. Пантикапей. Неверов 1973. С. 60. Рис. 2, 7; АГСП. 1984. Табл. 169, 6.

280. Грифон. Скарабеоид из горного хрусталя. V в. до н. э. Пантикапей. ОАК 1864. С. 100; Мирмекийский клад 2004. № 158.

281. Грифон, сидящий перед хлебным колосом. Золотые и серебряные монеты синдов. Конец V – начало IV в. до н. э. БЦ. Табл. I, 9,10.

282. Два грифона. Краснофигурный аск. Вторая четверть IV в. до н. э. Пантикапей. CVA Russia. 2003. Pl. 63.

283. Грифон. Краснофигурные аски. Вторая четверть IV в. до н. э. Китей. Шталь 2004. № 12, 13.

284. Грифон. Золотые бляшки из боспорской мастерской. Первая половина IV в. до н. э. Курган Куль-Оба. Копейкина 1986. С. 50, 61.

285. Грифон. Украшение шлема Афины. Золотая подвеска. Первая половина IV в. до н. э. Курган Куль-Оба. ГЗ. № 87.

286. Грифон. Украшение шлема Афины. Позолоченные терракотовые медальоны. Первая половина IV в. до н. э. Пантикапей, Нимфей, Тамань. Силантьева 1959. С. 35. Рис. 13, 1; Онайко 1979. С. 394; Завойкин 2003. С. 94-95.

287. Грифон. Медные монеты Пантикапея. Середина IV в. до н. э. Зограф 1951. Табл. XL, 12, 14, 16, 18; Табл. 41, 18; БЦ. Табл. I, 18; Анохин 1986. № 112, 162.

288. Грифон. Известняковая плита. 350–300 гг. до н.э. Пантикапей. АМ. № 127; Тункина 2002. С. 213. Рис. 77.

289. Головы грифонов. Декор золотых серег «роскошного» стиля. Конец IV в. до н. э. Херсонес. Саверкина 2000. С. 18. Рис. 7.

290. Головы грифонов. Скульптурные украшения саркофагов. IV в. до н. э. Курган Большая Близница на Тамани. Артамонов 1966. № 312.

291. Грифон. Монеты Херсонеса. Последняя треть IV – II вв. до н. э. Анохин 1977. С. 138. № 60-76; С. 142. № 125, 126; С. 145. № 159, 160.

292. Грифон. Известняковая плита. IV–III вв. до н.э. Пантикапей. Античная скульптура 2004. С. 138. № 78.

293. Голова грифона. Украшение позолоченного конского налобника. Начало III в. до н. э. Курган Васюрина гора на Тамани. Власова 2004. С. 165. Рис. 9.

294. Грифон. Рельеф на мраморной стенке саркофага. II в. н.э. Херсонес. АП. № 183; АСХ № 501.

Грифоны вместе с реальными животными

295. Грифон и гусь. Обломок родосско-ионийского диноса. Третья четверть VII в. до н. э. Ольвия. Фармаковский 1914. С. 16. Табл. 1; Копейкина 1976. С. 137. Рис. 4.

296. Охота на грифонов, кабана и ланей. Аттический лекиф с рельефными фигурами мастера Ксенофанта. 380 гг. до н. э. Пантикапей. ДБК. Табл. 45, 46; Скржинская 1999. С. 121-130; Виноградов 2007. С. 23-24.

297. Два грифона и львица. Роспись саркофага IV–III вв. до н. э. Херсонес. Стржелецкий 1969. С. 80-81. Рис. 40.

298. Грифоны, львы, кабаны и пантеры. Фриз на мозаичном полу андрона. III в. до н. э. Ольвия. Леви 1985. С. 43. Рис. 26.

Божества, едущие на грифонах

299. Афродита на колеснице, запряженной двумя грифонами. Краснофигурная пелика. Первая четверть V в. до н. э. Пантикапей. ПБП. С. 137-138. Рис. 1.

300. Аполлон на грифоне. Краснофигурный килик. Рубеж V–IV вв. до н. э. Хора Херсонеса. Горбунова 1977. С. 41-45; АГСП 1984. Табл. 143, 5.

301. Дионис верхом на грифоне. Двадцать краснофигурных пелик. Пантикапей. IV в. до н. э. UKV № 404, 407, 409, 410, 438, 454, 457; ПБП. С. 146. Рис. 4-6; Шталь 2000. Табл. 3, 1; 4, 1; 7, 2; Фомина 1996. С. 61-62; Вдовиченко 2003. № 1-4, 98.

302. Дионис верхом на грифоне. Краснофигурная пелика. Феодосия. IV в. до н. э. Вдовиченко 2003. С. 488. № 970.

303. Дионис верхом на грифоне. Краснофигурная пелика. Херсонес. IV в. до н. э. Вдовиченко 2003. С. 488. № 542.

304. Менада на грифоне. Золотая бляшка на калафе жрицы. Курган Большая Близница на Тамани. IV в. до н. э. РД. С. 51. Рис. 67; Артамонов 1966. № 288; Емец 2002. С. 101.

305. Аполлон на грифоне. Роспись склепа. Пантикапей. Первые века нашей эры. РД. С. 34. Рис. 38.

Грифоны, терзающие зверей

306. Грифон, нападающий на пятнистую лань. Фрагмент краснофигурного ритона. 425–420 гг. до н. э. Фанагория. Лосева 1968. С. 91-92. Рис. 3; CVA Russia 2003. Tab. 37.

307. Грифон, терзающий коня. Электровый перстень. Первая половина V в. до н. э. Нимфей. ОАК 1877. С. 261. Табл. 5, 12; Силантьева 1959. С. 46. Рис. 19; АГСП 1984. Табл. 170, 6.

308. Грифоны, терзающие коня. Две краснофигурные пелики. Пантикапей. 370–350 гг. до н. э. UKV. № 536; ПБП. С. 137. Рис. 2,1; Шталь 2000. С. 64. № 103, 104.

309. Два грифона, терзающие лань. Две краснофигурные пелики. Середина IV в. до н. э. Пантикапей. UKV. № 537; ПБП. С. 140, 152. Рис. 2, 4; 10, 2; На краю ойкумены. 2002. С. 28. № 38.

310. Грифоны и львы, нападающие на лань, быка и лошадь. Крышка краснофигурной леканы. 360 гг. до н. э. Пантикапей. ОАК 1861. С. 28. Табл. 2, 2; UKV № 18.

311. Грифоны, нападающие на разных животных. Позолоченные деревянные фигурки на продольных стенках саркофага. IV в. до н. э. Курган Мирзы Кекуватского в некрополе Пантикапея. БЦ. С. 255; Сокольский 1971. С. 232. Табл. 35, 8.

312. Грифон, терзающий пантеру. Золотая бляшка. IV в. до н. э. Курган Большая Близница на Тамани. Емец 2002. С. 104.

313. Грифон, терзающий коня. Деревянный саркофаг. Вторая половина IV в. до н. э. Гермонасса. ОАК 1869. С. 176-178; Сокольский 1969. С. 23. Табл. 7, 3.

314. Грифон, терзающий быка. Мраморное надгробие римского времени. Фанагория. Кузнецов 2007. С. 10. Рис. 8.

315. Грифон, терзающий быка. Украшение деревянного саркофага. Первая половина II в. н. э. Пантикапей. Сокольский 1969. С. 67. Табл. 42, 2.

Грифоны, сражающиеся с амазонками

316. Поединок грифона и амазонки. Фрагмент краснофигурного кратера. Начало IV вв. до н. э. Горгиппия. Цветаева 1980. С. 85. Рис. 7.

317. Амазонки, сражающиеся с грифонами. Краснофигурная пелика. Середина IV в. до н. э. Тира. Вдовиченко, 2003. С. 490. № 1000.

318. Поединок амазонки и грифона. Три краснофигурных пелики. Вторая половина IV в. до н. э. Северное Причерноморье. ПБП. С. 141. Рис. 3, 1; С. 153, Рис. 10, 4.

319. Поединок амазонки и грифона, сторожащего золото. Краснофигурный лекиф. Вторая четверть IV в. до н. э. Пантикапей. ГЗ. С. 159. Рис. 49.

320. Поединок конной амазонки и грифона. Фрагмент краснофигурного кратера. Третья четверть IV в. до н. э. Пантикапей. Лосева, 1962. С. 178. Рис. 6; Вдовиченко, 2003. С. 452. № 199.

321. Конная амазонка, сражающаяся с грифоном. Фрагмент краснофигурной пелики. 330–320 гг. до н. э. Херсонес. Вдовиченко, 2003. С. 468. № 550.

322. Сражение двух амазонок с грифоном. Три краснофигурных пелики. Вторая половина IV в. до н. э. Пантикапей. ПБП. С. 157. Рис. 11,1; 12, 2; На краю ойкумены, 2002. С. 29. № 40.

323. Пешая амазонка, сражающаяся с грифоном. Фрагменты двух краснофигурных пелик. Конец IV в. до н. э. Херсонес. Вдовиченко, 2003. С. 468. № 566, 571.

324. Сражение амазонки на биге с двумя грифонами. Краснофигурная пелика. Конец IV в. до н. э. Пантикапей. ПБП. С. 144; UKV № 453.

325. Сражение амазонок с грифонами. Золотой калаф. 330–300 гг. до н. э. Курган Большая Близница на Тамани. ГЗ. № 203.

326. Грифон и поверженная амазонка. Рельефное украшение бронзового таза. Эллинистический период. Тамань. Анфимов 1966. С. 19.

Протомы амазонок, коней и грифонов

327. Голова амазонки и грифон. Две крышки краснофигурных лекан. Середина IV в. до н. э. Тиритака. Шталь, 2004. № 64, 67.

328. Голова амазонки и лежащий грифон. Крышка краснофигурной леканы. Вторая четверть IV в. до н. э. Херсонес. Шталь, 2004. № 66.

329. Головы амазонки и грифона. Три краснофигурных пелики. Вторая половина IV в. до н. э. Пантикапей. ПБП. С. 153. Рис. 10; С. 144. Рис. 6.

330. Две головы амазонок и две головы грифонов. Крышка краснофигурной леканы. IV в. до н. э. Пантикапей. АМ. № 51.
331. Головы амазонки и грифона. Обломок крышки краснофигурной леканы. IV в. до н. э. Поселение на м. Зюк (Боспор). Шталь, 2004. № 63.
332. Головы амазонок, грифона и коня. 16 краснофигурных пелик. Середина IV в. до н. э. Пантикапей. ПБП. С. 139. Рис. 2, 2; С. 158. Рис. 11. АРК. № 52; Вдовиченко, 2003. С. 445-448. № 31- 40, 78, 81, 87, 91.
333. Головы амазонки, грифона и коня. Краснофигурная пелика 350–325. Нимфей. Силантьева, 1959. С. 47. Рис. 22; ДГН. № 72; UKV. № 464.
334. Головы амазонки, грифона и коня. Краснофигурная пелика. 330–320 гг. до н. э. Мирмекий. Вдовиченко, 2003. С. 446. № 63.
335. Головы амазонки, грифона и коня. Краснофигурная пелика. 330–320 гг. до н. э. Феодосия. Вдовиченко, 2003. С. 487. № 960.
336. Головы амазонки, грифона и коня. Краснофигурная пелика. 330–320 гг. до н. э. Ольвия. Вдовиченко, 2003. С.492. № 1030.
337. Голова амазонки между обращенных к ней в профиль грифонов. Краснофигурная пелика. 330–320 гг. до н. э. Херсонес. Шталь, 2000. С. 67. № 106.

Грифоны, сражающиеся с аримаспами

338. Грифон, нападающий на конного аримаспа. Краснофигурная пелика. 360- 350 гг. до н. э. Нимфей. ДГН. № 75.
339. Конный аримасп, сражающийся с грифоном. Одиннадцать краснофигурных пелик. Третья четверть IV в. до н. э. Пантикапей. ПБП. С. 141. Рис. 4; АРК. № 51; UKV. № 411, 456, 545; Вдовиченко, 2003. С. 445. № 15-22, 101.
340. Пеший аримасп, сражающийся с грифоном. Четыре краснофигурных пелики. Вторая половина IV в. до н. э. Пантикапей. ПБП. С. 144. Рис. 6, 4. UKV № 420-423.
341. Три аримаспа, сражающиеся с грифоном. Краснофигурная пелика. 350–330 гг. до н. э. Тира. Вдовиченко, 2003. С. 490. № 1002.
342. Пеший аримасп без шапки, сражающийся с грифоном. Фрагмент краснофигурной пелики. 330–320 гг. до н. э. Тира. Вдовиченко, 2003. С. 490. № 1001.
343. Конный аримасп, сражающийся с грифоном. Краснофигурная пелика. 330–320 гг. до н. э. Феодосия. Вдовиченко, 2003. С. 488. № 965.
344. Два грифона, нападающие на конного аримаспа. Три краснофигурные пелики. 330–320 гг. до н. э.. Пантикапей. Вдовиченко, 2003. С. 444. № 8-10.

345. Грифон, обороняющийся от нападения двух пеших аримаспов. Три краснофигурные пелики. Вторая половина IV в. до н. э. Пантикапей. UKV. № 408, 539; Вдовиченко, 2003. С. 445. № 25.

346. Грифон, обороняющийся от нападения двух аримаспов. Краснофигурная пелика. Вторая половина IV в. до н. э. Горгиппия. UKV. № 455.

347. Аримасп верхом на грифоне. Краснофигурная пелика. Вторая половина IV в. до н. э. Пантикапей. Ашик, 1849. Т. 3. № 18; ОАК 1861. Табл. 2.

348. Аримасп, сражающийся с грифоном. Обломок краснофигурной пелики. Вторая половина IV в. до н. э. Тира. Буравчук, Самойлова. 1983. С. 156. Рис. 3, 1.

Крылатые кони и кабаны, львы и змеи

349. Взлетающий крылатый конь. Целая клазоменская амфора и обломки стенок семи подобных амфор. Середина VI в. до н. э. Березань. Книпович 1927. Табл. 12; Копейкина 1979. С. 17-18. Рис. 16, 18.

350. Взлетающий крылатый конь. Обломки стенок трех клазоменских амфор. Середина VI в. до н. э. Ольвия. Книпович 1927. С. 92; Леви 1972. С. 47-48. Рис. 14, 1.

351. Взлетающий крылатый конь. Клазоменская амфора. 520 гг. до н. э. Пантикапей. ОАК 1902. С. 54. Рис. 91. Книпович 1927. С. 90. Табл. 11; Копейкина 1979. С. 18. Рис. 17.

352. Пегас на щите Афины. Панафинейская амфора. 515–510 гг. до н. э. Пантикапей. ИАК № 45. 1912. С. 77. Табл. 5.

353. Крылатый конь. Медальон чернофигурного килика. Конец VI в. до н. э. Березань. ББ. 2005. № 134.

354. Два крылатых коня. Чернофигурный киаф. 500–490 гг. до н. э. Ольвия. Горбунова 1983. № 176.

355. Беллерофонт на Пегасе. Серебряный килик. 460 гг. до н. э. Второй Семибратний курган (Тамань). Горбунова 1971. С. 23-26. Рис. 6.

356. Крылатые змеи, везущие Трптолема. Два кизикинских статера. 460- 400 гг. до н. э. Мирмекий. Мирмекийский клад 2004. № 22, 23.

357. Пегас. Кизикинский статер. 460–400 гг. до н. э. Мирмекий. Мирмекийский клад 2004. № 85

358. Пегас. Золотая серьга. 400–350 гг. до н. э. Пантикапей. ГЗ. № 101.

359. Крылатый лев. Золотая монета. 379–369 гг. до н. э. Пантикапей. Анохин 1986. С. 140. № 92.

360. Крылатый кабан. Золотые бляшки. Первая половина IV в. до н. э. Курганы Куль-Оба и Второй Семибратний на Тамани. Артамонов 1966. Рис. 49; Копейкина 1986. С. 58.

361. Пегас. Медная монета Пантикапея. Середина IV в. до н. э. БЦ. С. 582. № 19. Табл. 1, 19.

362. Пегас. Круглые золотые бляшки для подвешивания к ожерелью. Старший Семибратний курган близ Нимфея. Вторая половина IV в. до н. э. АП. № 23; Трейстер 2006. С. 171. Рис. 14.

363. Пегас. Подвеска из слоновой кости к ожерелью эллинистического времени. АГСП 1955. С. 428. Рис. 27.

364. Пегас. Медная монета Херсонеса. III в. до н. э. Анохон 1977. С. 144. № 155.

365. Крылатый лев. Украшение серебряного конского наносника. Курган Васюрина гора (Тамань). III в. до н. э. Власова 2004. С. 168. Рис. 26.

366. Пегас. Медная монета Пантикапея. 47- 30 г. до н. э. АГСП 1984. Табл. 78, 38.

367. Пегас. Украшение деревянного саркофага. I- начало II вв. н. э. Пантикапей. Сокольский 1969. Табл. 39, 6.

VI. Изображения растений и их роль на памятниках искусства

Растения всегда играли важнейшую роль в жизни людей. Для земледельческих народов они в первую очередь составляли источник питания; так было и у греков, поселившихся на северных берегах Понта. Поэтому не случайно большинство ученых, обращающихся к теме о растениях в античности, сосредотачивают внимание на сельскохозяйственных культурах и их значении¹. Кроме того палеоботаники восстанавливают древнюю флору², а по остаткам деревянных изделий исследователи делают выводы об использовании разных пород древесины при строительстве частных и общественных зданий, для обогрева жилища и готовки пищи, для всевозможных изделий и прочих нужд³.

Однако, роль растений не исчерпывалась указанными потребностями. Памятники изобразительного искусства дают возможность узнать об иных функциях растений в культуре эллинов Тире, Ольвии, Херсонеса и Боспора. Одна из этих функций — украшение головы венком из цветов, трав или ветвей, а также праздничное убранство венками и гирляндами стен дома, храма или алтаря.

Античные художники постоянно изображали людей и богов в венках, отражая их заметную роль в определенных моментах жизни эллинов. Венки сплетали из полевых и садовых цветов, трав, ветвей и листьев лавра, оливы, винограда плюща, мирта, дуба, сосны, пальмы и других растений. Спрос на венки и гирлянды был столь высок, что наряду с прочими товарами их продавали на рынках (*Antiph.* 83). Этим занимались в основном

¹ См., например, обобщающий очерк и библиографию в разделе *И.Т. Кругликовой* «Сельское хозяйство и промыслы» // *Античные государства Северного Причерноморья*. М., 1984. С. 154-158; *Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешко В.М.* Сельская округа Ольвии. Киев, 1989. С. 72-74, 136-137; *Винокуров В.И.* Акклиматизация винограда в начальный период развития виноградарства в Северном Причерноморье // *Боспорские исследования*. Вып. 1. Симферополь, 2001. С. 4-22.

² *Пашкевич Г.А.* Состав культурных и сорных растений из раскопок поселений сельской округи Ольвии // *Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Отрешко В.М.* Античные поселения Нижнего Побужья (археологическая карта). Киев, 1990. С. 114-119; *Она же.* Палеоботанические находки на территории Украины. Памятники I тыс. до н. э. – II тыс. н. э. Киев, 1991.

³ *Сокольский Н.И.* Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1971.

бедные женщины; например, Аристофан (Thesm. 446 -452) упомянул вдову солдата, добывавшую средства к существованию подобным образом.

Венок был необходимой принадлежностью любого праздника. Устраивая дома свадьбу, день рождения или просто встречу с друзьями, хозяин заботился и венках для гостей; в особо торжественных случаях венками украшали стены андрона (рис. 138; № 2), гинекея (№ 7) и двери дома (Anacr. fr. 83; Comicorum atticorum fragmenta. ed. Kock. II. P. 3, 253; III. P. 372). Плутарх в “Застольных беседах” (III, 645-648) посвятил целый раздел подобным венкам. Он писал, что цветочные венки «радуют наше обоняние и зрение, испуская удивительный запах и представляя неподражаемое разнообразие красок», аромат же определенных растений помогает от опьянения. Считалось, что излюбленные греками венки из роз и фиалок успокаивают головную боль, а венок из шафрана «безболезненно рассеивает явления похмелья» и дает спокойно уснуть выпившим лишнее.

На общественных празднествах венком из священных растений или их изображением из золота увенчивали за заслуги перед государством (Thuc. IV, 21; Dem. XVIII, 84, 114, 115, 116) и за победы на мусических, атлетических и конных агонах (Pind. Ol. VIII, 76; Nem. V, 5; Her. VIII, 26). Венок включался также в торжественный наряд хористов, выступавших на праздниках (Dem. XXI, 16); ими украшали жертвенных животных (рис. 15; № 60), их приносили в святилища богов в качестве дара (Eur. Hippol. 73; Dem. XXII, 72-74). Кроме того греки часто хоронили умерших в венках, увенчивая их как победителей в битве, которой уподоблялась жизнь человека⁴.

Эти общие для всех эллинов обычаи существовали и в Северном Причерноморье. По надписям известно о посвящении венков богам в Ольвии (НО. № 68, 80) и о наградах венками в Тире, Ольвии и Херсонесе⁵, а в некрополях Боспора, Херсонеса и Ольвии найдены венки из золота и других материалов⁶. Поэтому не случайно изображения венков встречаются на

⁴ Higgins R.A. Greek and Roman Jewellery. London, 1961. P. 121.

⁵ Скржинская М.В. Награды граждан античных городов Северного Причерноморья // ВДИ 2003. № 4. С. 90- 94.

⁶ Стефани Л. Объяснения некоторых художественных произведений, найденных в 1874 г. в Южной России // ОАК 1875. С. 16- 28; ГЗ. № 105, 113, 115; Парович-Пешикан М. Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев, 1974. С.182, 187, 205, 209; Костюшко-Валюжинич К.К. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1900 г. // ИАК. № 2. 1902. С.14; Щеглов А.Н. Некрополь у Песочной бухты близ Херсонеса // КСИА. № 143. 1975. С.112; Зубарь В.М., Шевченко А.В., Литавский С.А. Некрополь Херсонеса Таврического (материалы раскопок 1983-1985 гг.). Киев, 1989. С.39. № 13, 19, 20, 39, 48; Стоянов Р.В. Свинцеві трилітники з еліністичного некрополя Херсонеса Таврійського // Археологія. 2001. № 1. С. 123- 124.

местных монетах, почетных стелах и пьедесталах статуй, росписях склепов и некоторых других памятниках искусства.

Античные авторы упоминают венки из разных растений и цветов. Среди цветов для венка греки особенно любили розы, фиалки и мирт (Saph. Fr. 3; Anacr. fr. 83; Aristoph. Ran. 330; Theocr. VII, 64). Их ценили не только за красоту, но и за приятный запах (Theophr. De odor. 28), поэтому в венках использовались также душистые травы, например, укроп (Saph. fr. 18).

Венки из лавра, оливы, плюща и некоторых других растений были атрибутами определенных богов: лавр – Аполлона, олива – Афины, плющ – Диониса, колосья – Деметры. Поэтому Аполлона изображали в лавровом венке, и таким венком увенчивали на его праздниках во время Пифийских игр в Дельфах и на панэллинских торжествах на Делосе. Подобным образом победитель на драматических агонах во время Великих Дионисий в Афинах получал венок из плюща (Plut. Mor. 785 b; Athen. 241 f), а Диониса и его спутников художники часто представляли в плющевых венках (рис. 88). Этой традиции придерживались в Тире, Ольвии, Херсонесе и на Боспоре, когда чеканили на своих монетах профили Аполлона (№ 8, 21, 22, 30), Деметры (№ 23), Диониса (№ 31, 40, 41) или его спутника Сатира (рис. 92; № 15, 16, 24) в венках из соответствующих растений.

Древнейшие изображения венков появились в Северном Причерноморье уже в архаическую эпоху. Таковы рисунки на импортных аттических вазах VI–IV вв. до н. э. (рис. 138, 139; № 1-7, 9, 57, 59), а в классический период венки стали изображать и на местных памятниках. В конце V в. до н. э. боспоряне поместили на своих монетах профиль Аполлона в венке (№ 8), а с IV в. до н. э. венки встречаются также в росписях склепов (рис. 140; № 13, 17), на весовых гирях (№ 21) и изготавливаются для погребальных обрядов (№ 29, 34-39).

На плите, замыкавшей свод склепа IV в. до н. э. в кургане Большая Близница на Тамани была изображена Деметра или Кора в венке из цветов вьюнка и зелени (№ 13). Вероятно, греки вообще любили вплетать в свои венки вьюнки; не случайно они вместе с другими цветами включены в найденный на юге Италии самый пышный из сохранившихся золотых венков⁷. Традиция украшать склепы росписью такого рода сохранялась на Боспоре несколько столетий; богиня в венке из лилий, колокольчиков и диких роз была нарисована на рубеже нашей эры в пантикапейском склепе Алкима (№ 43).

⁷ Deppert- Lippitz. Griechischer Gold schmuck-Meinz am Rhein, 1985. S. 196. Abb. 145. Taf. 21.

Пантикапейский художник во второй половине IV в. до н. э. украсил стены склепа изображениями необходимых принадлежностей атлета (сосуды с маслом для натирания во время тренировок и состязаний, полотенца и стригиль), а также нарисовал два вида призов, представляющих лавровые венки и повязки-тении с тканым узором (рис. 140; № 17). Венки составлены из двух ветвей, на некоторых среди листвы видны круглые плоды лавра. Вероятно, не случайно листья окрашены желтоватой краской, передавая золотистый цвет искусственного изделия или засушенного венка. Ведь на Боспоре, по словам Феофраста (Theophr. Hist. plant. IV, 53), эллины безуспешно пытались вырастить лавр и мирт хотя бы в небольших количествах для священных ритуалов. Существует мнение, что боспорянам в конце концов удалось акклиматизировать лавр, так как его листья обнаружены в нескольких могилах пантикапейского некрополя.⁸ Палеоботанические доказательства произрастания лавра на территории античных государств Северного Причерноморья отсутствуют, поэтому можно предположить, что сюда привозили засушенные лавровые листья и ветви, которые и попали в могилы.

Имитации лавровых и оливковых венков, исполненные из золота, неоднократно находили в боспорских погребениях (№ 10-12, 20, 34-39), а фрагменты подобных изделий из золота и менее ценных материалов (бронзы, свинца, керамики) обнаружены также, как уже говорилось, в некрополях Ольвии и Херсонеса. Венки бывали двух типов: у одних листья и цветы прикреплялись к обручу, другие состояли из двух ветвей, скрепленных сзади проволокой или лентой, а спереди у золотых венков на месте соединения ветвей иногда помещали полудрагоценный камень или золотую пластину с оттиском местной монеты (рис. 141; № 10, 20).

Большинство уцелевших венков сделано специально для погребального обряда, и поэтому у них тончайшие лепестки и золотой фольги, изредка цветы (№ 34), а на затылочной части они отсутствуют. Погребальные венки и повязки часто включали листья сельдерея (рис. 142; № 36, 38, 39), считавшегося олицетворением печали (Plin. NH. XX, 44). Греки украшали могилы венками и гирляндами из сельдерея (Duris, 33), а о безнадежно больном существовала поговорка: «он нуждается в сельдерее» (Plut. Mor. 676 d), то есть его дни сочтены. Возможно, свинцовые трилистники в херсонесских погребальных венках представляли листья сельдерея, хотя их красная окраска может указывать на условное изображение какого-то цветка (№ 29).⁹ Иногда покойного увенчивали венком, наверное, получен-

⁸ Сокольский Н.И. Указ. соч. С. 23.

⁹ Стоянов Р.В. Указ. соч. С. 124.

ным им при жизни в качестве награды. Такие оливковые венки IV в. до н. э., более искусно сделанные и более тяжелые, чем погребальные, находились, например, в мужских погребениях курганов Кекуватского (рис. 141; № 10) и Большая Близница (№ 11); на последнем видны следы древней починки, свидетельствующие о том, что его неоднократно носили в торжественных случаях.

Как и во многих греческих городах, венки, полученные гражданами Тиры, Ольвии и Херсонеса у себя на родине и в других государствах, изображались на мраморных стелах с почетными декретами и на постаментах статуй¹⁰. На Боспоре такие изображения отсутствуют, потому что его правители не давали своим гражданам подобных наград¹¹. Одно из древнейших и лучших изображений наградных венков в Северном Причерноморье сохранилось на стеле из Тиры, исполненной в середине III в. до н. э. (рис. 143). Ее украшали шесть венков из ветвей лавра и плюща, заслуженных тиритом в Ольвии, Кизике, на Родосе и еще в трех городах, наименования которых вместе с именем награжденного не уцелели (№ 19). Лавровые венки состоят из двух ветвей, перевязанных сзади лентами, а плющевые дополнены вплетенными в них цветами. Видимо, плющ в венке нередко соединялся с цветами. Такое сочетание видно на венках, венчающих голову Диониса и Сатира на боспорских монетах (№ 16, 41); венок из плюща с фиалками украшал голову Алкивиада во время симпозиона (Plat. Symp. 212 e), а пастух в идиллии Феокрита (III, 22-23) предлагал своей возлюбленной венок из плюща, цветочных бутонов и душистых трав.

Лавровые и плющевые венки были вырезаны на постаменте конной статуи херсонесита Агасикла, жившего в первой половине III в. до н. э. (№ 25), а очень обобщенного вида венки украшают стелы с почетными декретами в честь соотечественников и младших современников Агасикла (№ 26, 27). Традиция украшать венками стелы с декретами и постаментами статуй сохранялась в Ольвии и Херсонесе до первых веков нашей эры (IRE I². № 198, 279, 419, 420, 423, 424, 426, 427, 585). Рельефные изображения венков встречаются на Боспоре изредка лишь на посвяtitельных надписях, так как боспорские цари не награждали венками своих граждан за заслуги перед государством (№ 32, 33).

Листья и цветы в венках часто бывают столь обобщенными, что их невозможно отнести к какому-то определенному виду; например, во многих случаях нельзя распознать оливковые, лавровые и миртовые листья. Примером могут служить листовенные венки на херсонесских и ольвийских

¹⁰ Скржинская М.В. Указ соч. С. 93-94.

¹¹ Там же. С. 91.

стелах (№ 26, 27), а также монетах (№ 28), или цветочные и другие венки на привозных вазах (№ 2, 4, 7, 9). Наверное, в таких случаях художник имел в виду не конкретный венок, а венок вообще.

Схематичные венки на монетах в ряде случаев можно отнести к определенному виду, исходя из принадлежности тому или иному богу. Поэтому, каким бы условным ни был венок у Аполлона, он всегда считается лавровым. По той же причине, мне кажется неверным определение В.А. Анохиным венка на монете III в. до н. э. из Тире как лаврового; он занимает весь реверс монеты, но так как на аверсе представлена Афина, то венок должен быть оливковым (№ 18). Для сравнения напомним монеты Тире с изображением Деметры в венке из колосьев и одного такого венка, явно символизирующего богиню (№ 23), или боспорские монеты с плющевыми венками, атрибутом Диониса, на реверсе и профилем самого бога на аверсе (№ 42).

В Северном Причерноморье в силу климатических условий венки из живых растений и цветов отличались от принятых в Элладе. Греки могли вырастить любимые всеми эллинами розы и фиалки, душистый укроп и сельдерей, найти для венка ветви дуба, сосны, тополя, но необходимые для священнодействий лавр, мирт, плющ и олива здесь не росли. Видимо, их заменяли чем-то иным, как это произошло во многих государствах северной и центральной Европы в «Вербное воскресенье», когда взяли вербу вместо сопровождающих этот праздник в южных странах пальмовых ветвей, которыми некогда приветствовали Христа. Однако, местные мастера в древности, делая искусственные венки или изображая их, следовали канонам искусства Эллады. Поэтому найденные археологами погребальные венки в основном лавровые и оливковые, и на монетах и росписях склепов мы видим венки из растений, распространенных в Средиземноморье.

Наряду с венками художники помещали также определенные растения в качестве атрибутов в руках богов или рядом с ними. Такие примеры в Северном Причерноморье можно найти преимущественно на импортных изделиях, чаще всего на вазах. Аполлон изображается с лавровой ветвью (№ 61) или рядом с лавровым деревцем (№ 57-59). У Деметры вместе с колосьями (№ 14) встречается мак, другой ее растительный атрибут (№ 64); подобно упомянутому отдельно представленным венкам в качестве символа божества, изображения колосьев со снопами и маками подразумевали присутствие этой богини плодородия, например, на гемме перстня с альмандином из Ольвии (№ 68). Из местных изделий можно указать маковый

стебель вместе с колосьями как атрибут Деметры на монетах Тире III–II вв. до н. э.¹²

Плющ и виноград постоянно сопровождали изображения Диониса и его спутников. Дионис, менады и сатиры на фоне виноградных лоз нарисованы на аттических вазах из Ольвии и Пантикапея (№ 44-49); редкое изображение Диониса с Ариадной в виноградной беседке сохранилось на ойнохое из Пантикапея (№ 63); стоящий бог с виноградной кистью представлен на монетах Горгииппии (№ 69).

Олива издавна символизировала богиню покровительницу Афин, поэтому не удивительно, что это растение часто встречается на аттических вазах. Во многие города Северного Причерноморья в V в. до н. э. привозили массово изготавливавшиеся скифосы с изображением совы, птицы Афины, между двумя оливковыми ветвями (рис. 67; № 52-56)¹³. Ветви нарисованы столь схематично, что в некоторых современных работах их называют лавровыми,¹⁴ хотя их сочетание с совой в древности несомненно вызывало ассоциацию только с оливой.

Гирлянда тонко прорисованных оливковых ветвей обвивает горло гидрии со сценой спора Афины и Посейдона за обладание Аттикой; боги предлагают свои дары: Посейдон – соляной источник, а Афина – оливу, изображенную в виде позолоченного деревца. Эта дорогая ваза из Пантикапея принадлежит к лучшим образцам ваз с рельефными фигурами (№ 113). На ней воспроизведена средняя часть исполненной Фидием композиции скульптур на фронте Парфенона. Во время праздников в честь главной городской богини афиняне шли в торжественной процессии с оливковыми ветвями в руках. Это отразилось в росписи амфоры из Нимфея (№ 50) и могло напоминать тот праздник, который видели достаточно многочисленные боспоряне, посещавшие Афины. Вазописцы рисовали оливковые венки и ветви у героев, которым, согласно мифам, покровительствовала Афина, и подобные росписи есть на вазах, привезенных в Северное Причерноморье (№ 51).

В Элладе растения и цветы неоднократно служили символами государства. Примером такого рода является пшеничный колос на золотых статерах Пантикапея в IV в. до н. э. (рис. 91, 120; № 62), когда хлебная торговля Боспора достигла своего наивысшего расцвета, завоевав рынки Афин и других греческих государств. К числу наиболее известных символов та-

¹² Зограф А.Н. Античные монеты. М.- Л., 1951. С. 113.

¹³ Тугушева О.В. Аттические скифосы с изображением совы // Введение в храм. М., 1997. С. 136-147.

¹⁴ На краю ойкумены. Греки и варвары на северном берегу Понта Эвксинского. Каталог выставки. М., 2002. С. 25.

кого рода в греческой ойкумене относится цветок граната на монетах¹⁵ и амфорных клеймах Родоса в эллинистический период; последние во множестве найдены в городах Северного Причерноморья (рис. 144; № 65). Аналогичный цветок граната чеканился на монетах Фанагории в начале II в. до н. э. (№ 67). По сообщению Феофраста известно о выращивании гранатов на Боспоре; возможно, это особенно хорошо удавалось на хоре Фанагории, и поэтому она взяла этот символ для своих монет. Однако за монетными изображениями часто стояли политические мотивы, так что широко известный символ Родоса мог появиться на фанагорийских монетах по каким-то государственным соображениям.

Оливковое дерево на гидрии IV в. до н. э. из Пантикапея (№ 113) представляет одно из немногих поддающихся точному определению деревьев на памятниках искусства, найденных в Северном Причерноморье (рис. 63). Сюда можно добавить несколько пальм (рис. 40, 51; № 58, 111, 114) и лавровых кустов или небольших деревьев (№ 59, 114) на аттических вазах. В прочих случаях как на местных боспорских фресках (№ 117), так и на привозных вазах встречаются некие обобщенные силуэты лиственных деревьев (№ 112), иногда фруктовых с круглыми плодами (№ 115). Вообще в греческом искусстве плоды обычно изображались весьма обобщенно как нечто круглое, что может быть яблоком или гранатом (№ 89, 92, 115, 116). Исключения составляют эпизодически встречающиеся шишки (рис. 61; № 109), орехи (№ 110), желуди (№ 12), семена фенхеля (№ 86), дыня (№ 98). Возможно, четырехугольные выступы, украшавшие некоторые «мегарские» чаши, имитировали шишку пинии¹⁶, но вряд ли на Боспоре, куда привозили такие сосуды, они вызывали ассоциации с плодом не произраставшего здесь дерева.

Как правило, столь же обобщенно изображались цветы. Лотос был любимым цветком вазописцев архаического времени¹⁷. Его можно узнать в руках участницы праздничной процессии на клазоменском кратере из раскопок Березани (рис. 1; № 71) и Эрота на ольвийском лекифе (№ 84), а также рядом с женской головой на ойнохое из Ольвии (№ 77). Но в основном стилизованные цветы и бутоны лотоса использовались в орнаментах на вазах и зеркалах; пояса из цветов лотоса встречаются на самых ранних образцах расписной керамики из Северного Причерноморья, например, на хиосской вазе второй половины VII в. до н. э. и на милетской амфоре второй половины VI до н. э., найденных на Березани (рис. 100; № 70, 79).

¹⁵ Зограф А.Н. Указ. соч. С. 98. Табл. 9, 24; 17, 5 и 6.

¹⁶ Забелина В.С. Импортные «мегарские» чаши из Пантикапея // Сообщения ГМИИ. 1984. №7. С. 159

¹⁷ Boardman J. Athenian Black Figure Vases. London, 1985. P. 203.

В классический период такие орнаменты на керамике выходят из моды и в дальнейшем встречаются на ювелирных изделиях и тканях. Назовем несколько памятников такого рода из Ольвии и Пантикапея. Таковы пояса бутонов или цветов лотоса на аттической, самосской и коринфской керамике (рис. 80; № 78, 76, 78, 80, 81), цветок на ручке архаического аргосского зеркала (рис. 111; № 82), стилизованные цветы, обрамляющие розетки, на золотом ожерелье и нашивных бляшках (№ 86, 90).

Другие стилизованные цветы, так называемые розетты, постоянно встречаются в декоре импортной и местной керамики (№ 70, 106), ювелирных украшений (№ 88, 90, 91), алтарей (№ 92, 100), архитектурных деталей (№ 94), посвященных и надгробных стел (№ 95, 97), саркофагов (№ 96) и др. (№ 102). В основе этих изображений невозможно различить определенный цветок, хотя розетты имеют разнообразные формы (рис. 10, 29).

Античные растительные украшения и орнаменты чаще бывают листовыми, чем цветочными. Среди них наиболее распространены лавр, олива, виноград, плющ, аканф и пальма. Листья последней, в большинстве случаев приобрели столь специфически орнаментальный характер, что уже в архаический период пальметты вряд ли вызывали ассоциации с пальмовым деревом. Например, в VI в. до н. э. в Милете изготовлялись терракотовые пальметты для декора местных храмов и импорта в другие полисы. Подобные пальметты найдены в Ольвии; они окрашены в красный и черный цвета, что мало напоминает зеленый лист пальмы¹⁸.

На памятниках искусства из Северного Причерноморья пальметты встречаются, начиная с архаического времени (рис. 12, 96). Они венчали фронтоны храмов¹⁹ и стел²⁰, украшали архитектурные детали (№ 82, 103, 108), многие вазы, ювелирные изделия и ткани (№ 88, 89, 93). Один из наиболее красивых орнаментов из пальметт заполняет пространство под ручкой лекифа Ксенофанта из Пантикапея (№ 114).

Более реалистично изображались листья аканфа; на памятниках искусства из Северного Причерноморья они украшают многие изделия эллинистического времени: колонны коринфского ордера и прочие архитектурные

¹⁸ Крыжицкий С.Д., Русяева А.С., Назарчук В.И. Архитектурная терракота позднеклассического времени из Ольвии // Боспорские исследования. Т. 8. Симферополь-Керчь, 2005. С. 22. Табл. 2.

¹⁹ Русяева А.С. Архаическая архитектурная терракота из Ольвии // Античные древности Северного Причерноморья. Киев, 1988. С.45; Крыжицкий С.Д. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев, 1993. С. 52.

²⁰ АП. № 48; АГСП 1984. С. 319. Табл. 128, 1 и 2.

детали (рис. 145), а также «мегарские» чаши (№ 106)²¹ и другие керамические и металлические сосуды (№ 98, 107). Наряду с декоративной функцией аканф в греческом искусстве иногда играл роль символа возрождения и пробуждения новой жизни. Среди рассматриваемых произведений лишь на одном можно с достаточной уверенностью определить подобное значение упомянутого растения: это находившаяся во II в. до н. э. в храме Пантикапея мраморная статуя богини, которая была представлена на сидении, обвитом аканфом²².

В орнаментах аканф нередко переплетался с другими растениями, часто с цветами арацеи (рис. 146; № 98, 99, 108). Такое сочетание появилось в IV в. до н. э.²³ и в дальнейшем получило распространение не только на привозных, но и на местных изделиях. Например, ольвийский художник нарисовал на курильнице-урне листья аканфа и несколько стадий цветения и созревания плода арацеи или каллы²⁴, как ее также называли ученые в первой половине XX в. (№ 98). Бронзовые украшения греческой колесницы III в. до н. э. из Васюринского кургана на Тамани состояли из арацеи, пальметт и листьев аканфа (№ 99). В III–II вв. до н. э. цветы арацеи и лотоса, чередующиеся с пальметтами, встречаются в декоре монументальных сооружений Херсонеса (№ 103). Вместе с пальметтами арацея с белыми лепестками и красным початком включена в декор раскрашенных капителей на известняковых колоннах II–I вв. до н. э. из Пантикапея (№ 108).

Достаточно хорошо узнаваемы были гирлянды и орнаменты из листьев плюща и винограда с гроздьями ягод, имевшие характерные очертания. Они постоянно встречались на росписях ионийских и аттических ваз (№ 72, 74, 75, 101), а также на рельефной керамике (№ 106), однако в ряде схематических росписей они не различимы, тем более что оба растения являлись атрибутами одного бога Диониса.

Оливковые, лавровые и миртовые листья часто трудно различить на вазовых рисунках (№ 104, 105) и на гирляндах, украшавших алтари (№ 92, 100). Более старательно художники выписывали растения, если они слу-

²¹ Лосева Н.М. Импорт и местное производство «мегарских» чаш на Боспоре // МИА. № 103. С. ; Коваленко С.А. К вопросу о развитии орнаментации античной рельефной керамики // СА. 1988. №2. С.; Он же. К истории изучения позднеэллинистической штампованной рельефной керамики в России // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. М., 1998. С.14. Там же библиография находок таких чаш.

²² Савостина Е.А. Статуя в храм. Боспорская Артемида? // Введение в храм. М., 1998. С. 170- 181.

²³ Сокольский Н.И. Античные деревянные саркофаги Северного Причерноморья. М., 1969. С. 31. Рис. 15.

²⁴ Зайцева К.И. Расписная курильница- урна из Ольвии // СА. 1970 № 3. С. 110-112. Рис. 1,2.

жили единственным украшением вазы (№ 101) или в орнаментах высокого художественного качества; таковы, например, ветви оливы с плодами на кратере и гидрии из Пантикапея (№ 85, 113). Обобщенно изображенную ветвь в руке Аполлона в древности всегда воспринимали как оливковую, а ветви на вазах с символикой Афины – как оливковые (№ 52- 56), о чем иногда забывают современные исследователи.

Для жителей Северного Причерноморья изображения южных растений играли познавательную роль. Памятники искусства давали возможность представить, как выглядели не произраставшие здесь лавр, олива, плющ, пальма, аканф, арацея. Об оливковых деревьях здесь знал каждый, потому что оливковое масло и соленые маслины входили в состав пищи всех эллинов. Также широко было известно о лавре, плюще, оливе и пальме как растениях, являвшихся атрибутами самых популярных богов; греки знали об этих растениях по их частым изображениям и по упоминаниям в литературных произведениях.

Местные мастера, обращаясь к изображению растений, следовали установившимся в греческом искусстве традициям. Поэтому на росписях ваз и склепов, на монетах и искусственных венках появлялись лавр, плющ, олива, аканф, не встречавшиеся в окрестностях государств Северного Причерноморья. Но даже если художник использовал произраставшие здесь растения, он изображал их по установившимся канонам. Таковы, например, виноградные лозы, вьюнки и маки на росписях боспорских ваз и склепов или повторяющий родосский образец цветков граната на монетах Фанагории.

Набор растений на предметах искусства из греческих городов Северного Причерноморья включает менее двадцати видов, однако они охватывают все основные типы, характерные для античного искусства. Одни из них встречаются часто и, как правило, изображаются реалистически (виноград, плющ, лавр, олива, аканф, арацея, сельдерей, пшеничные колосья); другие не менее распространенные приобрели стилизованные очертания (цветы и бутоны лотоса, розетты, круглые плоды), третьи хорошо узнаваемы, но появляются довольно редко (мак, дуб, мирт, пальмовое дерево), и, наконец, есть единичные изображения (дыня, миндаль, шишки).

Этот скромный ассортимент дает важную информацию о греческой культуре, хотя и не отражает истинных знаний эллинов о флоре Причерноморья и Средиземноморья.²⁵ Рассмотренные предметы изобразительного искусства раскрывают выдающуюся роль листовых и цветочных венков

²⁵ Ср. описание множества растений в «Истории растений» Феофраста, опиравшегося на имевшиеся в IV в. до н. э. знания эллинов о флоре разных частей ойкумены, в том числе и Северного Причерноморья.

в жизни греков и в их погребальном обряде. Эти памятники указывают также на символическое значение ряда растений в качестве атрибутов определенных божеств или символа государства. Как и в Элладе, на северных берегах Понта весьма ограниченный круг растений и цветов занимал видное место в украшениях архитектурных памятников, ювелирных изделий, расписных ваз, тканей и др., а выбор таких растений мало изменялся на протяжении многих столетий. Плющ и виноград всегда были излюбленными растениями античных художников. Лотос ушел из орнаментов на керамике в V в. до н. э. и дольше оставался на ювелирных изделиях и тканях до конца рассматриваемого периода, а цветы арацеи и листья аканфа прочно вошли в декор разных предметов в эпоху эллинизма.

Различия в составе видов растений из разных городов Северного Причерноморья практически отсутствуют; отличия можно наблюдать лишь в их количестве. Например, в милетских колониях, где Аполлон был главным богом, встречается больше изображений посвященного ему лавра, а выдающееся положение Деметры в пантеоне Тиры объясняет сравнительно более частое изображение колосьев на местных монетах. Рассмотренные материалы показывают, что роль флоры в культуре всех античных городов на северных берегах Понта была сходной и полностью отвечала общегреческой традиции, отражая все ее основные тенденции и изменения во времени.

Каталог изображений растений

Венки

1. Участники праздника Диониса в плющевых венках. Краснофигурный канфар с подписью художника Эпиктета. Конец VI в. до н. э. Остров Левка. АП. № 14; GSA. № 25.

2. Венки, украшающие андрон во время симпозиона. Чернофигурный кратер. Конец VI в. до н. э. Пантикапей. CVA. Puschkin Museum. 1996. V. 1. Pl. 25, 2.

3. Флейтистка и вакханка в венках из плюща на празднике Леней. Краснофигурный стамнос. Середина V в. до н. э. Пантикапей. АРК. № 46.

4. Ника с венком, подлетающая к алтарю. Краснофигурная амфора. Середина V в. до н. э. Ольвия. АМ. № 49.

5. Дионис в венке из плюща. Краснофигурный кратер. Середина V в. до н. э. Никоний. Секерская. 1989. С. 76. Рис. 64.

6. Гермес и Эрот в венках в сцене суда Париса. Краснофигурный кратер. Последняя треть V в. до н. э. Пантикапей. ОАК 1861. Табл. 3. ARV. 1185, 7; LIMC. Bd. 7. S. 176. № 48.

7. Невеста в венке из цветов и лавровые или оливковые венки с плодами, украшающие стены гинекея. Краснофигурный свадебный лебет мастера Мидия. 410 гг. до н. э. Пантикапей. МГВ. С. 105. Рис. 50.

8. Аполлон в лавровом венке. Монеты Пантикапея V–I вв. до н. э. БЦ. С. 583. Табл. 2. № 29, 35, 36; Анохин. 1986. № 57, 117, 172, 186, 188, 189.

9. Олимпийские боги в венках в сцене апофеоза Геракла. Краснофигурный кратер. Рубеж V–IV вв. до н. э. Курган Бакса близ Пантикапея. Schef-ton. 1982. P. 149-181. Taf. 42; LIMC. Bd. 5. S. 474. № 242; Bd. 7. S. 472. № 232.

10. Золотой венок из оливковых ветвей с плодами. Середина IV вв. до н. э. Пантикапей. ДБК. Табл. 4, 2; ГЗ. № 105.

11. Оливковый золотой венок со следами починки. 330–300 гг. до н. э. Курган Большая Близница (Тамань). БЦ. С. 189; ГЗ. № 115.

12. Дубовый золотой венок. 320–330 гг. до н. э. Курган Зеленская гора. (Тамань). ГЗ. № 113.

13. Деметра (или Кора) в венке из цветов и фриз из цветов арацеи и аканфа. Роспись склепа в кургане Большая Близница (Тамань). IV в. до н. э. АДЖ. С. 18. Табл. 7.

14. Деметра в венке из колосьев. Мраморный бюст. IV в. до н. э. Пантикапей. АП. № 49; Античная скульптура... 2004. С. 74. № 29.

15. Сатир в плющевом венке. Монеты Пантикапея. IV–III вв. до н. э. БЦ. С. 582-583. Табл. 1, 19- 23; 2, 25, 26; Анохин, 1986. № 80, 81, 102, 104, 124, 125, 129, 155, 175.

16. Сатир в плющевом венке с цветком посередине. Монеты Пантикапея. IV–III вв. до н. э. БЦ. С. 583. Табл. 1, 20; Анохин. 1986. № 109, 110, 115, 116, 120.

17. Лавровые венки. Роспись склепа. Конец IV – начало III в. до н. э. Пантикапей. АДЖ. С. 72. Табл. 26, 27.

18. Оливковый венок на реверсе и голова Афины на аверсе монеты Тиря. 270- 260 гг. до н. э. Анохин, 1989. № 445.

19. Лавровые и плющевые венки с цветами. Почетная мраморная стела. Середина III в. до н. э. Тира. Фурманская. 1960. С. 173-179; Карышковский, Клейман. 1985. С. 64. Рис. 23.

20. Золотой лавровый венок. III в. до н. э. Пантикапей. ДБК. Табл. 4, 3; ОАК 1875. С. 19.

21. Аполлон в лавровом венке. Свинцовая гиря. Ольвия. III в. до н. э. АГСП. С. 253. Табл. 66.

22. Аполлон в лавровом венке. Монеты Ольвии. III в. до н. э. и первые века н. э. Анохин, 1989. № 282-291; 366, 372, 380, 381.

23. Деметра в венке из колосьев. Монеты Тиря. III в. до н. э. Анохин. 1989. № 441-443; 447, 450.

24. Сатир в плющевом венке. Монета Фанагории. III в. до н. э. Анохин. 1986. № 142.
25. Лавровые и плющевые венки. Рельеф на мраморном постаменте статуи Агасикла. III в. до н. э. Херсонес. ИРЕ I². № 418; Виноградов, Щеглов. 1990. С. 354-355.
26. Два венка. Почетная мраморная стела с декретом в честь херсонеситов. III в. до н. э. Ольвия. НО. № 28.
27. Лавровый (?) венок. Почетная мраморная стела с декретом в честь историка Сириска. III в. до н. э. Херсонес. ИРЕ I². № 344.
28. Богиня Дева в венке. Монеты Херсонеса. 210–200 гг. до н. э. Анохин. 1977. № 133-144.
29. Погребальные венки с «цветами» из свинца и бронзовыми листьями. III–II вв. до н. э. Херсонес. Стоянов, 2001. С. 118- 125.
30. Аполлон в лавровом венке. Монеты Тиры. III–I вв. до н. э. Анохин, 1989. № 452- 454, 460, 475.
31. Дионис в венке из плюща. Монета Тиры. 170–160 г. до н. э. Анохин. 1989. № 462.
32. Три разных венка, завязанных лентами, и четыре розетты. Посвятельная известняковая стела Афродите Урании. Середина II в. до н. э. Пантикапей. РД. С. 27. Рис. 25; КБН. № 75; АГСП. С. 311. Табл. 121. № 2.
33. Три венка, перевязанные лентами, розетты и пальметты. Украшение известняковой стелы. Пантикапей. II в. до н. э. Античная скульптура... 2004. С. 60. № 16.
34. Золотой оливковый погребальный венок с цветком вьюнка в центре. II в. до н. э. Артюховский курган (Тамань). ОАК 1880. Табл. 4; Максимова. 1979. С. 41. Рис. 4.
35. Золотой лавровый погребальный венок. II в. до н. э. Артюховский курган (Тамань). Максимова. 1979. С. 42. Рис. 5.
36. Золотой погребальный венок из листьев сельдерея. II в. до н. э. Ольвия. Орешников. 1894. С. 8. Датировка дана на основании более точного современного определения монеты из этого погребения.
37. Золотой погребальный лавровый (?) венок. Эллинистический период. Пантикапей. На краю ойкумены... 2002. С. 57. № 187.
38. Золотой погребальный венок из листьев сельдерея. Эллинистический период. Пантикапей. ДБК. С. 40. Табл. 5,3.
39. Золотая погребальная повязка с прикрепленными к ней листьями сельдерея. Эллинистический период. Боспор. Быковская. 2004. С. 505. Рис. 9.
40. Дионис в плющевом венке. Монеты Пантикапея, Фанагории и Горгиппии. I в. до н. э. Анохин. 1986. № 196- 198, 202, 204, 209, 212.

41. Дионис в плющевом венке с цветами. Монеты Пантикапея. I в. до н. э. Анохин. 1986. № 212 а- л.

42. Плющевой венки на реверсе и Дионис на аверсе. Монеты Пантикапея, Фанагории и Горгиппии. I в. до н. э. Анохин. 1986. № 198, 204, 209.

43. Деметра (или Кора) в венке из лилий, колокольчиков и диких роз. Роспись склепа Алкима. I в. до н. э. - I в. н. э. Пантикапей. АДЖ. С. 166. Табл. 49.

Растительные символы и атрибуты богов

44. Дионис на фоне лозы с кистями винограда. Краснофигурный килик. 510 гг. до н. э. Ольвия. АНО. С.95. № 140, 1.

45. Сатир и менады на фоне лозы с кистями винограда. Краснофигурная ойнохоя. 510–500 гг. до н. э. Ольвия. АНО. С. 52. № 50, 10.

46. Дионис на фоне лозы с кистями винограда. Краснофигурный килик. 500–490 гг. до н. э. Ольвия. АНО. С. 66. № 82, 1.

47. Две танцующие менады на фоне виноградной лозы. Чернофигурная ойнохоя. Начало V в. до н. э. Ольвия. АНО. С. 37. № 6, 1.

48. Танцующий Дионис, менада и Сатир на фоне виноградной лозы. Краснофигурная ольпа. Начало V в. до н. э. Ольвия. АНО. С.38. № 8, 1.

49. Менада на фоне виноградной лозы. Краснофигурная амфора. Первая четверть V в. до н. э. Пантикапей. Сидорова. 1984. С. 85. Рис. 9.

50. Оливковая ветвь в руке участника панафинейской процессии. Краснофигурная амфора. 460 гг. до н. э. Нимфей. Передольская. 1967. С. 154. № 175.

51. Олива с плодами и оливковый венки на Кадме в сцене основания Фив. Краснофигурная гидрия. Последняя четверть V в. до н. э. Тамань. ОАК 1866. Табл. 5; МГВ. С. 107. Рис. 51; ARV. 1187. 2; LIMC. Bd. 5. S. 866. № 9.

52. Сова между оливковыми ветвями. Краснофигурный скифос. Вторая половина V в. до н. э. Херсонес. Зедгендзе. 1978. С. 73. Рис. 4, 3.

53. Сова между оливковыми ветвями. 5 краснофигурных скифосов. Вторая половина V в. до н. э. Пантикапей. Лосева. 1962. С. 178. Рис. 5, 3; Она же. 1984. С. 118. Рис. 4 б; Масленников, Розов. 1990. С. Рис. 1, 16-19.

54. Сова между оливковыми ветвями. 2 краснофигурных скифоса. Вторая половина V в. до н. э. Хора Ольвии. Крыжицкий и др. 1989. С. 131. Рис. 50, 8.

55. Сова между оливковыми ветвями. Краснофигурный скифос. Третья четверть V в. до н. э. Гермонасса. На краю ойкумены... 2002. С. 25. № 22.

56. Сова между оливковыми ветвями. Краснофигурный скифос. Конец V в. до н. э. Тузлинский некрополь. Сорокина. 1957. Табл. 2, 1.

57. Аполлон в лавровом венке, лавровое деревце, Ника с венком и жрица, надевающая венки на рога жертвенного козла. Краснофигурный кратер. Конец V в. до н. э. Никоний. Секерская. 1989. С. 78. Рис. 57.

58. Аполлон с лавровой ветвью и Дионис рядом с пальмой. Краснофигурный кратер. Конец V в. до н. э. Пантикапей. ОАК 1861. С. 31. Табл. 3; ARV. P. 1185, 7; LIMC. Bd. 2. S. 279. № 768 а.

59. Аполлон в лавровом венке, лавровое деревце и фриз из лавровых листьев. Краснофигурный кратер со сценой праздника Аполлона и Диониса. Конец V в. до н. э. Никоний. Секерская. 1989. С. 77. Рис. 57.

60. Ветви оливы в руке Геракла и венки на участниках жертвоприношения и на рогах быка, ведомого к алтарю у статуи нимфы острова Хрисы. Краснофигурная пелика. Начало IV в. до н. э. Курган Бакса близ Пантикапея. МГВ. С. 108. Рис. 52; Передольская. 1971. С. 45.

61. Аполлон в лавровом венке и с лавровой ветвью в руке. Рельеф на деревянном саркофаге. IV в. до н. э. Змеиный курган близ Пантикапея. ДБК. Табл. 81; АГСП. С. 318. Табл. 127, 3; Сокольский. 1971. С. 232. Рис. 69.

62. Колос пшеницы на золотых стateraх Пантикапея. IV в. до н. э. БЦ. С. 582. Табл. 1, 20; ГЗ. С. 122. Рис. 144.

63. Дионис и Ариадна в виноградной беседке. Краснофигурная ойнохоя. IV в. до н. э. Пантикапей. ДБК. Табл. 60.

64. Деметра в обрамлении колосьев и маков. Рельеф на крышке бронзового зеркала. III в. до н. э. Ольвия. Парович-Пешикан. 1974. С. 170.

65. Цветок граната. Клейма родосских амфор. III–II вв. до н. э. Ольвия. Леви. 1964. Табл. 1–20; Пантикапей. Шелов. 1957. С. 209; Фанагория. Шелов. 1956. С. 137–139.

66. Колос на реверсе и Деметра на аверсе монет Ольвии. 140–130 гг. до н. э. Анохин. 1989. № 321, 322.

67. Цветок граната. Монета Фанагории. Конец II в. до н. э. БЦ. С. 584. Табл. 2, 39; Анохин. 1986. № 193.

68. Колосья, мак, снопы. Гемма в золотом кольце. Эллинистический период. ИАК. № 8. С. 61. Рис. 68.

69. Стоящий Дионис с виноградной кистью в руке. Монета Горгииппии. Первая половина I в. до н. э. БЦ. С. 586. Табл. 3, 51.

Ср. также № 1, 3, 5, 8, 14–16, 18, 21–24, 30, 31, 40, 41.

Растительные орнаменты и украшения

70. Пояс из цветов лотоса и розетт. Хиосский кубок. Вторая половина VII в. до н. э. Березань. Корпусова. 1987. С. 45. Рис. 18.

71. Цветок лотоса в руке участницы праздничного шествия. Клазоменский кратер. 560 гг. до н. э. Березань. Корпусова. 1987. С. 50. Рис. 20; Scythian Gold. New-York. 2001. P. 173. № 61.

72. Виноградная лоза с гроздьями. Хиосский кубок. Середина VI в. до н. э. Ольвия. АМ. № 12.
73. Пояс из бутонов лотоса. Самосская пиксида. 550–525 гг. до. н. э. Ольвия. АНО. С. 148. № 231, 11.
74. Два ряда листьев плюща. Два чернофигурных килика. 540–530 гг. до н. э.. Ольвия. АНО. С. 108. № 162, 13 и 14.
75. Гирлянды плющевых листьев. Самосский аск. 540–530 гг до н. э. Ольвия. АНО. С. 111. № 167,4.
76. Пояс из бутонов лотоса. Краснофигурная ольпа. 540–530 гг до н. э. Ольвия. АНО. С. 103. № 153, 1.
77. Большой цветок лотоса и орнамент из бутонов. Ойнохоя стиля фи-келлура. 540–530 гг до н. э.. Ольвия. АНО. С. 169. №.266, 3.
78. Пояс из бутонов лотоса. Самосская пиксида. Вторая половина VI в. до н. э. Ольвия. АНО. С. 73. № 97, 13.
79. Орнамент из цветов и бутонов лотоса и листьев плюща. Милетская амфора. Вторая половина VI в. до н. э. Березань. Борисфен-Березань, 2005. № 104.
80. Пояс из бутонов лотоса. Чернофигурный лекиф. Конец VI в. до н. э. Ольвия. АНО. С. 85-86. №. 123, 3.
81. Пояс из бутонов лотоса. Чернофигурная ойнохоя. Конец VI в. до н. э. Ольвия. АНО. С. 89. № 132, 6.
82. Пальметты и цветы лотоса. Орнамент на мраморных карнизах общественных зданий. Рубеж V- VI вв. до н. э. Ольвия. Буйських. 1994. С. 37. Рис. 4.
83. Цветок лотоса. Рельеф на ручке бронзового зеркала. Около 500 г. до н. э. Фармаковский. 1914. С. 28. Табл. 11; АХБ. №. 58.
84. Эрот с цветком лотоса. Краснофигурный лекиф. Ольвия 490 гг. до н. э. Прушевская 1941. С. 318.
85. Гирлянда из ветвей оливы с плодами. Краснофигурный кратер. Последняя треть V в. до н. э. Пантикапей. Лосева. 1984. С. 118. Рис. 4 б.
86. Стилизованные цветы лотоса, обрамляющие розетки, и подвески в видк плодов фенхеля. Золотое ожерелье. 400–380 гг. до н. э. Пантикапей. ГЗ. № 94.
87. Миртовая ветвь. Краснофигурный лекиф. Начало IV в. до н. э. Седьмой Семибратний курган. Передольская. 1973. С. 63. Рис. 1.
88. Розетки и пальметки в декоре серег «роскошного» стиля. 390–350 гг. до н. э. Херсонес и Боспор. ГЗ. № 89, 122, 200; Саверкина. 2000. С. 10-15. Рис. 1-7.
89. Пальметты, цветы и плоды. Вышивка на ткани женской одежды. IV в. до н. э. Павловский курган близ Пантикапея. ОАК. 1878-79. С. 40. Табл. 3; Герцигер. 1973. С. 80.
90. Лотос. Золотые нашивные бляшки. Вторая половина IV в. до н. э. Нимфей. АП. № 23.

91. Розетки в декоре золотых ожерелий. 330–300 гг. до н. э. Курган Большая Близница (Тамань). ГЗ. № 121, 123.

92. Розетки и гирлянда из лавровых (?) листьев и плодов. Мраморный алтарь Пасиада. IV в. до н. э. Херсонес. Пичикян. 1984. С. 198.

93. Розетки в декоре золотых серег. IV в. до н. э. Пантикапей, Нимфей. АП. № 26; ГЗ. № 110.

94. Розетты, обрамляющие голову Ио. Синопский терракотовый акротерий. IV в. до н. э. Феодосия. Марченко. 1984. С. 61. Рис. 4, 5.

95. Розетты и листья аканфа. Надгробная мраморная стела. IV–III вв. до н. э. Пантикапей. АП. № 69.

96. Розетты и пальметты. Мраморный саркофаг. IV–III вв. до н. э. Тамань. АП. № 63; АГСП. С.317. Табл. 126, 2.

97. Розетты. Надгробные стелы. IV–III вв. до н. э. Херсонес. НЭПХ. № 144-147, 150-154, 159-161, 168, 170, 178, 180.

98. Арацея, аканф и дыня. Роспись курильницы. Конец IV – начало III вв. до н. э. Ольвия. Зайцева. 1970. С. 110-11. Рис. 1, 2.

99. Арацея, аканф и пальметты. Бронзовое украшение колесницы. III в. до н. э. Курган Васюрина гора. (Тамань). АДЖ. С.51. Табл. 23; АХБ. № 80.

100. Гирлянда из лавровых листьев и розетки. III в. до н. э. Три мраморных алтаря. Херсонес. АСХ. № 532, 533, 534.

101. Гирлянда плюща с цветами и виноградная лоза с гроздьями. Аттическая амфора. III в. до н. э. Пантикапей. Брашинский. 1963. С. 159.

102. Розетка и пальметта. Ножка мраморного жертвенного стола. III в. до н. э. Фанагория. Кобылина. 1956. С. 31.

103. Пальметты, цветы лотоса и арацеи. Орнаменты на архитектурных деталях монументальных сооружений. III–II вв. до н. э. Херсонес. Буйских. 1994. С. 37. Рис. 5.

104. Гирлянда из листьев оливы (или лавра?) с плодами. Пелика боспорского производства. III–II вв. до н. э. Пантикапей. АП. № 97.

105. Гирлянда из листьев. Вазы ольвийского производства. III–II вв. до н. э. Ольвия. Зайцева. 1976. С. 100-103.

106. Листья аканфа, виноград и розетки. Мегарские чаши. Пантикапей. III–II вв. до н. э. Лосева. 1962. С. 205; АГСП. С. 354-355. Табл. 163, 164; Забелина. 1984. С. 157-166. Рис. 1-2.

107. Листья аканфа и лотоса. Серебряный канфар. II в. до н. э. Артюховский курган (Тамань). ОАК 1880. С. 17. Табл. 2; Максимова. 1979. С. 78. Рис. 24.

108. Цветы арацеи и пальметты. Капители колонн. II–I вв. до н. э. Пантикапей. АДЖ. С. 116. Табл. 27, 2 и 3; АГСП. С. 282. Табл. 92, 2.

Деревья и плоды

109. Шишка пальмы. Окончание наушницы золотых ионийских серег. Вторая половина VI в. до н. э. Ольвия. Фармаковский. 1914. С. 25-26. Табл. 9; Скржинская. 1986. С. 117. Рис. 3, 2.

110. Ионийский аск в форме миндального ореха. VI в. до н. э. Ольвия. История української культури. Т. 1. Київ. 2001. С. 412.

111. Негр у пальмы. Чернофигурный алабастр. Около 500 г. до н. э. Пантикапей. Горбунова. 1979. С. 37. Рис. 1.

112. Силен, прячущийся за деревом. Краснофигурная ойнохоя. 460 гг. до н. э. Пантикапей. Передольская. 1967. С. 163. № 186.

113. Оливковое дерево и гирлянда оливковых ветвей. Краснофигурная гидрия со сценой спора Афины и Посейдона. 350–340 гг. до н. э. Пантикапей. ОАК 1872. С. 130. Табл. 1; АП. № 37; UKV. № 161; LIMC. Bd. 1. S. 291. № 38.

114. Пальма, лавры и узор из пальметт. Краснофигурный лекиф мастера Ксенофанта со сценой охоты персов. 380 гг. до н. э. Пантикапей. ДБК. Табл. 45, 46; Передольская. 1945. С. 53-55; UKV. № 366; ARV. P. 1407, 1.

115. Эрот, срывающий с дерева круглые плоды. Краснофигурный пелика. 370–350 гг. до н. э. Пантикапей. ДБК. Табл. 63; КПКЖ. Табл. 8.

116. Рука с яблоком (?). Обломок терракоты. III–II вв. до н. э. Мирмекий. Денисова. 1981. Табл. 19 н.

117. Лиственное дерево. Роспись склепа Антестерия. I в. до н. э. – I в. н. э. Пантикапей. АДЖ. С. 172-174. Табл. 51.

Ср. также № 58, 59.

Послесловие

Древняя Греция никогда не была единым государством. У каждого греческого полиса на Балканском полуострове, на западном побережье Малой Азии и на островах Эгейского моря, а также в их многочисленных колониях были не одинаковые природные условия и существенные различия в государственном устройстве и экономике. Но все эллины, где бы они не жили, чувствовали свое культурное единство. Так, каждый с детства знал поэмы Гомера, а гражданин любого греческого государства, завоевавший первенство на Олимпийских, Пифийских, Истмийских и других общегреческих играх, пользовался особым почетом у себя на родине. Трагедии афинских драматургов высоко ценили и ставили во многих театрах, существовавших почти в каждом городе; а на панэллинские праздники в Дельфах, Делосе и в других областях Эллады съезжались граждане со всех концов ойкумены.

С этой точки зрения весьма показателен рассказ о решении судьбы Афин после их разгрома в Пелопонесской войне. В 404 г. до н. э. на собрании представителей Пелопонесского союза, возглавлявшегося Спартой, было высказано предложение продать всех афинян в рабство, а делегат из Фив советовал разрушить город и устроить на его месте пастбище. Вечером союзники собрались на симпозион, во время которого представитель Фокеи, небольшого полиса в центральной Греции, спел первую песню хора из «Электры» Еврипида. Все были так растроганы, что отказались от намерения «покончить со столь славным городом, давшим таких великих людей» (Plut. Lys. 15). Иными словами, эти люди чувствовали стихи своего современника Еврипида частью своей культуры, и недаром, по свидетельствам античных авторов, его произведения знали греки в Малой Азии, в Македонии и на Сицилии (Plut. Nic. 28).

Греки в Северном Причерноморье безусловно ощущали свою принадлежность к единому культурному эллинскому сообществу. Это описано в «Борсфенитской речи» прославленного оратора Диона из Прусы, прозванного Хрисостомом (Златоустом). В конце I в. до н. э. он посетил Ольвию, которая тогда была маленьким провинциальным городом, окруженным постоянно угрожавшими ей варварами. Дион написал, что почти все ольвиополиты знали наизусть «Илиаду», некоторые читали философские труды Платона. Они ценили ораторское искусство и попросили произнести перед ними речь, потому что «были греками до мозга костей и любителями послушать речи ораторов» (Dio Chrys. XXXVI, 9, 16, 24).

Исследование памятников искусства из античных государств Северного Причерноморья показало, насколько у местных греков культура эллинского мира глубоко проникала в разные стороны их жизни. На примерах

изображений реальных и фантастических людей и животных видно, что их набор всюду был таким же, как в других греческих государствах. Местные особенности выражались в том, что в разных областях отдавалось предпочтение разным мифологическим сюжетам и иллюстрациям их героев. Это хорошо выявляется, например, на изображениях грифона. Он редко встречается в Ольвии и постоянно присутствует на Боспоре. Одно из объяснений этого заключается в особенностях культа Аполлона, верховного бога обоих государств. В Ольвии наиболее распространенным символом бога был дельфин, а на Боспоре – грифон. То же самое можно сказать о популярных в IV в. до н. э. легендах о битвах амазонок и аримаспов с грифонами и о сражениях пигмеев с журавлями. В Ольвии и Херсонесе найдены считанные единицы ваз с такими сюжетами росписи, а жители Боспора закупали их в большом количестве и использовали в погребальном обряде.

Следует отметить, что уцелевшие памятники искусства весьма неравномерно освещают культурную и религиозную жизнь античных государств Северного Причерноморья. Так, по надписям хорошо известно о выдающейся роли Ахилла в религии и мифологии Ольвии, где его почитали сначала как героя, а в римское время как бога. При этом очень мало изображений Ахилла на памятниках искусства из раскопок Ольвии. Нам известно о нескольких храмах героя, и там, конечно, находились его статуи, но от них ничего не осталось.

В ежедневной жизни греки видели много разных животных и растений, а на памятниках искусства их запечатлено весьма ограниченное количество; многие из них, такие как лев и пантера, лавр и олива редко или вовсе не встречались в Северном Причерноморье. Однако их изображения во множестве присутствовали на разных предметах прикладного и монументального искусства в Ольвии, Херсонесе и в городах Боспора. Ведь для всех греков лев традиционно олицетворял храбрость и мог служить оберегом владельцу его изображения, лавр был священным растением Аполлона, а венок или гирлянда из этого растения символизировали победу.

Из рассмотренных образов, созданных античными художниками, некоторые сохраняются и в современной культуре. Таково значение лаврового венка, вручаемого некоторым спортсменам и артистам. Два грифона держат лиру на крыше киевского оперного театра (рис. 147). Лира с античных времен олицетворяла музыку и поэзию, а грифон был священным животным Аполлона, покровителя искусств. О другой функции грифона напоминает его фигура на здании Верховного Совета Крыма в Симферополе (рис. 148). Некогда плита с его изображением (рис. 122) была вставлена в оборонительную стену Пантикапея, и по верованиям боспорян, грифон служил их оберегом. Теперь в нем видят древнее геральдическое животное, но в этой фигуре продолжает жить заложенный в древности смысл охранителя государства.

Литература к каталогам

Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Куликов А.В., Смекалова Т.Н., Иванина О.А. Клады античных монет из собрания Керченского государственного историко-культурного заповедника. Киев, 2006.

Алексеева Е.М. Античный город Горгиппия. М., 1997.

Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977.

Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986.

Анохин В.А. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1989.

Античная расписная керамика из собрания Гос. Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. М., 1985 (АРК)

Античная скульптура Херсонеса. Киев, 1976. (АСХ)

Античная скульптура. Из собрания Керченского Государственного историко-культурного заповедника. Киев, 2004.

Античная художественная бронза. Л., 1973. (АХБ)

Античные города Северного Причерноморья. М., Л., 1955. (АГСП 1955)

Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР. М., 1984. (АГСП 1984)

Анфимов Н.В. Комплекс бронзовых предметов из кургана близ станицы Тамизбекской // Культура античного мира. М., 1966.

Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов из собрания Государственного Эрмитажа. Прага- Ленинград, 1966.

Ашик А. Боспорское царство. Одесса, 1849. Ч. 3.

Белов Г.Д. Херсонес Таврический. Л., 1948.

Белов Г.Д. Керамика конца V–IV века до н. э. из некрополя Херсонеса // ТГЭ. № 17. 1976.

Блаватский В.Д. История античной расписной керамики. М., 1953. (ИАРК)

Борисковская С.П. Аттические чернофигурные лекифы из некрополя Пантикапея // ТГЭ. 1997. № 28.

Борисфен – Березань. Начало античной эпохи в Северном Причерноморье. Каталог выставки в Гос. Эрмитаже. СПб., 2005. (ББ)

Брашинский И.Б. Раскопки в районе теменоса Ольвии в 1960–1962 гг. // КСИА. 1965. № 103.

Буйских А.В. Sofa- капители из Херсонеса: к проблеме стилистических заимствований // Боспорские исследования. Вып. 11. Симферополь-Керчь, 2006.

Буравчук Н.П., Самойлова Т.Л. Краснофигурная керамика Тиры // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Киев, 1983.

Бураков А.В. Земляной склеп ольвийского некрополя // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 1980.

Вахтина М.Ю. Золотая подвеска с изображением Афродиты из раскопок Елисаветовского городища на Нижнем Дону // КСИА 1988. № 194. С. 92-95.

Вахтина М.Ю. Фрагмент чернофигурного аттического лекифа с изображением «скифского лучника» из раскопок Порфмия // Из истории античного общества. Нижний Новгород, 2007. Вып. 9- 10.

Вдовиченко И.И. Керченские вазы // Боспорские исследования. Симферополь, 2003. Т. 3.

Вдовиченко И.И. Античные расписные вазы из крымских музеев. Симферополь, 2003.

Виноградов Ю.А., Шауб И.Ю. О семантике изображений на золотых статерах из Пантикапея // Археологические вести. 2005. № 12.

Виноградов Ю.А. Большой лекиф Ксенофанта. СПб., 2007.

Винокуров Н.И. Виноделие античного Боспора. М., 1999.

Власова Е.В. Курган Васюрина гора на Таманском полуострове // Эллинистические штудии в Эрмитаже. СПб., 2004.

Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М., Л., 1949. (БЦ)

Галанина Л.К. Панафинейская амфора - награда атлету в Афинах. Л., 1962.

Герцигер Д.С. Античные ткани в собрании Эрмитажа // Памятники античного прикладного искусства. Л., 1973.

Герцигер Д.С. Четыре фигурных сосуда из Ольвии // Художественная культура и археология античного мира. М., 1976.

Горбунова К.С., Передольская А.А. Мастера греческих расписных ваз. Л., 1961. (МГВ)

Горбунова К.С. Аттические вазы в форме человеческих голов из собрания Эрмитажа // ТГЭ. 1962.Т.7.

Горбунова К.С. Краснофигурные килики из раскопок ольвийского теменоса // Ольвия. Теменос и агора. М.-Л., 1964.

Горбунова К.С. Чернофигурный кратер мастера Лидоса // СА. 1964. № 3.

Горбунова К.С. Самосская амфора с комастами // СГЭ. 1966. № 27.

Горбунова К.С. Килик Олтоса из раскопок Ольвии в 1968 г. // Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Rostock. 1970. № 19.

Горбунова К.С. Килик с комастами из раскопок Березани // СА. 1970. № 4.

Горбунова К.С. Серебряные килики с гравированными изображениями из Семибратних курганов // Культура и искусство античного мира. Л., 1971.

Горбунова К.С. Белые лекифы в собрании Эрмитажа // Памятники античного прикладного искусства. Л., 1973.

Горбунова К.С. Фрагменты аттических чернофигурных чаш Тлесона с острова Березань // Художественная культура и археология античного мира. М., 1976.

Горбунова К.С. Краснофигурный килик, найденный на некрополе Панское I // История и культура античного мира. М., 1977.

Горбунова К.С. Аттические алабастры, найденные в некрополях Северного Причерноморья // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху. Л., 1979.

Горбунова К.С. Аттическая чернофигурная керамика из раскопок 1962–1971 гг. на участке "Г" о. Березань // Художественные изделия античных мастеров. Л., 1982.

Горбунова К. С. Чернофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Л., 1983.

Грач Н.Л. Некрополь Нимфея. СПб., 1999.

Денисова В. И. Коропластика Боспора. Л., 1981.

Древнейший теменос Ольвии Понтийской. Симферополь, 2006.

Древний город Нимфей. Каталог выставки. СПб., 1999. (ДГН)

Древности Боспора Киммерийского. СПб., 1854. (ДБК)

Зайцева К.И. Ольвийские культовые свинцовые изделия // Культура и искусство античного мира. М., 1971. С. 84- 106.

Зайцева К.И. Ольвийская расписная керамика эллинистической эпохи // Художественная культура и археология античного мира. М. 1976.

Зайцева К.И. Свинцовые изделия IV- II вв. до н. э. местного производства Ольвии // Эллинистические штудии в Эрмитаже. СПб., 2004.

Завойкин А.А. Керамические вотивы из святилища «Береговой» 4 // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2003.

Зедгенидзе А.А. Аттическая краснофигурная керамика из Херсонеса // КСИА, 1978. № 156.

Зинько В.Н. Хора боспорского города Нимфея. Симферополь-Керчь, 2003.

Зограф А.Н. Античные монеты. МИА № 16. М.-Л., 1951.

Иванова А.П. Анапский саркофаг и деревянная резьба на Боспоре в эпоху эллинизма // ТГЭ. 1958. Вып. 2.

Ильина Ю.И. Хиосская керамика конца VII – начала VI века до н. э. из раскопок на острове Березань // ТГЭ. 1997. № 28.

Ильина Ю.И. Ранняя краснофигурная керамика Березани // Античное Причерноморье. СПб., 2000.

Ильина Ю.И. Хиосская керамика из раскопок на острове Березань // Борисфен – Березань. Археологическая коллекция Эрмитажа. СПб., 2005. С. 70-173.

Калашник Ю.П. Два ожерелья из Херсонеса // Эллинистические штудии в Эрмитаже. СПб., 2004.

Карышковский П.О., Клейман И.Б. Древний город Тира. Киев, 1985.

Карышковский П.О. Монетное дело и денежное обращение Ольвии. Одесса, 2003.

Вахтина М.Ю. Золотая подвеска с изображением Афродиты из раскопок Елисаветовского городища на Нижнем Дону // КСИА 1988. № 194. С. 92-95.

Вахтина М.Ю. Фрагмент чернофигурного аттического лекифа с изображением «скифского лучника» из раскопок Порфмия // Из истории античного общества. Нижний Новгород, 2007. Вып. 9- 10.

Кириллин Д.С. Трехбратние курганы в районе Тобечикского озера // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968.

Книпович Т.Н. Ионийская ваза с Таманского полуострова и клазоменский стиль в памятниках греческих поселений северного побережья Черного моря // Известия ГАИМК. 1927. Т.5.

Книпович Т.Н. Художественная керамика // Античные города Северного Причерноморья. М., 1955.

Кобылина М.М. Поздние боспорские пелики. МИА. № 19. 1951. (ПБП)

Кобылина М.М. Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М., 1961.

Кобылина М.М. Форма с изображением сирены из Фанагории // СА. 1967. № 1.

Кобылина М.М. Пан на надгробной плите из Фанагории // СА. 1973. № 3.

Козуб Ю.И. Аттическая керамика // Культура населения Ольвии и ее окружи в архаическое время. Киев, 1987.

Копейкина Л.В. Фрагмент родосско- ионийской тарелки из раскопок 1966 г. на о. Березань // СА. 1970. № 3.

Копейкина Л.В. Развитие чернофигурного стиля в клазоменской керамике // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху. Л., 1979.

Копейкина Л.В. Родосско- ионийская керамика VII в. до н. э. и ее значение для изучения раннего этапа существования Березанского поселения // Художественные изделия античных мастеров. Л., 1982.

Копейкина Л.В. Расписная керамика архаического времени из античных поселений Нижнего Побужья и Поднепровья как источник для изучения торговых и культурных связей // Археологический сборник. № 27. Л., 1986.

Копейкина Л.В. Золотые бляшки из кургана Куль- Оба // Античная торговля. Л., 1986.

Корпусова В.Н. Восточно-греческая расписная керамика // Культура населения Ольвии и ее округи в архаическое время. Киев, 1987.

Крапивина В.В. Неопубликованные гири из раскопок Ольвии // Античные древности Северного Причерноморья. Киев, 1988.

Круглов А.В. Реконструкция и интерпретация мраморного алтаря из Ольвии // Жертвоприношение. М., 2000.

Круглов А.В. Необычные античные вазы // Боспорский феномен. СПб., 2004.

Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешко В.М. Сельская округа Ольвии. Киев, 1989.

Крыжицкий С.Д. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев, 1993.

Кузина Н.В. Культ Диониса и его роль в идеологии античных государств Северного Причерноморья // Из истории античного общества. Вып. 11. Нижний Новгород, 2008.

Кузнецов В.Д. Раскопки в Кепях в 1984-89 гг. // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992.

Кузнецов В.Д. Новые надписи из Фанагории // ВДИ. 2006. № 1.

Кузнецов В.Д. Фанагория. История исследования и новые находки // РА. 2007. № 2.

Кутайсов В.А. Керкинитида. Симферополь, 1992.

Кутайсов В.А. Керкинитида в античную эпоху. Киев, 2004.

Левы Е.И. Материалы Ольвийского теменоса ; Керамический комплекс III–II вв. до н. э. из раскопок Ольвийской агоры // Ольвия. Теменос и агора. М-Л., 1964.

Левы Е.И. Описание терракот теменоса Ольвии // Терракоты Северного Причерноморья. САИ, 1970.

Левы Е.И. Архаическая керамика из раскопок Ольвийской агоры // КСИА. 1972. № 130.

Левы Е.И. Ольвия. Город эпохи эллинизма. Л., 1985.

Лосева Н.М. Краснофигурная керамика Фанагории из раскопок 1938-1962 гг. // Сообщения ГМИИ. 1968. Вып.4.

Лосева Н.М. Аттическая краснофигурная керамика Пантикапея // Сообщения ГМИИ. 1984. № 7.

Лосева Н.М. Аттический краснофигурный стамнос из Керчи // Сообщения ГМИИ. 1984. № 7.

Лукьянов С.С., Гриневиц Ю.П. Керченская кальпида 1906 г. и поздняя краснофигурная живопись // Материалы по археологии России. № 35. 1915. (КПКЖ)

Максимова М.И. Резные камни // АГСП 1955.

Максимова М.И. Артноховский курган. Л., 1979.

Манцевич А.П. Березанская амфора // ИГАИМК. 1927. Т. 5.

Манцевич А.П. Курган Солоха. Л., 1987.

Масленников А.А., Розов В.Н. Расписная керамика с мыса Зюк // КСИА. 1990. №197.

Масленников А.А. Античное святилище на Меотиде. М., 2006.

Мирмекийский клад. Каталог выставки в Эрмитаже. СПб., 2004.

Мирошина Т.В. Греческие украшения Северного Причерноморья // КСИА, 1983. № 174.

Михайлин В.Ю. Золотое лекало судьбы. Пектораль из Толстой могилы и проблема интерпретации скифского звериного стиля. // Власть. Судьба. Интерпретация культурных кодов. Саратов, 2003.

Музы и маски. Каталог выставки в Эрмитаже. СПб., 2005.

На краю ойкумены. Греки и варвары на северном берегу Понта Эвксинского. Каталог выставки. М. 2002.

Неверов О.Я. Группа эллинистических бронзовых перстней из собрания Эрмитажа // ВДИ. 1974. № 1.

Неверов О.Я. Античные инталии в собрании Эрмитажа. Л., 1976.

Неверов О. Я. Геммы античного мира. М., 1983.

Неверов О. Я. Перстни // Античное художественное серебро. Каталог выставки. Л., 1985.

Неверов О.Я. Металлические перстни эпохи архаики, классики и эллинизма из Северного Причерноморья. // Античная торевтика. Л., 1986.

Онайко Н.А. Об отражении монументального искусства в боспорской торевтике // Проблемы античной истории и культуры. Ереван, 1979.

Охотников С.Б., Островерхов А.С. Святилище Ахилла на острове Левке (Змеином). Киев, 1993.

Парович-Пешикан М. Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев, 1974.

Передольская А.А. Краснофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Л., 1967.

Передольская А.А. Кто же расписал пелику из Баксы? // Культура и искусство античного мира. Л., 1971.

Пиотровский А.И. Панафинейская амфора из Елисаветинского кургана // ИРАИМК. 1924. № 13.

Пичикян И.Р. Малая Азия – Северное Причерноморье. Античные традиции и влияния. М., 1984.

Пятышева Н.В. Ювелирные изделия Херсонеса. М., 1956.

Рабичкин Б.М. Поселение у Широкой Балки // КСИИМК. 1951. № 4.

Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры. М., 1985.

Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914. (АДЖ).

Рождение Олимпийских игр. Каталог выставки. М., 2004. (РОА)

Русяева А.С. Земледельческие культы Ольвии. Киев, 1979.

Русяева А.С. Античные терракоты Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1982.

Русяева А.С. Религия и культы античной Ольвии. Киев, 1992.

Русяева А.С. Религия понтийских эллинов. Киев, 2005.

Саверкина И. И. Греческая скульптура. Л., 1986.

Саверкина И. И. Роскошные серьги в Эрмитаже и других музеях // Античное Причерноморье. СПб., 2000.

Самойлова Т.Л., Кожжакару В. и др. Исследования античной Тире и средневекового Белгорода // Археологічні відкриття в Україні 2000–2001 рр. Київ, 2002.

Секерская Н.М. Античный Никоний и его округа в VI–IV вв. до н. э. Киев, 1989.

Сидорова Н.А. Архаическая керамика из Пантикапея // МИА. 1962. № 103.

Сидорова Н.А. Архаическая керамика из раскопок Пантикапея // Сообщения ГМИИ. 1968. № 4.

Сидорова Н.А. Чернофигурная керамика из Пантикапея (раскопки 1959-1969) // Сообщения ГМИИ. 1984 № 7.

Сидорова Н.А. Чернофигурная керамика из раскопок Пантикапея // Сообщения ГМИИ. 1992. № 10.

Силантьева Л.Ф. Некрополь Нимфея // МИА. 1959. № 69.

Скржинская М.В. Зеркала архаического периода из Ольвии и Березани // Античная культура Северного Причерноморья. Киев, 1984.

Скржинская М.В. Греческие серги и ожерелья архаического периода // Ольвия и ее округа. Киев, 1986.

Скржинская М.В. Из истории античных ювелирных украшений // СА. 1994. № 1.

Скржинская М.В. Афинский мастер Ксенофант // ВДИ. 1999. № 3.

Скржинская М.В. Иллюстрации литературных произведений на аттических вазах из раскопок Боспора // РА. 2002. № 1.

Скржинская М.В. Посвящение боспорян в Элевсинские таинства // Северное Причерноморье в античное время. Киев, 2002.

Скржинская М.В. Миф о похищении Европы и его символическое толкование на Боспоре в IV в. до н. э. Сборник научных трудов ΣΤΕΦΑΝΟΣ. М., 2005.

Скржинская М.В. Древнегреческие праздники в Элладе и в Северном Причерноморье. Киев, 2009.

Скуднова В.М. Хиосские кубки из раскопок на острове Березань // СА. 1957. № 11.

Скуднова В.М. Родосская керамика с Березани // СА. 1960. № 2.

Скуднова В.М. Архаический некрополь Ольвии. Л., 1988. (АНО)

Соколов Г.И. Античное Причерноморье. Л., 1973. (АП)

Соколов Г.И. Ольвия и Херсонес. Ионическое и дорическое искусство. М., 1999.

Сокольский Н.И. Античные деревянные саркофаги Северного Причерноморья. М., 1969.

Сокольский Н.И. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1971.

Сорокина Н.П. Тузлинский некрополь. М., 1957.

Сорокина Н.П. Навершие боспорского надгробия с фигуркой сирены из собрания Гос. Исторического музея // Археологический сборник. Труды Гос исторического музея. М. 1960. Вып. 37.

Сорокина Н.П. Религия и коропластика в античности (Фигурные сосуды из собрания ГИМ). М., 1997.

Стефани Л. Объяснение нескольких художественных произведений, найденных в 1876 г. в южной России // ОАК за 1877 г. СПб., 1878.

Стржелецкий Ф.Ф. Живопись и полихромные росписи монументальных надгробных сооружений IV–III вв. до е. э. // Сообщения Херсонесского музея. 1969. Вып. 4.

Стоянов Р.В. Свинцеві трилисники з еліністичного некрополя Херсонеса Таврійського // Археологія. 2001 № 1.

Тарадаш А.М. Несколько аттических чернофигурных ваз из собрания Одесского археологического музея // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Киев, 1983.

Толстиков В.П. Пантикапей – столица Боспора // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992.

Толстой И.И., Кондаков Н.П. Русские древности в памятниках искусства. Вып. 1. СПб., 1889. (РД)

Трейстер М.Ю. Бронзовые перстни с изображениями на щитках из Горгиппии // ВДИ 1982. № 3.

Трейстер М.Ю. Тема амазономахии в торевтике поздней классики // Боспорский рельеф со сценой сражения. М., 2001.

Трейстер М.Ю. Бронзовый нагрудник панциря с изображением головы Медузы из кургана у ст. Елизаветинской в Прикубанье // Боспорские исследования. Вып 21. Симферополь-Керчь, 2009.

Тугушева О.В. Сцены амазомахии на боспорских пеликах // Боспорский рельеф со сценой сражения. М., 2001.

Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России. СПб., 2002.

Туровский Е.Я. Грифон на античных монетах // Сугдейский сборник. Киев, 2004.

Уильямс Д., Огден Д. Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи V- IV вв. до н. э. СПб., 1995. (ГЗ)

Фармаковский Б.В. Раскопки некрополя древней Ольвии в 1901 году // ИАК. 1903. № 8.

Фармаковский Б.В. Архаический период в России // МАР. 1914. № 34.

Фармаковский Б.В. Три полихромные вазы в форме статуэток, найденные в Фанагории // Записки РАИМК. 1921. Вып.1.

Финогенова С.И. Художественная кость из Пантикапея // Сообщения ГМИИ. 1984. Вып. 7.

Финогенова С.И. Очерки истории Гермонассы по материалам раскопок последних лет // Древности Боспора. № 8. М., 2005.

Фомина Т.А. Дионисийская символика на вазах керченского стиля (пелики) // Классическая филология на современном этапе. М., 1996.

Фурманська А.І. Ліварні форми с роскопок Ольвії // АП АН УССР. Киев, 1958. Т. 7.

Хлыстун Т.Г. Мифологические образы в рельефах мегарских чаш из Херсонеса // Херсонесский сборник. Севастополь, 1996. Вып. 7.

Худяк М.М. Из истории Нимфея VI–III вв. до н. э. Л., 1962.

Цветаева Г.А. Расписная керамика из Горгиппии // Горгиппия. Т. I. Краснодар, 1980.

Циммерман К. Фрагменты аттических блюд в Эрмитаже. // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху. Л., 1979.

Шауб И.Ю. Афинская чернофигурная керамика с изображением сфинксов // КСИА. 1979. № 159.

Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора в VI- II вв. до н. э. М., 1956.

Шталь И.В. Эпические предания Древней Греции. М., 1989.

Шталь И.В. Миф, культ, эпос в греческой вазописи керченского стиля // Античные коллекции из раскопок Северного Причерноморья. М., 1994.

Шталь И.В. Указатель мифо-эпических сюжетов краснофигурной вазовой живописи керченского стиля // Классическая филология на современном этапе. М, 1996.

Шталь И.В. Свод мифо-эпических сюжетов античной вазовой росписи по музеям Российской Федерации и стран СНГ (пелики IV в. до н. э. керченский стиль). М., 2000.

Шталь И.В. Свод мифо-эпических сюжетов античной вазовой росписи по музеям Российской Федерации и стран СНГ (леканы, аски, лекифы, ойнохой IV в. до н. э.. Керченский стиль). М., 2004.

Штерн Э.Р. Из жизни детей в греческих колониях на северном побережье Черного моря // Сборник археологических статей, поднесенных графу А.А. Бобринскому. СПб., 1911.

Штительман Ф.М. Медальон с изображением Афины из Ольвии. // СА. 1965. № 4. С 223- 237.

Штительман Ф.М. Античне мистецтво. Київ, 1977. (AM)

Щеглов А.Н. Терракоты Ольвии // ТС. 1970.

Энман Н.А. Навкратийская амфора с Таманского полуострова // ИАК. 1912. № 40.

Barringer J.M. Europa and the Nereids: Wedding or Funeral? // AJA. 1991. № 4

Beazley J.D. Attic Red-figure Vase-painters. Oxford, 1963. (ARV)

Boardman J. Athenian Red-Figure Vases. The Archaic Period. London, 1985.

Boardman J. Athenian Black-Figure Vases. London, 1985.

Boardman J. Athenian Red Figure- Vases. The Classical Period. London, 1997.

Corpus vasorum antiqorum. Russia. Pushkin State Museum Fine Arts. Moscow. 1996, 2003.

Deppert – Lippitz B. Griechischer Goldschmuck. Mainz am Rhein, 1985.

Schefold K. Untersuchungen zu den Kertschen Vasen // Archäologische Mitteilungen aus russischen Sammlungen. Berlin- Leipzig, 1934. Bd. 4. (UKV)

Shefton B. The Krater from Baksy // The Eye of Greece. Cambridge. 1982.

Simon E., Hirmer A. Die griechischen Vasen. München, 1981.

Treister M. Ein spätarchaischer Handspiegel des olbischen Typus // Anlässlich der Winckelmannsfeier des Instituts für klassische Archäologie der Universität Leipzig. Leipzig AM 15. Dezember 2003.

Vickers M. Scythian Treasures in Oxford. Oxford, 1979.

Vogell A. Griechische Altertümer südrussischen Fundorts aus dem Besitze A.Vogell. Karlsruhe, Kassel, 1908.

Zervoudaki E.A. Attische Reliefkeramik des späten V und des IV Jahrhunderts v. Chr.// Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Ableitung. 1968. № 83. (ARC).

Список сокращений

- АГСП 1955** – Античне города Северного Причорномор'я. М., Л., 1955.
АГСП 1984 – Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984.
АДЖ – Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1913.
АМ – Штітельман Ф.М. Античне мистецтво. Київ, 1977.
АНО – Скуднова В.М. Архаический некрополь Ольвии. Л., 1988.
АП – Соколов Г.И. Античное Причерноморье. Л., 1973.
АРК – Античная расписная керамика из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина. М., 1985.
АС – Античная скульптура. Из собрания Керченского Историко- культурного заповедника. Киев, 2004.
АСХ – Античная скульптура Херсонеса. Киев, 1976.
АХБ – Античная художественная бронза. Каталог выставки. Л., 1973.
ББ – Борисфен – Березань Начало античной эпохи в Северном Причерноморье. Каталог выставки в Гос. Эрмитаже. СПб., 2005.
БЦ – Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М., Л., 1949.
ВДИ – Вестник древней истории
ГЗ – Уильямс Д., Огден Д. Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи V- IV вв. до н. э. СПб., 1995.
ГИМ – Государственный исторический музей. Москва.
ГМИИ – Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. Москва.
ДБК – Древности Боспора Киммерийского. СПб., 1854.
ДГН – Древний город Нимфей. Каталог выставки. СПб., 1999.
ИАК – Известия императорской Археологической комиссии.
ИАРК – Блаватский В.Д. История античной расписной керамики. М. 1953.
ИГАИМК – Известия Государственной Академии истории материальной культуры.
КБН – Корпус боспорских надписей. М., Л., 1965.
КПКЖ – Лукьянов С.С., Гриневич Ю.П. Керченская кальпида 1906 г. и поздняя краснофигурная живопись // МАР. № 35. 1915
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР.
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
МАР – Материалы по археологии России.
МГВ – Горбунова К.С., Передольская А.А. Мастера греческих расписных ваз. Л., 1961.

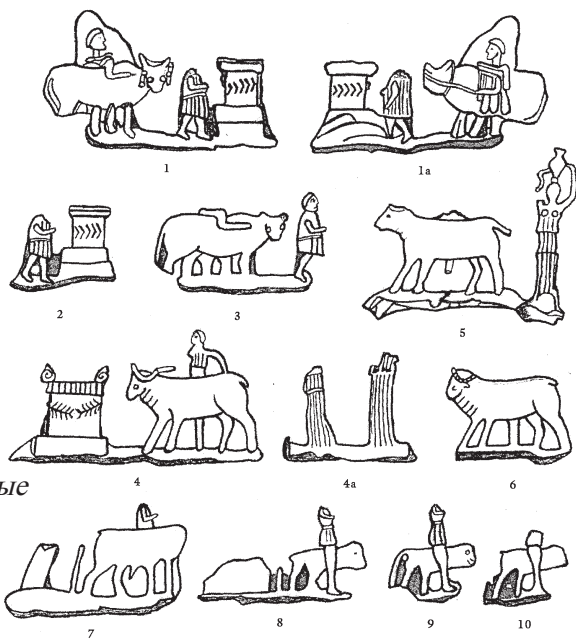
- МИА** – Материалы и исследования по археологии СССР.
- МИС** – Граков Б.Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. 1939. № 3.
- НО** – Надписи Ольвии. Л., 1968.
- НЭПХ** – Соломоник Э.И. Новые эпитафические памятники Херсонеса. Киев, 1964, 1972.
- ОАК** – Отчеты императорской Археологической комиссии.
- ОАМ** – Одесский археологический музей АН УССР. Киев, 1983.
- ПБП** – Кобылина М.М. Поздние боспорские пелики // МИА. № 19. 1951.
- РА** – Российская археология.
- РД** – Толстой И.И., Кондаков Н.П. Русские древности в памятниках искусства. Вып. 1. СПб., 1889.
- РОА** – Рождение Олимпийских игр. М., 2004.
- СА** – Советская археология.
- СГЭ** – Сообщения Государственного Эрмитажа.
- ТГЭ** – Труды Государственного Эрмитажа.
- ТС** – Терракоты Северного Причерноморья. Свод археологических источников. Вып. Г 1-11. М., 1970. Т. 1, 2.
- ABF** – Boardman J. Athenian Black-figure Vases. London, 1985.
- AJA** – American Journal of Archeology.
- ARC** – Zervoudaki E.A. Attische Reliefkeramik des späten V und des IV Jahrhunderts v. Chr.// Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Ableitung. 1968. № 83.
- ARF** – Boardman J. Athenian Red-figure Vases. The Archaic Period. London, 1985.
- ARV** – Beazley J.D. Attic Red-figure Vase-painters. 2 edition. Oxford, 1963.
- CVA** – Corpus vasorum antiquorum. Russia. Pushkin State Museum Fine Arts. Moscow. 1996, 2003.
- GCA** – Greek and Cypriote Antiquities in the Archaeological Museum of Odessa. Nicosia, 2001.
- GRA** – Greek and Roman Antiquities in the Hermitage. Leningrad, 1975.
- IOSPE** – Latyshev B. Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini. Petropoli, 1916.
- LIMC** – Lexicon iconographicum mythologiae classicae. Bd. 1-8. München, 1981–1997.
- RE** – Pauly-Wissowa-Kroll. Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart, 1894 sq.
- UKV** – Schefold K. Untersuchungen zu den Kertschen Vasen// Archäologische Mitteilungen aus russischen Sammlungen. Berlin- Leipzig. 1934. Bd. 4.

1. Шествия на религиозном празднике. Фрагмент клазоменского кратера с о. Березань. Первая четверть VI в. до н. э.

2. Ритуал, исполнявшийся женщинами на празднике Леней. Краснофигурный стамнос из Пантикапея. Середина V в. до н. э.

3. Шествия к алтарям. Свинцовые рельефные пластинки местного производства из Ольвии. III в. до н. э. Прорисовка К.И. Зайцевой.

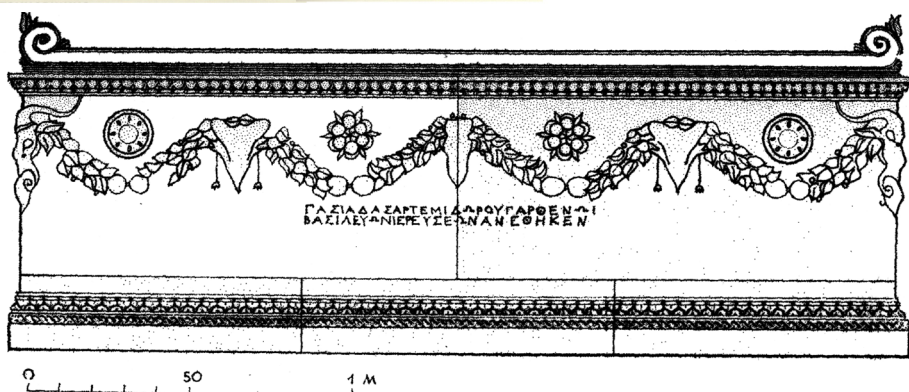
4. Хоровод, идущий
 вокруг алтаря. Крышка
 краснофигурной леканы из
 Пантикапея. 440-430 гг. до н. э.

5. Праздничное шествие женщин.
 Мраморный алтарь из Пантикапея. V в. до н. э.

6. Танцовщицы, исполняющие культовые танцы. Золотые нашивные бляшки из кургана Большая Близница на Тамани. Последняя треть IV в. до н. э.

7. Мраморный алтарь из Херсонеса. Реконструкция И.Р. Пичикяна. IV в. до н. э.

8. Известняковый алтарь на Центральном теменосе Ольвии. V в. до н. э.

9. Мраморная посвятельная стела ситонов из Ольвии. III в. до н. э.

10. Мраморный алтарь эллинистического времени из Ольвии. Реконструкция А.В. Круглова.

11. Чернотаковый килик с посвящением Афродите из Ольвии. IV в. до н. э.

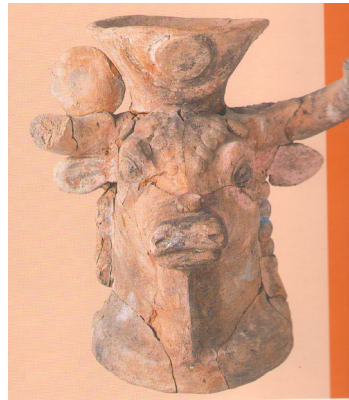

12. Чернотаковые килики с посвящением Аполлону Дельфинию из Ольвии. Вторая половина VI в. до н. э.

ΤΩΝΥΤΕΙΑΣ ΚΑΙ ΑΝΔΡΑ
ΤΑΘΙΑΣ

13. Возлияние у алтаря. Рисунок римского времени на мраморной стеле из Ольвии.

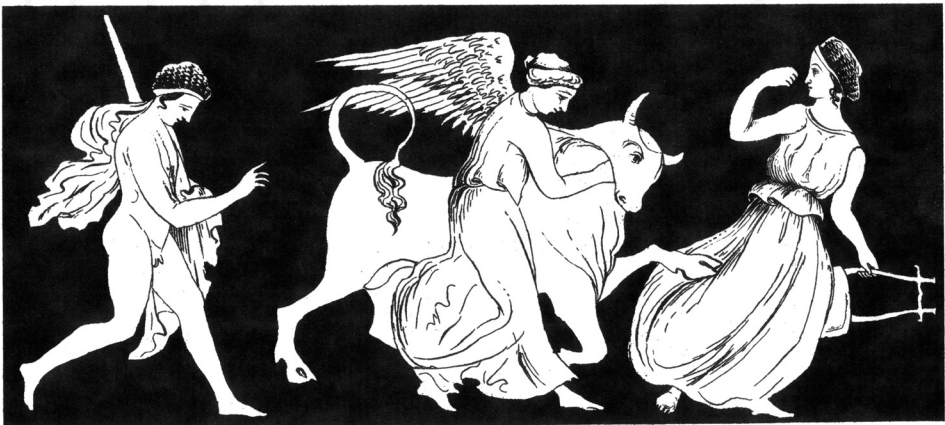

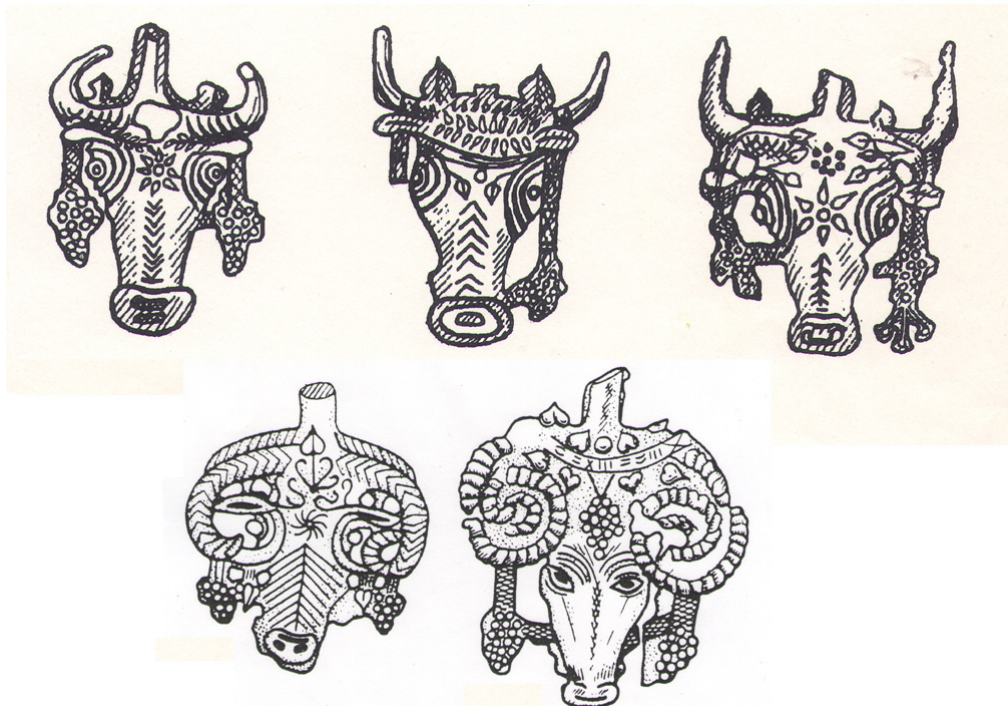
14. Курильница в форме головы быка. Боспорское производства. I в. до н. э.

15. Жертвоприношение Геракла нимфе острова Хриса. Краснофигурная пелика из Пантикапея. Конец V в. до н. э.

16. Шествие к жертвеннику. Краснофигурная ойнохоя из Пантикапея. Середина IV в. до н. э.

17. Черепа жертвенных быков и баранов. Свинцовые рельефы из Ольвии.
IV-II вв. до н. э.

18. Жрец среди персонажей Элевсинских мистерий.
Краснофигурная пелика из Пантикапея. IV в. до н. э.

19. Боспорянка Гликария. Рельеф на известняковой надгробной стеле из некрополя Пантикапея. I в. до н. э.

20. Боспорянка Хрисия. Рельеф на известняковой надгробной стеле из некрополя Пантикапея. I в. н. э.

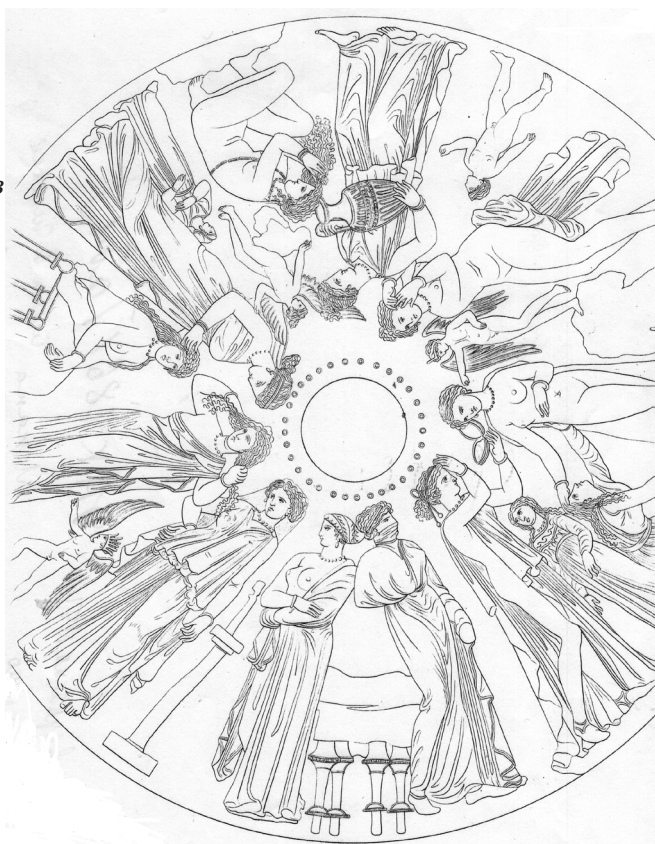
21. Боспорянка Эратия. Рельеф на известняковой надгробной стеле из некрополя Пантикапея. I в. н. э.

22. Подношение подарков невесте. Свадебный лебет мастера Мидия из Пантикапея. 410 гг. до н.э.

23. Подношение подарков невесте. Свадебный лебет мастера Марсия из Пантикапея. 380-360 гг. до н.э.

24. Подготовка к свадьбе. Крышка краснофигурной леканы из Пантикапея. 370-350 гг. до н.э.

25. Невеста и ее подруги в гинекее. Крышка краснофигурной леканы Элевсинского мастера из Пантикапея. 360-350 гг. до н. э.

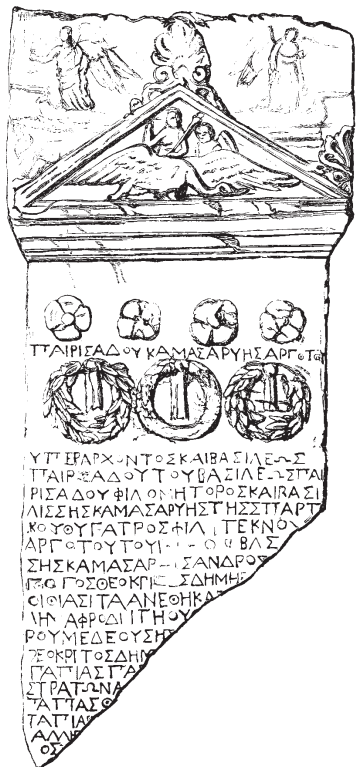
26. Боспорянка Апфа. Рисунок на известняковой надгробной стеле из Пантикапея. V в. до н. э.

27. Фетида, едущая на гиппокампе. Золотая подвеска из кургана Большая Близница на Тамани. IV в. до н. э.

28. Танцующие вакханки. Чернофигурная ойнохоя из Ольвии. Начало V в. до н. э.

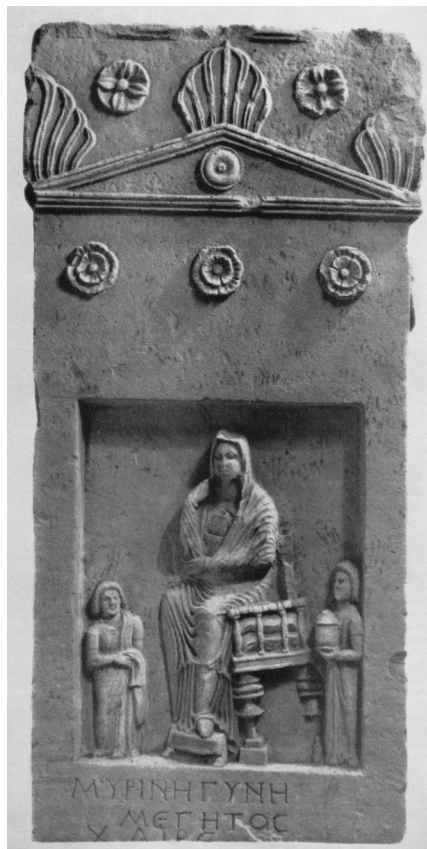
29. Известняковая стела с текстом посвящения и изображением Афродиты Урании. Пантикапей. Середина II в. до н. э.

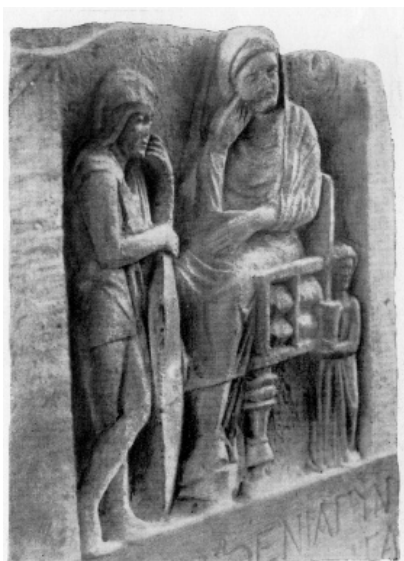
31. Царица Динамия. Бронзовый бюст, найденный на Таманском полуострове. Конец I в. до н. э.

30. Царица Динамия. Золотая монета. 17/16 г. до н. э.

32. Боспорянка Мирина и ее служанка. Рельеф на известняковой надгробной стеле из некрополя Пантикапея. II в. н. э.

33. Боспорянка Каллисфения,
ее брат и служанка. Рельеф
на известняковой надгробной
стеле из некрополя Пантикапея.
I в. до н. э.

34. Боспорянка в парадной одежде.
Мраморная статуя из Пантикапея.
I в. н. э.

35. Супруги Феоген и Макария.
Мраморный рельеф из некрополя
Херсонеса. I-II вв. н. э.

36. Молодые гречанки. Терракотовые статуэтки из Феодосии.
Начало III в. до н. э.

37. Гоплиты, сражающиеся со скифом. Чернофигурная ойнохоя
из Пантикапея. Конец VI в. до н. э.

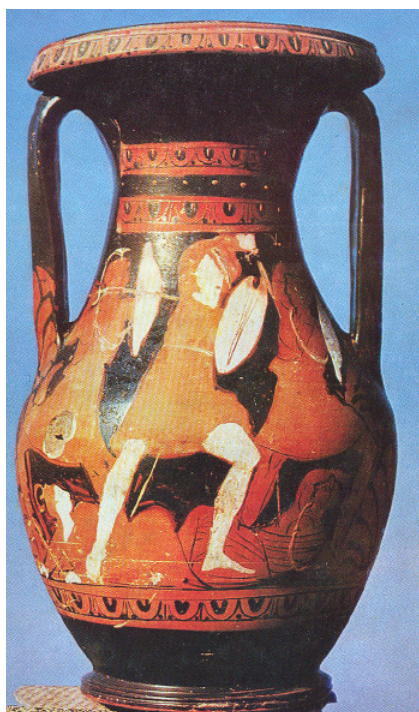
38. Сражение гоплита со скифским лучником. Чернофигурный алабастр из Северного Причерноморья. 470 гг. до н. э.

39. Подготовка к поединку грека и амазонки. Краснофигурный алабастр из собрания Одесского археологического музея. Конец VI в. до н. э.

40. Охота на кабана, ланей и грифонов. Прорисовка картины на лекифе из Пантикапея. 380 гг. до н. э.

41. Сражение греков и амазонок.
Краснофигурная пелика из
Ольвии. Конец IV в. до н.э.

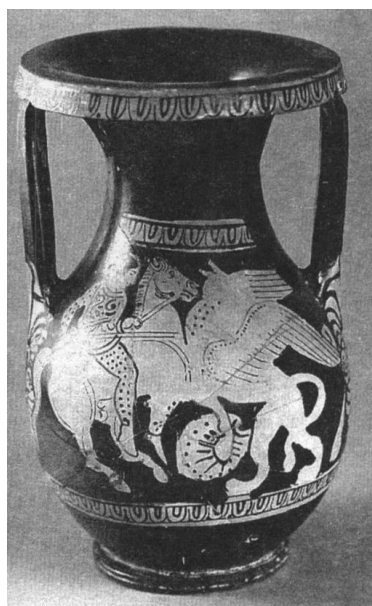
42. Сражение конной амазонки с греками.
Краснофигурная пелика из Пантикапея.
Середина IV в. до н.э.

43. Сражение греков с амазонками.
Бронзовый фалар из кургана Большая
Близница. Вторая половина IV в. до н.э.

44. Сражение амазонок с
грифоном. Краснофигурная
пелика из Пантикапея. Вторая
половина IV в. до н.э.

45. Сражение конного аримаспа с грифоном.
Краснофигурная пелика из Пантикапея. Третья четверть IV в. до н. э.

46. Сражение амазонок с грифонами.
Прорисовка рельефа на золотом калафе из кургана Большая Близница. 330-300 гг. до н. э.

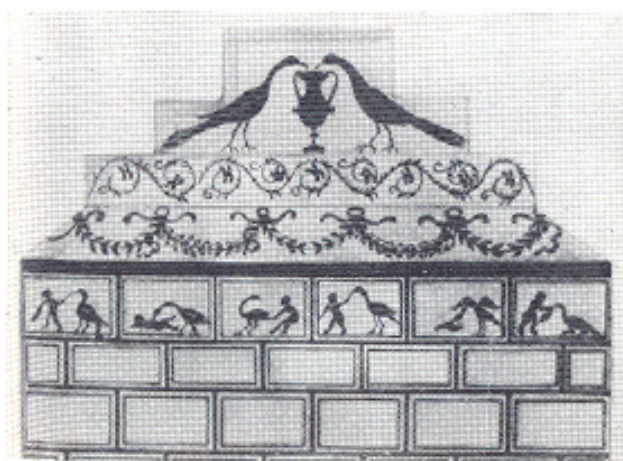
48. Сражение пигмеев с журавлями.
Краснофигурная пелика из Пантикапея. 380-370 гг. до н. э.

47. Голова амазонки и коня.
Краснофигурная пелика из Пантикапея.
Вторая половина IV в. до н. э.

49. Журавли, нападающие на пигмея. Краснофигурная пелика из Пантикапея. 320-300 гг. до н. э.

50. Сражение пигмеев с журавлями. Роспись пантикапейского склепа II-I вв. до н. э.

51. Вооруженный эфиоп. Чернофигурный алабастр из Пантикапея. Первая четверть V в. до н. э.

52. Состязание колесниц. Фрагмент чернофигурного оноса с о. Березань. 510-520 гг до н. э.

53. Возница на колеснице и апобат.
Чернофигурный лекиф из Ольвии.
Вторая четверть V в. до н. э.

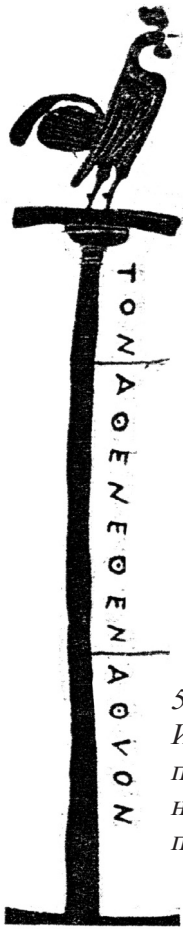

54. Конные состязания.
Чернофигурная амфора
эллинистического времени
из Ольвии.

56. Собаки около воинов. Чернофигурный
килик с о. Березань. 540-530 гг. до н. э.

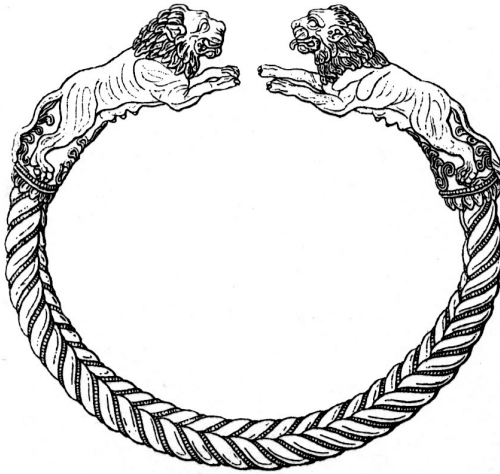
55. Собаки, преследующие горных козлов.
Ионийская ойнохоя с о. Березань. Конец
VII в. до н. э.

57. Петух на колонне.
Изображение на
панафинейской амфоре,
найденной на Таманском
полуострове. V в. до н. э.

58. Европа, едущая на быке.
Фигурный лекиф из Пантикапея.
Начало IV в. до н. э.

59. Львицы. Золотой браслет из
кургана Большая Близница на Тамани.
330-300 до н. э.

60. Лев с оскаленной пастью
и горные козлы. Фрагмент
ионийской ойнохои с о. Березань.
Первая половина VI в. до н. э.

61. Лев с оскаленной пастью.
Золотые серьги-наушницы из
Ольвии. Вторая половина
VI в. до н. э.

62. Лев и бык. Золотые
подвески из Ольвии. Вторая
половина VI в. до н. э.

63. Пантера, змея и дельфины в сцене
спора Афины и Посейдона. Прорисовка
картины на краснофигурной гидрии из
Пантикапея. 350-340 гг. до н. э.

64. Пантера и лань. Фрагмент
чернофигурного килика с о. Березань.
Третья четверть VI в. до н. э.

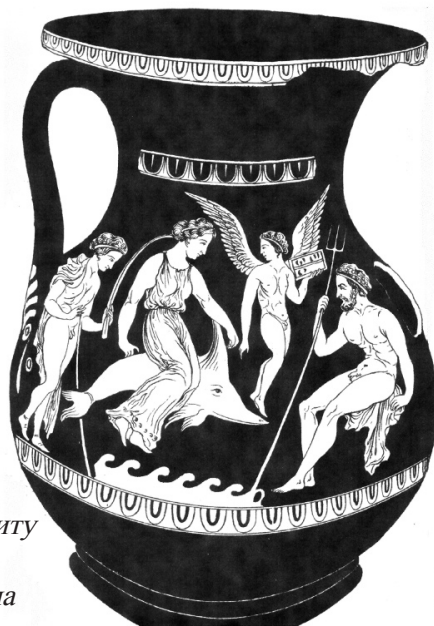
65. Пантера. Бронзовое зеркало из Ольвии. Вторая половина VI в. до н. э.

66. Орел и дельфин. Ольвийская монета IV в. до н. э.

67. Сова. Аттический скифос из Пантикапея. V в. до н. э.

68. Дельфин, везущий Амфитриту к Посейдону. Краснофигурная пелика из Пантикапея. Середина IV в. до н. э.

69. Ольвийские монеты- дельфины.
VI-V вв. до н. э.

70. Дельфин. Ольвийская
весовая гиря. IV в. до н. э.

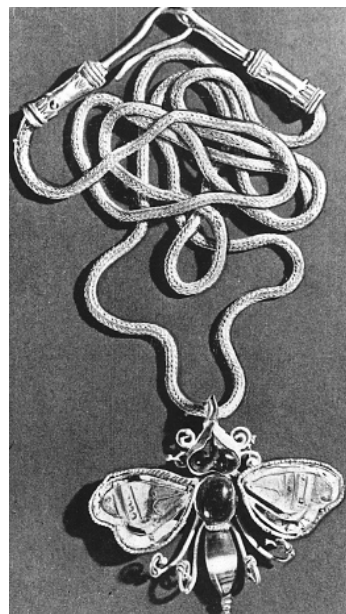
71. Дельфины и рыбы. Краснофигурное рыбное блюдо из Нимфея
с иллюстрацией мифа о похищении Европы. Первая четверть IV в. до н. э.

72. Осетр и
голова льва.
Пантикапейская
монета.
V в. до н. э.

73. Ожерелье с
подвеской в виде
бабочки из Ольвии.
II в. до н. э.

74. Подвеска бабочка
из Ольвии. II в. до н. э.

75. Статуя Силена с Дионисом на
руках. Римская копия с греческого
оригинала. III в. до н. э.

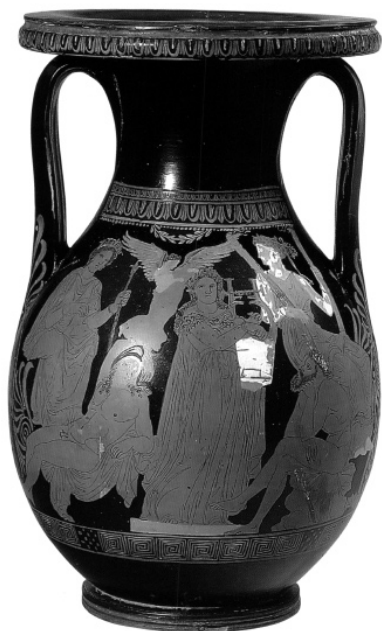
76. Силен с винным мехом
на плечах. Чернофигурная
ольпа из Ольвии.
Конец VI в. до н. э.

77. Лежащий Силен между двух танцующих нимф. Чернофигурная ойнохоя из Ольвии. Начало V в. до н. э.

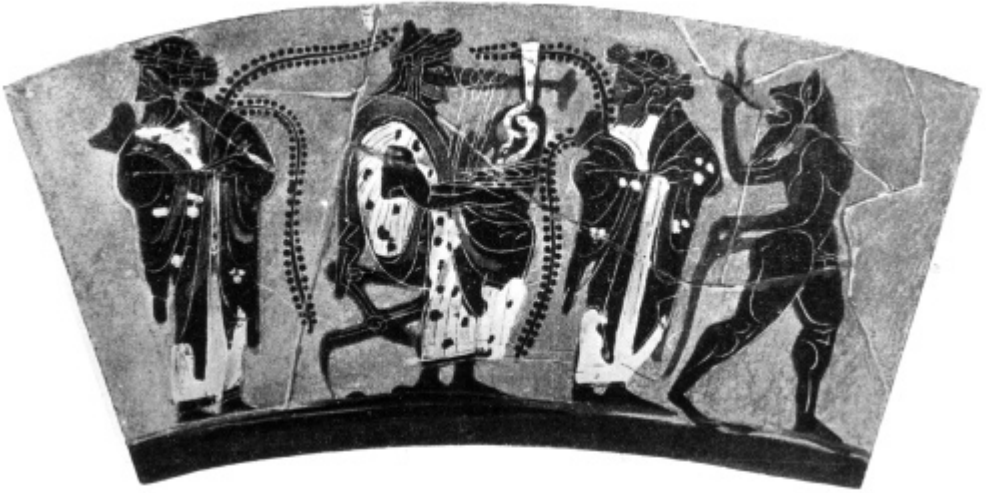
79. Силен. Терракотовая маска из Пантикапея. III в. до н. э.

78. Состязание Аполлона и Марсия. Краснофигурная пелика из Пантикапея. 340-330 гг. до н. э.

80. Воины, ведущие связанного Силена к царю Мидасу. Чернофигурная пелика из Пантикапея. Вторая половина VI в. до н. э.

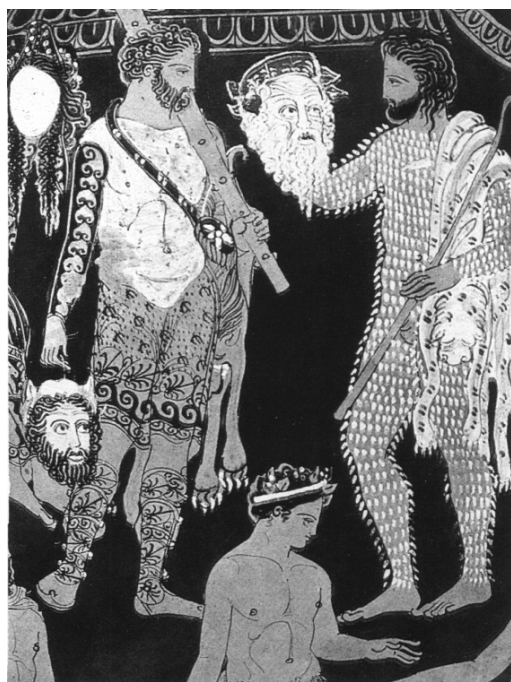
81. Силен рядом с Дионисом, стоящим около Аполлона, играющего на кифаре. Чернофигурный лекиф из Ольвии. Последняя треть VI в. до н. э.

82. Силен. Рельефная костяная пластинка для украшения мебели из Пантикапея. III-II вв. до н. э.

83. Актеры, исполнявшие роли в сатировской драме. Краснофигурный кратер Пронима из Руво. Начало IV в. до н. э.

84. Актеры в костюмах Геракла и Паппосилена. Часть росписи краснофигурного кратера Пронима из Руво. Начало IV в. до н. э.

85. Актер в костюме Силена. Мраморный рельеф из Пантикапея. IV в. до н. э.

86. Силен с Дионисом на руках, сатиры и Пан, преследующие нимф. Краснофигурная лекана из Пантикапея. IV в. до н. э.

87. Маски Диониса и Силена.
Рельеф на стенке мраморного
саркофага из Херсонеса. II в. н. э.

88. Шествие Диониса в сопровождении
сатира и вакханки. Краснофигурный
кратер из Никония.
Вторая половина V в. до н. э.

89. Сатир, аккомпанирующий на аулосе
танцу вакханки. Краснофигурная пелика
из Херсонеса. IV в. до н. э.

90. Отдыхающий сатир.
Римская копия с оригинала
Праксителя. IV в. до н. э.

91. Сатир. Золотой пантикапейский статер. Первая половина IV в. до н. э.

92. Сатир. Монеты Пантикапея. IV в. до н. э.

93. Пан, играющий на сиринге. Подвеска к серебряному браслету эллинистического времени из Ольвии.

94. Пан и сатир. Терракотовые маски из Пантикапея и Херсонеса. III в. до н. э.

95. Вакханка с тимпаном над головой. Терракотовая статуэтка. II в. до н. э.

96. Пелей, передающий Ахилла на воспитание кентавру Хирону. Чернофигурный килик из Ольвии. Рубеж VI-V вв. до н. э.

97. Сражение кентавра с Гераклом. Чернофигурный лекиф из раскопок на Таманском полуострове. Конец VI в. до н. э.

98. Геракл, освобождающий дочь царя Дексамена от брака с кентавром Эвритионом. Краснофигурная пелика из Пантикапея. 340 гг. до н. э.

99. Сирена с лирой. Оттиск формы для украшения керамических сосудов из Фанагории. IV в. до н. э.

100. Две сирены. Амфора стиля Фикеллура из раскопок на о. Березань. Вторая половина VI в. до н. э.

101. Сирена. Фрагмент чернофигурного килика из раскопок на о. Березань. Третья четверть VI в. до н. э.

102. Сирена. Клазоменская амфора из Ольвии.
520 гг. до н. э.

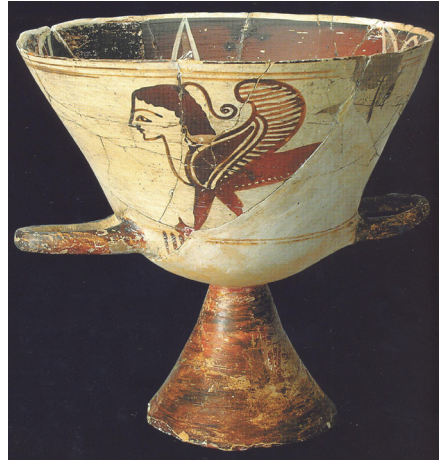
103. Сирена, играющая на аулосе.
Золотая подвеска к серьге из кургана
Зеленская гора на Тамани.
Конец IV в. до н. э.

104. Сфинкс. Золотые серьги
из Нимфея. Вторая половина
IV в. до н. э.

105. Два сфинкса. Украшение золотого браслета из кургана Куль-Оба. Первая половина IV в. до н. э.

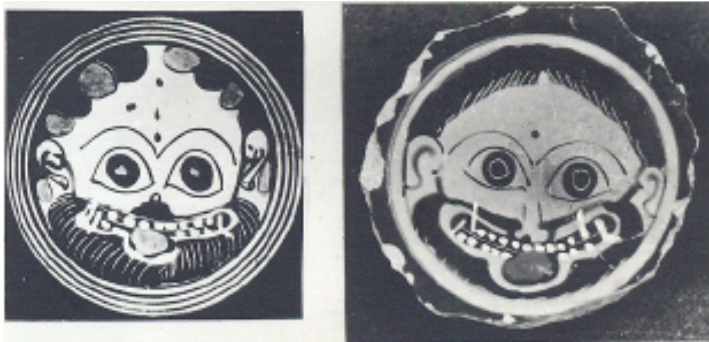
106. Сфинкс. Хиосский кубок из раскопок на о. Березань. Первая половина V в. до н. э.

107. Сфинкс. Рисунок на ручке чернофигурного кратера из Ольвии. 540-530 гг. до н. э.

108. Сфинкс. Полихромный фигурный сосуд из Фанагории. Конец V в. до н. э.

109. Маска Горгоны. Медальоны чернофигурных киликов из раскопок на о. Березань. Последняя треть VI в. до н. э.

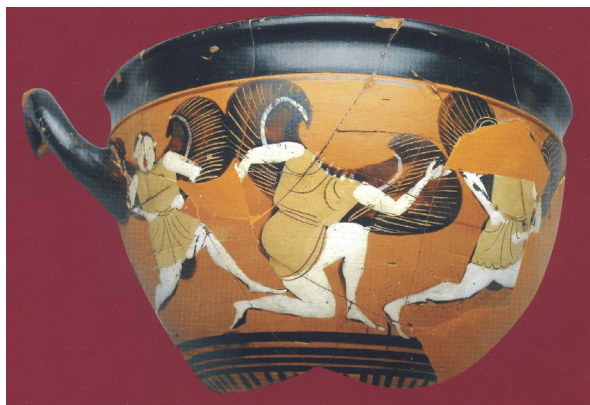

110. Маска Горгоны.
Чернофигурный скифос из раскопок
на острове Березань. 510 гг. до н. э.

112. Бегущая Горгона со
змеями в руках. Халцедоновая
инталия из Пантикакпея.
Начало V в. до н. э.

113. Три бегущие Горгоны.
Чернофигурный скифос из
раскопок на острове Березань.
500 гг. до н. э.

111. Маска Горгоны и цветок
лотоса. Украшение ручки
бронзового зеркала из Ольвии.
Вторая половина VI в. до н. э.

114. Голова Горгоны. Золотая
бляшка из боспорского погребения.
Середина IV в. до н. э.

115. Прорастающая Дева.
Деталь известнякового декора
здания из Пантикапея. I в. н. э.

116. Тритон и тритонида. Золотые
браслеты из музея Метрополитен.
III в. до н. э.

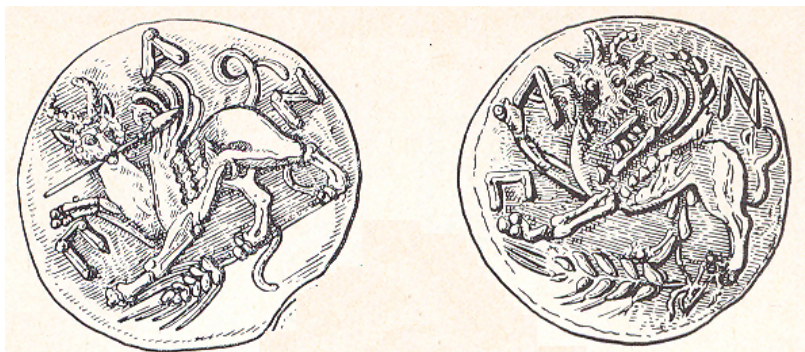
117. Нереиды на гиппокампе
и морском драконе. Краснофигурная
пелика из Пантикапея. IV в. до н. э.

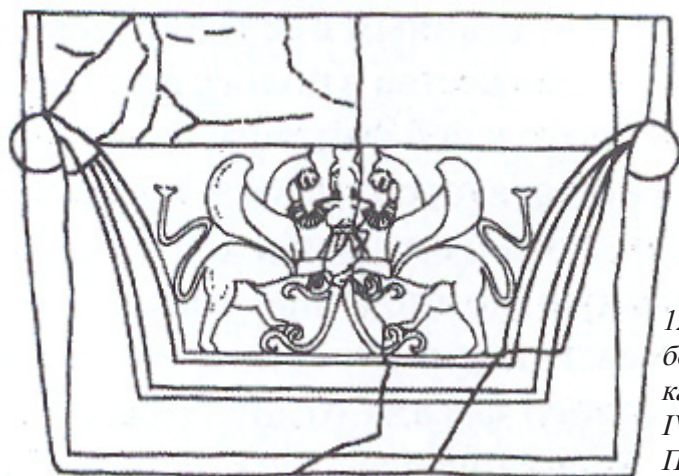
118. Морской дракон среди рыб. Перстень из Пантикапея. Середина IV в. до н. э.

119. Морские драконы в декоре золотой диадемы из Пантикапея. Первая половина II в. до н. э.

120. Львиноголовый грифон. Монеты Пантикапея. IV в. до н. э.

121. Грифоны рядом с богиней. Известняковая капитель из Херсонеса. IV-III вв. до н. э. Прорисовка А.В. Буйских.

122. Грифон. Известняковая плита из Пантикапея.
Вторая половина IV в. до н. э.

123. Грифон. Рельеф на стенке
мраморного саркофага из
Херсонеса. II в. н. э.

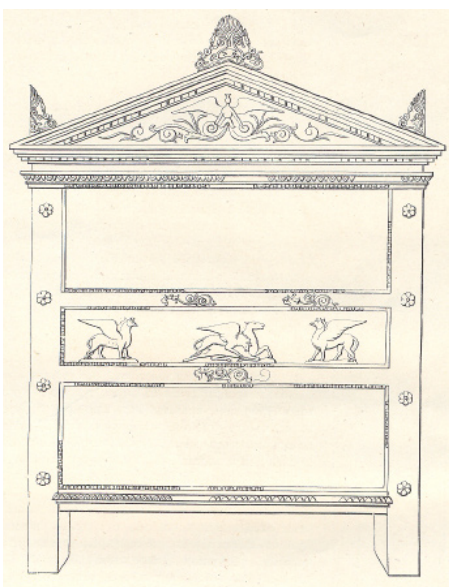
124. Аполлон на грифоне. Роспись
пантикапейского склепа римского
времени.

125. Вакханка, едущая
на грифоне. Золотая бляшка
из погребения на Тамани.
IV в. до н. э.

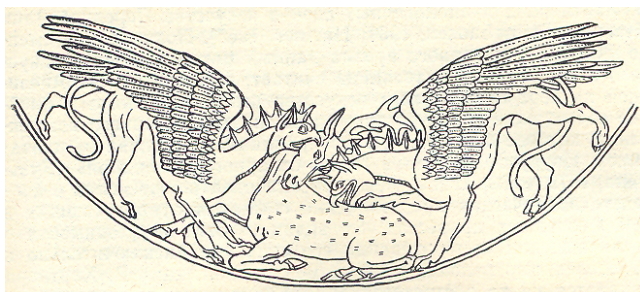
126. Сражение грифонов с амазонками. Краснофигурный кратер из собрания Лувра. Конец V в. до н. э.

127. Грифоны в декоре деревянного саркофага из некрополя Пантикапея. IV в. до н. э.

128. Грифон. Хрустальная инталия из Пантикапея. V в. до н. э.

129. Грифоны, терзающие коня. Рельефное украшение серебряной вазы из кургана Чертомлык. IV в. до н. э.

130. Пегас. Чернофигурный киаф из Ольвии. Начало V в. до н. э.

131. Гиппокампы
и тритоны.
Фонтан Треви в Риме.

132. Грифоны на
Банковском мостике
в Петербурге.

133. Тритон.
Фонтан в Нижнем
парке Петергофа.

134. Тритоны на Большом каскаде в Петергофе.

135. Тритонида с ребенком у бассейна фонтана «Самсон» в Петергофе.

136. Мальчик-тритон. Фонтан в Нижнем парке Петергофа.

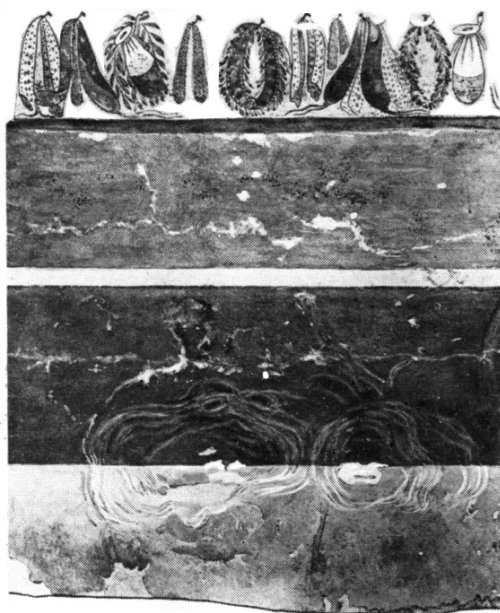

137. Морские драконы, сторожащие грот на «Шахматной горе» в Петергофе.

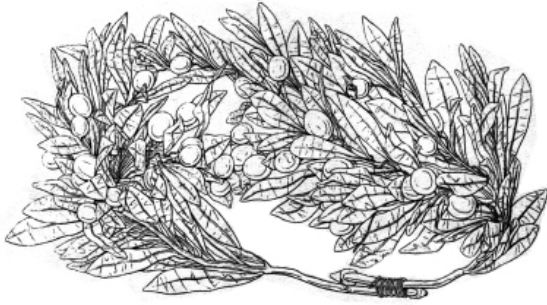
138. Венки, украшающие стены комнаты во время пира. Фрагмент чернофигурного кратера из Пантикапея. Последняя четверть VI в. до н. э.

139. Участники праздника Диониса в плющевых венках. Фрагмент краснофигурного кратера с о. Левка. Конец VI в. до н. э.

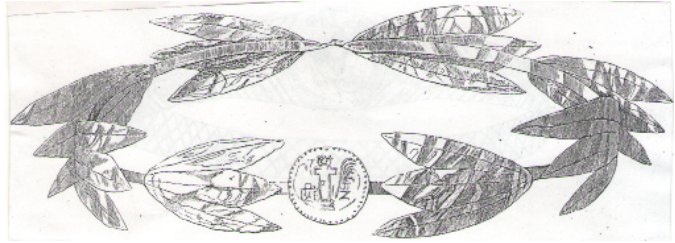
140. Венки среди принадлежностей атлета. Фреска из боспорского склепа IV в. до н. э.

141. Золотые лавровые венки из Пантикапея. IV-III вв. до н. э.

142. Золотой погребальный венок с листьями сельдерея из Пантикапея. Конец IV в. до н. э.

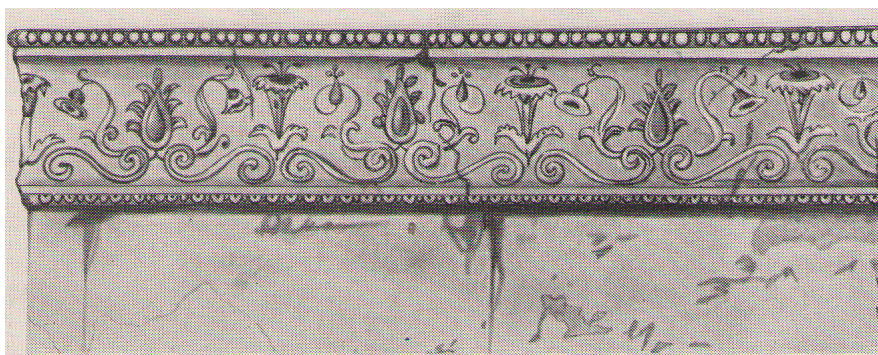
143. Мраморная стела с изображением венков, полученных гражданином Тиры в разных государствах. Рубеж IV-III вв. до н. э.

144. Цветок граната. Клеймо на ручке родосской амфоры из Ольвии. III в. до н. э.

145. Аканф. Мраморный акротерий из Фанагории. IV в. до н. э.

146. Цветочный орнамент из кургана Большая Близница на Тамани. IV в. до н. э.

147. Грифон на эмблеме
Автономной Республики Крым.

148. Грифоны,
державице миру.
Фрагмент здания
Национальной оперы
Украины в Киеве.

Научное издание

Марина Владимировна Скржинская
КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ ЭЛЛАДЫ
В АНТИЧНЫХ ГОСУДАРСТВАХ
СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Книга посвящена исследованию мало изученных аспектов ежедневной, культурной и религиозной жизни населения античных государств Северного Причерноморья. Для освещения этой темы автор впервые привлекает несколько сотен памятников древнегреческого искусства, найденных при раскопках Боспора, Херсонеса, Ольвии и Тиры. В сочетании с известиями античных авторов и местными надписями эти источники дают возможность узнать о религиозных ритуалах, занимавших значительное место в жизни эллинов, об их отношении к женщинам, о фантастических существах, выступавших героями многих мифов и, по легендам, сопровождавших олимпийских богов, а также о другой разнообразной информации, которую привозные памятники монументального и прикладного искусства раскрывали жителям древнегреческих колоний в Северном Причерноморье.

Книга снабжена большим количеством иллюстраций, ее тематика входит в круг занятий историков, археологов, работников музеев, студентов гуманитарных факультетов и всех, кто интересуется прошлым нашей страны.